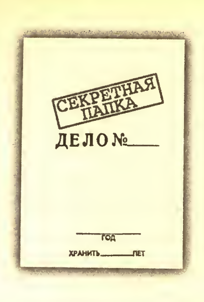
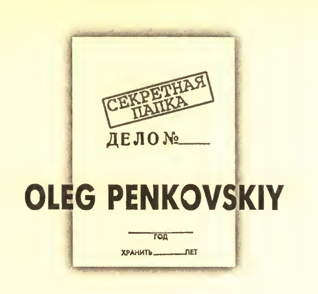
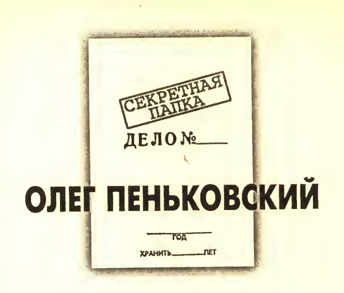

ОЛЕГ
ПЕНЬКОВСКИЙ
СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА
ДЕЛО №
ГОД
ХРАНИТЬ ЛЕТ
ЗАПИСКИ
ИЗ ТАЙНИКА

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2000

THE PENKOVSKIY PAPERS

ОЛЕГ ПЕНЬКОВСКИЙ

ЗАПИСКИ ИЗ ТАЙНИКА

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2000

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)
П23

Серия «Секретная папка» выпускается
с 1999 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Оценка издательством событий и фактов, изложенных в книге, может не совпадать с позицией автора. За сведения и факты, изложенные в книге, издательство ответственности не несет.

ISBN 5-227-00732-2

От редактора

Текст этой книги основан на трех документальных источниках: на записках самого Пеньковского в том виде, как они были доставлены из Советского Союза; официальном отчете о процессе Пеньковского — Винна, опубликованном Издательством политической литературы (Москва, 1963 год), а также на сообщениях прессы и материалах дискуссии, связанных с арестом Пеньковского и судом над ним, которые появились в Европе, в Соединенных Штатах и даже в Советском Союзе. Кроме того, я располагал информацией, полученной в результате продолжительных бесед с Гревиллом Винном. Тем не менее, в интересах связного изложения, я воздержался от цитирования этих источников в своих преамбулах к главам книги. Что же касается других источников, к которым приходилось прибегать, то они специально отмечены сносками. Там, где в повествовании Пеньковского встречались незнакомые термины или имена, я давал подстрочные примечания.

В вопросах, касавшихся принципов и методов работы советских разведывательных служб, а также специальной терминологии, я полагался на Петра Дерябина, который в свое время был офицером советской разведки. Именно Дерябину были переданы

записи Пеньковского, тайно вывезенные из Советского Союза, — и он сразу же оценил их значение. Дерябин не только перевел их, но его оценки и рекомендации содействовали успешной подготовке рукописи к печати. Он оказал большую помощь в составлении подстрочных примечаний и других сопроводительных материалов.

Фрэнк Гибни

Предисловие к книге

11 мая 1963 года в небольшом, до предела заполненном зале судебных заседаний Верховного суда СССР в Москве 44-летний офицер Советской Армии Олег Пеньковский, полковник военной разведки, был приговорен по обвинению в государственной измене к смертной казни через расстрел. Он обвинялся в тяжком преступлении против Советского государства — шпионаже в пользу Соединенных Штатов и Великобритании. Привлеченный к суду по этому же делу Гревилл Винн, английский бизнесмен, был приговорен к длительному сроку тюремного заключения как его «связник».

На процессе полковник Пеньковский фигурировал как «полковник артиллерии в запасе», занимавший должность «гражданского служащего» в штате Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ при Совете Министров СССР. В компетенцию комитета входило планирование технологического развития советской экономики и как часть его функций — руководство всеми научно-техническими связями с зарубежными странами. По свидетельству советских прокуроров, информация, которую Пеньковский передал на Запад, касалась, главным образом, экономических и технических вопросов и лишь в самой минимальной сте-

пени содержала сведения секретного военного характера. Однако сам текст обвинительного заключения разоблачал эту ложь, так как содержал формулировки такого, например, типа: «Совершенно секретная информация... отчеты и документы особой важности... экономического, политического и военного характера, а также касающиеся секретных разработок в области космоса... советских войск в Германии... мирного договора с Германией...», «Список генералов и офицеров... командный состав сил противовоздушной обороны... личные фотографии на документы военного руководства... новая советская военная техника... материалы по атомной энергетике, ракетной технологии и исследованию космоса...» и т. д.

Открытый суд над Олегом Пеньковским длился всего четыре дня, и в его подготовке явно чувствовались следы спешки. Тем не менее он вызвал бурный поток публикаций в советской прессе. Буквально все советские газеты процитировали гневное выступление военного прокурора генерал-лейтенанта А.Г. Горного: «...Обвиняемый Пеньковский — отступник, карьерист, морально разложившаяся личность, который, став на путь измены и предательства родины, оказался на службе у империалистических разведслужб». Государственное издательство выпустило стотысячным тиражом стенограмму заседаний суда для распространения среди партийного руководства на местах, в военных и государственных учреждениях. Восемь английских дипломатов и пять американских были скопом объявлены персонами нон грата в СССР, якобы связанными с деятельностью Пеньковского.

На Западе процесс Пеньковского и Винна ненадолго привлек внимание прессы — главным образом потому, что британский подданный Винн был приговорен к заключению в советской тюрьме. Лишь несколько особо проницательных журналистов уло-

вили связь между не особенно заметной, но, очевидно, ощутимой принадлежностью Пеньковского к советскому истеблишменту — только самым доверенным должностным лицам разрешалось поддерживать официальные связи с иностранцами и зарубежными организациями — и тем фактом (среди прочих), что вслед за разоблачением Пеньковского последовал целый ряд перемещений и отставок в командном составе Советской Армии, включая и массовый отзыв атташе из зарубежных представительств.

Ни пресса, ни общественность на Западе не получили никаких разъяснений от американских и британских разведслужб, на которые, как можно было предположить, работал Пеньковский. Как подводные лодки времен войны, они соблюдали «режим молчания».

Тем не менее за плотной завесой молчания и безразличия кроется история об удивительном человеке и о еще более удивительных последствиях его поступка, о чем, наконец, можно рассказать. Ибо полковник Пеньковский отнюдь не был заурядным агентом, передававшим полезные сведения о военном и экономическом положении СССР. Его деятельность в пользу Запада по своему масштабу и необычности является самой экстраординарной разведывательной операцией столетия.

Олег Пеньковский в одиночку взломал систему безопасности государства, больше всех в мире озабоченного ее укреплением. Важность работы Пеньковского подтверждается теми мерами, которые были приняты сразу же после его ареста: некий Главный маршал Советского Союза был снят со своего поста и понижен в звании; глава советской военной разведки генерал Иван Серов переведен на другое место работы, а затем понижен в звании; примерно триста офицеров советской разведки были немедленно ото-

званы в Москву из дипломатических представительств за рубежом.

С апреля 1961 года до конца августа 1962-го Пеньковский снабжал Запад самой оперативной, чрезвычайно важной информацией о сокровеннейших политических и военных секретах Советского Союза. Те шестнадцать месяцев, в течение которых он, так сказать, функционировал, пришлись на самый пик напряженности в отношениях между Хрущевым и новой администрацией Джона Ф. Кеннеди. Возможно, историки в будущем оценят это время как самое «холодное» во время «холодной войны». Именно в тот период, когда в силу необходимости пришлось прервать разведывательные полеты над Советским Союзом самолетов «У-2», Пеньковский поставлял сведения и о новых тенденциях советской политики, и о степени боеготовности советской военной машины на тот момент, что существенно подрывало естественные преимущества СССР, гарантированные секретностью военных данных и скрытностью советской дипломатии. Не следует забывать, что 1961 год был годом, когда встал вопрос о Берлинской стене. Хрущев не уставал повторять, что готов в случае необходимости решить берлинский вопрос военной силой и подписать мирный договор с Восточной Германией. Весь 1962 год был ознаменован берлинским кризисом и отправкой на Кубу советских ракет дальнего радиуса действия; это был год предельно опасного балансирования на грани войны, закончившегося лишь в октябре 1962 года.

Тем не менее «Записки» Пеньковского публикуются отнюдь не для того, чтобы ухудшить отношения с Советским Союзом или подорвать взаимопонимание между двумя народами, которое так необходимо в наш ядерный век. Книга эта предназначена не для

тех, кто считает, что между двумя сообществами должно существовать или полное «взаимопонимание», или столь же всеобъемлющая враждебность. Она написана для тех, кто хочет реалистически оценить огромнейшую проблему, все еще стоящую на пути сближения с русскими, а также прогресс, достигнутый в этом направлении.

Эдвард Крэнкшоу
Фрэнк Гибни

Глава I

СИСТЕМА, В КОТОРОЙ Я ЖИВУ

Меня зовут Олег Владимирович Пеньковский. Я родился 23 апреля 1919 года на Кавказе, в городе Орджоникидзе (бывший Владикавказ) в семье служащих; по национальности я русский, по профессии — офицер военной разведки в звании полковника; имею высшее образование и являюсь членом Коммунистической партии Советского Союза с марта 1940 года; я женат, и на моем иждивении находятся жена, дочь (1) и моя мать; никогда не привлекался к суду по политическому или уголовному обвинению; имею тринадцать правительственных наград: пять орденов и восемь медалей; живу в Москве, на набережной Максима Горького, дом 36, квартира 59.

Я начинаю эти записи в надежде объяснить и мои мысли по поводу той системы, в которой живу, и причины, по которым выступил против нее.

Я хотел бы, чтобы люди на Западе прочитали то, о чем я пишу, ибо они смогут многое уяснить для себя на основе моего опыта. Я имею возможность разоблачить жульничество и обман Хрущева с помощью фактов и неопровержимых доказательств, которыми располагаю. Мне больше, чем многим другим, известно о его планах и политике. И полностью отдаю себе отчет в своих намерениях — я прошу поверить в мою искренность, в мое искрен-

нее желание посвятить себя реальной борьбе за мир.

Приступая к «Запискам», я пытался как-то упорядочить свои мысли, придать им определенную стройность, но должен сразу же извиниться, мне это не удалось. Писать мне приходится в спешке, порой я просто фиксирую тот или иной важный факт или фамилию в надежде потом вернуться к ним. Я стою перед дилеммой: либо поступать таким образом, либо с исчерпывающей полнотой описывать все, что мне известно и что я чувствую, но для этого у меня нет ни времени, ни возможности. Писать по ночам дома не могу, стрекот машинки будет мешать спать домашним (в нашей квартире всего две комнаты). В рабочее время я постоянно занят — мечусь между приемами делегаций, штаб-квартирой военной разведки и своим кабинетом в комитете. Вечера у меня, как правило, заняты — это часть моих служебных обязанностей. Еще хуже, когда я отправляюсь к друзьям за город. Кто-нибудь обязательно поинтересуется, что я пишу. Здесь, дома, у меня, по крайней мере, есть тайник в письменном столе. Если бы даже домочадцы знали о его существовании, найти его не смогли бы. Но они ничего не знают. Я веду борьбу в одиночку. И когда я сижу у себя в московской квартире и излагаю на бумаге свои мысли и наблюдения, мне остается лишь надеяться, что люди, в руки которых они попадут, сочтут их достойными интереса и используют во благо истины, о которой в них идет речь.

Но сначала давайте познакомимся с моим личным делом, как принято говорить в партийных кругах.

Должность: старший офицер Главного разведывательного управления Генерального штаба Советской Армии; представлен к званию полковника в феврале 1950 года.

Оперативное прикрытие: старший эксперт, заместитель начальника отдела внешних сношений Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ.

Мои родители и родственники

Отец: Пеньковский Владимир Флорианович, родился между 1895-м и 1897 годами, русский, уроженец Ставрополя, убит на Гражданской войне в 1919 году. Отца я никогда не знал. По словам матери, он окончил лицей и политехнический институт в Варшаве и по профессии был инженером.

Мать: Пеньковская Таисия Яковлевна, 1900 года рождения; с 1941 года живет со мной.

Братья и сестры: не имею.

Дедушка: Пеньковский Флориан Антонович; скончался еще до революции в 1917 году; был судьей в Ставрополе.

Брат дедушки: Пеньковский Валентин Антонович, генерал-лейтенант Советской Армии; командующий Дальневосточным военным округом. До 1937 года был командиром полка сил противовоздушной обороны на Дальнем Востоке. В 1937—1939 годах находился в заключении, освобожден с началом Второй мировой войны. Во время войны занимал следующие посты: начальник штаба 21-й армии, начальник штаба Дальневосточного военного округа под командованием Малиновского. Когда маршал Малиновский стал министром обороны, был назначен командующим Дальневосточным военным округом.

Тетя: Шивцова Елена Яковлевна, до 1959 года — экономка в афганском и итальянском посольствах; информатор госбезопасности; проживает в Москве.

Жена: Пеньковская (урожденная Гапанович) Вера Дмитриевна, родилась в Москве в 1928 году в семье

военного, русская, знает французский язык, не работает.

Отец жены: Гапанович Дмитрий Афанасьевич, в прошлом генерал-майор Советской Армии, член Военного совета, начальник политуправления Московского военного округа, скончался в Москве в 1952 году.

Мать жены: живет с двумя взрослыми детьми в Москве. После смерти мужа получила единовременное пособие в размере 75 тысяч рублей и пенсию 2500 рублей.

Образование

1937 год. Окончил среднюю школу в г. Орджоникидзе.

1937—1939 годы. 2-е Киевское артиллерийское училище.

1945—1948 годы. Академия имени Фрунзе (общевойсковой факультет).

1949—1953 годы. Военно-дипломатическая академия.

1958—1959 годы. Высшие академические инженерно-артиллерийские курсы по новой технике при Военной инженерной артиллерийской академии имени Дзержинского.

Служба в Советской Армии, включая учебу

1937—1939 годы. Курсант 2-го Киевского артиллерийского училища в г. Киеве.

1939—1940 годы. Политрук батареи: 1-й Западный фронт (во время польской кампании); 91-я пехотная дивизия Сибирского военного округа, а потом на Карельском фронте (в войне против финнов).

1940—1941 годы. Заместитель начальника политотдела по комсомольской работе в артиллерийском училище в Москве.

1941—1942 годы. Старший инструктор политотдела по комсомольской работе Московского военного округа.

1942—1943 годы. Офицер по особым поручениям Военного совета Московского военного округа.

1943—1944 годы. Начальник учебного лагеря, а затем командир артиллерийского батальона в 27-м противотанковом полку 1-го Украинского фронта.

1944 год. Ранен; госпиталь в Москве.

1944—1945 годы. Офицер связи при командующем артиллерией 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанте артиллерии С.С. Варенцове (затем на излечении в Москве).

1945 год. Командир 51-го гвардейского полка противотанковой артиллерии.

1945—1948 годы. Слушатель Академии имени Фрунзе.

1948 год. Старший офицер отдела оргмобилизационной работы Московского военного округа.

1948—1949 годы. Офицер штаба командующего сухопутными войсками, Министерство обороны СССР, Москва.

1949—1953 годы. Слушатель Военно-дипломатической академии в Москве.

1953—1955 годы. Старший офицер 4-го управления (ближневосточный отдел) Главного разведывательного управления Генерального штаба Советской Армии.

1955—1956 годы. Помощник военного атташе, старший помощник резидента военной разведки (ГРУ) в Анкаре, Турция.

1956—1958 годы. Старший офицер 4-го управления ГРУ (2) в Москве. (Подготовка к зарубежной командировке в качестве резидента ГРУ в Индии.)

1958—1959 годы. Слушатель Высших академических инженерно-артиллерийских курсов по новой тех-

нике при Военной инженерной артиллерийской академии имени Дзержинского в Москве.

1959—1960 годы. Старший офицер 4-го управления ГРУ Генерального штаба Советской Армии в Москве.

1960 год. Член мандатной комиссии (3) Военно-дипломатической академии в Москве, старший офицер группы спецназначения 3-го управления (4) ГРУ Генерального штаба Советской Армии.

Партийность

Член ВЛКСМ с 1937-го по 1939 г.; кандидат в члены КПСС с 1939-го по 1940 г.; член КПСС с марта 1940 г., номер партийного билета 01783176.

Правительственные награды: два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды; восемь медалей.

Из сказанного выше становится ясно, кто я таков и что собой представляю.

Добавить к этому сухому перечню можно разве то, что родился я в самый разгар Гражданской войны, на которой погиб мой отец. Мать рассказывала, что отец увидел меня в первый и последний раз, когда мне исполнилось всего четыре месяца. Это произошло вскоре после моего крещения, для чего меня привезли в Ставрополь. Такое пожелание высказал мой дедушка. Давным-давно, в старые времена он был судьей.

Вот данные об отце, которые стали мне известны. 1918 год: прапорщик 25-го запасного пехотного полка. Прапорщик 112-го пехотного полка. 1919 год: подпоручик 1-й артиллерийской бригады. 9 мая 1919 года произведен в поручики.

Мой отец был солдатом Белой армии. Он воевал против Советов. В сущности, у меня никогда не было отца — так было принято утверждать при коммунистах. Я до сих пор считаю, что они не знали всю правду о нем. Знай КГБ, что он был в Белой армии (хотя в то время мне было от роду всего несколько месяцев), мне были бы перекрыты все пути: служба в армии, членство в партии и особенно работа в разведке.

Гражданская война кончилась победой Красной Армии, а я младенцем остался без отца. Мать старалась как можно лучше воспитать меня. Я рос в чисто советском окружении. С самых первых школьных дней в глазах окружающих я был способным ребенком.

В школу я пошел в восьмилетнем возрасте и в 1937 году окончил десятилетку во Владикавказе. Сразу же после окончания средней школы, в восемнадцатилетнем возрасте, я поступил во 2-е Киевское артиллерийское училище. Я хотел быть командиром Красной Армии. Еще в школе я вступил в комсомол. Я активно участвовал в комсомольских и разных общественных мероприятиях, выделяясь на общем фоне курсантов. Мне нравилась артиллерия. Еще в училище я сделал первый шаг в продвижении по службе, предложив ценное техническое усовершенствование, за что и был отмечен в приказе по училищу.

У меня было многообещающее будущее: я был одним из немногих в своей группе со средним образованием, и мне рисовались радужные перспективы. Артиллерия в России всегда была привилегированным родом войск. Еще со времен Петра Великого Россия гордилась прекрасными артиллеристами.

В 1939 году я окончил 2-е Киевское артиллерийское училище и был произведен в лейтенанты. Вскоре после окончания училища я стал кандидатом в члены партии. Как активного комсомольца и канди-

дата в члены партии, меня назначили политруком батареи.

Я отлично помню, как вскоре после моего знакомства с подразделением наш полк посетил командарм первого ранга (ныне маршал) Тимошенко (5). В то время он командовал Украинским военным округом. Для нас, молодых офицеров, он, как и Буденный, был легендарным героем Гражданской войны. Ходили слухи, что белых офицеров он рубил шашкой наповал. Позже, перед войной, Тимошенко стал любимцем Сталина и короткое время занимал пост народного комиссара обороны. Помню, как он беседовал с командующим нашей армии — тогда им был Голиков (впоследствии маршал), и рядом с ним находился еще один человек, которого я никогда прежде не видел. Потом комиссар полка объяснил мне, что это был Н.С. Хрущев, член Военного совета округа. Форма сидела на нем как на корове седло.

Вскоре мне пришлось принять участие в польской кампании. В сентябре 1939 года мы пересекли старую польскую границу и, сломив слабое сопротивление поляков, вошли во Львов. Даже в те времена всех нас поразил высокий по сравнению с нашей страной уровень жизни в буржуазной Польше. Мы в буквальном смысле слова скупали все, что попадало под руку. Поскольку денег у нас было не много, расплачивались мы с поляками государственными облигациями, откровенно обманывая их. Поляки были удивлены и озадачены. «Почему вы скупаете все подряд? Неужели у вас ничего этого нет?» Мы отвечали: «Да нет, есть все, просто трудно туда добраться».

После польской кампании я был переведен в 91-ю пехотную дивизию Сибирского военного округа, которая формировалась в маленьком городке Ачинске. Я был назначен политруком батареи 321-го артиллерийского полка. Как только наш дивизион был

полностью сформирован, нас послали в Финляндию, где Красная Армия пыталась прорваться сквозь линию Маннергейма. На Карельский фронт мы прибыли, насколько мне помнится, в январе 1940 года. Тут я в первый раз увидел жертвы войны. На каждом шагу мы натыкались на замерзших насмерть раненых солдат и офицеров. Многим раненым, которых удалось спасти, пришлось ампутировать отмерзшие пальцы на руках и ногах, а кое-кому и уши. Воевать против отлично обученных финнов было очень трудно. Мы несли тяжелые потери.

Дивизия оставалась в резерве, пока наши войска не начали штурм Выборга (6). Именно там моя батарея и я получили огневое крещение. В первый же день боев наше подразделение потеряло больше половины личного состава. Были убиты все три командира полка. Лишь в марте нам удалось окончательно сломить сопротивление финнов. Они прекратили сопротивление, и тем самым был положен конец «короткой» войне. Многие из оставшихся в живых в нашей дивизии были награждены орденами и медалями. Я получил благодарность и именной портсигар. А дивизия была отправлена обратно в Ачинск на переформирование.

Я не поехал с ней. Как один из самых молодых и хорошо зарекомендовавших себя политработников я был переведен для дальнейшего прохождения службы в распоряжение политуправления Московского военного округа.

Так начался новый этап моей жизни. По прибытии в Москву я был назначен помощником начальника политотдела по комсомольской работе в Красинском артиллерийском училище. В 1940 году оказаться в Москве, после Сибири или Карельского фронта, было весьма приятно. Несмотря на огромную занятость, я находил время для развлечений, за-

водил в Москве новые знакомства. Для курсантов училища я организовывал походы в кино и театры. Тем не менее большую часть времени занимала организация агитационно-пропагандистской работы среди курсантов: лекции, политинформации, беседы, чтение газет и журналов и т. д. Дел было так много, что к вечеру я буквально валился с ног. Хотя «Краткую историю ВКП(б)» я знал почти наизусть, тем не менее продолжал учиться, учиться и учиться. Только так и не иначе можно было стать настоящим политработником в Красной Армии.

Все мои старания сделать лекции и политинформации интересными не приносили успеха. Курсанты часто дремали, а то и спали во время политзанятий. Поскольку я активно занимался комсомольской работой еще в школе, иногда мне удавалось организовать что-нибудь действительно интересное, но скоро мое рвение угасло. Нередко курсанты приходили ко мне с жалобами на неурядицы у них дома. Один сетовал на то, что его родителей обложили непомерными налогами, у родителей другого отобрали за недоимки единственную корову, третий с горечью поведал мне о том, что его старого отца посадили в тюрьму за невыход на работу и т. д.

С одной стороны, я сочувствовал курсантам и помогал всем, чем мог. В то же время мне приходилось писать донесения в политуправление округа о нездоровых настроениях среди курсантов и самому бороться с ними. Моя основная обязанность как комсомольского работника заключалась в повышении качества учебы и усилении партийно-политического воспитания. Хотя в глубине души я противился многим положениям военного устава и всевозможных инструкций, я продолжал строго следовать им и проводить в жизнь линию партии. Иного выбора у меня не было. Мне и в голову не при-

ходило бросить службу в армии. Жизнь советского офицера была куда лучше, чем, скажем, инженера. И все это знали. А другой специальности у меня не было.

Во время службы в артиллерийском училище я стал членом Коммунистической партии. В то время моим единственным желанием было перейти с политической работы на строевую, но это было сопряжено с большими трудностями. Хотя у меня были все формальные на то основания, реализовать свою мечту и стать строевым командиром мне удалось значительно позже, только во время войны.

Известие о нападении немцев на Советский Союз в июне 1941 года потрясло меня, как и большинство военнослужащих Красной Армии. Мы попросту отказывались верить сообщениям о сокрушительном разгроме наших приграничных частей. Когда 3 июля Сталин начал свое обращение к советскому народу словами «Братья и сестры!», всем стало ясно, что произошло нечто очень серьезное. Сталин никогда прежде не прибегал к такому обращению.

Примерно в то же время я был переведен из артиллерийского училища в политуправление Московского военного округа и назначен инструктором по комсомольской работе. Одним из первых документов, с которым я ознакомился по долгу новой службы, был приказ об аресте и казни генерала Павлова, командующего Западным фронтом, его начальника штаба генерала Климовских, а также некоторых других военачальников, которые обвинялись в том, что не сумели остановить немецкое наступление на своем участке боевых действий.

Вскоре по Москве распространился слух о массовой сдаче в плен советских солдат и офицеров. Вскоре стало известно о взятых немцами в кольцо двух армиях в Белоруссии, об отступлении на Украине, о

тяжелых боях под Смоленском и так далее. Московские госпитали наводнили раненые, которые с ужасом рассказывали о несокрушимой силе немцев, особенно об их воздушных налетах и массированных бомбардировках; пресечь их действия было невозможно, поскольку практически вся наша военная авиация в приграничных районах была уничтожена на аэродромах в первые же часы войны, а действия случайно уцелевших военных самолетов заблокированы немцами. Наземные войска остались без прикрытия и поддержки с воздуха.

Осенью 1941 года сообщения с фронтов становились день ото дня страшнее. В октябре немцы прорвали нашу оборону к востоку от Смоленска и Брянска и взяли в кольцо еще шесть или семь армий; примерно полмиллиона человек оказались в плену. Теперь дорога на Москву была открыта.

Из-под Ленинграда был спешно отозван в Москву генерал Жуков, который принял на себя командование Западным фронтом. Генерал-майору Артемьеву, командовавшему Московским военным округом, поручили оборону столицы. Артемьев был генералом НКВД (7) и командовал дивизией НКВД, расквартированной в Москве, а в 1941 году стал командующим Московским военным округом. В то время большинство генералов, назначенных Сталиным на различные посты в системе обороны Москвы, были выходцами из НКВД. Политическими комиссарами у Артемьева были Константин Федорович Телегин, комендант Москвы, генерал Синилов и комендант Кремля генерал Спиридонов. Армейские командиры, такие, как Иван Иванович Масленников и Хоменко, тоже были генералами НКВД. Все эти высокопоставленные генералы НКВД пытались в свое время стать действующими армейскими генералами, но только один из них, Хоменко, подтвердил свое право на звание подлинно-

го боевого генерала. Тем не менее позже Масленников стал командующим фронтом.

Как бы там ни было, в 1941 году всем этим генералам от НКВД Сталин поручил оборону Москвы; во время паники, охватившей Москву 16—19 октября, они доказали Сталину свою полезность. В это время руководство партии, НКВД и милиции стало эвакуироваться на восток. Началось повсеместное мародерство и грабежи. Правительство объявило город на осадном положении и стало мобилизовывать мирных граждан на рытье окопов и строительство оборонительных сооружений. Из жителей Москвы стали формироваться добровольные дивизии так называемого ополчения и народной милиции, которые неподготовленными и плохо вооруженными отправлялись на фронт в надежде, что они хоть как-то помогут остановить немецкое наступление и дадут Жукову время перегруппировать деморализованные войска.

Битва за Москву достигла апогея в начале декабря 1941 года. У Жукова оказались стальные нервы. Он не вводил свои резервы в бой, пока авангард немецких войск не вырвался вперед, оставив далеко позади части боевого обеспечения, и не увяз в глубоких снегах всего в нескольких километрах от Москвы. Танки, лишенные подвоза горючего, с вышедшей из строя из-за морозов ходовой частью, увязали в глубоких снежных заносах, а авиация не могла действовать из-за плохой видимости. Вот тогда наши войска и ударили по немцам, нанеся им серьезное поражение; Жуков, Конев и Рокоссовский умело руководили своими армиями, и боевой дух войск возрастал с каждым днем. К концу зимы 1941—1942 годов немцы были отброшены за Смоленск.

Летом 1942 года, когда наши войска на Южном фронте были оттеснены к Сталинграду и Кавказу, я был направлен в распоряжение Военного совета Мос-

ковского военного округа снова заниматься политработой. Моим начальником стал дивизионный комиссар (то есть генерал-майор политорганов) Дмитрий Афанасьевич Гапанович, начальник политуправления округа. Дмитрий Афанасьевич ценил меня и очень хорошо ко мне относился. Однажды он пригласил меня к себе домой и познакомил с членами семьи, в том числе и с дочерью Верой, очень симпатичной темноволосой девушкой, которой тогда было примерно четырнадцать лет. Позже во время моего пребывания в Москве мне доводилось частенько видеть ее.

Тем не менее в то время все мысли были устремлены к югу, где наши измотанные войска уже вели оборонительные бои в руинах Сталинграда на берегах Волги. Лето и осень в Москве были временем бесконечного мучительного ожидания. Мы знали, что немецкие бомбардировщики и тяжелая артиллерия ежедневно наносят мощные удары по городу, знали, как наши солдаты самоотверженно сражаются с немцами в руинах зданий, в дыму и пыли, окутывающих город плотной завесой.

Наконец, стало известно, что в середине ноября наши войска перешли в наступление, окружив 6-ю немецкую армию и часть 4-й танковой армии. Два с половиной месяца спустя, в феврале 1943 года, сопротивление осажденного немецкого гарнизона было сломлено, и в плен попали 300 тысяч солдат и офицеров.

От моих коллег в штаб-квартире округа я слышал, что брат дедушки, бригадный генерал Пеньковский, участвовал в этом сражении в должности начальника штаба 21-й армии под командованием генерала Чистякова. Он достойно проявил себя и был удостоен награды.

Еще через несколько месяцев наши войска сошлись с немцами в огромном сражении между Орлом и

Харьковом. Это была третья решающая битва войны. Особенностью ее было массовое использование обеими сторонами танковых армад. Мы бросили в бой примерно пять танковых армий. Сражение завершилось в августе полной победой советского оружия. Немцы начали общее отступление к Днепру. Наши войска воевали очень умело и изобретательно, проявляя массовый героизм. Я слышал от генерала Гапановича, у которого были друзья в политотделе Воронежского фронта (одного из четырех, которые участвовали в сражении) о серьезном споре между генералом Жадовым, командующим 5-й гвардейской армией, и генералом Ротмистровым (под его началом находилась 5-я гвардейская танковая армия) по поводу их действий в ходе недавнего сражения. Каждый из них обвинял другого в том, что преждевременное отступление соседа оголило перед немцами его фланги. Кое-кто из штабистов сравнил ситуацию с хорошо известным конфликтом между генералами Ренненкампфом и Самсоновым во время Первой мировой войны.

Выйдя к Днепру, наши войска под шквальным вражеским огнем форсировали его и в ноябре 1943 года взяли Киев. Я постоянно просился на фронт; ведь, кроме всего прочего, я был опытным артиллеристом с боевым опытом, обретенным во время финской войны. Наконец, мой последний рапорт был удовлетворен, и в ноябре 1943 года я был направлен в распоряжение командующего артиллерией 1-го Украинского фронта в районе Киева.

Так кончилась моя жизнь в Москве, жизнь тылового трутня, и мои заботы политработника. Я без сожаления распростился с ними и стал нетерпеливо ждать возможности лично скрестить оружие с немцами. Кроме того, в то время в стране уже было несколько сот Героев Советского Союза, а я из наград

имел только именной портсигар за бои с финнами. Я предполагал, что мне дадут под командование артиллерийский батальон, и мысленно видел себя уже командиром артиллерийского полка.

Должен признаться, что, когда я прибыл на фронт, новые товарищи встретили меня с определенной долей скептицизма. Это были закаленные в боях воины, которые сражались на Украине и под Сталинградом, не раз смотревшие в глаза смерти и удостоенные многих боевых наград. Их выдубленные непогодой и ветрами суровые лица говорили о пройденном ими нелегком пути. И вот перед ними предстал я, майор, офицер с 1939 года, который почти всю войну просидел в Москве, так ни разу и не поучаствовав в боях с немцами. Оказанный мне моими новыми соратниками прием вызвал у меня горячее желание как можно скорее очутиться на передовой линии фронта. Но я был глубоко разочарован, узнав, что меня назначили начальником учебного подразделения, где готовилось пополнение для частей противотанковой артиллерии 1-го Украинского фронта. Такова была задача этих подразделений противотанковой артиллерии, которая несла большие потери на передовой. В то время существовало двадцать семь таких полков. Я получал весьма посредственно подготовленных солдат вместе со старыми артиллеристами, возвращающимися из госпиталей, сортировал их и, в соответствии с указаниями, отправлял в те части, где в них больше всего нуждались.

На этой должности мне представилась возможность познакомиться с генерал-лейтенантом артиллерии Сергеем Сергеевичем Варенцовым, командующим артиллерией 1-го Украинского фронта. При первом же знакомстве я преисполнился уважения и симпатии к этому ветерану артиллерии и патриоту. Он был на фронте с 1941 года, получил ранение и, пройдя

все ступени военной карьеры, занял пост командующего артиллерией — сначала армии, а потом и фронта. Сергей Сергеевич был крепко сбитым широкоплечим человеком с копной седых волос — когда он был без головного убора, его можно было узнать за полкилометра. Думаю, что и я ему чем-то понравился. Когда я пожаловался ему, что меня опять отрядили на административную тыловую работу, то он, вместо того чтобы рявкнуть, как сделали бы большинство генералов, отвел меня в сторону и сказал, что ему нравится мой энтузиазм, но что я слишком много времени провел в тылу. Так что мне требуется время, чтобы изучить боевые условия, лишь после этого мне можно будет поручить командование боевым подразделением.

Такая возможность представилась в феврале 1944 года. Я был направлен в 8-ю гвардейскую артиллерийскую противотанковую бригаду. Она состояла из трех гвардейских полков (322-го, 323-го и 324-го), в каждом из которых было по шесть батарей (57- и 76-миллиметровых противотанковых пушек и некоторого количества 100-миллиметровых пушек) и примерно пятьсот человек в каждом полку (по штатному расписанию, а в действительности — значительно меньше). Командиром нашей бригады был подполковник Чевола, требовательный, искусный и опытный артиллерист, который во время вражеских обстрелов всегда находился рядом со своими солдатами. Полком, в который меня направили, командовал Герой Советского Союза майор Тиквич, веселый, бесшабашный жизнелюб и не дурак выпить. Солдаты любили его за личную храбрость в бою. Вскоре после моего прибытия в полк Тиквич навлек на себя серьезные неприятности из-за женщины и был смещен со своего поста. По рекомендации генерала Варенцова, в марте я был назначен командиром полка.

После взятия Киева и успешной обороны предмостного плацдарма на западном берегу Днепра Верховное Главнокомандование создало мощную группировку, которая отбросила 4-ю немецкую танковую армию, дислоцированную между Днепром и предгорьями Карпат. В ходе подготовки нового наступления нашу бригаду посетили командующий фронтом генерал Николай Федорович Ватутин, член Военного совета фронта Хрущев и генерал Варенцов.

Но 28 февраля джип с генералом Ватутиным попал в засаду, устроенную украинскими националистами, которые вели в этих краях партизанскую войну. Генерал Ватутин получил смертельное ранение. Вскоре он скончался в одном из киевских госпиталей. Новым командующим 1-м Украинским фронтом стал маршал Жуков. Хотя у него была репутация выдающегося военачальника, опытные офицеры считали, что смена командующего перед самым началом крупного наступления не может благотворно сказаться на его исходе.

Кое-кто обратил внимание, что Жукову не удалось основательно укрепить слабые участки, хотя сам он утверждал, что его подвели некоторые командиры (включая Гречко и Баданова). Как бы там ни было, немцам удалось избежать полного окружения, они прорвались на юг и запад, а мы утратили возможность устроить им на Днепре новый Сталинград. Позже, в середине апреля, наша 60-я армия, которой тогда командовал генерал Курочкин (в настоящее время он возглавляет Военную академию имени Фрунзе в Москве), взяла Тернополь, и мой полк участвовал в его обороне, отбивая ожесточенные атаки немцев, пытавшихся снова войти в город.

К концу месяца обе стороны перешли к обороне. Маршала Жукова забрали у нас и направили в Гене-

ральный штаб Верховного Главнокомандования. На его место был назначен Конев, который только что получил маршальское звание за свои успешные операции на Украине. Сергей Сергеевич Варенцов позже как-то сказал мне, что в Красной Армии нет лучшего солдата, чем маршал Жуков; если того требовала ситуация, он мог без обиняков употребить и крепкое словцо. Маршал Жуков пользовался любовью среди солдат и младших офицеров, с которыми всегда держался на равных. Он был для них подобен легендарному русскому богатырю. С генералами же он вел себя очень жестко, орал на них и материл, невзирая на присутствие их подчиненных. Кое-кто из них, например генерал Батов (8), не забыл этого. Поэтому, когда Хрущев в 1957 году решил сместить маршала, ему не составило труда снискать горячую поддержку многих старших офицеров.

Временное затишье, установившееся на 1-м Украинском фронте, длилось до июня, после чего началась подготовка к новому наступлению на направлении Львов — юг Польши. Во время одного из разведывательных рейдов я был ранен. Ранение оказалось серьезным. Я получил контузию, перелом верхней и нижней челюсти с правой стороны лица. Меня отправили в госпиталь. После двухмесячного пребывания в госпитале я стал готовиться к возвращению на фронт.

Во время краткого пребывания в Москве я посетил генерала Гапановича и снова встретился с его дочерью Верой. Вот тогда я и влюбился в нее. Ей уже исполнилось шестнадцать лет, и она стала настоящей красавицей.

От ее отца я узнал, что генерал Варенцов попал в автомобильную катастрофу на фронте и находится в московском госпитале. Оказывается, когда он ехал на встречу с маршалом Коневым, водитель не справился с управлением, и машина генерала столкнулась с

танком. У Сергея Сергеевича было повреждено бедро. Врачи сказали, что он обречен на хромоту. Он лежал в генеральском госпитале в Серебряном Бору.

Когда я навестил генерала, настроение у него было хуже некуда. Он страдал не только от физической боли; его угнетали слухи о трагедии, постигшей его семью, жившую во Львове, где находилась тогда ставка фронта. Сергей Сергеевич назначил меня своим личным офицером связи со штаб-квартирой 1-го Украинского фронта по вопросам артиллерии. Посылая меня во Львов, он поручил мне досконально выяснить, что случилось с его матерью и двумя дочерьми, и, если понадобится, оказать им помощь. Мне новое назначение позволило беспрепятственно выехать из Москвы.

Я добрался до Львова, где и выяснил обстоятельства подлинной трагедии, постигшей его семью. Сергей Сергеевич был женат дважды. Его первая жена Аня умерла от туберкулеза в Ленинграде, после чего Сергей Сергеевич женился на Екатерине Павловне, которая была женой врача-венеролога. (Они полюбили друг друга, и Екатерина Павловна развелась с мужем.) После первого брака у Варенцова осталась дочь Нина, работавшая в госпитале под Львовом. Она вышла замуж за майора по фамилии Лошак. Он был евреем. Он и два других офицера были арестованы по обвинению в хищении «социалистического имущества». Их судил военный трибунал и приговорил к расстрелу. Они действительно продавали похищенные машины и запасные части к ним на черном рынке.

Нина очень любила своего мужа. После его казни никто не желал с ней разговаривать, она оказалась в полной изоляции. Она не могла этого вынести и однажды, когда мимо нее в больничном коридоре проходил какой-то лейтенант, она выхватила у него из кобуры пистолет и застрелилась. В то время во Льво-

ве жила престарелая мать Варенцова. Она была не в состоянии организовать похороны Нины, и никто не выразил желания прийти ей на помощь. Я быстро сориентировался и принял решение. Продав часы, я купил гроб, черное платье и похоронил Нину. Кроме того, помог матери Варенцова сделать запас угля и дров — у себя в доме она замерзала.

Майор Лошак был арестован СМЕРШем (9); трибунал обвинил его не только в хищениях социалистического имущества, но и в саботаже и подрыве мощи Красной Армии.

Так вершились дела в нашей стране — точно так же, как и сейчас. Если человека арестовывают за спекуляцию, на него всегда могут повесить еще и обвинение политического характера.

После возвращения в Москву я подробно все рассказал Сергею Сергеевичу. Он обнял меня, поцеловал и сказал: «Теперь я считаю тебя своим сыном». Моя дружба с Варенцовым и его семьей продолжается и по сей день. Он стал называть меня своим мальчиком, своим сыном и фактически заменил мне отца. В ходе разговоров о СМЕРШе и о судьбе Нины Сергей Сергеевич несколько раз повторил, что теперь, мол, он понимает, каково приходилось семьям арестованных органами НКВД и СМЕРШа. Прежде он не особенно верил рассказам Рокоссовского (10) и других, но теперь, после гибели Нины, он был решительно не в состоянии простить тех, кто был повинен в ее смерти. Эта история с семьей Варенцова оставила в моей душе глубокий след.

Я продолжал курсировать между Москвой и ставкой фронта с инструкциями от генерала Варенцова его заместителю генералу Семенову, командиру 7-го артиллерийского корпуса Королькову и командирам дивизионной артиллерии Санько (в данный момент он служит под началом Сергея Сергеевича в Главном

артиллерийском управлении), Кафанову и другим. В конце 1944 года я окончательно вернулся в боевые части, где был назначен командиром 51-го гвардейского полка противотанковой артиллерии. Момент был как нельзя более подходящий: начиналась подготовка к новому наступлению, целью которого было полное освобождение южной части Польши и выход к юго-восточной границе Германии.

Наше наступление началось в середине января. Несмотря на снег и плохую погоду, штурмовые отряды взломали линии немецкой обороны, танковые части, совершив бросок, взяли Краков, и в том же месяце мы пересекли старую германскую границу и взяли первый немецкий город, название которого было, если не ошибаюсь, Крейцбург.

Вся армия праздновала это событие. В этот день мне довелось быть в штаб-квартире артиллерии фронта. Радостный Сергей Сергеевич представил меня командующему фронтом маршалу Коневу и рассказал, что недавно я предложил отличную идею — как сократить время, потребное для наведения на цель противотанкового орудия.

Дело в том, что мы сталкивались с немалыми трудностями, когда немецкие танки врывались в наши оборонительные позиции и надо было быстро перенацеливать орудия с одного направления на другое, тем более что расчеты из-за больших потерь сплошь и рядом состояли из одного или двух человек. Мне пришло в голову взять стальную плиту со стержнем посередине, установить ее на земле, покрыть толстым слоем оружейной смазки, водрузить на нее другую плиту, и на ней укрепить колеса орудия. Такая конструкция позволяла расчету практически мгновенно развернуть орудие в любом направлении и вести огонь по наступающим танкам. Мое предложение уже было одобрено Сергеем Сергеевичем; маршал Конев, рас-

смотрев его, похвалил меня за инициативу и изобретательность. «Хороший кандидат на учебу в Военной академии Фрунзе, Сергей Сергеевич», — сказал он, уходя. Позже за это изобретение и ряд успешных операций я был награжден орденом Александра Невского. Все это поднимало мой боевой дух, и я вернулся в полк в предвкушении блестящей военной карьеры.

Бои с немцами продолжались и носили исключительно жестокий характер, особенно в густонаселенном районе Силезии, где я впервые испытал все «прелести» уличных боев. Немецкие танки неожиданно выскакивали из боковых улиц и переулков либо перед самым нашим носом, или из-за спины; порой нам приходилось стрелять прямой наводкой, разворачивая пушки на 180 градусов и успевая поразить цель в последний момент. Мы задыхались от пыли, которая столбом стояла над грудами битого камня и над разрушенными зданиями, а гарь и пепел от пожарищ оседали на снег, который из белого тут же превращался в грязно-серый или даже совсем черный.

В феврале, преследуя немцев, отходивших за Одер, мы покинули промышленный район и вышли к Нейссе, где остановились на отдых и переформировку перед последним, решающим наступлением на Берлин. Моя бывшая 8-я гвардейская бригада противотанковой артиллерии несколько раз упоминалась в приказах Сталина наряду с 32-й бригадой, командир которой полковник Иван Владимирович Купин был моим хорошим другом, и мне это было очень приятно. Сейчас Иван Купин уже генерал и командует артиллерией Московского военного округа. Купин состоял в дружеских отношениях и с Варенцовым, которому многим был обязан; Сергей Сергеевич не раз вытаскивал его из неприятностей. (Племянник Купина вторым браком был женат на дочери Варенцова.)

В апреле 1945 года война была практически завершена. Мой полк поддерживал южную группировку фронта, части которой, миновав Дрезден и Прагу, вступили в Австрию, где мы сменили 3-й Украинский фронт. Штаб-квартира нашей Центральной группы армий под командованием маршала Конева находилась в Бадене. Я воспользовался случаем и напомнил Сергею Сергеевичу об оброненной Коневым фразе насчет моей учебы в Военной академии. Я уже носил погоны подполковника, имел пять орденов и шесть медалей — и кроме того, мне хотелось жениться на Вере, дочери Гапановича, и жить в Москве.

Сергей Сергеевич отнесся к моей просьбе доброжелательно. В конце августа 1945 года он написал мне официальную рекомендацию в Академию Фрунзе. Я сдал вступительные экзамены и приступил к учебе. Осенью мы с Верой, получив благословение ее родителей и моей матери, поженились.

Учеба в Военной академии имени Фрунзе длилась три года. Для меня это был период интенсивных занятий и счастливой семейной жизни. Наш первенец — девочка родилась в феврале 1946 года. Мы назвали ее Галиной. В том же году с помощью моего тестя генерала Гапановича я получил квартиру в новом девятиэтажном доме на набережной Максима Горького, из окон которой открывался вид на Москву-реку; в ней мы живем и по сей день.

В то время в академии училось много замечательных офицеров, часть из которых уже стала генералами. Особенно хорошо мне запомнились двое из них: генерал-лейтенант Ягленко и Герой Советского Союза генерал-лейтенант Василий Илларионович Щербина, который ныне служит в Приволжском военном округе в Куйбышеве. Начальником академии был пожилой генерал-лейтенант Цветаев, командовавший армией во время войны; он постоянно болел, и ви-

дели мы его редко. Он умер, если не ошибаюсь, в 1950 году.

Мой тесть, как генерал политорганов занимавший высокий пост, пользовался определенным влиянием. Я часто бывал у него дома, когда приходили гости. Здесь я познакомился со многими старшими офицерами штаба Московского военного округа, Московского гарнизона и Генерального штаба.

Осенью 1946 года мои контакты с Варенцовым временно прервались. Он был направлен служить в Закавказский военный округ. Я не виделся с ним, пока он не прибыл в Москву на курсы в Академии Генерального штаба имени Ворошилова и в Военную инженерную артиллерийскую академию имени Дзержинского.

Мое знакомство с представителями высшего командования, которым я обзавелся с помощью тестя и Варенцова, вызывало зависть у коллег по академии. И я почти уверен, что один из них донес на меня органам МГБ, обвинив в спекуляции на черном рынке, хотя в этом я был совершенно неповинен. Я был приглашен в Управление контрразведки СМЕРШ МГБ, что, должен признаться, основательно напугало меня, но история эта разрешилась благополучно.

В то время офицерам Советской Армии приходилось бдительно следить за своим поведением, потому что на многих высоких постах в Московском гарнизоне были генералы МВД и МГБ. Естественно, между ними и армейскими офицерами существовала неприкрытая враждебность. Кое-кто из последних, например генерал Егоров, заместитель моего тестя в политуправлении округа, открыто говорил о «чекистах», заполонивших штаб-квартиру округа. Но были и другие, которые, подобно генералу Золотухину, лизали сапоги чинам из МГБ. Часть коллег моего тестя обвиняли его в чрезмерной дружбе с МГБ.

В 1948 году я окончил академию, и на груди у меня появился ромбик — значок выпускника. Теперь мне предстояло решать, что делать дальше. Я получил предложение поступать в Военно-дипломатическую академию, после чего мне открывалась карьера офицера военной разведки и шанс стать военным атташе за границей. Идея понравилась Вере, но ее отец посоветовал мне на какое-то время отложить этот вариант. Он недвусмысленно дал понять, что мне, молодому и высококвалифицированному офицеру-артиллеристу, не стоит сразу оставлять так хорошо начавшуюся карьеру и переходить на работу в ГРУ, которая может оказаться для меня тупиком. Он посоветовал мне получить назначение в Московский военный округ. Я согласился с аргументами тестя и получил пост в оргмобилизационном управлении генерал-лейтенанта Сандалова, начальника штаба округа. К сожалению, генерал Сандалов, симпатичный и обаятельный человек, вскоре получил тяжелейшую травму в авиационной катастрофе и, став инвалидом, передвигается только в специальном кресле.

В штабе округа я отслужил полных шесть месяцев. Вскоре после моего появления там в округе внезапно произошли изменения. Генерал НКВД Артемьев был заменен на маршала Мерецкова, а мой тесть направлен в один из отдаленных военных округов на Урале. Кое-кто утверждал, что эти перестановки были инициированы маршалом Булганиным, тогдашним министром обороны, который пытался заручиться поддержкой армейского офицерства, — и многие, например генерал Егоров и генерал танковых войск Бутков, открыто поддерживали проводимую им политику. Впрочем, радоваться им пришлось не долго.

В 1949 году генерал Артемьев вернулся, а вслед за тем Сталин назначил своего сына Василия ко-

мандующим авиацией Московского округа, что было еще хуже, особенно для офицеров военно-воздушных сил. Василий Сталин был пьяницей и дебоширом. Его все ненавидели. Особенно груб он был с генерал-лейтенантом (ныне маршалом) Москаленко, командующим силами противовоздушной обороны Москвы, который осуждал его за постоянное пьянство. Он заявил однажды генералу, что тот должен ездить в инвалидной коляске, а не в штабной машине. Я отнюдь не был удивлен, узнав, что «Васька» (так многие называли сына Сталина) водит дружбу с генералами НКВД. Но сразу же после смерти отца Василия сняли с должности — и фактически уволили из авиации.

Отслужив полгода в Московском военном округе, мне удалось перейти в Штаб сухопутных войск. Главнокомандующим этим родом войск был маршал Конев, а его начальником штаба — генерал Маландин. Среди моих коллег-офицеров я особенно подружился с генерал-майором Баклановым. Бакланов, ныне занимающий должность командующего Сибирским военным округом, был высоким крепким человеком с отличной военной выправкой. Он прекрасно проявил себя во время войны, когда командовал одной из гвардейских дивизий 5-й гвардейской армии генерала Жадова в составе 1-го Украинского фронта. Бакланов и Жадов были близкими друзьями. Я предвидел, что Бакланова (11) ждет достойная карьера. В прошлом Жадов весьма поспособствовал его карьере, я не удивлюсь, если в будущем Бакланов в чем-то поспособствует Жадову (12).

В конце 1949 года снова встал вопрос о моем переходе в службу военной разведки и об учебе в Военно-дипломатической академии. Наконец я дал согласие и стал регулярно посещать занятия в академии, поскольку мною овладела идея стать профессиональным

военным разведчиком. Вскоре, 6 февраля 1950 года, мне было присвоено звание полковника.

Что касается этого этапа моей жизни, то достаточно упомянуть лишь, что в академии я изучал тонкости военного шпионажа и закончил трехгодичные курсы английского языка. И с тем и с другим, думаю, справился достаточно хорошо. 22 июля 1953 года я закончил академию и получил назначение в Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба Советской Армии — старшим офицером 4-го управления, отвечавшего за Ближний Восток.

В марте скончался Сталин. Вскоре последовал арест Берии, и к власти пришло так называемое коллективное руководство, которое состояло из Маленкова, Молотова, Булганина и Хрущева. Новое руководство сформулировало новую политику: экономическое и политическое проникновение на Ближний Восток. Советскую военную разведку интересовали не только силы англичан и их намерения в зоне Суэцкого канала, но военный потенциал Египта и других антиимпериалистических военных сил на Ближнем Востоке. Моя работа была нацелена на Египет.

В августе 1954 года я был переведен в пакистанский отдел и стал готовиться занять пост помощника военного атташе в Карачи. Тем не менее Пакистан отказался дать согласие на расширение аппарата советского военного атташе в своей стране. И вскоре я стал снова готовиться к должности помощника военного атташе — на этот раз в Турции.

Летом 1955 года я прибыл на должность помощника военного атташе в Анкару. Со мной поехала и Вера. С самого начала, поскольку я исполнял обязанности военного атташе, нам пришлось посещать все официальные приемы и отдавать многочисленные визиты.

В январе 1956 года в Турцию прибыл только что назначенный военный атташе СССР, генерал ГРУ

Николай Петрович Рубенко. Мои отношения с ним постепенно обрели довольно натянутый характер, в результате чего в ноябре 1956 года мне пришлось отвечать на многочисленные обвинения. Стоит вспомнить обстоятельства, способствовавшие моему снятию с этого поста, поскольку они серьезно сказались на моей карьере. Рубенко, чья настоящая фамилия была Савченко (псевдоним Рубенко был оперативным прикрытием) в свое время работал военным атташе в Кабуле. Человек он был пожилой, лет под шестьдесят, и работал слишком прямолинейно, грубо. Один из его помощников Ионченко попытался завербовать нескольких агентов в Турции путем откровенного подкупа. Он подходил к приглянувшемуся ему турку на улице, приглашал его в ресторан и едва ли не сразу предлагал за хорошее вознаграждение стать советским агентом. «Хорошо относитесь ко мне, а я уж о вас позабочусь, — с ходу заявлял незадачливый вербовщик. — А теперь тащите мне военный устав. Вот деньги. Берите!»

Такая деятельность помощника военного атташе вскоре привлекла внимание турецкой контрразведки. И не стоит удивляться, что в следующий раз Ионченко (13) ждала встреча с турецкой полицией. Мне пришлось вытаскивать его из этой истории. Он отправился на встречу с разрешения Савченко, но в Турции был усилен полицейский контроль в связи с визитом шаха Ирана, и Москва запретила все встречи с агентами. Я высказал Савченко свое мнение по поводу нарушения московских приказов, он разгневался и приказал мне заниматься своими собственными делами. Чтобы прояснить ситуацию, я послал в Москву телеграмму по каналам другой разведорганизации, через резидентуру КГБ. Когда в штаб-квартире ГРУ узнали об этом, я был немедленно отозван и обвинен в том, что пишу доносы на своего шефа и пересылаю

их через наших давних соперников, — это давнее межведомственное соперничество между КГБ и ГРУ плохо сказывалось на деятельности разведки СССР.

Моим отзывом дело не кончилось. О конфликтной ситуации было наконец доложено Хрущеву, который внимательно следил за деятельностью разведки. Хрущев приказал тщательно разобраться и выяснить, кто прав, а кто виноват. Мне было вынесено порицание за непочтительное отношение к начальству, притом что действия мои были признаны правильными. Савченко же получил партийное взыскание и был уволен из ГРУ. В настоящее время он заведует отделом в Институте востоковедения.

Несмотря на то что мои действия были признаны правильными, я продолжал оставаться в резерве. Смольников, начальник отдела кадров, сказал мне: «В принципе ты был прав, осадив Савченко, но не забывай, что он генерал, и мало кто из генералов возьмет тебя после этой истории». Я решил повидаться с Сергеем Сергеевичем Варенцовым. Рассказав ему о моем конфликте в ГРУ, я выразил желание вернуться на строевую службу в артиллерию. Сергей Сергеевич обещал мне помочь.

После долгого ожидания в сентябре 1958 года я был направлен на девятимесячные академические курсы по ракетному оружию при Военной инженерной артиллерийской академии имени Дзержинского. Так получилось, что среди шестидесяти офицеров я оказался старшим по званию, и меня назначили старостой курса. Я думал, что таким образом завершу свою работу в ГРУ. Тем не менее, когда я окончил курсы (с отличными оценками) в мае 1959 года, то не получил разрешения вернуться в строевые части. Вместо этого я опять был направлен в распоряжение ГРУ. В ноябре 1960 года я получил новый пост, который и занимаю в настоящее время, когда пишу эти

строки. Как кадровый офицер военной разведки, я был направлен в Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ в СССР.

Таков абрис моей жизни в этой системе. Начал я ее хорошим комсомольцем. С самого начала я подавал надежды — по крайней мере, так считали окружающие — стать строителем коммунистического общества или, как говорил поэт А. Безыменский, — «комсомольцем в энной степени». Как политрук я был руководителем и просветителем солдатских масс. Я верил в советскую систему и был готов дать отпор любому, кто хотя бы одно слово скажет против нее.

И лишь во время Великой Отечественной войны я впервые понял, что отнюдь не Коммунистическая партия вдохновляла нас на трудных дорогах войны от Сталинграда до Берлина. Это было нечто иное: Россия. Мы понимали, что в конечном итоге сражаемся за Россию Суворова и Кутузова, Минина и Пожарского, не за Советскую Россию, а за матушку-Русь.

Но прозрение пришло ко мне не столько даже на войне, сколько позже, когда по роду службы мне пришлось тесно общаться с высокими чинами и генералами Советской Армии. Женившись на генеральской дочери, я очутился в кругу высшего советского общества. Я понял, что восхваление партии и коммунизма — всего лишь ритуальные фразы в их среде. В частной жизни они лгали, обманывали, подсиживали друг друга, интриговали, доносили и готовы были перегрызть друг другу глотки. Ради денег и получения тех или иных благ они доносили КГБ на своих друзей и коллег. Их дети презирали все советское, смотрели только иностранные фильмы и свысока смотрели на простых людей.

Наш коммунизм, который мы строим почти сорок пять лет, оказался обманом. Я и сам был частью этого обмана; ведь, что ни говори, я входил в

разряд привилегированных. Несколько лет назад я стал испытывать отвращение к себе, не говоря уж о наших обожаемых вождях и руководителях. Я чувствовал раньше и чувствую сейчас необходимость какого-то внутреннего очищения, которое придаст смысл моему существованию. Я спорил с собой. Я проклинал себя. Наконец я пришел к безоговорочному выводу, что та система, которую мы называем «нашим коммунистическим обществом», всего лишь фасад. И нельзя не согласиться с Молотовым, который после смерти Сталина «ошибочно» заявил, что мы еще не завершили строительство социализма, не говоря уж о коммунизме.

Внутренне я не усовершенствовался ни на йоту и не могу отделаться от чувства, что наш «коммунизм» не только не двигает меня вперед, а с каждым днем все дальше и дальше тянет назад. Бесчисленные недуги и инфекции подтачивают нашу страну изнутри, и мы должны что-то делать, дабы положить этому конец. Никакого иного выхода я не вижу — и именно поэтому я вступаю в ряды активных борцов за лучшее будущее моего народа.

Коммунистическая система губительна для народа. Я не могу служить этой системе. Очень многие в нашей стране чувствуют и думают так же, как я, но они боятся объединиться для активных действий. Мы разобщены. Каждый существует сам по себе.

Я презираю себя, ибо я часть этой системы и живу во лжи. Идеалы, за которые погибали миллионы наших отцов и старших братьев, превратились в блеф и обман. Я знаю армию, многие офицеры думают точно так же.

Я восхваляю наших лидеров, но в глубине души желаю им погибели. Я общаюсь со многими высокопоставленными людьми: министрами и маршалами,

генералами и старшими офицерами, членами Центрального Комитета КПСС. Мне лично никто из них не сделал ничего плохого; наоборот, некоторые из них помогли мне достичь сегодняшнего моего положения. А кое-кто и сегодня помогает. Тем не менее я не могу больше выносить этого двуличного существования.

Правительство Хрущева — это правительство авантюристов. Демагоги и лжецы, прикрывающиеся знаменем борьбы за мир. Хрущев не отрекся от войны. И при благоприятном для него стечении обстоятельств он немедленно ее развяжет. Его необходимо остановить.

В прошлом наш Генеральный штаб и наши представители за границей порицали концепцию внезапного нападения, к которому прибег Гитлер. Теперь они придерживаются иной точки зрения, считая, что упреждающий внезапный массированный удар создает огромные преимущества. И они прорабатывают такой вариант развития событий. Поскольку у Хрущева нет реальной возможности разделаться со всеми своими врагами единым махом, Хрущев избрал главными мишенями США и Англию. Он считает, что остальные западные союзники передерутся между собой и ослабнут. Они будут счастливы, что их вообще оставили в живых.

Из того, что я знал и что приходилось слышать, у меня сложилось впечатление, что лидеры нашего Советского государства сознательно провоцируют атомную войну. Настанет момент, когда они, окончательно потеряв голову, начнут ее. Достаточно вспомнить, как вел себя Хрущев в связи с берлинской проблемой.

Советские лидеры отлично знают, что западный мир и особенно американцы не хотят атомной войны. Стремление к миру, которое свойственно моим западным друзьям, советские лидеры пытаются обратить себе на пользу. Именно они хотят спровоциро-

вать новую войну. Это откроет путь к мировому господству. С каждым днем я боюсь этого все больше. И этот страх подтверждает правильность моего решения вступить в эту невидимую войну.

В Москве я живу в обстановке ядерного кошмара. Я знаю, как интенсивно идет подготовка к войне. Я знаю губительное действие новой военной доктрины, описанной в совершенно секретном досье «Специальная документация» — нанесение упреждающего удара любой ценой. Я знаю, что представляют собой новые ракеты и боеголовки. Я передал их описание своим друзьям. Представьте себе пятидесятимегатонную бомбу, по меньшей мере вдвое превышающую предполагаемую силу взрыва. *Они* очень довольны собой.

Я должен сокрушить этих людей. Они уничтожают русский народ. Я с моими союзниками, моими новыми друзьями сокрушу их. И да поможет нам Бог в этих великих и важных деяниях.

Необходимо каким-то образом направить энергию и огромные материальные и людские ресурсы Советского Союза на мирные цели — чтобы не допустить крупного мирового конфликта. Я думаю, что надо организовывать конфиденциальные встречи. Только не саммиты, которые обожает Хрущев. Решения, принятые на таких саммитах, он будет использовать для повышения своего престижа при встречах с глазу на глаз с США и Англией. Это вы, живущие на Западе, должны уяснить.

Поэтому я и делюсь своими наблюдениями с жителями Соединенных Штатов и Великобритании.

Многие обстоятельства способствовали принятию моего решения. Последние три года жизни были мучительными для меня, не только потому, что мне предстояло сделать важный выбор, но и по многим другим причинам, о которых я расскажу ниже.

Я долго и напряженно думал, какое же решение мне все-таки принять. И прошу лишь об одном — чтобы вы поверили в искренность моего выбора. Я хочу внести свой вклад, может, и скромный, но, с моей точки зрения, достаточно весомый, в наше общее дело. С этого момента я считаю себя вашим солдатом, обязанным достойно выполнять все, что будет мне поручено. И выполнению этой возложенной на себя обязанности я готов отдать все свои силы, знания и жизнь.

Учитывая все вышесказанное, хочу сообщить, что ступаю на новую стезю не с пустыми руками. Я прекрасно понимаю, что в дополнение к словам и идеям необходимо представить убедительные доказательства, подтверждающие слова. У меня они есть. И есть твердая решимость делать свое дело.

(1) Вторая дочь Пеньковского родилась 6 февраля 1962 г.

(2) Управление ГРУ, в 1960 году отвечавшее за сбор разведывательных данных на Ближнем и Дальнем Востоке.

(3) Комиссия в составе руководителей управлений ГРУ и медиков — высшая инстанция, принимающая решение о зачислении кандидатов в слушатели Военно-дипломатической академии ГРУ.

(4) Управление ГРУ, отвечавшее за сбор разведывательной информации в Соединенных Штатах, Канаде, Южной Америке и Великобритании.

(5) Семен Константинович Тимошенко (1895—1970). В 1940—1941 годах — нарком обороны, во время Второй мировой войны командовал фронтами; 1949 год — командующий Белорусским военным округом; в 1960 году назначен на ответственный пост в Министерстве обороны; кандидат в члены Центрального Комитета КПСС.

(6) Финны успешно обороняли Выборг во время советско-финской войны 1939—1940 годов, но после поражения Финляндии он перешел к СССР. В 1941 году финны снова захватили его, но русские вернули город в 1944 году, после чего, по условиям мирного договора 1947 года, он стал неотъемлемой частью СССР.

(7) НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) — предтеча Комитета государственной безопасности. Части НКВД пользовались особым доверием Сталина, во время войны использовались в качестве заградительных отрядов, дабы пресекать попытки отступления частей Красной Армии, демонстрируя мужество и героизм. Офицерам НКВД присваивались воинские звания.

(8) Павел Иванович Батов (1897—1981), вступил в Красную Армию в 1918 году; во время Второй мировой войны командовал сначала корпусом, а затем армией. В 1954—1955 годах был первым заместителем командующего советской группой войск в Германии. 1955—1960 годы — командующий Прикарпатским и Прибалтийским военными округами, затем первый заместитель начальника Генерального штаба Советской Армии и начальник Штаба Объединенного командования вооруженными силами стран — участниц Варшавского Договора.

(9) СМЕРШ (буквально «смерть шпионам»), по сути дела, был Главным управлением контрразведки Красной Армии. В 1946 году он вошел в состав МГБ и просуществовал в нем до февраля 1947 года, сейчас эти функции выполняет 3-е Главное управление КГБ.

10) В 1937 году маршал Константин Константинович Рокоссовский был заключен в тюрьму, где подвергался жестоким пыткам. Его обвинили в поддержке маршала Тухачевского, расстрелянного в 1937 году за «государственную измену». Позже Рокоссовский был освобожден и восстановлен во всех званиях, хотя выбитых зубов было уже не вернуть. По самым скромным подсчетам, во время «большой чистки» пострадали от 20 до 35 тысяч офицеров. То есть 35—50 процентов советского офицерского корпуса.

(11) Глеб Владимирович Бакланов родился в 1910 году; на военной службе с 1932 года. Во время войны занимал различные командные должности; 1960—1964 годы — командующий Сибирским военным округом, затем — командующий Северной группой войск, генерал-лейтенант.

(12) Алексей Семенович Жадов родился в 1900 году. В 1953 году был начальником Военной академии имени Фрунзе; в 1954-м командовал группой советских войск в Австрии, 1957 год — заместитель командующего сухопутными войсками, а в 1959 году стал первым заместителем командующего сухопутными войсками.

(13) За такую работу Ионченко чуть не выгнали из армии, но в конечном итоге он стал преподавателем в Военно-дипломатической академии, а затем советником Хо Ши Мина по разведке.

Предисловие к главе II

Естественно, что Пеньковский начал свои «Записки» с изложения сухих фактов собственной биографии. Она безупречна. Даже прокурор на процессе 1963 года признал, что «Пеньковский производил впечатление отличного работника. Он стремительно поднимался по ступеням своей карьеры...». Биография его служит стержнем и главным содержанием «Записок». До 1949 года они представляют собой обычный рассказ об офицере-артиллеристе Советской Армии, с достоинствами выше среднего, которые позволили ему в тридцать один год стать полковником. В том году Пеньковский поступил в Военно-дипломатическую академию. Это стало поворотным моментом в его жизни. В последовавшие месяцы новоиспеченный полковник расстался с относительно простой и ясной жизнью профессионального солдата и поступил на службу в разведку.

Советская разведывательная служба не имеет ничего общего с американской, английской или французской, которые представляют собой организации, созданные на более или менее конфиденциальной основе и предназначенные для выяснения военных секретов других государств и предотвращения утечки или похищения своих собственных. Разведслужба в советской системе — это зловещее четвертое измерение общества, неизменно и органично присутствующее в

нем в соответствии с принципами организации этого общества. У Комитета государственной безопасности (КГБ) и у Главного разведывательного управления (ГРУ) советского Генерального штаба есть свои специфические задачи, своя сфера деятельности, но, как не раз отмечает Пеньковский, из этих двух организаций КГБ — более крупная, разветвленная и мощная. Но и ГРУ само по себе — отнюдь не исключительно орган военной разведки. Оно осуществляет не только политический шпионаж, но и грандиозную по своим масштабам диверсионную и подрывную деятельность.

В течение трех лет учебы в Военно-дипломатической академии Пеньковский зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, равно как и позже, во время службы в военном атташате в Анкаре. Он существенно отличался в лучшую сторону от других сотрудников атташата. Он обладал привлекательными личностными качествами, достаточно свободно владел английским. Его жена, знавшая французский, не отличавшаяся особой разговорчивостью, была весьма миловидна и отличалась деликатностью и воспитанностью.

В Анкаре Пеньковский сумел установить с сотрудниками военных атташатов западных стран доверительные отношения, о последствиях которых те и не догадывались. Турки же воспринимали его как обычного советского атташе, за которым надлежит вести слежку. Кроме единственной поездки в Трапезунд, на место крушения советского военного самолета, он предпочитал не выезжать из столицы, где вел рутинную жизнь члена дипломатического сообщества. Первые несколько месяцев своего пребывания в Турции Пеньковский исполнял обязанности *резидента*, то есть на него были возложены начальственные полномочия, что ему весьма импонировало. Он занимался привычными делами военной разведки и осуществлял контроль за работой агентов ГРУ.

Скрытая от внешнего мира под покровом благопристойности деятельность советских разведывательных миссий в Анкаре оставляла желать много лучшего, не говоря уже о поношениях друг друга, наветах и склоках. (Вавилов, шеф местной резидентуры КГБ, сделал жене Пеньковского гнусное предложение, и Пеньковский был возмущен этим до крайности.) С появлением нового резидента ГРУ Рубенко (он же Савченко) дела пошли далеко не лучшим образом. Он был груб, властен и, кроме того, носил генеральские погоны. Он постоянно отвергал рекомендации Пеньковского, касавшиеся работы с агентурой, и в конце концов Пеньковский доложил об этом в Москву.

Неприятности Пеньковского в отношениях с начальством вряд ли были исключением в советской системе, где конфликты между соперничающими чиновниками были скорее правилом, чем исключением. Тем не менее поведение полковника Генерального штаба, пользующегося доверием и обладающего высокими связями, который бросил вызов власти своего начальника-генерала, напоминало действия упрямого шофера, который погиб, избрав из упрямства заведомо опасный путь. ГРУ — это военная организация, и ни один генерал не потерпит, чтобы кто-то из подчиненных через его голову обращался к партийному руководству.

По возвращении Пеньковского в Москву в штабквартире ГРУ на Арбате ему ясно дали понять, что лавров героя он не получит. Его жена Вера была огорчена и разочарована, что долгожданное пребывание за границей так быстро закончилось — они пробыли в Турции чуть больше года; она лишилась возможности бывать на приемах, беседовать по-французски с иностранцами. А решение судьбы экс-полковника артиллерии было отложено в долгий ящик; ему придется бесконечно долго ждать нового

назначения. И как признается Пеньковский, потребовалось вмешательство маршала Варенцова, чтобы его направили на девятимесячные курсы по ракетному вооружению.

Хотя Пеньковский закончил курсы с самыми лучшими результатами, назначения на командный пост в строевой части он не получил. Вместо этого его вернули в 4-е (азиатское) управление ГРУ. Советская разведка представляет собой нечто вроде монашеского ордена. Однажды вступив в него, расстаться с орденом очень трудно. Пеньковский мог получить пост военного атташе в Индии — ответственная работа, на которой можно было получить генеральское звание.

Именно тогда, после двадцати трех лет постоянных тайных проверок, чьими-то стараниями в КГБ появилась информация, что его отец был офицером Белой армии. Когда начальник отдела кадров ГРУ генерал-майор Шумский встретился с Пеньковским по этому поводу, тот представил заявление матери, объясняющее обстоятельства его рождения, — оно и хранилось в его личном деле. Сам Пеньковский не мог предположить, что известна подлинная история его отца и об этом уже вовсю судачат. Подозрения были весьма серьезны, и его назначение в Индию не состоялось.

Два томительных месяца он провел в резерве, пока изучался вопрос о его «контрреволюционных» корнях. Для советских разведслужб ситуация была просто скандальной. В конечном итоге на властном уровне решили, что Пеньковский — слишком ценный специалист, чтобы терять его из-за сомнительного происхождения. Его вернули к активной деятельности в качестве старшего офицера одного из отделов 4-го управления.

В июне 1960 года Пеньковский стал членом мандатной комиссии, которая отбирала лучших из числа претендентов для зачисления в Военно-диплома-

тическую академию, высшее учебное заведение ГРУ. Он был назначен руководителем подготовительного курса, своего рода старшим военным наставником; эту должность обычно занимает генерал. Тем не менее Пеньковскому даже не намекнули, что его могут произвести в генералы.

За спиной у него были десять лет пребывания в одном звании и пять лет учебы в высшем учебном заведении по штабной работе. Это новое унижение нелегко далось Пеньковскому. С его работоспособностью он предпочитал работать «в поле». Наконец он убедил генерала Шумского перевести его на оперативную работу. 15 ноября 1960 года Пеньковский был направлен в специальную группу офицеров ГРУ, работающих в различных советских правительственных учреждениях, напрямую связанных с зарубежными странами. Так Пеньковский оказался в Государственном комитете по науке и технике (ГКНТ) (1). Этот пост был всего лишь «крышей» и предполагал многочисленные зарубежные поездки.

Опыт работы в разведке Пеньковский обрел, будучи атташе, инструктором, научно-техническим экспертом и т. п. В очередной главе «Записок», посвященной ГРУ, он излагает весьма любопытный взгляд изнутри на советские разведывательные операции в зарубежных странах, а также открывает завесу над мерами по пресечению деятельности иностранцев в СССР. Поскольку писал он эту главу примерно четыре года назад, люди, которых он упоминает, находятся и по сей день на оперативной работе, а цифры, которые он приводит, достаточно точны. Надо четко себе представлять, что из 5200 советских сотрудников в посольствах и консульствах семидесяти двух некоммунистических стран 3000 — кадровые офицеры разведки. По подсчетам Пеньковского примерно такое же количество советских граждан при-

влекается к работе органов разведки, так что «чистых» дипломатов остается менее двадцати процентов. Так и тянет спросить вместе с Пеньковским: «Куда делись истинные советские дипломаты?»

Сам Пеньковский, конечно, привык к вездесущности советских «разведорганов». И он не мог понять, почему люди на Западе в массе своей не осознают этого. В своих нижеследующих комментариях, которыми изобилуют «Записки», он постоянно предупреждает друзей, что они практически не имеют представления о реальном размахе деятельности советской разведки. Сведения эти часто носят фрагментарный характер, ибо он спешил запечатлеть их на бумаге, пока они не улетучились из памяти, назвать имена людей и обозначить возложенные на них функции. Вся эта масса людей составляет огромный, фантасмагорический аппарат советского шпионажа и диверсий, действующий под прикрытием дипломатии, прессы, туризма, научного обмена и торговли.

Тон этих беглых заметок порой обретает высокопарный и поучительный характер — но это интонация советского военного инструктора, который в определенном смысле обращается к людям своего класса. Вне всяких сомнений, Пеньковский взял на себя двойную миссию: 1) немедленно сообщить Западу информацию о планах советского руководства; 2) с предельным тщанием обрисовать реальный подтекст и снять пелену таинственности с этих планов.

Повествование Пеньковского о деятельности советской разведки особо убедительно еще и потому, что основано оно не на воспоминаниях об уже минувших фактах и событиях, а на сегодняшней реальности, которая ему, сотруднику Центра (2), известна досконально.

Рассказ о ГРУ начинается, скорее всего, с первых месяцев 1961 года. В то время Пеньковский предпри-

нимал первые попытки установить надежный контакт с представителями Запада. Известно, что в конце 1960 года он обратился к американским студентам в Москве с просьбой передать письмо, в котором он предлагал свои услуги Соединенным Штатам. Письмо было доставлено в посольство США, но его сотрудники проявили чрезмерную осторожность и не пошли на контакт с Пеньковским. Подобные предложения нередко поступали американцам с провокационной целью от агентов советской контрразведки. Делалось это в надежде, что американец клюнет, и тогда его можно будет громогласно обвинить в шпионаже, депортировать, а может даже, в пропагандистских целях посадить в тюрьму. Ситуация для таких предложений была отнюдь не благоприятна. Незадолго до этого завершился процесс над Фрэнсисом Гарри Пауэрсом, который широко освещался прессой, и в Москве заметно усилились антиамериканские настроения. И скорее всего, американцы, получившие послание Пеньковского, просто не могли поверить, что столь высокопоставленный советский чиновник намерен открыто выступить против своей системы.

Мотивы действий Пеньковского были совершенно непостижимы для Советов — и таковыми остаются по сей день. Что же касается деятельности ГРУ и мнения Пеньковского на этот счет, то пусть лучше он сам расскажет об этом.

(1) Предтеча Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ (ГККНР). В апреле 1961 года с созданием ГККНР его предшественник был ликвидирован.

(2) Центром по традиции называют штаб-квартиру советской разведки в Москве.

Глава II

МИР ГРУ

Материалы по ГРУ я собирал два года. И сейчас в моем распоряжении более пятисот страниц записей и не менее семисот имен офицеров и гражданских лиц, работающих непосредственно в ГРУ или тесно связанных с ним — «сотрудничающих», как там принято говорить.

Размах шпионажа, организуемого Советским правительством, поистине гигантский. Именно такова суть «мирного сосуществования» и «борьбы за мир», о которых вещает Хрущев. Закрытые данные мы постоянно собираем повсюду. И ежедневно совершенствуем и расширяем и без того разбухший шпионский аппарат. Я говорю главным образом о военном шпионаже, хотя слово «военный» не означает, что функционируем мы только в данной области. Мы занимаемся техническим, научным и экономическим шпионажем в той же мере, как и военным, — работаем мы по всем направлениям. То есть термин «военный» означает, что этим видом шпионажа занимается ГРУ.

О специфической деятельности наших «соседей», КГБ, я знаю меньше. Его численный состав в несколько раз больше, чем в ГРУ. Им больше доверяют и лучше платят. Они всегда занимают главенствующее по-

ложение в посольствах и во всех наших представительствах за границей.

Кроме ГРУ и КГБ, развединформацию собирают Министерство иностранных дел и Министерство внешней торговли. Шпионажем занимаются многие советские министерства и комитеты, Академия наук и так далее. Любой, у кого есть какие-то деловые контакты с зарубежными странами, кто по работе так или иначе связан с иностранцами, волей-неволей занимается разведкой. Все мы шпионы. Если в каком-то министерстве или комитете нет собственного отдела по разведке, то ГРУ или КГБ с одобрения Центрального Комитета КПСС организуют таковой и направляют в него офицеров нашей разведки.

Ниже приводится список некоторых советских министерств и различных комитетов, через которые мы собираем информацию и в которых мы (то есть ГРУ и КГБ) держим своих представителей; некоторые из этих государственных учреждений полностью укомплектованы персоналом ГРУ или КГБ.

Министерство иностранных дел.

Бюробин (Бюро по обслуживанию иностранцев), ныне УпДК — Управление по обслуживанию дипломатического корпуса в Москве.

Министерство внешней торговли.

Интурист (почти на сто процентов учреждение КГБ; в нем всего несколько офицеров ГРУ).

Всесоюзное объединение «Международная книга» (почти сто процентов КГБ).

Всесоюзная торговая палата.

Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ (мой собственный комитет — о нем пойдет речь особо).

Государственный комитет по внешнеэкономическим связям.

Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами.

Комитет по делам религий при Совете Министров СССР.

Совет по делам Русской Православной Церкви.

ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза).

Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

Комитет советских женщин.

Министерство культуры СССР.

Советский комитет защиты мира.

Комитет молодежных организаций СССР.

Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (проректор — полковник Ерзин, сотрудник КГБ, в прошлом возглавлявший резидентуры КГБ в Турции и Индии).

Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (общества дружбы Англия — СССР, СССР — Индия и т. д. Более сорока таких обществ).

Советский комитет Всемирной федерации профсоюзов.

Совэкспортфильм.

Совимпортфильм.

Московский главпочтамт на улице Кирова, 26.

Центральный телеграф (улица Горького, 7).

Академия наук СССР.

Московский государственный университет имени Ломоносова.

Список далеко не полный — он мог бы быть куда длиннее. Словом, в СССР не существует ведомств, в штате которых не было бы офицеров или агентов разведки из КГБ или ГРУ. Более того — подавляющая часть персонала советских посольств за границей работает на КГБ или ГРУ. Два из каждых пяти

работников посольства — офицеры КГБ. Представителей ГРУ, как правило, значительно меньше, но нас надо учитывать отдельно, ибо мы редко сотрудничаем с «соседями». Таким образом, можно с достаточным основанием утверждать, что шестьдесят процентов посольского персонала офицеры КГБ или ГРУ. Не подлежит сомнению, что почти все служащие посольства регулярно сотрудничают с ними.

Министерство иностранных дел и Министерство внешней торговли, как таковые, существуют только в Москве. За границей все контролируется КГБ и нами, ГРУ. Запад пытается улучшить отношения с Советским Союзом на дипломатическом уровне. Но у нас даже нет дипломатов в точном, западном, понимании этого слова. Мы занимаемся чем угодно, но только не дипломатией.

Посол работает прежде всего на Центральный Комитет КПСС и только потом на Министерство иностранных дел; нередко он сам выходец из недр КГБ или ГРУ. Ныне очень многие советские послы в некоммунистических странах — бывшие офицеры разведки КГБ или ГРУ.

Резиденты КГБ и ГРУ, как правило, имеют высокие дипломатические ранги — чаще всего они действуют под прикрытием советников посольства. Остальные высокие посты в посольстве, в соответствии с решением ЦК КПСС, разделены между сотрудниками КГБ и ГРУ. И если в посольстве есть несколько толковых людей, которые работают только на Министерство иностранных дел, то их держат исключительно из-за того, что они знакомы с протокольными процедурами и знают, как писать ноты. Ничем иным они не занимаются. Но даже и таких «настоящих» дипломатов привлекают к деятельности КГБ или ГРУ — в зависимости от того, кто первым успеет это сделать.

До моего назначения в Турцию я считал, что Министерство иностранных дел и посольства — это важные организации, обладающие немалой властью. Но теперь я знаю, что есть только Центральный Комитет КПСС, а в посольствах две резидентуры — КГБ и ГРУ. Вот они-то всем и руководят. А Министерство иностранных дел держится на заднем плане.

ГРУ, естественно, входит в состав советского Генерального штаба. А вся его деятельность, включая и задачи ГРУ, контролируется ЦК КПСС, в котором для этой цели существуют специальные отделы.

Из отделов Центрального Комитета теснее всего связаны с ГРУ следующие:

Отдел административных органов. Заведующий — Николай Романович Миронов, генерал-майор КГБ (1).

Отдел дипломатических и внешнеторговых кадров. Начальник отдела — Александр Семенович Панюшкин, бывший глава внешней разведки КГБ, посол в Китае и США (2).

Политуправление, точнее, Главное политическое управление Министерства обороны, имеет статус сектора Центрального Комитета КПСС. Вот как они взаимодействуют. Начальник управления — маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков (3). Он член ЦК КПСС и депутат Верховного Совета СССР. За деятельность ГРУ отвечает также министр обороны маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский. Он также член ЦК КПСС и депутат Верховного Совета.

Следующий по порядку — начальник Генерального штаба маршал Советского Союза Матвей Васильевич Захаров (4), одновременно являющийся первым заместителем министра обороны, депутат Верховного Совета СССР и член Центрального Комитета КПСС. В период 1950—1951 годов непродолжитель-

ное время был начальником ГРУ. Тогда у него было не маршальское, а генеральское звание. В то время Захаров не обладал опытом профессионального офицера разведки, но, став начальником Генерального штаба, он с интересом следил за деятельностью ГРУ и установил деловое сотрудничество с Серовым. Таким образом, работой ГРУ руководили два человека: представитель военной среды Захаров и Серов, выходец из КГБ.

После Захарова, примерно с 1951-го по 1956 год и снова в 1957—1958 годах, ГРУ возглавлял генерал-лейтенант Шалин Михаил Александрович. Он зарекомендовал себя хорошим, толковым специалистом. В органах разведки он работал еще со времен войны. Дружил с генералами Кисленко и Старченко. Они вместе пили и делили подарки, привозимые подчиненными им из-за границы.

В 1956—1957 годах ГРУ руководил генерал-лейтенант Сергей Матвеевич Штеменко. Одно время он был к тому же и начальником Генерального штаба.

В январе 1959 года к руководству ГРУ пришел генерал Иван Александрович Серов, в свое время заместитель Берии. После казни последнего и до 1959 года он возглавлял Комитет государственной безопасности.

ГРУ — одно из крупнейших главных управлений Генерального штаба и всего Министерства обороны. Оно именуется Вторым Главным (разведывательным) управлением Министерства обороны. Структура ГРУ представлена управлениями и направлениями (отделами).

У генерала Серова, начальника ГРУ, имеется два заместителя: генерал-майор Александр Семенович Рогов (по оперативным вопросам) и генерал-майор Хаджи Мамсуров (по общим, то есть административным вопросам).

Важная роль в работе управления принадлежит партийному комитету ГРУ, секретарь которого — полковник Аликин. Адъютант Серова — полковник Васинин.

Разведывательная работа ГРУ строится по трем главным направлениям: 1) стратегическая разведка; 2) оперативная разведка; 3) тактическая разведка.

В организационном плане ГРУ выглядит следующим образом (5).

1-е управление — нелегалы; начальник — контр-адмирал Л.К. Бекренев (6).

2-е управление — стратегическая разведка в европейских странах; начальник — генерал-майор Алексей Андреевич Коновалов.

3-е управление — стратегическая разведка (англо-американские страны); начальник — генерал-полковник В.С. Соколов. В круг интересов 3-го управления входят все страны Центральной и Южной Америки, а каждой страной Американского континента занимается специальный отдел. Страны, поддерживающие дружеские отношения с Великобританией, бывшие доминионы в том числе, также находятся в ведении 3-го управления.

4-е управление — стратегическая разведка в странах Среднего и Ближнего Востока; начальник — генерал-майор П.П. Меклишев.

5-е управление — диверсии; начальник — генерал-майор Михаил Андрианович Кочетков.

6-е управление, оперативное — разведывательная служба в военных округах, граничащих с зарубежными странами.

Управление информации — сбор, оценка и обработка информации, поступающей от зарубежных центров; в ведении управления находится также секретная библиотека. Начальник — генерал-майор Н.А. Кореневский.

Управление военно-морской разведки ликвидировано, сохранилась лишь небольшая группа, именуемая отделом по координации разведки в ВМФ.

Недавно в рамках стратегической разведки был создан отдел Африки, начальником которого стал офицер военно-морского флота Ивлев.

Далее, в составе ГРУ имеются так называемые оперативные отделы.

Отдел научно-технической разведки. Начальник — генерал-полковник Шеликанов.

Отдел связи (шифры и дешифрование). Начальник — полковник Силин. В составе отдела связи есть группа для получения и отправки дипломатической почты, руководит которой майор Серебряков.

Отдел стран народной демократии. В прошлом это было управление, занимавшееся всеми странами народной демократии, включая Китай и Корею. В настоящее время Китаем и Кореей занимается Управление Дальнего Востока. Ходили разговоры о передаче всего управления по делам стран народной демократии в ведение 10-го управления Генерального штаба, естественно, с соблюдением порядка субординации. Персонал останется наш, из ГРУ.

Отдел зарубежных связей. Начальник — генерал-полковник Михаил Степанович Маслов. Оперативный отдел, который под прикрытием Министерства обороны руководит всеми контактами с иностранцами по так называемой официальной линии.

Далее идут обычные оперативные отделы.

Связь и радиоразведка.
Организационный отдел (подбор прикрытия).
Архивный отдел.

Управление делами, хозяйственное обеспечение управлений и отделов.

Отдел кадров и так далее.

Имеется весьма важный отдел учебных заведений, в ведении которого находятся следующие учебные заведения: Военно-дипломатическая академия (возглавляет ее генерал-майор танковых войск Василий Ефимович Хлопов); Военный институт иностранных языков; Институт связи; разведшкола в Филях для младших офицеров; школа по подготовке нелегалов находится в ведении 1-го управления (нелегалов), начальник школы полковник Дубовик; диверсионная школа, входящая в состав 5-го управления (саботаж и диверсии).

Кроме этих учебных заведений, я бы отметил шести- и девятимесячные курсы переподготовки, которые периодически организуются в Военно-дипломатической академии. Возможно, есть и другие училища и курсы ГРУ, о которых мне неизвестно. В свое время Военный институт иностранных языков являлся как бы частью академии, но затем снова обрел независимый статус.

В структуру ГРУ входит также множество различных технических лабораторий и даже несколько небольших заводов и торговых предприятий в Москве и в ее пригородах.

Даже краткий перечень управлений, отделов и групп может дать достаточно полное представление о размахе деятельности ГРУ. Мы занимаемся шпионажем во всех странах мира. Включая даже наших друзей, страны народной демократии. Как знать, может, наступит день, когда они станут нашими врагами. Достаточно в этой связи вспомнить Китай! За несколько месяцев до того, как разрыв с Китаем стал неизбежным, мы уже перевели всех наших работников из 10-го Управления стран народной демократии (7)

в отдел Дальнего Востока. Соответствующие директивы на этот счет поступили непосредственно из Центрального Комитета КПСС: начать интенсивную военную разведку против Китая!

ГРУ ведет не только военную, политическую, экономическую и научную разведку, но проводит также пропагандистские мероприятия, организует провокации, шантаж, террористические акты и диверсии. Это основополагающие методы нашей работы. Разница между нами и КГБ заключается лишь в том, что мы не работаем против советских людей, не следим за ними, однако если сталкиваемся с деятельностью иностранной разведки, то действуем так же, как и КГБ. Верно, что мы главным образом занимаемся сбором информации о вооруженных силах и военной технике западных стран. Но указания мы получаем из одного и того же источника, из Центрального Комитета КПСС. По распоряжению ЦК мы поддерживаем тесные контакты с нашими «соседями» из КГБ. И постоянно соперничаем с ними на ниве разведки. Мы пытаемся доказать, что работаем лучше их, они же считают, что нам до них бесконечно далеко.

Мы не любим их, и они это знают. У специального отдела КГБ имеются информаторы и сотрудники среди офицеров ГРУ. Но мы не в том положении, чтобы жаловаться. Мы должны и просто обязаны сосуществовать рядом, особенно сейчас, когда нашу службу возглавил выходец из КГБ Серов. Комитет занимает главенствующее положение. Именно они дают нам допуск. Для выезда за границу даже офицеру ГРУ требуется санкция КГБ.

1-е управление, занимающееся нелегалами, несет ответственность за внедрение под надежным прикрытием сети агентов в западных странах. Агент, которого в роли нелегала, то есть с убедительной легендой, посылают в другую страну (8), не обязательно

должен быть советским гражданином или офицером ГРУ; он может иметь гражданство любой страны. До войны большинство наших нелегалов были иностранцами. В настоящее время принимаются некоторые подстраховочные меры, и в большинстве случаев на нелегальной работе используются советские граждане, которых готовят в СССР. Нелегального агента, не имеющего советского гражданства, а также родственников в СССР, куда труднее держать под контролем.

Последние несколько лет ГРУ готовило офицеров Советской Армии и гражданских лиц для внедрения в другие страны в качестве нелегальных резидентов (9). Они покидают страну с тщательно разработанной легендой прикрытия и документами, не вызывающими каких-либо подозрений.

Большое внимание уделяется отбору нелегалов. В ГРУ есть специальная школа для их подготовки, но большинству приходится к тому же еще и проходить длительную индивидуальную подготовку, которая порой длится несколько лет.

Отбор проводится обычно из числа выпускников Военно-дипломатической академии с участием начальников всех управлений, секретаря партийного комитета ГРУ и некоторых старших офицеров. Они руководствуются не только и не столько оценками успеваемости недавнего слушателя. Учитываются все слагаемые личности — черты характера, увлечения, темперамент и многое, многое другое вплоть до цвета волос и глаз. На основе такого тщательного и всестороннего изучения кое-кому из выпускников впоследствии предлагают заняться нелегальной работой, а остальным предстоит осуществлять оперативные мероприятия на месте.

Для нелегальной работы чаще всего используют молодых и неженатых и только в случае острой не-

обходимости женатых офицеров, прошедших тщательный отбор. Например, однажды 1-е управление отобрало восемнадцать человек. Нелегалами же стали всего четверо или пятеро из них. Бориса Путилина готовили для нелегальной работы в Испании, но, копаясь в его родословной, обнаружили какие-то изъяны. В результате ему пришлось довольствоваться работой в «Воениздате», а потом и вообще покинуть ГРУ.

Мой друг Щербаков был на нелегальной работе восемь лет. Ко времени возвращения в Россию он почти забыл родной язык, поскольку за восемь лет не произнес ни одного слова по-русски, так что в Москве к нему пришлось приставлять переводчика.

Нелегалом был и Мясоедов. Дома с «надежными» квартирами для нелегалов расположены на окраинах Москвы. Таких квартир немало.

. Кроме управления, в целом занимающегося этой тематикой, каждый национальный или региональный отдел имеет собственных нелегалов. Такого рода резидентуры и немалое количество агентов существуют почти в каждой стране. В последние годы Генеральный штаб, Серов и лично Хрущев начали проявлять особый интерес к нелегальной работе. Они утверждают, что только с помощью законспирированных разведчиков можно точно установить намерения наших врагов, их возможности и средства, которыми они располагают.

Бекренев отлично руководил работой нелегалов, но результаты оставляют желать лучшего, потому что он постоянно подвергался критике и оскорблениям со стороны Серова. На партийном собрании 1-го управления Серов буквально стер Бекренева в порошок. Он заявил, что Бекренев работает спустя рукава, и потому сеть нелегальных агентов очень слаба. В этой связи острой критике подверглась работа про-

тив нашего «главного врага» — Соединенных Штатов. По мнению Серова, все наши атташе занимаются лишь тем, что собирают газетные вырезки и сплетни; вся мало-мальски ценная информация поступает от нелегалов. Тем не менее он особо подчеркнул, что в будущем надо еще больше интенсифицировать их работу.

Всем иностранцам, завербованным советской разведкой, предстоит подписать соглашение, в соответствии с которым они должны клятвенно обещать в случае ареста или задержания не признаваться в связях с ней.

Все нелегалы получают четкие инструкции: ни при каких обстоятельствах не признаваться, что они советские граждане и тем паче — советские агенты. Задержанному агенту предпочтительно совершить самоубийство — принять яд, застрелиться, выброситься из окна. Одна из задач разведывательной службы состоит в устранении путем убийства, отравления или любым иным способом агентов, которые исчерпали себя и надобность в которых миновала. Агента ГРУ может постичь такая участь, если возникнет опасение, что он сломался и готов рассказать все, что ему известно, или, проще говоря, если он слишком много знает. Превентивные меры применяются и в том случае, если поступает информация, что данный агент может оказаться иностранным провокатором или способен пойти на провокацию. Затем следует приказ о его устранении, и этот приказ любым способом выполняется.

Самое большое значение придается нелегалам в США. В 3-м управлении ГРУ в Москве есть специальное помещение, в котором трое операторов круглосуточно поддерживают связь с агентами в США.

Нелегалы оснащены радиоаппаратурой. Порой практикуется следующее: она приобретается в стране

пребывания агента. Аппаратуру доставляют в Москву, переделывают соответствующим образом, затем переправляют будущему хозяину. Таким образом, в его распоряжении оказывается аппаратура местного производства, внешний вид которой ни у кого не вызывает подозрений.

Денис Поляков (10), работающий вместе со мной в комитете, в 1960 году был послан с делегацией в США. Основной его задачей, поставленной 1-м управлением, был сбор адресов снесенных зданий в Нью-Йорке и Вашингтоне, которые в будущем можно было бы использовать для подготовки нелегалов — то есть если гражданин данной страны некогда обитал в ныне не существующем доме, то установить его подлинную личность довольно затруднительно. Поляков раздобыл несколько таких адресов в Вашингтоне, один в Нью-Йорке и парочку где-то еще. При подготовке нелегалов эти адреса пустят в ход.

Перед нелегалом, как правило, ставится задача стать членом какого-нибудь клуба, может даже двух; средства для его деятельности переводятся на счет в некий банк. Но все это должно подтверждаться убедительной легендой. Откуда поступили деньги? Конечно, они могут быть получены в наследство. На практике же чаще всего деньги переводят из одного банка в другой или пересылают на депозитный счет нелегала из третьей страны, из иностранного банка. Например, если нелегал владеет парикмахерской и скопил, скажем, 10 000 фунтов стерлингов или долларов (конечно, с помощью ГРУ), то при переезде из Лондона в Бирмингем или из одной страны в другую, из Англии в Канаду или Соединенные Штаты, Австралию или Францию, он, естественно, возьмет сбережения с собой. Нельзя, чтобы на новом месте он каким-то непонятным образом получил неизвестно откуда деньги.

Известно, что лучше всего пользоваться услугами небольших финансовых компаний или маленьких банков, то есть филиалов крупных, ибо здесь не так дотошно интересуются сведениями о своих клиентах. Надежнее иметь небольшой счет в маленьком банке, откуда позже его можно перевести в другой банк.

Хорошим прикрытием служит владение парикмахерской, портняжной или сапожной мастерской, небольшой компанией или маленьким магазинчиком, фотостудией, мастерской по ремонту часов и так далее.

Связь с агентами, действующими в зарубежных странах, а также другие виды разведывательной деятельности против соседних государств осуществляются самыми разными способами — при помощи военных и торговых судов, с многочисленных прибрежных станций. Когда советское судно входит в иностранные воды, на нем всегда имеется три или четыре сотрудника разведки под видом членов команды, а порой и целая группа. У них имеется при себе радиоаппаратура и другие технические средства для установления и поддержания связи с действующими агентами в данной стране. Например, в черноморском регионе, где ведется интенсивная работа против Турции, специальные станции имеются в Батуми, Сухуми, Ленинакане, Севастополе и других городах, откуда осуществляется радиосвязь с сетью агентов и передаются оперативные указания.

Во всех вышеупомянутых городах имеются разведывательные пункты, откуда осуществляется круглосуточное руководство всеми видами деятельности, направленной против соседних стран, и в первую очередь против Турции. Даже на борту советского судна, доставившего Хрущева в Нью-Йорк, было несколько офицеров разведки из КГБ и ГРУ, у которых были свои особые задачи. Когда Хрущев в 1956 году

отправлялся в Англию, он взял с собой Серова и большую группу его сотрудников.

Успешно функционирующие крупные резидентуры имеются в Испании. Эта работа контролируется и направляется Долорес Ибаррури, генеральным секретарем Коммунистической партии Испании, ныне живущей во Франции. Резидентура существует исключительно на средства Советского Союза.

Создание нелегальных резидентур в Испании облегчалось тем, что после гражданской войны многие испанцы перебрались на жительство в Советский Союз. Они свободно говорили на обоих языках. Некоторых из них завербовала советская разведка и направила в Испанию. К сказанному необходимо добавить, что эти люди не только вели работу против правительства Франко, но и шпионили за американскими базами в этой стране. Поскольку в Испании не могло быть легальных резидентур (11), вся шпионская работа основывалась на деятельности нелегалов.

Во время моего пребывания в Турции началась работа по созданию одной или двух нелегальных резидентур в этой стране, а также в Египте, Пакистане и Афганистане. Вполне возможно, что они уже действуют. Предполагалось использовать турок из Болгарии, а также болгар, давно осевших в Турции и живущих в ней. Но сеть агентов, в настоящее время действующих в Турции, не представляет большой ценности. Понять это нетрудно. Вербовать турок очень сложно; они тут же бегут в полицию и докладывают.

Советник нашего посольства в Индии Сергей Вещунов как-то признался мне, что нелегальная резидентура ГРУ в Нью-Йорке состоит из советских агентов, которые проникли в США через третьи страны, а вторая (легальная) резидентура, меньшая по чис-

ленности, — сплошь из оперативных офицеров ГРУ. Скорее всего, такая же резидентура имеется и в Вашингтоне, но мне доводилось слышать от работников 3-го управления (12), что агенты в Вашингтоне — пожилые люди, и их возможности ограничены.

С точки зрения ГРУ, тактика работы по созданию сети агентов включает в себя следующие этапы: вербовка агента, подготовка его, организация резидентуры и сами операции. Процедура вербовки: отслеживание перспективного агента, уяснение его мотивации, изучение всех фактов, касающихся его биографии. Когда оперативник уверен, что кандидат пойдет на вербовку, он должен получить соответствующее разрешение из Москвы. Сам процесс вербовки продолжается несколько месяцев, а порой и лет, после чего новый агент готов приступить к работе.

Поиск перспективного кандидата принято считать если и не самым трудным, то очень важным этапом вербовки. Часто на поиск подходящего кандидата уходят месяцы, а то и годы. В программе Военно-дипломатической академии предусмотрен специальный курс по искусству вербовки. Инструктора и преподаватели, читающие его, — обычно опытные оперативники, сами работавшие за границей в качестве легальных или нелегальных резидентов.

Порой в силу особых причин вербовщика могут прислать в местную резидентуру из Москвы. ГРУ уделяет серьезное внимание поиску таких специалистов. Мастер вербовки прежде всего должен быть космополитом, знать иностранные языки, зарубежный мир и много других вещей, далеко не всегда известных обычному офицеру. Он должен быть эрудированным человеком в области западной литературы, искусства, спорта и так далее. Исключительно важны при этом характер и личные качества

такого человека. Он должен обладать способностью легко входить в контакт с любым человеком и внушать ему доверие. Естественно, человек, вызывающий антагонизм, не может быть успешным вербовщиком, ибо личные контакты, как ничто другое, помогают нелегальному резиденту выявить потенциальных агентов. Такого рода информация может быть получена во время приемов, карточных игр (бридж, покер) и в ходе бесед на самые разные темы. Поиск агентов часто ведется в среде деятелей зарубежного искусства (актеры, музыканты, артисты балета и т. д.), потому что они, как правило, имеют свободный доступ в высокие правительственные, финансовые, научные и прочие сферы. Немалое количество творческих личностей за рубежом поддерживали или продолжают поддерживать контакты с советскими агентами; есть они и среди известных физиков и других ученых.

Разведслужба отбирает кандидатов для дальнейшей вербовки из четырех категорий зарубежных граждан. Во-первых, это лица, которые уже использовались советской разведкой в том или ином конкретном случае. Во-вторых, лица, рекомендованные местной коммунистической партией (13). В-третьих, лица, имеющие возможность действовать под своим официальным прикрытием, и, в-четвертых, лица, обладающие важными общественными связями.

Порой кандидат на вербовку, с которым работает офицер разведки, в свою очередь, становится источником сведений о других возможных кандидатах. В процессе сбора касающейся его информации он называет своих друзей и знакомых, которые могут стать поставщиками ценных, с точки зрения разведки, данных.

Офицеры, работающие в легальной резидентуре, широко пользуются своим официальным прикрытием, таким, например, как помощник атташе, корреспондент ТАСС, член торговой миссии и т. п. Прикрытие используется для наблюдения. В соответствии с официальным положением, они посещают соответствующие министерства и ведомства страны пребывания. Предлогом для таких визитов часто служит выполнение профессиональных обязанностей. На деле же офицеры разведки ищут подходящие кандидатуры для вербовки. ГРУ постоянно испытывает потребность в агентах из числа служащих самых разных зарубежных правительственных учреждений, особенно имеющих отношение к атомной энергетике, промышленности, вооруженным силам, а также из числа лиц, вхожих в политические круги. Для этих целей разведчики используют так называемое светское знакомство. Недавно по всем резидентурам была разослана секретная директива, предписывающая как можно больше устанавливать таких контактов с американцами.

Подлинная цель светской «дружбы» заключается в поиске новых агентов. При этом ГРУ прежде всего интересуют лица, занимающие высокое положение в определенных сферах деятельности или имеющие доступ к нужной ему (ГРУ) информации, а также лица, придерживающиеся «демократических взглядов», которые в силу своей политической наивности попадаются на крючок коммунистической пропаганды и легко идут на вербовку. И КГБ и ГРУ настойчиво ищут людей, применительно к которым можно использовать шантаж, например сексуальных извращенцев или тех, у кого есть родственники в СССР и т. д.

Официальные приемы в советских посольствах, миссиях, консульствах тщательно планируются; приглашения рассылаются тем, кто представляет интерес

для спецслужб. Из сотрудников этих советских учреждений подбирают тех, кто может установить контакт с намеченным для вербовки лицом. Офицер разведки начинает уделять этому человеку повышенное внимание. В ходе знакомства разведчик может высказать сожаление, что сейчас нет возможности продолжить столь интересную беседу, и предложить встречу в более подходящих обстоятельствах, то есть за обедом, в театре, или под предлогом просмотра нового отечественного фильма пригласить в какую-нибудь советскую миссию.

В некоторых странах и городах ГРУ получает информацию о потенциальном агенте путем прослушивания его телефонных разговоров. Если беседа ведется между правительственными учреждениями, то полученная таким образом информация может представлять немалый интерес для разведки.

Как только лицо признано подходящим кандидатом, офицер разведки дает ему предварительную оценку и начинает разработку. Ему предстоит собрать как можно более полную информацию о личной жизни кандидата, что в некоторых случаях бывает весьма затруднительно. Такого рода информация включает в себя подробные сведения о семье кандидата, о его привычках, интересах, наклонностях или пристрастиях и так далее. Все это полагается изложить в письменной форме.

В процессе разработки кандидата могут передать от одного оперативника к другому. Порой наводка поступает из Москвы. Москва извлекает данные из официальных документов (об ученых, инженерах и т. п.), хранящихся в специальных досье.

В ходе вербовки ГРУ пытается прежде всего использовать фактор материальной заинтересованности, а также шантаж, различные формы давления и угроз. Конечно, агентов вербуют и на идеологичес-

кой основе, но такие агенты составляют ничтожный процент от общего числа завербованных.

После окончательного выбора кандидата оперативник действует на основе двух принципов: во-первых, установить дружеские отношения; а во-вторых, постараться создать такие условия, чтобы кандидат чувствовал себя в долгу перед разведслужбой.

При разработке кандидата оперативник должен так обставить дело, чтобы тот ни при каких обстоятельствах не смог избежать вербовки. Для этого оперативник должен позаботиться о том, чтобы кандидат, к которому он время от времени обращается с разными мелкими просьбами и поручениями, фактически еще до официальной вербовки был втянут в разведывательную деятельность.

Завершив разработку кандидата и убедившись, что тот способен выполнять разведывательные функции и не откажется от вербовки, оперативник должен получить разрешение на нее. На принятие такого решения в Москве обычно уходит от двух до трех недель.

После получения разрешения оперативник осуществляет вербовку и оформляет ее, получив от кандидата письменное согласие на сотрудничество и присвоив ему псевдоним. Тем не менее, даже когда агент уже завербован, ему не сообщают, на какую разведывательную службу он будет работать; просто говорят, что ему предстоит работать на Советский Союз.

По завершении вербовки на агента заводится оперативное дело в Москве. После нескольких встреч со свежеиспеченным агентом его вербовка считается окончательно завершенной.

Сначала я думал, что смогу изложить в письменном виде все, что мне известно о ГРУ и о советской сети шпионажа, но теперь я вижу, что у меня нет

времени для выполнения этой задачи. Объем материала слишком велик, чтобы воплотить его на бумаге. И условия, в которых мне приходится писать, далеки от идеальных. Я зажат со всех сторон. Поэтому попытаюсь быть кратким, ибо нужно рассказать еще очень многое. Ведь я описываю не собственную жизнь. Я пишу биографию системы. Порочной системы.

Каждый, живущий на Западе, должен твердо знать одно: шпионаж, осуществляемый Советским правительством, достиг такого огромного размаха, что человеку непосвященному это трудно себе представить. Но глубоко ошибочно недооценивать этот факт. В таких странах, как Соединенные Штаты, Англия или Франция, советские представительства намного превосходят соответствующие представительства этих стран в СССР. В одной только Англии их тьма-тьмущая. Западные страны должны решительно сокращать предлагаемое число советских представителей. И при поимке очередного советского агента слать ноты с требованием сократить персонал советских посольств, торговых миссий, консульств и т. д. Это создаст им определенные неудобства и, в свою очередь, приведет к сокращению масштабов советского шпионажа.

Персонал КГБ и ГРУ в советских консульствах. Я уже говорил о количестве офицеров КГБ в посольствах. Штат консульств почти на сто процентов укомплектован за счет сотрудников КГБ, среди которых лишь один или два офицера ГРУ. Даже у ГРУ были нелегкие ситуации, когда оно пыталось использовать консульское прикрытие для своих сотрудников; все должности были заняты КГБ.

КГБ в посольствах ведет слежку за всеми сотрудниками, включая и нас, работников ГРУ. Представители КГБ контролируют абсолютно все: что люди

покупают, как живут и соответствует ли уровень их жизни получаемой заработной плате, куда ходят, у каких врачей лечатся, с кем встречаются, сколько пьют и каков у них уровень морали. КГБ постоянно прослушивает телефонные разговоры. Короче, практически вся жизнь сотрудников посольства известна КГБ. Тем временем мы, в свою очередь, следим за КГБ. Мы стараемся установить, кто из наших сотрудников связан с КГБ, кто информирует его и сотрудничает с ним.

КГБ и ГРУ имеют своих сотрудников в каждом советском представительстве за границей: в ООН, в торговых миссиях, в ТАСС, «Аэрофлоте», в конторах торгового мореходства, в корреспондентских пунктах и так далее. Не все офицеры ГРУ являются высокообразованными людьми, но большинство из них имеют техническую или какую-либо иную научную подготовку, чтобы вести беседы с представителями местной интеллигенции. Поскольку в ГРУ не хватает чисто научного персонала, мы привлекаем к сотрудничеству наших ученых, и те, в соответствии с нашими инструкциями и с инструкциями Центрального Комитета КПСС, выполняют задания разведки.

Даже руководитель советского госпиталя в Иране полковник Макаров — офицер разведслужбы. Он окончил Медицинскую академию имени Кирова. Другой мой приятель, полковник Янченко, отправился в Гвинею в роли корреспондента. Всегда работающий под прикрытием ТАСС, он является офицером стратегической разведки ГРУ.

Еще одно. В прошлые времена главный военный атташе автоматически являлся резидентом ГРУ в соответствующем посольстве. Теперь все обстоит иначе. Ведь их было очень легко вычислить и разоблачить.

Теперь обязанности резидента возлагаются на другого человека, который в посольстве обычно имеет гражданское прикрытие. Им может быть посол, советник, первый или второй секретарь. Конечно, военный атташе тоже является офицером ГРУ, но никогда — резидентом. Такая реорганизация, кроме всего прочего, позволяет ГРУ иметь в посольствах дополнительно еще несколько своих сотрудников. Резидент обычно в звании полковника или генерала.

Военные атташе были освобождены от своих обязанностей резидентов специальным решением ЦК КПСС от 22 января 1961 года.

Личные письма сотрудников посольства, включая работников КГБ и ГРУ, — особенно письма от жен — предварительно, до отправки, вскрывает и читает специальный человек, дабы убедиться, что в них нет ничего «лишнего». Даже самые обыденные вещи вызывают неодобрение. Например, «откровения» типа: «мы тут хорошо питаемся, вдоволь едим мяса и пьем молока» и т. п. оцениваются не лучшим образом, потому что в письмах домой нельзя сообщать, что за пределами СССР существует изобилие. «Зачем об этом писать? Можно обойтись и без этих глупостей». В таких случаях провинившегося предупреждали, чтобы в будущем он держал язык за зубами и объяснил это жене.

Все водители машин ГРУ за границей — сами офицеры разведки. Кое-кто из них даже имел звание майора и выше. Так, шофером у военного атташе был старший лейтенант Фокин. У военно-морского атташе в США за баранкой сидел флотский капитан-лейтенант.

Женщины в ГРУ работали только секретаршами и машинистками или же занимались другими обязанностями, не требующими оперативных навыков. Хотя несколько женщин работало в Управлении по

нелегалам, а также в Управлении диверсий и саботажа. Одна женщина читала лекции в Военно-дипломатической академии, но потом выяснилось, что ее брат был расстрелян, а она скрыла это от ГРУ, и ее немедленно уволили.

В настоящее время разведка в Индии ведется с большой осторожностью. Тем не менее вербовка агентов и контакты с ними продолжаются. Оперативная деятельность пока заморожена, но, когда поступит сигнал о ее возобновлении, наши агенты немедленно приступят к делу. Пока же их снабжают деньгами и оборудованием, а они исподволь подбирают кандидатов на вербовку. И у КГБ и у ГРУ в Индии имеются отменные агенты. Наряду с дипломатическими акциями за Неру, за его правительством и его деятельностью осуществляется непрерывное наблюдение.

В Пакистане большинство агентов ориентированы на диверсионно-подрывную деятельность, ибо с этой страной наши отношения не столь дружественные, как с Индией. Когда я работал в пакистанском отделе, существовал даже план диверсионных акций с четко намеченными целями. Он включал в себя разрушение водохранилищ и дамб, отравление источников питьевой воды и т. д., с целью породить панику среди населения. Кроме того, имелись уже отпечатанные пропагандистские и дезинформационные материалы, убеждающие население, что это дело рук американцев и индийцев. Цель же подобной акции состояла в разжигании вражды между Пакистаном и Индией. У КГБ в Пакистане было больше представителей, чем у ГРУ.

Вот пример того, как Хрущев хотел ухудшить отношения между Пакистаном и Индией с помощью Афганистана. В сентябре 1961 года маршал Соколовский с большой группой старших офицеров посетил Афганистан. Целью визита было изучение боеготовности афганских вооруженных сил и составление плана повышения их военного мастерства, а также интенсификации огневой мощи. В соответствии с этим планом афганские офицеры проходили серьезную подготовку в советских военных училищах и, кроме того, в Афганистан была направлена большая группа советских военных инструкторов. Обсуждался вопрос посылки в Афганистан в соответствующее время советских войск для совместной операции против Пакистана. У Соколовского был также приказ изучить некоторые районы Афганистана на предмет возможного размещения советских ракетных установок. Позже там будут проведены соответствующие геодезические и инженерные работы. Афганская армия будет частично перевооружена и получит новое оружие.

В то же время группа офицеров ГРУ усиленно готовилась к засылке агентов в Пакистан с территории Афганистана. Они должны были действовать под личиной индийских агентов, но на деле работать на Советский Союз. Таким образом ГРУ создавало видимость индийского шпионажа против Пакистана.

Основной стратегической целью в этом регионе была, конечно, Индия. Я едва сам не очутился там. Сразу же после окончания в 1959 году Военной инженерной артиллерийской академии имени Дзержинского Серов, осведомленный о моих успехах, предложил мне отправиться в Индию. Она рассматривалась как наша территория, в том смысле, что в будущем мы сможем осуществлять там операции широкого масштаба. И было вполне резонно направить туда офицера с моим уровнем подготовки в об-

ласти ракетного вооружения, ибо в не столь уже далеком будущем Индии могли быть предоставлены наши ракеты.

Я уже почти закончил подготовку к отъезду. Военным атташе был Павлов — после смещения с этой должности он стал генерал-полковником, командиром соединения. Стала проявляться новая тенденция: должность военного атташе не должен занимать профессиональный офицер разведки, потому что новой генерации военных атташе для исполнения своих функций не обязательно обладать специальной подготовкой разведчика; ГРУ стало набирать людей из войск, обыкновенных строевых офицеров, которые не знали ни языка, ни страны пребывания, но, будучи в генеральском звании, могли представлять Вооруженные Силы Советского Союза. Так что на этом посту был генерал, а его помощником был мой однокурсник. Когда я уже собрался в дорогу, поездка была отложена, а потом и отменена.

От своего приятеля Шаповалова из лондонской резидентуры ГРУ я был наслышан о тамошних условиях работы. В Индии он был секретарем военного атташе и его помощником, хотя плохо знал английский. Он работал в группе научной разведки, примерно такой же, какая находилась в моем подчинении. Начальником его был Павлов, женатый на дочери Ворошилова.

Сеть агентов военной резидентуры в Индии была заморожена. Вся радиоаппаратура хранилась в тайнике. В состав агентурной сети входили два брата. Они получали деньги, мы кормили их, заботились об их здоровье и т. д., то есть они были готовы в любой момент восстановить радиосвязь. Мистер Неру должен был знать об этом. Вся аппаратура хранилась до лучших времен в запаянных, воздухонепроницаемых цинковых ящиках. Мы ждали.

Таким образом, мы работали повсеместно, готовя провокации и в то же время громогласно провозглашая политику «мирного сосуществования».

5-е управление ГРУ, занимавшееся диверсиями и террористическими актами, имело план действий не только на случай неожиданного возникновения критических ситуаций, как, например, в Берлине. Имелся план конкретных мероприятий: какие здания должны быть взорваны, кто должен быть ликвидирован, что подлежит разрушению в Нью-Йорке, Вашингтоне, Лондоне и т. д. Конечно, не замышлялась немедленная реализация этих планов, они были разработаны на случай, если — и когда — возникнет такая необходимость и будет дан соответствующий сигнал.

В связи с этим военные, военно-воздушные и военно-морские атташе должны собирать информацию обо всех значащихся в планах объектах, которые необходимо разрушить в случае тотальной войны или специфического локального кризиса. Кроме того, атташе были нацелены на сбор информации о районах, наиболее удобных для высадки воздушного десанта и т. д., чем они и занимались во время поездок по стране, в которой были аккредитованы. Это делалось ради предотвращения ошибок, чтобы десанту, например, не пришлось бы приземляться в болото, где его легко уничтожить. И в мирное время, и на случай войны у 5-го управления был огромный объем задач.

5-е управление отвечало и за так называемую дезинформационную деятельность, цель которой состояла в том, чтобы посеять панику и растерянность среди населения. Были подготовлены тексты радиопередач, которые будут запущены в эфир; имелись уже отпечатанные листовки и другие пропагандистские материалы для дезориентации населения тех

районов, где могла возникнуть война или вооруженные конфликты.

В настоящее время руководителем 5-го управления является генерал-майор Кочетков, бывший начальник Военно-дипломатической академии. 5-е управление к тому же отвечает и за размещение резидентур во всех зарубежных странах, включая страны народной демократии. Резидентуры и отдельные агенты в соответствии с планами Генерального штаба определяют районы, подходящие для высадки военно-воздушного десанта, а также готовят небольшие группы агентов для ликвидации специфических препятствий. В настоящее время они не предпринимают активных диверсионных действий, но находятся в состоянии постоянной готовности («консервации»).

Кроме того, 5-е управление руководит школой по подготовке диверсантов и террористов, в которой периодически проходят подготовку около двухсот заядлых головорезов. Если позволит время, позже я более подробно расскажу об их деятельности.

Еще несколько слов о руководстве ГРУ. Когда начальником ГРУ был генерал-лейтенант Штеменко, он работал не покладая рук и провел много толковых реформ. Как я говорил раньше, при Сталине он руководил Генеральным штабом. После смерти Сталина он впал в немилость и был разжалован в генерал-майоры. Затем, когда к власти пришел Хрущев, Штеменко поставили во главе ГРУ и снова произвели в генерал-лейтенанты. Он был хорошим руководителем, главным образом в силу своих административных способностей, но генералы из Генерального штаба относились к нему неприязненно.

Серова, нынешнего начальника ГРУ, трудно назвать блестящей личностью. Он знает, как допрашивать, как сажать в тюрьму и расстреливать. В более сложных материях разведки он разбирается куда

хуже. Серов был человеком Берии. Тот испытывал симпатию к нему и стремительно вознес на самый верх.

Пост Председателя КГБ автоматически приравнивался к министерскому рангу; переведенный в ГРУ, Серов утратил министерский пост, но стал заместителем начальника Генерального штаба. В ГРУ Серов изучает ситуацию в плане сбора разведданных, но большая часть работы лежит на плечах его заместителя, генерал-майора Рогова. Другой его зам, генерал-майор Мамсуров, армянин, занимается только хозяйственными и административными проблемами. Сотрудники ГРУ уважали Серова за то, что он не разрушал устоявшуюся в нем структуру.

После его перевода в ГРУ официальных приказов о более тесном сотрудничестве ГРУ с КГБ не поступало. Но зато теперь, когда ГРУ посылало в КГБ те или иные запросы относительно иностранцев или новых советских нелегалов и т. п., КГБ незамедлительно давал исчерпывающие ответы. Ведь, как ни крути, бывшие подчиненные Серова из «соседей» уважали его подпись. Но по большому счету кардинальных изменений в отношениях с КГБ не произошло.

Иван Александрович Серов. Первое знакомство с Серовым было связано с моей работой в Турции, когда я через канал связи КГБ послал телеграмму в ЦК КПСС о неправильных действиях нашего резидента ГРУ Рубенко. Телеграмма попала в руки Серова (он тогда был Председателем КГБ) и через него — в Центральный Комитет КПСС. С тех пор Серов запомнил мое имя и, когда его назначили начальником ГРУ, стал лично интересоваться моей работой. В конечном итоге между нами установилось нечто вроде

дружбы, я несколько раз бывал у него дома и на даче. Хотя особого желания превозносить его у меня не было, я был одним из его подчиненных. В таковом качестве я выполнял все его приказы и ради своего продвижения по службе старался поддерживать с ним добрые отношения. Когда другие старшие офицеры и руководители управлений ГРУ узнали о моих хороших отношениях с Серовым, их собственное отношение ко мне заметно изменилось к лучшему. Серов жаловал меня своей особой благосклонностью.

Серов жил на улице Грановского. В этом же доме жили многие маршалы, министры и члены Центрального Комитета; ходили слухи, что тут же находится и квартира Хрущева. На одном этаже с Серовым жил Генеральный прокурор СССР Руденко. Когда Серов был Председателем КГБ, он арестовывал людей, а Руденко подписывал им смертные приговоры. Вечерами они ходили в гости друг к другу и за бутылкой решали, кого посадить в тюрьму, а кого расстрелять. Очень удобно. Под квартирой Серова были апартаменты маршала Жукова. Этажом выше жил Суслов, член ЦК КПСС, а над ним — Фурцева.

Дополнительные заметки

Генерал-майор Феденко был заместителем начальника ГРУ. Сейчас в Москве.

Генерал-полковник Федоров — начальник 10-го управления ГРУ, которое занимается странами народной демократии.

Генерал-полковник Тюленев тоже работает в 10-м управлении.

Полковник Кондрашев, военный атташе в Турции, инженер, сейчас преподает в Военно-дипломатической академии. Провел в Турции пять лет. Работал весьма посредственно.

Некий турок, занимавшийся бизнесом в Афганистане, был завербован советской разведкой. Его отец — курд, но он скрывает этот факт.

Всех африканцев, равно как представителей Афганистана, Турции и Ирана, мы скопом называем цветными (чернокожими). Так их принято называть во всех управлениях и отделах.

1-е Главное управление Генерального штаба считается оперативным. 2-е Главное управление Генерального штаба — это мы (ГРУ).

Долгое время заместителем генерал-майора Коновалова был генерал-полковник Меклишев. В настоящее время генерал-полковник Меклишев — начальник 4-го (восточного) управления. Он сменил на этом посту генерал-полковника Зотова, который в свое время был военным атташе в Италии и Франции, а сейчас отправляется на должность военного атташе в Венгрии.

Начальники Военно-дипломатической академии: Славин, бывший посол в Швеции; генерал-майор Дратвин; генерал-майор Кочетков.

На каждом курсе академии от девяноста восьми до ста слушателей.

Военный атташе в Пакистане — полковник Дубровин, офицер стратегической разведки.

Наш агент Капрал на Цейлоне представил очень ценную информацию.

Полковника Василия Максимовича Рогова, который невысок ростом, не следует путать с генерал-майором Роговым, заместителем Серова.

Начальником 1-го отдела ГРУ является генерал-полковник авиации Шелыганов. В составе его подразделения есть фотографический отдел, отдел тайнописи и так далее.

Действующий резидент в Лондоне — Карпеков, татарин.

Резидент ГРУ в Индии Сергей Вещунов, а также резидент ГРУ в Египте Постников участвовали в конференции резидентов в Центральном Комитете, которая состоялась во второй половине июня 1961 года.

Советником посла в Японии по научно-техническим вопросам является полковник Сергеев, офицер ГРУ. Сергеев — это не настоящая его фамилия.

Майор Николай Кишилов работает у Коновалова; полковник Фуковский пребывает в Иране; полковник Бокарев — заместитель Смоликова; полковник Бычко работает в 3-м управлении (до этого занимался вербовкой агентов в Канаде).

(1) Генерал-майор Миронов погиб в авиационной катастрофе 19 октября 1964 года, вместе с маршалом Бирюзовым.

(2) Александр Семенович Панюшкин родился в 1905 году; окончил Военную академию имени Фрунзе в 1935 году. В 1939—1944 годах был послом в Китае, в 1947—1952 годах — послом в США. 1952—1953 годы — посол в коммунистическом Китае. В 1953 году возглавил внешнюю разведку. В 1962 году был назначен заведующим отделом ЦК КПСС и получил воинское звание генерал-майора.

(3) Голиков был снят со своего поста в мае 1962 года «по состоянию здоровья». Его должность занял генерал Алексей Епишев, бывший в тот момент послом СССР в Югославии.

(4) В феврале 1963 года в связи с грядущим кубинским кризисом Захаров был освобожден от занимаемой должности и заменен маршалом Бирюзовым, специалистом по ракетному вооружению. На свой прежний пост в Генеральном штабе Захаров был снова назначен в октябре 1964 года после гибели Бирюзова в авиационной катастрофе и, по совпадению, после снятия Н.С. Хрущева.

(5) Данные приводятся по состоянию на 1962 год.

(6) Контр-адмирал Леонид Константинович Бекренев был начальником Управления нелегальной работы ГРУ до назначения в 1962 году советским военно-морским атташе в США. В начале 1963 года был отозван в Москву, скорее всего, для дачи показаний в связи с арестом Пеньковского.

(7) Как отмечалось выше, в ГРУ это управление было низведено до уровня отдела, но 10-е управление Генерального

штаба сохранилось, но было преобразовано в Управление стран народной демократии и активно занимается военными проблемами.

(8) Рихард Зорге, работавший в Японии перед Второй мировой войной, был нелегалом ГРУ. Полковник Абель в США — пример нелегала КГБ.

(9) Нелегальный резидент возглавляет сеть агентов и имеет свои собственные каналы связи с Москвой, автономные от системы связи, используемой офицерами резидентур, действующих под прикрытием советского посольства или других официальных представительств, таких, как, например, советская миссия в ООН.

(10) Тоже офицер ГРУ.

(11) У Советского Союза не было с Испанией дипломатических отношений и, соответственно, — официальных представительств, которые могли бы служить прикрытисм.

(12) Управление ГРУ, отвечающее за разведывательные операции в Соединенных Штатах.

(13) В 1960 году по всем заграничным учреждениям ГРУ была разослана директива ЦК КПСС о снятии послевоенных ограничений на использование членов иностранных коммунистических партий в целях шпионажа. С этого времени оперативные работники могли свободно вербовать членов иностранных коммунистических партий, не испрашивая на то предварительного разрешения.

Предисловие к главе III

Я уже упоминал, что часть «Записок» Пеньковского воспринимается как лекция, читаемая им слушателям в аудитории. Как и многим русским, ему присущ ярко выраженный дидактический склад ума. Но вместе со своими соображениями и мнениями по многим важным вопросам он смог переслать и несколько лекций, которые действительно читались слушателям в аудиториях — и, наверно, далеко не один раз. Они представляют собой часть курса, в 1960—1961 годах прочитанного студентам Военно-дипломатической академии, высшего учебного заведения ГРУ, которое сам Пеньковский окончил в 1953 году. Пеньковский упоминает несколько лекций, посвященных агентурной работе в странах Западной Европы, а также различным аспектам шпионской деятельности. Одна из них представляет особый интерес. Она озаглавлена «Особенности агентурной связи и руководства агентами в США».

«Американская» лекция была прочитана подполковником Приходько, в прошлом работником англо-американского управления ГРУ, ветераном разведки, который между 1952-м и 1955 годом бывал в Нью-Йорке в качества члена советской делегации в ООН. Хотя язык суховат и порой перегружен техническими терминами, читать стенограмму лекции надо тщательно и вдумчиво, ибо она представляет

собой не что иное, как учебник или наставление по шпионской деятельности советской разведки в Соединенных Штатах.

Вынести секретную стенограмму лекции Приходько из ГРУ — это уже само по себе поступок из ряда вон выходящий. Никогда ранее оперативные методы современной разведслужбы не формулировались с такой обнаженной ясностью. Редко какой документ давал более полное представление об ограниченности советского образа мышления, чем эта попытка нарисовать объективную картину другой страны и ее культуры.

Мы предполагаем, что Пеньковский передал копии этой лекции и других материалов сходного характера своим контактам в английской и американской разведках. Но мотивы, побудившие его присовокупить эти тексты к своим «Запискам», выходят за рамки желания всего лишь представить дополнительную информацию. Как пишет он в предваряющем текст лекции вступлении, он хотел предупредить «американский народ» о размахе направленной против него шпионской деятельности. Судя по «Запискам», Пеньковский буквально одержим тревогой по поводу того, что американское и английское сообщество пребывает, как он считает, в опасном неведении о подлинном размахе деятельности советской разведки. Текст лекции должен был подействовать на них отрезвляюще, как и вся информация, содержащаяся в «Записках» Пеньковского. Он был фанатиком, который жаждал, чтобы если его не оценят, то пусть хотя бы услышат. Он апеллировал к гораздо более широкой аудитории, чем искушенные эксперты англо-американского «разведывательного сообщества».

В цитируемой лекции Приходько старается быть объективным. По сути дела, ее текст представляет собой этакий маленький справочник для тайных агентов, с изрядным налетом назидательности Эмили По-

уст[1], и представляет собой набор практических советов советскому разведчику, работающему за рубежом. Так, например, советы подполковника, искушенного офицера советской разведки, должны подвигнуть агента на изучение структуры нью-йоркского метро («...Она достаточно сложна, и, прежде чем использовать ее в оперативных целях, ее следует тщательно изучить»). Мотели — идеальное место для встреч с агентами, потому что у номеров имеется отдельный вход. Арендованные машины — великолепное средство передвижения. Общественные телефоны как нельзя лучше подходят для связи («Телефон — неотъемлемая часть американского образа жизни»). Но разведчик должен постоянно помнить, что его может подслушать вражеская контрразведка.

Офицерам, живущим в США, Приходько советует завязывать знакомства в прачечных и химчистках: «Американцы стараются всегда носить чистую, хорошо выглаженную одежду, с четкой стрелкой на брюках... У них принято менять белые рубашки и носки каждый день».

На Приходько произвело неизгладимое впечатление обилие баров и разнообразие напитков. Например: «Немалую часть времени американцы любят проводить в барах... Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, необходимо точно знать, как делается заказ; например, мало сказать «Принесите мне стакан пива». Необходимо добавить и название сорта («Шлитц», «Рейнгольд» и т. п.)».

По поводу кинотеатров он делает такое разъяснение: «Американцы не довольствуются просмотром одного фильма. Поэтому владельцы кинотеатров де-

---

[1] Поуст Эмили — автор популярного руководства «Этикет» (1922) в вопросах хорошего тона и правилах поведения. Поуст была особенно популярна в США с 20-х гг. и до начала Второй мировой войны. Регулярно выступала с колонкой в 200 ежедневных газетах.

монстрируют за один сеанс два фильма». Приходько считает, что полупустые залы кинотеатров великолепно подходят для встреч с агентами, а из аптек удобно связываться с ними по телефону.

Отделы объявлений, с точки зрения Приходько, предоставляют широкие возможности для поддержания связи с агентурной сетью; размещать такие тексты в прессе не составляет труда. (Поскольку американские газеты заинтересованы в предоставлении платных услуг такого рода, поясняет он, они печатают объявления «с большой охотой».) Толковый советский оперативник никогда не станет встречаться с агентами возле банков, ювелирных магазинов, здания ООН в Нью-Йорке или поблизости от советского посольства в Вашингтоне. Приходько предостерегает от организации встреч на Стейтен-Айленд, куда в любое время можно добраться на пароме или через мост из Нью-Джерси.

Недостаточное знание языка или плохое произношение не должны смущать лингвистов из ГРУ («поскольку так говорит немалая часть населения города»). Но им необходимо основательно приобщиться к спорту. В ходе игры в гольф, наставляет своих слушателей подполковник Приходько, можно спокойно общаться с агентом, но будущий игрок в гольф, прежде чем отправляться за рубеж, должен освоить это искусство еще в Москве. Подполковник предупреждает: «Для того чтобы встреча на площадке для гольфа прошла успешно... надо прежде всего уметь играть в гольф. То есть слушатели должны научиться этому здесь, учась в академии».

Работающий в США разведчик должен внимательно изучить ресторан, где он намерен встречаться с агентом. (Если он будет следовать советам Приходько, то, скорее всего, рекомендуемые им рестораны — весьма захудалые, подполковник ссылается на приня-

тые в ресторанах в его время десятипроцентные чаевые.) В любом случае предпочтительнее пользоваться пишущими машинками, записей от руки следует избегать. Очень удобно оставлять послания для агентов в парках, хотя и тут могут возникнуть некоторые сложности. «Необходимо помнить, — пишет Приходько, — что в американских парках (например, в Центральном парке Нью-Йорка) обитает множество белок, которые могут разворошить тайник (особенно если он в дупле) и вытащить его содержимое наружу». Договариваясь о рандеву, нужно учитывать разницу часовых поясов и протяженность светового дня; желательно избегать посещений распродаж в универсальных магазинах. (В старании разрекламировать распродажу, владелец приглашает на ее открытие газетных репортеров и фотографов. Дабы не попасть в объектив фотокамер, офицеры разведки и члены их семей не должны появляться к открытию распродажи.)

Американский читатель не должен поддаваться обманчивому впечатлению и с юмором воспринимать присутствие офицеров ГРУ в Америке лишь как забавную борьбу с нахальными белками, походы за покупками и неспешное приближение к шестнадцатой лунке, где намечено рандеву с агентом. Первоочередное внимание Приходько уделяет надежности систем связи, необходимости сводить количество встреч с агентами до минимума и немедленно по завершении любого контакта о нем сообщать. Главное — быстрота действий. Методы ухода от слежки необычайно сложны, предусматривают многочасовое кружение по городу, смену видов транспорта и т. д., в чем, кстати, не всегда есть необходимость. На всех этих откровениях лежит печать профессионального и личного страха перед возможностью задержания.

Несомненно, американская контрразведка основательно осложняет жизнь даже самым опытным офи-

церам ГРУ. ФБР и для них, и для КГБ — не пустой звук; они считают Бюро умным, неутомимым и вездесущим врагом. Немалое количество советских агентов, задержанных в США, свидетельствует о неуклонно растущей эффективности работы министерства юстиции в этой области.

Приходько снова и снова повторяет, что Федеральное бюро расследований осуществляет «жесткий контрразведывательный режим». Почти на каждой странице его лекции содержится напоминание о «постоянной слежке». Он предупреждает о подслушивающих устройствах, которые ФБР может установить в автомобиле, что позволяет следить за перемещениями агента и/или слушать его разговоры. Он отмечает, что даже Таможенная служба США использует последние технические достижения, дабы выявлять контрабандные грузы и материалы. «Не так давно, — сообщает он, — глава Федерального бюро расследований Эдгар Гувер предложил для просвечивания багажа в аэропортах использовать рентген». Как признает Приходько, ФБР существенно усложнило условия работы советских офицеров в США.

Важным условием успешной деятельности советской разведки является надежная связь. Кроме обычной радиосвязи, Приходько даже упоминает о возможном «использовании радиостанций, установленных на спутниках Земли», которые ускорят передачу агентурных сообщений в московский Центр. Новые системы связи разрабатываются в основном на случай военных действий. «Во время войны, — предупреждает Приходько, — условия прямой связи между Центром и резидентурами заметно усложнятся». Помимо всего прочего, он предупреждает сотрудников разведки, что и они сами, и их агенты должны размещаться по возможности подальше от крупных населенных пунктов, которые могут стать

объектами советских бомбардировок. И добавляет: «...Одной из основных целей резидентуры, действующей в мирное время под официальным прикрытием, является подготовка агентов и агентурной сети... к действиям в военное время».

Тем не менее наиболее тенденциозной и обескураживающей чертой лекции является нарочито негативная оценка американского характера. Отметим лишь некоторые пассажи из лекции. «Чаще всего круг интересов американца очень ограничен». «Многие американцы не читают книг. В газетах их интересуют, главным образом, объявления, спортивные новости и комиксы». «В общем и целом буржуазное общество деморализует человека». «Абсолютная власть денег в США вызывает у многих лишь одно желание — иметь их как можно больше». «Уолл-стрит делает все, что в его силах, дабы американцы в свободное время не предавались размышлениям. Кинофильмы, низкопробные концерты, боксерские соревнования, скачки, бейсбол, футбол, рестораны — все подчинено одной цели: отвлечь массы от существующей реальности».

В то же время «большинство американцев энергичны, предприимчивы и открыты, обладают чувством юмора». И еще: «В делах проявляют сообразительность, они неутомимы, решительны и трудолюбивы».

Снова и снова он предупреждает советских разведчиков, отправляющихся в Соединенные Штаты, о необходимости культивировать в себе чувство юмора, «которое высоко ценится агентами из числа американцев». Квалифицированный сотрудник ГРУ должен уметь отпустить соответствующую шутку, «какой бы важности проблемы ни обсуждались во время встречи». Лектор замечает попутно, что при всей любви американцев к юмору руководить агентами из их числа нелегко. («Американцы не

любят подчиняться дисциплине и всегда утверждают свою независимость».)

Кроме того, разведчик не должен пренебрежительно относиться к чисто американским реалиям и представлениям. Приходько отмечает, что неудачное замечание в адрес, например, кого-то из знаменитых президентов США (Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн, Томас Джефферсон) может оскорбить агента.

Из этого следует, что «офицеру разведки, знакомому с присущими американскому характеру чертами, удастся быстрее установить контакт с агентом и положительно влиять на него». Разведчику советуют иметь в виду присущее американцам стремление к финансовому успеху и повышать гонорар, когда предстоит более ответственное (или трудоемкое) задание. («Американцы любят деньги. Деньги — их излюбленная тема разговоров».)

С другой стороны, Приходько признает, что «американцы гордятся своей эффективностью и изобретательностью» и что «средний американец обладает высоким уровнем технических знаний». И наконец: «Американцам в гораздо большей степени, чем представителям других народов, присуща врожденная любовь к свободе и независимости».

Если оценивать аналитические выкладки Приходько с точки зрения американцев, то порой они кажутся забавными до нелепости — ну просто Токвиль в интерпретации Милтона Берла[1]. Причиной ошибок

---

[1] Т о к в и л ь Алексис Шарль Анри Клерел де — французский историк, социолог и политический деятель. В 1831—1832 гг. прибыл в США с целью изучить американскую пенитенциарную систему, однако на деле провел гораздо более широкие исследования. Автор классического труда «О демократии в Америке» (1835, 1840), в котором утверждал, что США являются образцовой моделью демократии, а опасность для свобод усматривал в «тирании большинства».

Б е р л М и л т о н («Шоу Милтона Берла») — телешоу в жанре комедийного варьете, шло в 1948—1967 гг. Ведущий — один из лучших комиков страны. (*Примеч. изд.*)

является чрезмерная уверенность в безошибочности собственного восприятия вещей. Американцы, как они видятся ГРУ, — независимые, предприимчивые люди, любители развлечений, безнадежно погрязшие в «деморализации» буржуазного общества, озабоченные лишь накопительством на черный день, ибо их снедает отчаянное стремление к материальному благополучию. Эта лекция свидетельствует о том, что даже самые знающие и информированные советские чиновники могут стать жертвами своей собственной пропаганды.

При всех смехотворных заблуждениях лектора общая оценка американского характера не может не настораживать. Стоит только подумать, что такие люди, как Приходько, прогнозируют реакцию Америки на советские инициативы, и на ум приходят весьма печальные мысли. Действительно ли американцы неизменно «помешаны на деньгах» и «равнодушны» ко всему, что не касается бизнеса? Если Центральный Комитет в Москве воспринимает нас именно такими, то в один прекрасный день это может привести к непоправимой ошибке.

Как ни странно, этот документ содержит весомые аргументы в пользу широкого международного обмена. Ни одна из стран не хочет, чтобы ее наводнили представители КГБ и ГРУ, и все же мы должны знакомить с подлинным обликом американского мышления, американского образа жизни и «нетитулованных» советских граждан. Может, обучение в Военно-дипломатической академии стоит по негласному соглашению дополнить экскурсией по кампусам американских колледжей, маленьким городкам Айовы, чикагским конвентам и т. д. И тогда серьезные штабники Советской Армии, может быть, осмелятся внимательнее присмотреться к обществу, на которое они сейчас мрачно взирают сквозь тонированные красные стекла очков.

Глава III

ЛЕКЦИЯ ПРИХОДЬКО

Мы шпионим повсюду. То «соседи» вырываются вперед, то наши резиденты опережают их. Но нет на земле страны, где наши разведчики не занимались бы вербовкой, не организовывали бы встречи с агентами и вообще не делали бы всего возможного для создания постоянно действующей агентурной сети, независимо от того, дружественные или нет у нас отношения с той или иной конкретной страной. Мы занимаемся шпионажем в нейтральных странах так же активно, как и в странах НАТО. Слушатели Военно-дипломатической академии знакомятся с жизнью других стран в мельчайших подробностях. Например, наши специалисты по Италии объясняют слушателям, куда целесообразнее внедрять агентов и где в Риме лучше всего проводить встречи с ними. Рим — прекрасное место для тайных операций. Так считают наши разведчики. В Риме много иностранных туристов, что вполне устраивает итальянцев, поскольку это один из источников дохода. Так что там можно действовать, не навлекая на себя подозрений. Итальянцы отличаются редкостной болтливостью. Это их качество нас тоже устраивает, хотя полиция настороже и часто устраивает неожиданные проверки документов, которые могут

доставить некоторые неприятности. Компартия Италии весьма многочисленна, и преподаватели академии рекомендуют слушателям учитывать, что «наши итальянские друзья» могут оказать им существенную помощь в оперативной деятельности.

То, что мы ведем шпионскую работу в такой большой стране, как Италия, вполне естественно. Тем не менее мы работаем даже в таких маленьких миролюбивых странах, как Дания. Даже в небольшой Дании действуют наши «отважные» чекисты. Будущие разведчики получают детальную информацию, например, о том, как на автомобиле лучше всего добраться из Копенгагена до какого-нибудь маленького ютландского городка, когда лучше всего прибыть в некий отдельный район, их знакомят с возможными контрразведывательными мероприятиями. Причем очень подробно и со знанием дела. В Военно-дипломатической академии читают специальные лекции об Италии и Дании. Некоторые из таких лекций мне довелось слышать, а позже я видел их стенограммы. Особенно хорошо я знаком с инструкциями ГРУ, касающимися США.

Когда обсуждался вопрос о моей поездке в США в роли руководителя делегации, мой начальник полковник Рогов послал меня на инструктаж в 3-е, англо-американское, управление ГРУ. Здесь я познакомился с агентурной и оперативной обстановкой в США. Мне вручили для прочтения текст лекции «Особенности организации связи с агентами в США», прочитанной подполковником Иваном Приходько. Он сравнительно молодой офицер ГРУ. В 1952—1955 годах бывал в Нью-Йорке под видом члена советской делегации в ООН. Его короткая лекция — одно из лучших пособий для наших разведчиков, действующих в США. Она обнажает лицемерие нашей политики «мирного сосуществова-

ния». Я никогда не был в США, и мне трудно судить, что правда, а что ложь в лекции Приходько. Но даже рядовой американец, несведущий в разведке, может понять, что есть нечто, тщательно скрываемое нами от ООН. Поскольку текст лекции находился в моем распоряжении всего несколько часов и у меня нет времени прокомментировать ее, я перефотографировал ее и присовокупляю к своим «Запискам». И буду просто счастлив, если когда-нибудь эта лекция достигнет берегов США. Она станет частью моего предупреждения американскому народу.

Подполковник И.Е. Приходько

«ОСОБЕННОСТИ АГЕНТУРНОЙ СВЯЗИ И РУКОВОДСТВА АГЕНТАМИ В США»

Учебное пособие. 1961 год.

Применительно к данной теме мы рассмотрим только те вопросы оперативной обстановки в США и тактические приемы американской контрразведки, которые осложняют связь и общение с нашими агентами.

Огромное расстояние между США и Советским Союзом осложняет организацию прямой связи между Центром и нашими агентурными сетями в Америке. Поэтому приходится дублировать связь по многим направлениям. При этом широко используется самое современное радиооборудование с большим радиусом действия, а в случае необходимости можно прибегнуть к радиорелейной связи. Надежная радиосвязь жизненно необходима для резидентур, действующих на территории США. В то же время обширные экономические связи США с разными странами мира облегчают прямые связи разведгрупп на терри-

тории США с Центром при помощи почтовых и телеграфных отправлений.

Фактор времени всегда играет важную роль в оперативной деятельности. В современных условиях, когда наш потенциальный противник готовится к войне с массированным использованием ракетно-ядерного оружия, причем намерен нанести внезапный удар по СССР и другим странам социалистического лагеря, этот фактор приобретает особо важное значение.

Из этого следует, что необходимо заблаговременно, в мирное время, разработать надежную систему связи с агентами, дабы они могли немедленно известить Центр о подготовке к внезапному началу войны.

Для передачи таких сообщений следует использовать самую современную, самую высокотехнологичную электронную технику, которая непрерывно совершенствуется.

Если империалисты развяжут войну, США станет мишенью для сокрушительного ответного удара, который до основания разрушит важнейшие политические и экономические центры страны. Советская разведка должна будет заблаговременно принять необходимые меры для обеспечения безопасности агентурной сети, и прежде всего рассредоточить действующие резидентуры, разместить их и самых ценных агентов за пределами больших городов. Что же касается агентурной сети, обеспечивающей сбор информации на атомных и ракетных базах, то она должна состоять из индивидуальных источников, экипированных радиоаппаратурой прямой связи с Центром.

Необходимо заметить, что успех в выполнении заданий в США в огромной степени зависит от умения обращаться с агентами. И этому вопросу должно быть уделено серьезное внимание.

I. ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВЯЗИ С АГЕНТАМИ

Характерные особенности связи с агентами, по сути, представляют собой специфические методы в их организации и использовании. А это, в свою очередь, определяется оперативными условиями.

Особое значение приобретают при этом образ жизни, привычки, характер и личные качества американцев. Большинство из них энергичны, предприимчивы и открыты, обладают хорошим чувством юмора. Кроме того, они сообразительны, неутомимы, решительны и трудолюбивы.

Вся ситуация в США и абсолютная власть денег вызывает у многих граждан одно лишь желание — зарабатывать еще больше. Характеризуя кого-либо из соотечественников, американец часто говорит: «Он знает, как делать деньги», имея в виду, что у данного человека много денег. Другая сторона вопроса, то есть откуда берутся деньги или как их «делают», как правило, ни для кого не представляет интереса. Можно сделать вывод, что Америка поощряет любой способ обогащения.

Американская буржуазная пропаганда старается убедить население, что каждый гражданин, если он достаточно сообразителен и предприимчив, способен обрести состояние. Такое одностороннее воспитание порождает в некоторых людях равнодушие ко всему, что не связано с бизнесом, с заработком и достижением поставленной цели. Чаще всего круг интересов американца весьма ограничен. Многие американцы не читают книг. В газетах они интересуются, главным образом, объявлениями, спортивными новостями и комиксами; на первых страницах их внимание привлекают только броские, сенсационные заголовки.

В общем и целом буржуазное общество разлагает человека. Каждая американская семья старается ско-

пить денег «на черный день»; из каждой очередной заработной платы откладывается определенная сумма.

Уолл-стрит делает все, что в его силах, дабы американцы в свободное время не предавались размышлениям. Кинофильмы, низкопробные концерты, боксерские соревнования, скачки, бейсбол, футбол, рестораны — все подчинено одной цели: отвлечь массы от существующей реальности.

В общем, желания среднего американца ограничиваются потребностью иметь собственный автомобиль, комфортабельную квартиру и приятно проводить время. Большая часть американцев, и мужчины и женщины, курят.

Немалое значение американцы придают одежде и внешнему виду. Они стараются всегда носить чистую, тщательно отутюженную одежду, с ровной стрелкой на брюках, свежие рубашки и до блеска начищенную обувь. Верхнюю одежду они регулярно сдают в чистку, а рубашки — в прачечные; и те и другие встречаются в США на каждом шагу. Белые рубашки и носки принято менять ежедневно.

Мода в стране меняется каждый год. Так же, как по ее специфике и марке автомобиля можно назвать год, так и по внешнему виду американца можно определить, к какому классу общества он принадлежит.

Несмотря на частую смену стилей одежды, все же можно назвать несколько характерных особенностей, которых придерживаются американцы: узкие и короткие брюки, короткие рукава, белые рубашки с крахмальными воротничками (в особых случаях) при непременном наличии галстука. В одежде доминируют светлые тона. Американцы любят свободную обувь и, как правило, приобретают ее на один, а то и два номера больше, чем требуется.

В свободное время и особенно летом американцы предпочитают спортивную одежду: легкие брюки, ру-

башки с короткими рукавами без галстука. Повсеместно распространены солнечные очки. Вне офиса американцы ведут себя раскованно и непринужденно. Многие американцы любят держать руки в карманах и жевать резинку.

Главное и необходимое условие вербовки агента и общения с ним предполагает его принадлежность к разряду буржуазии. Чтобы они были успешными, необходимо хорошо знать кандидата на вербовку, его характерные особенности и личные пристрастия, а также политические взгляды и материальное положение, которые определяют его поведение.

Разведчик, не знающий специфики американского образа жизни или не учитывающий ее, никогда не сможет стать полноценным вербовщиком. Так, например, неряшливо одетый разведчик не вызовет уважения у агента. Если агент не преисполнен особой преданности нашей разведслужбе, то в результате таких и сходных оплошностей со стороны разведчика у агента может создаться впечатление, что он работает на несерьезную и безответственную организацию.

В деле организации и использования агентурной связи особое значение приобретает знание местных условий и района действий. Для связи с агентом необходимо знание не только страны в целом, но и каждого города, его специфических особенностей. Они могут как осложнить связь, так и способствовать ее успеху.

Нью-Йорк, например, известен своими огромными размерами и множеством парков, музеев, спортивных площадок, кинотеатров, библиотек и других общественных мест. Немалую часть населения составляют люди самых разных национальностей. В городе существует разветвленная сеть об-

щественного транспорта, особенно подземного, по улицам курсирует несчетное количество автобусов и такси.

В Нью-Йорке легко придумать повод для посещения даунтауна, деловой части города, в любое время суток, ибо в Нью-Йорке обилие различных заведений. Продуманное использование транспортных средств обеспечивает условия для выявления слежки. И наконец, если разведчик говорит с акцентом, в Нью-Йорке на это никто не обратит внимания, поскольку значительная часть населения города говорит точно так же, с акцентом.

В США много больших городов, включая такие гиганты, как Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско и другие. В них существуют благоприятные условия для встреч с агентами и легенд прикрытия для них. В то же время организация встречи с агентом в Вашингтоне сопряжена с огромными трудностями из-за умеренного размера города и соответствующего количества общественных мест, отсутствия метро и недостаточно развитой системы общественного транспорта, особенно в пригородах.

Как известно, существует два основных вида контактов с агентом: личные и безличные.

Поскольку безличные контакты не предполагают встреч лицом к лицу оперативного работника и агента, такого рода связь обеспечивает высокий уровень безопасности действий агентуры и в значительной степени затрудняет деятельность контрразведки по выявлению наших оперативных офицеров. В США, в стране, где контрразведка работает весьма эффективно, основной вид контактов с агентом — безличная связь, значение которой постоянно возрастает. Задача оперативника состоит в том, чтобы творчески использовать возможности безличной связи и постоянно совершенствовать ее методы.

Тем не менее необходимо помнить, что действенное руководство агентом и повышение эффективности его деятельности включают в себя периодические личные встречи с ним.

1. Личные контакты

Только в ходе личных встреч офицер разведки может лучше изучить агента, выявить его подлинные чувства и настроения, проверять и контролировать его работу и, наконец, — это особенно важно — инструктировать агента, знакомить его с новыми методами ведения разведки, воздействовать на него своим личным примером. Основными видами личных контактов являются встречи, опознавательные контакты и связь через появление в пунктах передачи.

Встречи

Личная встреча разведчика с агентом — один из наиболее уязвимых видов связи. Поэтому, организуя встречу, оперативник должен предвидеть различные всевозможные сопутствующие обстоятельства, чтобы обеспечить ее безопасность. В ходе подготовки встречи самое пристальное внимание следует уделить следующим вопросам: место и время ее проведения, последовательность обсуждаемых вопросов, легенда прикрытия встречи и меры по обеспечению безопасности. Встречи необходимо варьировать по времени суток, по дням недели и датам месяца. Например, их не следует назначать на каждый пятый день месяца, или на каждую среду, или же непременно в один и тот же час, ибо такое постоянство действий оперативного работника облегчит задачу контрразведки. И

действительно, чтобы сорвать операцию, контрразведке будет достаточно усиливать слежку лишь по пятым числам месяца, например, или в один из дней недели (предположим, в среду), или же ежедневно, но в определенное время — в восемь часов вечера.

Тем не менее не рекомендуется произвольно устанавливать время встречи. Определяя время встречи, необходимо учитывать характер и режим работы агента, его семейное положение, а также место и время встречи. У агента должен быть убедительный повод отлучиться с работы или из дома.

Многие американцы проводят свои свободные дни, каникулы и отпуска с семьей или с родственниками и друзьями. Кроме того, у агента есть и семейные праздники — например, дни рождения членов семьи. Оперативник должен учитывать такие обстоятельства, прислушиваться к мнению агента и не назначать встречи на знаменательные для семьи агента даты.

Большая часть встреч проводится в вечернее время. Как правило, вечерами агент не работает, и ему не приходится отпрашиваться у начальства. Кроме того, вечером легче обеспечивать безопасность. Тем не менее не рекомендуется проводить встречи в парках, ибо, не в пример европейцам, американцы предпочитают бывать в парках только днем. С наступлением темноты они пустеют. В это время суток в парках обретаются преступники и психически больные люди. Пресса то и дело предупреждает об опасности вечерних прогулок в парках. Публикуются подробные сообщения о преступлениях — изнасилованиях и убийствах, которые в темное время суток совершаются в парках.

Имеет смысл организовывать встречи в середине дня и во время ленча (у американцев он обычно бывает с часу до двух дня). Если ленч предусмотрен ре-

жимом работы, агент может спокойно отлучиться в это время из офиса. Или же с ним можно встретиться в любое время дня.

И наконец, встречи могут проводиться в утреннее время, до работы, поскольку у большинства служащих рабочий день начинается в 9 или даже в 10 утра.

Известно, что в определенные периоды, которые могут длиться от одного до нескольких месяцев, контрразведка концентрирует свою деятельность лишь в будние дни и в рабочее время советских учреждений, а по утрам, в предвыходные и выходные дни принимаются лишь превентивные меры контроля. Наши оперативные работники всегда должны принимать во внимание методы работы контрразведки и рассчитывать свои тайные операции в соответствии с днями ее минимальной активности. День и время встречи должны быть согласованы с агентом.

Встречи, по возможности, должны быть предельно короткими; тем не менее к ним надо тщательно готовиться. При организации связи с США через третью страну или из Центра и особенно при использовании радиосвязи необходимо учитывать американскую практику летом сдвигать время на час вперед. По всей Америке стрелки часов переводятся на час вперед (на так называемое летнее или дневное время для продления светового дня) в 2 часа ночи последнего воскресенья апреля и возвращаются в прежнее положение (то есть отводятся на час назад) в 2 часа ночи последнего воскресенья сентября. Исключение составляют лишь штаты Индиана и Небраска, где дневное время действует круглый год.

При выборе места встречи, естественно, нужно учитывать особенности страны в целом и, кроме того, конкретного места. Но в общем условия в таких городах, как, например, Нью-Йорк и Вашингтон, достаточно благоприятны для контактов с агентами. Тем не

менее такая оценка не распространяется на все районы без исключения. Например, из пяти нью-йоркских районов (они называются «боро», borough) для встреч с агентами менее всего подходит Ричмонд. Причина состоит в его отдалении от центра. На остров можно попасть только на пароме (в сторону Ричмонда он отходит из Манхэттена и Бруклина) или через мост, который соединяет Ричмонд с Байонной и Джерси-Сити.

Остальные четыре района Нью-Йорка — Манхэттен, Бронкс, Бруклин и Квинс — широко используются нашими разведчиками для встреч с агентами.

И все-таки существует разница не только между пятью районами города, но и между отдельными частями в пределах одного района. Для примера возьмем Манхэттен, деловую часть города. Черный Гарлем, расположенный к северу от Сентрал-парка, явно не подходит для встреч с агентами. Столь же неподходящ и исключительно грязный и запущенный китайский квартал, входящий в деловую часть района. Прилично одетые лица будут привлекать всеобщее внимание. А по Черному Гарлему белые перемещаются только в автомобиле. Белому человеку находиться там небезопасно, потому что негры воспринимают каждого появляющегося там белого как любопытного зеваку, который явился поглазеть на жителей квартала, словно на зверей в зоопарке.

Не рекомендуется назначать встречи в районе между Сорок второй стрит и Тридцать четвертой. Это самая людная часть срединной части города, и потому там активно действуют и полиция и контрразведка.

Точно так же не представляется разумным проведение встреч поблизости от ООН (на берегу Ист-Ривер между Сорок второй и Сорок восьмой стрит), рядом со зданиями постоянных представительств разных

стран в ООН — и тем более в районе пребывания делегаций социалистических стран (представительство СССР в ООН расположено по адресу 680 Парк-авеню), а также по соседству с крупными банками, ювелирными магазинами и т. п.

В Вашингтоне следует воздерживаться от встреч в центральной части города, где расположены здания Конгресса, Белый дом, министерства и другие правительственные учреждения, крупные банки, магазины и рестораны. То же относится и к центральным улицам города, к районам, где находятся посольства иностранных государств, и прежде всего посольства СССР и стран социалистического лагеря. Не рекомендуются контакты в местах расположения военных объектов или вблизи от негритянских кварталов.

Короче говоря, необходимо помнить, что операция может быть сведена на нет неудачным выбором места встречи. Например, некий сотрудник разведки, не очень хорошо знающий город, однажды предложил агенту встретиться вечером на углу одной из улиц. На том самом углу было здание крупного банка. Разведчик прибыл на место встречи строго в назначенное время, а агент запаздывал. Не прошло и двух минут, как к разведчику подошел полицейский, осведомился, что он тут делает, и посоветовал идти своей дорогой. Разведчику пришлось незамедлительно ретироваться. Причем двое детективов в штатском провожали его до входа в подземку. Встреча не состоялась.

В другом случае взаимное опознание должно было состояться на остановке пролегающего в этом месте единственного автобусного маршрута. Наш оперативник прибыл на место встречи в обусловленное время. Чтобы обеспечить безопасность контакта, его коллега наблюдал за местом встречи со скамейки в соседнем сквере. Поскольку агент в тот день на место встре-

чи не прибыл, оперативники отправились по домам. Ситуация повторилась еще два раза. На третий день агент сам подошел к нашему разведчику и установил с ним контакт, однако не к тому, что торчал на остановке, а к другому, что сидел в сквере на скамейке. Позже выяснилось, что агент каждый раз прибывал на место встречи, садился в сквере и наблюдал за оперативником. Он решил не выходить к автобусной остановке, ибо у него не было правдоподобной легенды на этот счет, и агент опасался, что его поведение будет выглядеть противоестественно. И только на третий день он понял, что человек, неизменно сидящий на скамейке в сквере, — сотрудник советской разведки. Вот тогда он и подошел к нему, поскольку сквер был более подходящим местом встречи. Для проведения встреч лучшими из всех нью-йоркских «боро» следует считать Бронкс, Бруклин и Квинс, а также некоторые кварталы Манхэттена (Колумбийский университет, район, примыкающий к Риверсайд-парку, к востоку от Лексингтон-авеню и другие).

Как известно, условия и место встречи должны обеспечивать безопасность ее проведения. Кроме того, пребывание в данном месте должно иметь убедительное и правдоподобное объяснение. Этим условиям отвечают людные улицы, парки, спортивные сооружения и клубы, рестораны, мотели, пляжи и т. п.

В американских городах с четкой планировкой, в число которых входят Вашингтон и Нью-Йорк, большинство улиц пересекаются под прямым углом.

Многие улицы в Нью-Йорке значатся не под названиями, а под порядковыми номерами. Например, в Манхэттене только в дальней части даунтауна улицы имеют названия. К северу от Хьюстон-стрит начинаются «нумерованные» стриты: Первая, Вторая и так далее, вплоть до 207-й. Пятая авеню делит Манхэттен на две части: западную (в сторону Хадсон-Ривер) и

восточную (в сторону Ист-Ривер). Адреса следует указывать следующим образом: 302 W., Fifty-sixth St., N.Y., что означает дом (или, что куда чаще, подъезд) номер 302 в западной части Пятьдесят шестой улицы в Нью-Йорке. В разговоре адрес называется точно так же. Авеню в Манхэттене отсчитываются с севера на юг, и многие из них пронумерованы. Стриты пересекают город с запада на восток. В целом город распланирован продуманно, и найти в нем нужное место сравнительно легко. В Квинсе и Бронксе много тихих улочек, удобных для встреч.

В Вашингтоне все городские магистрали, идущие с севера на юг, имеют номера, а те, что тянутся с запада на восток, обозначаются буквами (например, А-стрит или С-стрит). Авеню проложены по диагонали к улицам и значатся под именем штата. Поскольку улицы с одинаковым номером или названием могут встретиться в каждой из четырех частей города, при написании адреса необходимо указывать район. Например, 415 Fifteenth St., N.W., Washington, D.C.

Такая планировка Нью-Йорка и Вашингтона предоставляет возможность организации встреч в ходе пеших прогулок. В таких случаях агенту указывается не место (точка) встречи, а маршрут прогулки по небольшой (короткой) улочке, на которой он должен появиться в обусловленное время. Оперативник, наблюдая за агентом, может определить, есть за ним слежка или нет, и в случае необходимости перенести встречу в более подходящее место.

Выбирая место встречи, надо иметь в виду внезапные резкие перемены погоды, свойственные климату прибрежных районов США. Солнечная погода вдруг сменяется дождем и т. д. Американцы регулярно слушают метеосводки и в случае неблагоприятного прогноза облачаются в плащи и берут с собой зонтики; водонепроницаемых дождевиков они не носят. Зонти-

ками пользуются и мужчины и женщины. То есть, отправляясь на задание, оперативник должен прослушать прогноз погоды и при необходимости прихватить с собой плащ и зонтик. Кроме того, он должен предусмотреть некое место поблизости, где можно будет укрыться от дождя (магазин, вестибюль подземки, кинотеатр, музей, ресторан, библиотека и пр.).

Подземка Нью-Йорка позволяет добраться до любого места в городе. Тем не менее целесообразно изучить и запомнить маршруты подземки, прежде чем пользоваться ею в оперативных целях.

Изучая план города и многосложные маршруты подземки, следует пользоваться справочниками, путеводителями и картами. Местом встреч могут служить парки. Нью-йоркские парки обычно представляют собой поросшие травой лужайки с редкими купами кустов и деревьев. В парках много игровых площадок. Пешеходные дорожки асфальтированы. Часто через парки проходят транспортные магистрали.

Еще более непривычно для нас выглядят вашингтонские парки. Обычно в них много лесистых участков; они рассечены главными улицами, рядом с которыми расположены автостоянки и участки для пикников. Пешеходных дорожек практически нет. Пересекать парки наискосок не принято. Вход во все парки бесплатный. Население использует их для занятий спортом и отдыха. Во многих парках разрешается ходить по газонам.

Для населения, включая и иностранцев, открыто много спортивных клубов. Среди преуспевающего слоя особенно популярен гольф. На площадке для гольфа встречаться с агентом проще, чем где бы то ни было. В будние дни играющих бывает не много. В такие дни разведчик и его агент, появившись на площадке для гольфа (предпочтительнее в разное время, с разрывом 20—30 минут), начинают играть

каждый сам по себе, но в обусловленное время могут встретиться, скажем, у шестнадцатой лунки или у какой-то другой (всего лунок восемнадцать). Суббота и воскресенье — не самые подходящие дни для встреч, потому что в такие дни собирается много игроков, проводятся состязания, и одиночкам играть не разрешается. Площадки для гольфа обычно разбивают на опушках леса или в парках с разнообразным рельефом, где много укрытых мест. Вот там-то лучше всего и устраивать встречи. В некоторых случаях встреча может состояться и в клубном ресторане.

Чтобы встреча на площадке для гольфа прошла успешно, надо предварительно выяснить тамошнюю ситуацию. Главным условием является знание обоими лицами правил игры и умение владеть клюшкой. Следовательно, слушатели должны освоить игру в гольф во время учебы в академии.

Членство в клубе обходится недешево. Кроме того, двери далеко не всех клубов открыты для наших разведчиков. Даже местным жителям, не обладающим определенным положением в обществе, трудно стать членами некоторых гольф-клубов.

Как правило, претендент на клубное членство должен получить рекомендации от двух или трех членов клуба. В Нью-Йорке площадки для гольфа расположены в парках Пелхем-Бей, Ван-Кортланд (в Бронксе); Дайкер-Бич (Бруклин); в Форест-парке и Аллей-парке (Квинс); в парках Латурет и Силвер-Лейк (Ричмонд), а также в других местах. Если стать членом клуба не удается, имеет смысл посещать муниципальные спортивные комплексы, где имеются и площадки для гольфа.

В Нью-Йорке и Вашингтоне имеется множество ресторанов, специализирующихся на тех или иных блюдах. Один — на стейках (самый дорогой стейк готовится из филейной части и с косточкой), другой —

на морских продуктах, в некоторых ресторанах имеются оркестры, в других они отсутствуют. Прежде чем выбрать тот или иной ресторан для встречи, необходимо навести соответствующие справки: каково там обслуживание, какая публика его посещает, не находится ли он на подозрении у полиции и так далее.

Во всех ресторанах принято оставлять официанту десять процентов чаевых.

В зависимости от характера оперативной деятельности агента разведчик может провести с ним встречу во время обеда в ресторане, расположившись за отдельным столиком. Но они могут сидеть и за разными столиками, поддерживая только визуальный контакт для обмена обговоренными сигналами, и, покинув ресторан, встретиться на улице. Рестораны часто служат прибежищем во время дождливой погоды.

Американцы любят проводить время в барах. Во многих из них столики отсутствуют, и посетители располагаются на высоких стульях у стойки. В барах, как правило, подают только напитки: виски, джин, пиво и т. д. Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, разведчик должен четко знать, как делается заказ. Например, недостаточно просто сказать: «Пожалуйста, стакан пива». Необходимо назвать и его марку («Шлитц», «Рейнгольд» и т. д.). Для удобства посетителей многие владельцы баров в углу над стойкой ставят телевизор. И часто посетители за единственным стаканом пива сидят здесь часами, смотря телевизионные программы.

Весьма целесообразно проводить встречи в небольших ресторанчиках, расположенных в жилых кварталах города. Американские аптеки (драгстор) не имеют практически ничего общего с европейскими. Ассортимент товаров в них не ограничивается лекар-

ствами. Во многих драгсторах можно приобрести свежие газеты или журналы, купить продукты, выпить чашку кофе или позвонить по телефону. Американские аптеки, особенно в больших городах, порой уподобляются универсальным магазинам. К тому же в них всегда есть покупатели. Такие заведения можно использовать для коротких встреч и для других целей (подать сигнал, незаметно позвонить).

Вдоль автотрасс, связывающих города с пригородами, тянутся вереницы мотелей — небольших придорожных гостиниц, в которых автопутешественники могут переночевать. В них, как правило, всегда имеются свободные места. Управляющий обязан записать номер автомашины и фамилию водителя в регистрационную книгу. Другим пассажирам регистрироваться не требуется. У каждого номера в мотеле свой вход. Уехать можно в любое время. Постоялец не обязан заранее информировать управляющего о своем отъезде. Как правило, покидают мотель ранним утром. Счет оплачивается при найме номера.

В такого рода гостиницах удобно устраивать встречи. Имеет смысл использовать мотели в тех случаях, когда необходима обстоятельная беседа с агентом в спокойной обстановке, скажем для детального инструктажа агента в области радиосвязи или использования оперативной техники. Поскольку машину можно размещать прямо перед дверью номера или в гараже поблизости, это облегчает разгрузку оборудования.

Свои отличительные особенности есть даже у американских кинотеатров. В крупных городах большинство их открыто с 12 дня до часу ночи. Зритель может войти в зал сразу же после покупки билета и занять любое свободное место. Он имеет право по желанию покинуть зал в любое время, но чаще всего зрители уходят с началом очередного сеанса. Филь-

мы идут без перерыва. Американцы не ограничиваются просмотром одного фильма. Поэтому владельцы кинотеатров демонстрируют два фильма, один после другого, и сеанс длится 3—4 часа.

Разведчики часто используют кинотеатры для встреч с агентами, поскольку туда можно прийти загодя, не привлекая к себе внимания посторонних. Дело в том, что в будние дни кинозалы полупустые, особенно в кинотеатрах, расположенных в отдалении от центра города. Так что, явившись в назначенное время в определенный кинотеатр и воспользовавшись множеством свободных мест, оперативник может провести встречу с агентом прямо в зале. В качестве альтернативы годится и фойе, в котором, как правило, имеются торговые автоматы для продажи сигарет, прохладительных напитков, жевательной резинки и т. д.

Встречи с агентами могут также проходить и в кинотеатрах на открытом воздухе (драйв-ин), где смотрят фильмы сидя в машине.

В США, где контрразведка работает с предельным вниманием, огромное значение имеет планирование и подготовка встречи. Необходимо при этом учитывать вышеупомянутые специфические особенности страны и ее жителей, режим работы, семейные обстоятельства агента, его способности и прочее. Как бы оперативник ни был уверен в себе, он должен тщательно продумать все до мелочей. Все его перемещения по городу, распорядок дня, посещение кинотеатров, библиотек, спортивных мероприятий — все должно быть подчинено одной цели: созданию максимально гибкой и надежной системы связи с агентом. В этом смысле все его действия должны носить естественный и правдоподобный характер. Планируя очередную встречу, необходимо учитывать обстоятельства последней встречи, чтобы ни в коем случае не продублировать ее

место или время. Например, в Нью-Йорке есть возможность использовать разные «боро» — Бронкс, Квинс, Бруклин, Ричмонд и Манхэттен. Когда место встречи выбрано, необходимо на пути к нему определить точки, где можно в случае надобности выставить сигналы. Их появление будет означать отмену встречи. Если за оперативником ведется слежка, то необходимо предусмотреть для него предупредительный сигнал с помощью радиотехнических средств. Прежде чем появиться на месте встречи, оперативник должен убедиться, что сигналов, отменяющих ее, не выставлено. Столь же тщательно надо спланировать порядок выхода на место встречи. Особенно важно, чтобы офицеры, работающие в резидентуре под прикрытием, подготовили вполне правдоподобную причину отсутствия оперативника на работе в разумных пределах времени, необходимо также иметь убедительную легенду своего появления в том или ином общественном месте, а по пути успеть проверить сигналы. Продолжительность и стабильность связи с агентом зависят от тщательности ее подготовки.

В нынешних условиях работы на встречу следует отправляться за два или три часа до назначенного времени. За это время в ходе проверочного маршрута полагается выяснить, нет ли слежки со стороны контрразведки. Если отмечено наблюдение, то, пустив в ход заготовленную легенду ухода с работы, надо вернуться в точку отправления и попытаться сделать еще одну попытку ухода от слежки. Случается, что оперативнику приходится делать несколько таких попыток, прежде чем он избавится от хвоста. Тем не менее в большинстве случаев офицеру разведки приходится заблаговременно уходить с работы. Например, если в день встречи, направляясь на ленч, или по завершении его оперативник замечает, что за ним нет слежки, то у него нет необходимости повторять

маршрут. Он отправляется в город, проводит еще одну тщательную проверку, коротает остаток времени в кинотеатре или в каком-нибудь другом надежном месте и в назначенное время появляется на месте встречи.

Ниже приводится несколько примеров, иллюстрирующих методы, при помощи которых оперативник отправляется на встречу, а также смысл его действий.

Встреча была назначена на вторую половину воскресенья. После завтрака оперативник с семьей отправился на традиционную воскресную прогулку. По пути он прихватил семью друга. Две семьи расположились на скамейках в парке. Пока дети играли поблизости, взрослые беседовали и просматривали газеты и журналы, купленные перед входом в парк. Потом, опять-таки все вместе, они посетили зоопарк, осмотрели несколько монументов. Проходя мимо кинотеатра, ознакомились с рекламой нового фильма и решили его посмотреть. Все вошли внутрь. Оперативник немедленно удалился через боковую дверь и поспешил на встречу с агентом. Встреча прошла успешно. Вечером оперативник с семьей вернулся домой с чувством удовлетворения от сознания исполненного долга. В другом случае встреча была назначена на вечер понедельника. После работы, в субботу, оперативник отправился на дачу, где часть семей проводит все лето, а многие советские чиновники — только субботы и воскресенья. Как обычно, в понедельник утром на собственной машине он вернулся в город. По пути, убедившись, что слежки за ним нет, он решил этим воспользоваться. Он оставил машину на улице, неподалеку от места службы и от места предстоящей встречи. Затем спустился в метро и отправился в другую часть города. Выйдя из подземки на безлюдной станции, он еще раз убедился в отсутствии слежки; затем купил газету и снова

спустился в подземку. Спустя некоторое время он вышел на очередной станции и подошел к автомату, в котором продавались завтраки. Слежки по-прежнему не было. Перекусив, оперативник опять поездил на метро, окончательно убедившись, что за ним никто не следит. Чтобы на улице не попасться на глаза контрразведке, оперативник зашел в кинотеатр. За 20—30 минут до назначенного времени он вышел из кинотеатра и проследовал к месту встречи, в очередной раз убедившись, что хвоста за ним нет. Встреча состоялась в обусловленное время.

Оперативник должен заранее продумать все детали, связанные с подготовкой и проведением встречи, включая разные варианты ухода из-под наблюдения, после чего представить план проведения встречи резиденту.

Встреча с агентом — главная фаза оперативной деятельности. Встречи играют важную роль в совершенствовании навыков агента. Поэтому их надо проводить четко, в точном соответствии с планом, со знанием всех деталей той или иной проблемы, ничего не упуская из виду. Во время встречи оперативник должен не только изложить агенту суть подлежащей обсуждению проблемы, но и легенду ее прикрытия, выслушать сообщение агента, поставить перед ним очередные задачи, напомнить инструкцию на случай запасной встречи. Кроме того, оперативник должен проинструктировать агента по самым разным поводам, выслушать его вопросы и дать на них компетентные ответы. Офицер разведки обязан проявлять искренний и неослабевающий интерес к личным, служебным и прочим делам агента, чтобы в случае необходимости заблаговременно предостеречь его от неверных или опрометчивых шагов.

Поскольку встречи должны быть строго ограничены по времени, к каждой из них надо тщательно готовиться. В ее ходе оперативник должен быть очень внимателен, чтобы уловить мельчайшие изменения в настроении агента. Авторитет оперативника в значительной степени зависит от его поведения, знания оперативной обстановки, умения скрывать усталость, которую он может испытывать после долгого путешествия и нескончаемых проверок. Ни при каких обстоятельствах он не имеет права проявлять нервозность. Если оперативник всегда ровен в обращении, исполнен самообладания и силы духа, агент соответственно проникнется доверием к нашей разведслужбе.

Какие бы серьезные проблемы ни обсуждались на встрече, куратора[1] не должно покидать чувство юмора, которое высоко ценится американцами вообще и агентами в частности. Поэтому не следует упускать возможность пошутить по тому или иному поводу. Это оживляет беседу и способствует установлению добрых отношений с агентом.

Рекомендации, касающиеся манеры поведения разведчика, работающего с агентом

Поведение офицера разведки самым непосредственным образом влияет на его работу с агентами. Люди, с которыми разведчик входит в контакт, должны быть убеждены, что все его действия и поступки диктуются интересами дела и несут на себе печать его личности, уровня образованности и культуры. Он

---

[1] Куратор — англоязычный термин. В КГБ и ГРУ используют термины: офицер, оперативник, руководитель. (*Примеч. ред.*)

должен приучить окружающих к определенному стилю поведения, которое органически включает в себя и агентурную работу. Чтобы справиться с препятствиями, воздвигаемыми контрразведкой, наш разведчик, кроме соблюдения основных правил разведопераций, должен принимать и специальные меры. Офицеры разведки, работающие под тем или иным прикрытием в резидентуре и находящиеся под постоянным наблюдением контрразведки, вынуждены прибегать к таким мерам.

Известно, что стационарные посты наблюдения контрразведки четко фиксируют время прихода на работу всех служащих советских учреждений и время ухода. Для организации эффективной слежки за нашими коллегами контрразведка может использовать эти графики их прихода на работу и ухода. Чтобы «обесценить» такие графики в глазах контрразведки и сделать их непригодными для практического использования, приходится всячески скрываться от противной стороны и обманывать ее во время поездок по оперативным надобностям. Такие поездки необходимо совершать под предлогом личных дел — посещения кинотеатров, музеев, выставок, спортивных соревнований, покупки личных вещей и т. д.

Во время поездки в город оперативник проверяет, нет ли за ним слежки. Если он убежден, что слежка отсутствует, то использует поездку для лучшего знакомства с городом, для выбора новых мест встреч, тайников, размещения сигналов, для выработки маршрутов, которые позволяют выявить слежку, если таковая имеется. Заметив слежку, разведчик должен действовать в соответствии с заранее разработанным планом: он может предстать в глазах контрразведки завзятым книголюбом и, соответственно, ходить из одного книжного магазина в другой или же поклон-

ником бейсбола, самого популярного вида спорта в США. Хорошо, если оперативник сумеет произвести впечатление любителя пеших прогулок по городу. В то же время он должен изучать методы действий контрразведки. Ни при каких обстоятельствах он не имеет права показывать, что заметил за собой слежку, дабы не обнаружить своего знакомства с приемами контрразведывательной службы. К тому же офицер разведки, знающий, что за ним ведется наблюдение, должен соблюдать спокойствие и не совершать опрометчивых действий.

Анализируя каждую поездку по городу, необходимо делать выводы об оперативных методах работы контрразведки в городе и в общественных местах. Выводы полагается фиксировать в специальном блокноте. Постепенно у оперативника накопится весьма ценный материал, усвоив который разведчик сможет увереннее действовать в оперативной обстановке. У него будет широкий выбор мест встреч, а также тайников и мест установки сигналов. Для проведения агентурных операций он без труда придумает убедительную и правдоподобную легенду.

Американские магазины периодически устраивают распродажи товаров по существенно сниженным ценам. В дни распродаж перед открытием магазина у его дверей обычно собирается множество народу. В рекламных целях владелец магазина приглашает по этому поводу представителей прессы. Чтобы не попасть в объектив фотокамер, нашему разведчику и членам его семьи не рекомендуется там появляться. Зато ему рекомендуется больше и чаще, в самое разное время, совершать прогулки по городу. Прогулки можно совершать и до работы, и после работы, и в обеденный перерыв. Приучив контрразведку к таким променадам, позже наш оперативник сможет использовать их для поддержания связи с агентами (поста-

вить или проверить сигнал), для организации встреч с ними, проверки тайников и т. д.

Каждый оперативник, имеющий дело с агентами, должен предварительно выбрать и досконально изучить проверочный маршрут, обеспечивающий оптимальные условия для выявления слежки.

Такой проверочный маршрут может включать поездку на автомобиле (позже его можно оставить на боковой улочке или в одном из городских гаражей), использование пустынных улиц, особенно в тех районах, где невозможно вести слежку с параллельной улицы; поездки на метро с несколькими пересадками на немноголюдных станциях; посещение универмагов и других зданий с многочисленными эскалаторами, входами и выходами, из которых к тому же можно прямиком попасть в метро (вокзал Пенсильвания, универсальные магазины «Мейси» и «Сакс», «Крайслер-Билдинг» на углу 42-й стрит и Лексингтон-авеню в Нью-Йорке и другие).

В то же время, когда выбираются такие маршруты, необходимо придумать убедительную легенду, объясняющую присутствие оперативника в данном районе.

Обнаружив слежку, оперативник не должен отправляться на встречу с агентом; некоторое время ему следует провести в городе, действуя самым естественным образом и тем самым убеждая контрразведку, что у него есть резонная причина для пребывания здесь, после чего вернуться домой. Таким образом, наблюдателю придется сообщить, что его подопечный не совершал никаких подозрительных действий. В общем и целом, как уже говорилось выше, у оперативника нет особой необходимости возвращаться вечером в резидентуру после встречи с агентом. Тем не менее он обязан сразу же проинформировать резидента о результатах встречи, сняв или поставив условный сигнал: «Встреча состоялась; все в порядке» или же «Встреча

не состоялась» и т. п. Характер сигнала будет определяться тем, какие служебные и личные отношения существуют у оперативника с резидентом и т. д. Сигнал может быть замечен самим резидентом, его водителем или любым другим сотрудником резидентуры, свободным в этот день. На следующий день полагается подробно доложить о прошедшей операции.

Контрразведка США рассматривает всех сотрудников советских учреждений как потенциальных разведчиков и постоянно пытается выяснить, кто именно выполняет секретные задания. С этой целью используется целый ряд средств, основными из которых являются подслушивание (в квартирах, машинах, на улице и т. д.), слежка, изучение и анализ поведения советских служащих. Исходя из этого, сотрудник разведслужб не должен обсуждать служебные вопросы за пределами специально оборудованного помещения резидентуры; вести себя ему надлежит так, чтобы ни у кого из его окружения не возникало никаких подозрений относительно его принадлежности к спецслужбам. В ходе установления системы связи с агентом оперативнику часто приходится пользоваться общественным транспортом. В Нью-Йорке главное средство — это подземка. Контролеров там нет. У входа установлены специальные вращающиеся турникеты. В кассах продаются не билеты, а специальные металлические жетоны стоимостью 15 центов. Чтобы пройти через турникет, надо опустить жетон в специальную прорезь в стойке турникета.

Оперативнику следует всегда иметь при себе несколько жетонов, особенно в день встречи, чтобы не терять времени на их приобретение.

Трудно себе представить, как можно было бы проводить агентурные встречи в Нью-Йорке при отсутствии подземки, которая, при всей ее многосложности, позволяет ориентироваться в городе. Кроме того,

в подземке легче обнаружить увязавшийся за тобой хвост. Плохое знание системы транспортных коммуникаций, особенно подземных, порой может привести к срыву встречи. О чем наглядно свидетельствует такой пример.

Наш сотрудник в назначенное время отправился на встречу. В соответствии с инструкцией он предпринял соответствующую проверку и убедился, что слежки за ним нет. До встречи оставалось двадцать минут. За это время ему предстояло добраться до места встречи, по пути еще раз проверив, по-прежнему ли нет слежки. Как и было предусмотрено планом, он намеревался воспользоваться подземкой. На малолюдной станции он сел в вагон, следующий в противоположном нужному ему направлении, чтобы сойти на следующей станции и вернуться назад. Вагон был почти пуст. Сидящий напротив мужчина развернул газету и углубился в чтение.

Проехав одну остановку, наш оперативник вышел. Мужчина напротив, словно что-то внезапно вспомнив, поспешно свернул газету и тоже выскочил из вагона. Оперативник забеспокоился. Когда подошел нужный ему поезд, он сел в него. Человек с газетой оказался в том же вагоне и, развернув газету, снова углубился в чтение. Оперативник уже встревожился не на шутку. Он проехал свою остановку. Человек, казалось, не обращал на него внимания. Не в силах терпеть все более нараставшую тревогу, наш оперативник решительно покинул вагон на очередной остановке. Незнакомец ухом не повел при этом, продолжая читать газету. Никто из пассажиров за ним вслед не вышел. Оперативник поднялся наверх, огляделся по сторонам — никакой слежки. Но, как оказалось, он безнадежно опоздал на встречу. Он еще раз убедился в отсутствии слежки и отправился домой. Важная встреча была сорвана.

Позже выяснилось, что всему виной была необычайно сложная система подземки. Чтобы вернуться на исходные позиции, он по ошибке сел в поезд, следующий по другому маршруту. Но точно так же нередко ошибаются и местные жители. Вместо того чтобы ехать прямо со всеми остановками, они на ближайшей остановке пересаживаются на экспресс и летят без остановок. Наш оперативник недостаточно хорошо ориентировался в подземке.

Американские автобусы останавливаются по требованию пассажиров. Для этого необходимо дернуть шнур, протянутый из конца в конец салона на высоте протянутой руки, и ваш сигнал будет принят водителем. Кстати, он остановит автобус и по знаку пассажира на остановке, предварительно убедившись, что в салоне есть свободные места.

Здешние автобусы курсируют без кондукторов.

Входят в автобус через переднюю дверь, а выходят через заднюю. Рядом с водителем расположен небольшой металлический ящичек, куда пассажир бросает деньги — 15 центов в Нью-Йорке и 20 — в Вашингтоне. Водитель впускает и выпускает пассажиров, дает сдачу и объявляет остановки (по требованию пассажира). Сдачу он дает только с банкнотов не больше пяти долларов. Так что оперативник должен всегда иметь при себе мелочь или однодолларовую купюру.

Билетов в автобусах не выдают. Так же как и в трамваях.

Стоянок такси в городе не существует. Более того, им не разрешается долго стоять на улице из-за оживленного движения. Поэтому такси постоянно в движении, останавливается оно только для того, чтобы взять пассажира. Останавливать такси можно в любом месте; достаточно махнуть рукой или крикнуть «Такси!», когда пустая машина проезжает мимо.

Водитель фиксирует в своем путевом блокноте место посадки и высадки пассажира, уплаченную им сумму и время в пути. Так что оперативнику не следует доезжать на такси до места встречи. Чтобы правильно использовать такси в оперативных целях, оперативник должен знать несколько адресов в каждом районе и, садясь в такси, без запинки назвать один из них водителю.

В США наши разведчики обычно пользуются личными машинами (особенно в Вашингтоне) не для уединения или беседы с агентом, а как средством передвижения, достаточно маневренным, чтобы, заметив слежку, уйти от нее. Дело в том, что контрразведка может тайно установить в машине советского разведчика специальные подслушивающие устройства — микрофоны или электронные маячки, позволяющие определить местонахождение машины. Автомобили как средство транспорта очень широко используются в США. Для американской семьи автомобиль — непреложная часть американского образа жизни. В больших городах улицы буквально запружены машинами. Место для парковки найти практически невозможно. Спрос на гаражи и автостоянки превышает предложение. Тем не менее всегда находится место, где можно оставить машину. Большие старые здания нередко перестраивают под гаражи. Плата за стоянку весьма высокая. Например, в центре Манхэттена она может доходить до семидесяти пяти центов и даже доллара за первый час, максимальная плата за день составляет три доллара.

Офицер разведки, использующий автомобиль для проведения агентурных встреч, должен всегда оставлять свою машину в гараже или на стоянке в достаточном отдалении от места встречи, возможно даже в другом районе. И вернуться домой на городском транспорте.

В США существует много компаний, сдающих автомобили в аренду. Чтобы получить машину, достаточно предъявить водительское удостоверение и оставить небольшой залог. При организации агентурных встреч рекомендуется пользоваться арендованным на этот случай автомобилем. Например, оперативник, отправившись в город в своей машине, заметил за собой слежку. Он оставляет свою машину на стоянке в подходящем месте и арендует на время машину в бюро проката, что значительно осложняет положение контрразведки. Самой крупной компанией такого рода считается «Hertz Rent & Car Service».

В США много платных мостов и туннелей. Деньги (толл) собирает полицейский (20—25 центов за проезд в одну сторону). Мы предполагаем, что в таких местах на машины с дипломатическими номерами обращают особое внимание, особенно если за рулем сидит сотрудник советского учреждения. Так что при выполнении специальных заданий лучше избегать таких мест и использовать маршруты, на которых не взимают плату, что затрудняет фиксацию маршрута машины.

***(ПРИМЕЧАНИЕ ФРЭНКА ГИБНИ:** здесь повествование нарушается из-за отсутствия в оригинале документа. Скорее всего, отсутствующая страница содержала сведения о тайных встречах разведчиков, о типах опознавательных сигналов и ключевых слов (пароли), способствующих взаимному опознанию советских разведчиков и их агентов. Там могли упоминаться инициалы или какие-то предметы, например печать, или марка, или какой-то определенный камень. Кроме колец женщины носят различные украшения на шее, на*

запястьях и на одежде. В зависимости от пола агента любая подобная деталь может быть использована в качестве опознавательного знака).

В Америке в ходу изумительная оберточная бумага — с красочными картинками, фотографиями, с рекламной символикой и названиями универмагов. Небольшой предмет (коробочка от витаминов или набор жевательных резинок) в яркой обертке также может служить для опознания.

Лучший пароль — это заранее обговоренные вопрос и правильный ответ на него. Таковыми могут служить названия музеев, кинотеатров, библиотек, монументов или же кинофильмов, книг, газет и журналов и т. д. И вопрос и ответ должны быть краткими, ясными по смыслу и четкими по артикуляции, поскольку известно, что некоторые английские слова трудны для произношения. В этом плане наши сотрудники на первых порах пребывания здесь могут испытывать определенные трудности.

При организации агентурных встреч по условиям явки для опознания используются пароли и отзывы. В этих случаях оперативник имеет прекрасную возможность проявить творческий подход, инициативу, творчество, что позволит ему найти оригинальное решение проблемы, к тому же учитывающее местные условия.

Организация связи с помощью связников и живых почтовых ящиков

При каждой агентурной операции куратор очень тщательно готовит связника: он инструктирует и натаскивает его, культивирует в нем необходимые качества,

контролирует выполнение задания. Даже когда связь осуществляется через связника, оперативнику все равно необходимо периодически встречаться с агентом, чтобы лично убедиться, правильно ли выполнено то или иное поручение и доведены ли до агента задачи, которые ему предстоит решать. Необходимо интересоваться тем, как складываются отношения между агентом и связником, чтобы обеспечить успех всей операции.

Если агент живет в другом городе, связник должен иметь возможность наведываться туда. Такой возможностью располагают представители следующих специальностей: обслуживающий персонал пассажирских и грузовых поездов, представители и агенты торговых и производственных фирм, страховых компаний, фирм по торговле недвижимостью, журналисты и т. д.

Связник получает (от агента) лишь ту информацию, которая требуется для выполнения задания. Связнику, как правило, не сообщаются имена и адреса куратора и агента. При связи через живые почтовые ящики личные контакты между агентом и офицером разведки отсутствуют. Оперативные материалы от агента к его куратору и далее поступают через третье лицо, которое чаще всего оказывается владельцем небольшого частного предприятия (книжный магазин, букинистическая или антикварная лавка, аптека и т. п.). Оперативник встречается с курьером, чтобы получить материалы, только после выставления специального сигнала, свидетельствующего о поступлении информации от агента.

2. Безличная связь

В сложной оперативной обстановке, существующей в США, основной вид агентурной связи — безличный. Опыт убеждает, что это самый без-

опасный вид связи в силу отсутствия прямых контактов между агентом и оперативным работником.

Безличная связь используется для передачи оперативной информации, для постановки задач и передачи технического оборудования для резидентуры и отдельных агентов. Она может быть организована как между Центром и резидентурой, так и в пределах резидентуры.

Основные формы безличной связи включают в себя радиосвязь, связь через тайники, почтово-телеграфную связь, телефон, прессу и сообщения, передаваемые путем выставления сигналов.

Радиосвязь с резидентурой

Ультракоротковолновая (УКВ) радиоаппаратура используется для контактов в пределах досягаемости резидентуры. Она в значительной мере повышает эффективность агентурных связей. Радиус действия у нее небольшой. Тем не менее во время работы в эфире возможен случайный или преднамеренный перехват сообщений, и наша разведслужба не может игнорировать это обстоятельство. Использование специальных кодов, шифров, системы сигналов и тщательно просчитанное время выходов в эфир надежно обеспечивают безопасность радиосвязи. Ее можно использовать для вызова агента на экстренную встречу, для сообщения о времени закладки очередного тайника или выемки его содержимого, для извещения о смене тайника и т. д. С помощью УКВ-связи можно прямо из резидентуры поставить агенту задачу и получить от него информацию. Сеансы радиосвязи по УКВ должны быть предельно короткими.

Существует много различных способов использования портативной УКВ-радиоаппаратуры. Упомянем лишь некоторые из них:

— когда офицер разведки и агент идут пешком по разным улицам;

— когда они находятся в своих машинах в разных частях города;

— когда оперативник ведет передачу на ходу из своей машины, а агент принимает ее у себя в квартире;

— когда оперативник находится на берегу реки, а агент — в лодке.

Для связи по УКВ надо иметь четкое расписание сеансов. Оно предусматривает расположение каждой радиостанции, точное время начала сеанса (дата, час и минута), какая станция начинает передачу первой и прочие детали.

Связь через тайники

Тайники широко используются резидентурой, а также для связей Центра с нелегальными резидентурами, с агентурной сетью, с отдельными агентами.

Использование тайников для агентурной связи имеет заметные преимущества по сравнению с личными контактами. Вот лишь некоторые из них:

— связь через тайники значительно надежнее прямых контактов оперативника с агентом;

— они более безопасны, ибо у агента нет необходимости знать в лицо офицера разведки, с которым он таким образом поддерживает контакт;

— при использовании тайника у офицера разведки нет острой необходимости хорошо знать язык страны пребывания;

— в случае необходимости возможна замена одного оперативника другим;

— изъятие тайника лицом, которому он предназначен, осуществляется в удобное для него время.

Но все же тайниковая связь не лишена недостатков. Тайник представляет собой промежуточное звено в системе связи между офицером и агентом, и оставленный в нем материал какое-то время пребывает вне их контроля. Поэтому волей-неволей приходится сводить до минимума время хранения закладки в тайнике.

На практике используются стационарные, портативные и мобильные тайники.

Стационарные тайники подбираются или специально готовятся в парках и скверах, на деревьях, в земле, под изгородями и скамейками, в статуях, в пределах общественных зданий и вдали от широко посещаемых мест, то есть в лесах, полях, на взморье, на берегу реки и т. д.

При подборе и подготовке тайника в парке необходимо помнить, что во многих американских парках (например, в Центральном парке Нью-Йорка) обитает множество белок, которые могут разворошить тайник (особенно если он в дупле) и извлечь наружу его содержимое.

Тайник, как правило, используется только один раз. В США целесообразно предусмотреть несколько резервных тайников для агента, а также разработать график их последовательного использования, чтобы агент заранее знал, какие будут задействованы в январе, какие в феврале и так далее. График может быть составлен на полгода или на весь год, в зависимости от количества тайников. Самого серьезного внимания заслуживает использование портативных тайников, ибо для них сравнительно легче найти место.

Поиск таких мест в американских городах не составляет особого труда, ибо там, среди мусора, могут оказаться всевозможные коробки, ящики, бутылки, банки, спичечные коробки и сигаретные пачки, ском-

канная бумага и тому подобное. Часто такие предметы подолгу лежат на виду, не привлекая чьего-либо внимания. Среди никому не нужного мусора, валяющегося и во дворах, и в парках, оперативник в заранее обусловленном месте оставляет точно такую же коробочку или баночку с содержащимся в нем материалом, предназначенным для агента, а позже его заберет агент.

Бытовые предметы, лекарства и множество прочих вещей обычно продаются в различной упаковке — в коробках, банках, из картона, металла, стекла и пластика. То есть налицо огромнейший выбор упаковок, пригодных для портативных тайников.

Среди предметов, пригодных для использования в качестве портативных тайников, но нуждающихся в предварительной подготовке, можно назвать куски дерева, камня, глины, цемента, пластика, гипса и прочие.

В Нью-Йорке, где много металлических конструкций, широко употребляются магнитные контейнеры. Их можно крепить к любому металлу.

При контакте через тайники агент получает задание в письменной форме. Посему оно должно быть закодировано или зашифровано. Кроме того, материал должен быть подготовлен в форме, удобной для размещения в тайнике. Плюс к этому агент должен быть обучен пользованию шифрами и кодами, приготовлению мягкоэмульсионных пленок, микроточек и тайнописи.

Средний американец обладает довольно обширными техническими знаниями. В повседневной жизни ему приходится иметь дело с машинами, механизмами и инструментами, что заметно облегчает оперативно-техническую подготовку американского агента.

Типы сигналов и оптимальные места для их установки, при использовании связи через тайник, — точ-

но такие же, о которых шла речь (на отсутствующей странице — *Ф.Г.*) в разделе «Характеристика других видов связи». Следует подчеркнуть особую важность и удобство радиосвязи для обмена сигналами.

В США оперативник, обладающий инициативой и воображением, при организации системы связи с агентом может широко пользоваться тайниками.

За день или два до закладки или изъятия тайника офицер разведки представляет свой план операции резиденту и получает его санкцию.

За несколько часов до начала операции (но не позже чем за полтора-два часа) оперативник отправляется в город. В запасе у него должно быть время для тщательной проверки на предмет возможной слежки. Одновременно он проверяет, не выставлен ли сигнал об опасности в условленном месте, если он был заранее обговорен. Таковой сигнал, как правило, выставляется в другом районе, в отдалении от месторасположения тайника. Убедившись, что ни слежка, ни какая-либо опасность ему не угрожают, оперативник направляется к тайнику. В непосредственной близости от него он должен еще раз убедиться в отсутствии слежки и, не теряя времени, заложить (или изъять) тайник и сразу же удалиться.

На обратном пути оперативник в соответствии с инструкцией выставляет сигнал, свидетельствующий о благополучном завершении операции.

Использование почтово-телеграфной связи в нелегальных целях

В Америке широко развита система почтовой и телеграфной связи.

Огромный поток корреспонденции, отправляемой за границу, а также курсирующей внутри страны, мо-

жет быть успешно использован для целей разведки как в мирное время, так и во время войны.

Почтово-телеграфная служба функционирует весьма эффективно, и письма практически не пропадают. То есть имеются благоприятные условия для использования данной службы в интересах разведки, для поддержания связи с агентами.

Почтово-телеграфная служба используется для пересылки зашифрованных посланий. Сообщения разведки никоим образом не должны внешне отличаться от обычных писем: в противном случае их необычный внешний вид может пробудить интерес к их содержанию.

Чтобы максимально эффективно использовать почту и телеграф для связи с агентами, необходимо досконально изучить все, что касается функционирования этих систем связи. Все это особенно важно знать разведчику-нелегалу.

В США на конверте сначала пишется имя получателя, затем номер дома и название улицы и, наконец, город и штат (или страна).

Деловые письма, а очень часто и личные, печатаются на машинке. Свои оперативные послания офицер разведки также должен печатать на машинке, дабы контрразведка не засекла почерк.

Существует стандартная форма деловых писем. Образцы различных писем можно найти в специальных справочниках (письмовниках).

Используя в конспиративных целях систему почты и телеграфа, через которую отсылаются оперативные сообщения, необходимо в полной мере использовать шифры, коды, тайнопись и другие средства, помогающие скрыть истинное содержание письма.

Поскольку между различными фирмами в США ведется отчаянная конкурентная борьба, существует общепринятая практика зашифрованных посланий.

Это касается и деловой и частной переписки. Такое положение дел как нельзя лучше отвечает нашим интересам, поскольку мы используем почтово-телеграфную систему в разведывательных целях.

Чтобы такого рода связь с агентами эффективно действовала и в условиях войны, необходимо еще в мирное время научить агента пользоваться шифрами, кодами, тайнописью, микрофотографией, а также снабдить его соответствующими адресами. Это важно еще и потому, что в военное время ужесточится цензура почтово-телеграфных отправлений.

Существуют различные методы организации связей с резидентурой. Например, резидент может получать сообщения от агентов на подставной адрес. Корреспонденцию же агенту можно посылать или на его домашний адрес, или на гостиницу, или же на почтовый ящик, арендуемый агентом.

Использование телефона в нелегальных целях

Телефон — неотъемлемая часть американского образа жизни. По телефону совершается много деловых и коммерческих сделок. В одном лишь Нью-Йорке насчитывается более четырех миллионов телефонов. Кроме частных (личных) и служебных телефонов, имеется множество общественных таксофонов. Отличительная черта американских таксофонов состоит в том, что они имеют индивидуальный номер, по которому можно звонить прямо в будку, что весьма способствует их использованию в агентурных целях. Например, в условленный день и час оперативник может позвонить из таксофона своему агенту, который в данный момент как раз ждет его звонка у определенной будки. Желательно подбирать таксофоны в малонаселенных районах и звонить по возможнос-

ти в рабочее время, когда общественные телефоны в массе своей свободны. Кроме того, их также можно использовать для передачи условных сигналов.

Оперативнику удобнее всего пользоваться телефонами, установленными в больших универсальных магазинах, на станциях подземки, в аптеках.

Из телефонных будок можно звонить и в другие города. Для этого следует опустить десятицентовую монету и, выйдя на связь с оператором, назвать ему город и номер телефона вашего абонента. Оператор сообщает стоимость предстоящего разговора, который вам надлежит немедленно оплатить. Таким образом, оперативнику полезно всегда иметь при себе от одного до полутора долларов мелочью.

При благоприятных обстоятельствах можно позвонить агенту домой или на работу. И в том и в другом случае оперативник должен знать дни и время, когда агента можно застать дома, а когда — на работе, и кто может ответить на звонок, а также — чем агент обычно занят по вечерам и т. д.

Поскольку контрразведка США активно прослушивает телефонные разговоры, нашим офицерам разведки, действующим под прикрытием, лучше всего реже пользоваться телефоном и в разговорах чаще прибегать к иносказаниям.

Разговоры должны быть краткими и хорошо продуманными. Контекст разговора должен обязательно включать специальные фразы или кодовые слова (вызов на срочную встречу или нечто подобное).

Опыт показывает, что отдельные агенты нередко забывают правила связи, что ведет к нарушению порядка работы. Так что имеет смысл периодически проверять, насколько прочно агент усвоил эти правила, включая кодовые слова и их значение.

Примером может послужить нижеследующая история. Обусловленная кодовая фраза в разговоре с

агентом должна была послужить вызовом на встречу в другом городе. Когда возникла такая необходимость, оперативник из таксофона позвонил агенту на работу. Он назвал свой псевдоним и произнес кодовую фразу: «Мы с женой хотели бы искренне поблагодарить вас за подарок, присланный вами к нашему семейному празднику».

Удивленный агент переспросил: «Кто? Я? Прислал подарок? Какой?» Оперативник догадался, что агент забыл условия контакта. Он спокойно повторил свой псевдоним и спросил: «Очевидно, вы не узнали меня?» После чего еще раз произнес кодовую фразу. И тут только агент все понял и радостно заорал в трубку: «Простите, мой дорогой друг, я с первого раза не узнал вас! Очень рад, что мой скромный подарок доставил вам удовольствие». И через неделю агент прибыл на встречу.

У американцев принято произносить по буквам (spell out) трудные слова, особенно фамилии. (В США слово сначала произносится по буквам, а потом уже целиком.) Сотрудник нашей разведки, особенно нелегал, должен уметь громко и четко «спеллинговать» — быстро и без запинки, что достигается лишь тренировкой. Необходимо тщательно готовиться к телефонному разговору, чтобы ни его контекст, ни акцент собеседника не вызвали никаких подозрений.

Если в системе связи с агентом предусматривается использование телефона, оперативник должен скрупулезно продумать организацию промежуточного телефона.

Как правило, по нему звонят из таксофона. Закодированный разговор должен иметь отношение к специфике работы, которой занимается владелец такого телефона, и, по крайней мере, не отличаться от его обычных телефонных переговоров. Сигналы можно передать по телефону голосом или же звон-

ками. При такой системе передачи сигналов надо обращать особое внимание на время связи; но время дня, кодовые фразы и количество звонков надо постоянно менять.

Планируя телефонную связь и систему кодовых слов, оперативник должен принимать во внимание пожелания агента.

Использование прессы и система сигналов

В США выходят в свет более двух тысяч ежедневных газет, общим тиражом около пятидесяти семи миллионов, и более семи тысяч журналов. И те и другие отводят немалое место рекламе и разнообразным объявлениям. От такого использования газетной площади компании масс-медиа получают солидную прибыль и посему весьма охотно принимают для публикации различные тексты.

Например, в 1958 году читатели заплатили за газеты 1—1,5 миллиарда долларов, в то время как представители финансово-промышленных кругов выложили за рекламу более трех миллиардов. То есть издательства получают от публикации рекламы и объявлений доход в несколько раз больше, чем от продажи газет и журналов.

Такого рода тексты в американской прессе сильно разнятся по содержанию и объему. Чаще всего это объявления о распродаже товаров и сдаче внаем жилых помещений, о служебных вакансиях, сообщения о свадьбах и разводах, о новорожденных и усопших, о потерянных вещах или домашних животных и т. д. Ниже приводятся несколько образцов объявлений, которые можно использовать в разведывательной работе. (Напечатаны они были по-английски.)

ИЩУ РАБОТУ

Опытная горничная, колумбийка, немного говорящая по-английски, будет заботливо ухаживать за детьми или за больной женщиной, одновременно справляясь со всей домашней работой. 25—30 дол./нед. Звонить Эксетер 4-0482, от 7 до 10 часов утра.

ЧАСТНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Свои услуги предлагает шофер, белый, 35 лет, 12 лет стажа. Женат. Интеллигентный, внимательный, опрятный. Звонить Фордхэм 4-7557, до полудня.

СВЕТСКИЕ И КОММЕРЧЕСКИЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Моя жена Джейн Смит Доу оставила мое ложе и мой кров. Более я не несу ответственности за ее долги. Джон Доу, 17 Лесли-Лейн, Доббс-Ферри, Нью-Йорк.

ПОТЕРИ И НАХОДКИ

В среду днем, 4 января, в такси на пути из аэропорта Айдлуайд на 1506 Вудсайд-авеню, Нью-Йорк, был забыт портфель. Вознаграждение гарантируется. Звонить по телефону Данхилл 4-0892, доб. 534.

КОШКИ, СОБАКИ И ПТИЦЫ

Карликовый белый пудель. Потерян в Квинсе под Новый год. Отзывается на кличку Тини. Вознаграждение 250$. Гумбольдт 6-9016

Из приведенных выше примеров ясно, что многие объявления такого рода легко приспособить для передачи специфической информации. Используемые ко-

довые слова могут включать название или описание потерянной вещи и обстоятельств пропажи, время и место досадного происшествия, размер вознаграждения за возврат утерянной ценности или домашнего животного и тому подобное.

Нелегальные резидентуры имеют великолепную возможность использовать прессу для связи с агентами. У резидентуры, работающей под официальным прикрытием, таких возможностей меньше, и используются они главным образом для передачи сигнала или информации от агента к куратору. В целом в США существуют весьма благоприятные условия для использования прессы в интересах разведки.

За публикацию объявления или рекламы газеты взимают определенную сумму.

Чтобы связь с использованием прессы была эффективной, необходимо четко определить газеты и журналы, в которых будут печататься закодированные послания, примерные даты и формы их публикаций (рекламы, объявления и т. д.).

Кодовые сообщения в прессе могут служить средством связи не только с резидентурой, но и с Центром. Для этой цели имеет смысл использовать издания, распространяемые и за рубежом («Нью-Йорк таймс», нью-йоркская «Геральд трибюн» и другие). Тем не менее в сношениях с резидентурой предпочтительнее использовать скромные местные газеты, поскольку цензура вряд ли особо интересуется ими, и потому в них легче разместить текст сообщения.

Постановка сигналов, как правило, играет вспомогательную роль в организации связи, однако офицеры разведки постоянно используют этот вид связи, когда закладывают или изымают тайники, а также в случае личных контактов и агентурной связи по условиям явки для опознания.

Сигналы следует варьировать в максимальной степени. Они должны выглядеть естественно и не бросаться в глаза. Но при этом оставаться легкоузнаваемыми и исключающими возможность ошибочного истолкования.

Оказавшись в поле зрения друг друга, агенты должны обменяться сигналами. В этом случае можно использовать любой оказавшийся под рукой предмет (носовой платок, перчатки, сигареты), надеть рубашку заранее обусловленного цвета и т. д. и т. п.

Сигналы можно подавать и при помощи специально сконструированных технических средств. Чтобы подать сигнал в инфракрасном диапазоне, невидимом для глаз, карманный фонарик снабжается специальным инфракрасным фильтром. Его можно воспринять через бинокль «В-І-8» со встроенным в него особым «фосфорным» элементом, позволяющим переводить инфракрасное излучение в видимую часть спектра.

Сигналами могут служить объявления в местной прессе, открытки, письма и телеграммы.

И наконец, звуковые сигналы, передаваемые по радио или по телефону.

Таким образом, сигналы подразделяются на графические, предметные, световые, звуковые и личные.

Графические сигналы — это заранее обговоренные отметки в форме геометрических фигур, линий, букв, цифр и т. д., сделанные карандашом, мелом, ногтем или каким-нибудь острым предметом в специально обусловленных местах.

Предметные сигналы представляют собой небольшие предметы, оставленные в обусловленных местах. Сигналом может служить и сам предмет, и его расположение, и то и другое вместе.

Внимательное изучение характерных особенностей страны пребывания позволяет выбрать сигналы, которые будут выглядеть совершенно естественно и не

бросаться в глаза. Например, один наш разведчик вызвал агента на ознакомительную встречу, посылая ему на дом газету «Вашингтон дейли ньюс». Прибыв в город, оперативник убедился, что слежки за ним нет, после чего из таксофона позвонил в редакцию и, назвав адрес агента, попросил начиная со следующего дня доставлять газету на дом. Ровно через неделю агент явился в условленное место. Для передачи сигналов, вместо газет, можно послать агенту книги, журналы и даже товары из магазина самообслуживания, который практикует доставку товаров на дом.

Большое разнообразие сигналов позволяет избегать повторов. Обычно определенный набор сигналов (графические и предметные) служит для тайниковой связи; другие (световые и звуковые, передающиеся по телефону или рации) — для вызова агента на встречу или для предупреждения об опасности. Третьи (в радиопередачах, по почте или через прессу) используются для связи с Центром или с агентом, живущим в другом городе.

Иными словами, выбор сигналов и способы их использования зависят от задач, которые предстоит решать, и от конкретной оперативной обстановки.

Организация прямой агентурной связи между Центром и советскими разведслужбами в США

США находятся не только на огромном расстоянии от Советского Союза, но даже в другом полушарии, что затрудняет налаживание регулярных прямых связей между Центром и аккредитованными там резидентурами.

Тем не менее как в военное, так и в мирное время мы обязаны поддерживать регулярную связь между Центром и резидентурами.

Существует три типа прямых связей между Центром и резидентурами: радиосвязь, связь через курьеров и связь почтово-телеграфная. Ниже следует краткое их описание.

Организация и использование агентурных связей в мирное время

Радиосвязь

Радиосвязь служит самым быстрым способом передачи приказов и инструкций из Центра в резидентуры, а также соответствующих отчетов и информации из резидентур в Центр.

Каждая нелегальная резидентура должна иметь подготовленного и соответствующим образом легализованного радиооператора. Это предполагает наличие новейшей радиоаппаратуры (полученной из Центра) и ее апробацию, что необходимо проделать заблаговременно, в мирное время.

Учитывая нашу отдаленность от США, в крайнем случае придется задействовать радиорелейные станции, которые можно разместить на судах, подводных лодках и самолетах. Кроме того, не следует исключать возможность использования в недалеком будущем и спутниковой связи.

Для успешного функционирования радиосвязи между Центром и резидентурами необходимо постоянно совершенствовать высокоскоростную радиоаппаратуру с дальним радиусом действия.

Многообразие радиоэлектронной аппаратуры и огромное количество специалистов в этой области облегчают подбор, подготовку и легализацию радиооператоров.

Центр может использовать наши радиостанции для передачи резидентурам инструкций при помощи

кодовых сигналов. Для этого необходимо разработать систему кодовых сигналов и заблаговременно направить их в резидентуры.

Для связи Центра с нелегальными резидентурами широко используется односторонняя радиосвязь из Центра путем зашифрованных радиограмм, сигналов и условных фраз.

В распоряжении сотрудников нелегальных резидентур имеется оперативный код и расписание односторонних передач с указанием даты, времени и частоты радиопередачи.

Офицер разведки может на месте приобрести коротковолновый радиоприемник для получения кодированных сообщений в военное время. Наличие такого приемника у кого бы то ни было в США не может навлечь на его владельца каких-либо подозрений. В США не существует регистрации радио- и телевизионной аппаратуры, и плата за владение ею не взимается. Радиооператор может принимать информацию из Центра прямо у себя на дому.

В зависимости от ситуации в стране и развития международных отношений условия приема радиопередач могут меняться. Поэтому каждый офицер разведки должен постоянно и внимательно следить за этими изменениями и незамедлительно сообщать о них в Центр.

Связь через курьеров

Заметный прогресс в самолето- и кораблестроении, расширение сети воздушных и морских путей, связывающих США с другими странами мира, главным образом с европейскими, по которым ежегодно доставляются сотни тысяч пассажиров и тысячи тонн всевозможных грузов, облегчают наши нелегальные курьерские связи.

В мирное время осуществлению таких связей между Центром и резидентурами в США могут способствовать легальные резидентуры, работающие под официальными прикрытиями. Центр отправляет почту (валюту, документы, оперативную технику и т. д.) в дипломатическом багаже. Легальная резидентура, используя тайники, передает затем материалы нелегальным резидентурам. Материалы же, адресованные Центру нелегальными резидентурами, изымаются из тайников оперативными сотрудниками, работающими под прикрытием, и пересылаются в Центр дипломатической почтой. Все же такой способ связи не гарантирует ее секретности и безопасности. Это утверждение особенно справедливо по отношению к США, где офицеры нашей разведки, работающие под прикрытием советских учреждений, находятся под неослабным наблюдением контрразведки.

Поэтому даже в мирное время мы должны организовывать и совершенствовать нелегальную курьерскую связь, чтобы она могла эффективно функционировать и в военное время.

Жизненно важное значение имеет быстрая доставка материалов. Посему при организации курьерской связи целесообразно пользоваться воздушным сообщением, существующим между США и Европой.

У США налажено воздушное сообщение не только со странами НАТО (Дания, Норвегия, Англия, Франция, Исландия, Италия, Турция, страны Бенилюкса, Португалия, Западная Германия), но и с нейтральными государствами (Швеция, Австрия, Швейцария). Это облегчает выбор маршрутов для курьеров Центра.

Экипажи воздушных лайнеров хорошо знают оперативные условия в аэропортах. Их членов можно использовать в качестве курьеров, равно как и назем-

ный персонал, который может пересылать материалы из США в ту или иную европейскую страну, используя для этой цели мобильные тайники, имеющиеся в самолетах.

Морские суда, курсирующие между США и Европой, также могут быть использованы для осуществления курьерских связей между Центром и резидентурами в США.

Использование почты и телеграфа

Связь с нелегалами может осуществляться с помощью почты и телеграфа. Вся почтовая корреспонденция высылается по определенным адресам. Поэтому нелегал имеет в своем распоряжении соответствующие адреса (основной и запасные), по которым он отсылает послания для Центра.

Если у самого нелегала пока адреса нет, то Центр может послать ему письма на адрес гостиницы, где он предполагает остановиться или уже поселился. Сняв квартиру, нелегал обретает возможность получать письма на свой личный адрес. Он должен немедленно сообщить этот адрес в Центр и продублировать его, как минимум, в двух или трех письмах.

По почте можно пересылать графические и предметные сигналы. Этих сигналов великое множество: характер письма (например, поздравительное); цвет и форма конверта или разновидность бумаги, на которой написано письмо; количество марок и их достоинство; содержание письма; форма приветствия; характер подписи и т. д. Сигнал должен выглядеть совершенно естественно и не привлекать внимания почтовых служащих или цензуры. Это особенно важно потому, что письмо с сигналом идет по обычным почтовым каналам.

Организация и использование агентурной связи во время войны

Радиосвязь

В военное время основным видом связи между Центром и отдельными нелегалами может служить двусторонняя радиосвязь.

Следует помнить, что в военное время условия прямой связи между Центром и резидентурами значительно усложнятся. Будет интенсифицировано пеленгование нелегальных радиостанций; не исключены перерывы в подаче электроэнергии; сократятся возможности приобретения запасных частей для радиоаппаратуры; понизится напряжение в сети.

Чтобы еще в мирное время обеспечить приемлемые условия связи в условиях военных действий, мы должны сделать следующее:

1) создать резерв аппаратуры и запасных частей для нее (и хранить его в постоянном надежном укрытии);

2) обеспечить запас батарей автономного питания;

3) подобрать резервное помещение для радиоаппаратуры;

4) своевременно эвакуировать радиоаппаратуру за пределы крупных промышленных центров, которые могут стать целью ракетного удара;

5) обеспечить резидентуры радистами на случай, если действующие будут мобилизованы или получат специальное задание.

Современная агентурная радиоаппаратура с высокоскоростной техникой и отдельными агрегатами для двух- и односторонней связи сводит до минимума операционное время нелегальной рации. Вместе с тем это почти полностью исключает возмож-

ность для контрразведки засечь местоположение передатчика.

В военное время необходимо поддерживать постоянный контакт на условленных частотах с индивидуальными источниками информации, с агентурной сетью и резидентурами.

Курьерская связь

Даже в военное время нельзя отказываться от услуг курьеров, ибо это — единственный способ доставки материалов, документов и технического оборудования. Тем не менее организация такой службы требует специальной подготовки.

Опыт показывает, что во время военных действий резко сокращаются возможности курьера отправиться в далекий путь на самолете гражданской авиации или на океанском лайнере; количество желающих путешествовать в Европу и из нее значительно сокращается, ужесточается таможенный контроль, и курьеру становится все труднее придумать убедительную легенду для заграничного путешествия (из Европы в США и обратно).

При досмотре багажа таможенная служба США активно использует новейшие научно-технические разработки. Не так давно шеф Федерального бюро расследований Эдгар Гувер предложил использовать рентгеновскую аппаратуру для просвечивания багажа авиапассажиров («Нью-Йорк таймс» от 2 апреля 1960 года).

В военное время курьеров, курсирующих между Центром и нелегальными резидентурами, лучше всего искать среди членов судовых команд или экипажей гражданской и военно-транспортной авиации. Кроме того, надо вести активный поиск агентуры среди судовых команд лайнеров (офицеры, рядовые

матросы, стивидоры, коки), среди членов экипажа самолетов (члены команды) в аэропортах и среди служащих пароходных компаний.

При вербовке агентов предпочтение следует отдавать американцам, ибо они пользуются наибольшим доверием и в США, и в странах Европы. Агенту-американцу куда легче доставить почту в Центр из США в одну из западноевропейских стран (в нейтральную или союзницу США), а также взять обратную почту для резидентуры в США.

Не следует исключать возможность доставки курьера к берегам США на подводной лодке. Но необходимо помнить, что береговая охрана США работает куда лучше, чем в остальных странах Американского континента. Так что не всегда удается высадить агента непосредственно в США. Порой возникает возможность переправить почту через третью страну (например, через Мексику), откуда она по суше будет доставлена в США. Почта должна быть хорошо и надежно упакована, чтобы ее можно было оставить в тайнике Центра.

Для обеспечения стабильности курьерских связей в военное время необходимо предусмотреть возможность замены курьера на тот случай, если ныне действующий будет призван на военную службу, причем позаботиться о том, чтобы ваш новый курьер в силу каких-то объективных причин (возраст, здоровье) не подлежал призыву в армию.

Использование почтово-телеграфной службы

С началом военных действий ужесточится цензура и будут введены ограничения на почтовые и телеграфные отправления. Во время Второй мировой войны

цензура проверяла практически всю корреспонденцию, отправляемую за границу, используя специальные химические реагенты для выявления тайнописи.

Цензор имеет право, не искажая общего смысла послания, менять местами порядок слов в телеграмме или вычеркивать в письмах отдельные слова и целые фразы.

Все эти меры направлены на пресечение активности иностранной разведки. Тем не менее ни в США, ни в любой другой стране цензура не в состоянии контролировать все почтовые и телеграфные отправления.

По нашему мнению, деловая переписка между американскими и иностранными фирмами не прекратится и во время войны. Многие американские фирмы специализируются на продаже импортных товаров, получаемых из других стран. Например, некоторые фирмы продают в США английские шерстяные изделия, другие — западногерманские радиоприемники, швейцарские часы и т. д. Интересы бизнеса вынуждают эти страны поддерживать связь, включая почтовую и телеграфную, со своими зарубежными поставщиками.

Поэтому еще в мирное время следует обзавестись «чужими адресами», ориентируясь на те американские предприятия и организации, которые будут поддерживать деловые контакты с иностранными государствами и во время войны. Их можно будет эффективно использовать в период военных действий.

II. РУКОВОДСТВО АГЕНТУРНОЙ СЕТЬЮ

В этом разделе мы рассмотрим лишь некоторые вопросы, касающиеся руководства агентурой, а именно:

— как обеспечить выполнение разведывательных задач;

— как обеспечить тайну деятельности агентурной сети;

— как обеспечить согласованность действий всех звеньев агентурной сети;

— укрепление состава агентуры.

1. Главные задачи разведки

Определение основных разведывательных задач и руководство агентурной сетью по их исполнению

Цели агентов стратегической разведки определяет Генеральный штаб Советской Армии.

В современных условиях, когда США, главная сила империалистического лагеря, вынашивают планы внезапного нанесения массированного ракетно-ядерного удара, главная задача нашей стратегической разведки — раннее обнаружение подготовки США к вооруженному нападению на СССР и другие социалистические страны и своевременное сообщение об этом в штаб-квартиру.

Учитывая характер будущей войны, одной из важнейших задач разведслужбы становится систематический сбор исчерпывающей информации по следующим вопросам:

1) месторасположение ракетных баз, арсеналов ядерного оружия, заводов по производству атомного оружия и ракет различной модификации, научно-исследовательских институтов и лабораторий по созданию и совершенствованию оружия массового уничтожения;

2) информация о характере и результатах научно-исследовательских работ по созданию новых образ-

цов ракетно-ядерного оружия и совершенствованию существующих;

3) состояние противовоздушной обороны, включая систему радарного обнаружения и предупреждения;

4) планы военного командования США по использованию ракетно-ядерного оружия;

5) военные приготовления США на различных театрах военных действий.

Агенты стратегической разведки, действующие в США, должны выявлять приметы подготовки к внезапному нападению на СССР и другие страны социалистического лагеря и немедленно ставить об этом в известность Москву. Это — первоочередная их задача.

Дальнейшее укрепление оборонной мощи Советского государства в значительной мере зависит от успешного выполнения задач, поставленных перед нашими разведчиками в США.

В этот кризисный период основные усилия разведки должны быть направлены на разоблачение ведущейся США подготовки к внезапному нападению, на выявление мест дислокации воинских частей, техники и прежде всего — ядерного оружия. Одна из важнейших задач разведки — выявление объектов, подлежащих немедленному уничтожению.

Постановка задач агентурной сети

В соответствии с основными задачами разведки и оперативными возможностями агентов нам предстоит сформулировать задачи, на выполнение которых будут направлены усилия агентурной сети. Прежде всего необходимо внедрить агентов в правительственные учреждения, обладающие наиболее

полной и точной информацией, касающейся военного планирования. К этой категории относятся нижеследующие органы высшего военного командования:

Совет национальной безопасности, министерство обороны, Совет по делам вооруженных сил в МО, Координационный совет по делам вооруженных сил, Объединенный комитет начальников штабов, министерство сухопутных войск, министерство военно-воздушных сил, министерство военно-морских сил и их штабы, стратегическое авиакомандование ВВС.

Жизненно важное значение имеет внедрение агентов в такие структуры, где возможно получить данные о разработках ядерного оружия и других средств массового уничтожения. Это следующие структуры:

1) Комиссия по атомной энергии (включает двенадцать управлений и десять оперативных групп, координирующих работу большинства атомных предприятий, лабораторий и испытательных полигонов);

2) Объединенный комитет Конгресса по атомной энергии;

3) специально созданное Управление по монтажу атомных установок;

4) Координационный военный комитет министерства обороны;

5) Бюро по атомной энергии при министерстве военно-морского флота.

Большой интерес для разведки представляют следующие центры производства ядерного топлива: Ок-Ридж (Теннесси), Ханфорд (Вашингтон), Падьюка (Кентукки) и другие. Один из самых больших центров производства атомного оружия находится в Лос-Аламосе (Нью-Мексико).

2. Скрытая оперативная деятельность агентурной сети; перевод агентурной сети на безличный тип связи

Как уже упоминалось выше, в США активно действует контрразведка. И в этих условиях безличный вид связи становится основным средством контактов, ибо он обеспечивает самый высокий уровень безопасности и секретности при проведении тайных операций. Задача офицера разведки — всесторонне подготовить агента и сразу же перевести его на безличную форму связи. Для этого куратор должен научить агента пользоваться тайниками, а также умению выставлять сигналы и читать их.

На первых порах агент будет считать тайниковую связь ненадежной, весьма неохотно размещая в них секретные материалы. Приучать его к надежности тайниковой системы придется постепенно, например, для начала оставить в тайнике причитающиеся ему деньги, если он оказывает платные услуги.

Справедливость вышесказанного утверждения доказывает следующий пример. Долгое время агент *S* отказывался от тайниковой связи. Все попытки оперативника убедить его в ее надежности оказывались безуспешными. Тогда его куратор стал закладывать в тайник деньги, предназначавшиеся агенту. В первый раз *S* оказался неподалеку от тайника и наблюдал, как куратор кладет в него деньги. Не успел куратор удалиться, как агент кинулся к тайнику и изъял деньги. На следующий раз он вел себя уже спокойнее. Постепенно он стал доверять тайнику как форме скрытой связи и больше не опасался размещать в нем оперативные материалы.

Перевод агента на безличную форму связи требует от его куратора значительно большего внимания, чем при личных контактах. Он должен ознакомить

агента со всеми ухищрениями контрразведки, потребовать от него неукоснительного соблюдения оперативной техники.

Инструктирование агентов и ознакомление их с правилами конспирации

Конспиративность оперативной деятельности напрямую зависит от знания агентом ее правил, от четкости действий и подготовки оперативника, который его обучает. Оперативник должен привить агенту специфические навыки, проявляя при этом настойчивость и терпение, показывая на практике, как проще и надежнее добиться поставленной цели; помогать устранить имеющиеся недостатки, научить агента строго соблюдать требования, предъявляемые к тайным операциям разведки. Нелишне подчеркнуть, что в силу специфики национального характера американцы-агенты нередко в ходе операций проявляют беспечность и являются плохими конспираторами. То есть инструктировать их надо очень тщательно.

Хороший куратор старается завоевать авторитет у агента. Четкий квалифицированный инструктаж в сочетании с дружелюбной требовательностью весьма способствует этому.

Агента следует проинструктировать и по поводу того, как ему следует вести себя в семье, на работе и на людях. В случае необходимости оперативник должен ему объяснить, как тайно выносить материал из учреждения, как незаметно возвращать его на место и как на работе или дома копировать данные. Очень важно, чтобы агент умел убедительно и правдоподобно объяснить происхождение дополнительных доходов и своих периодических отлучек. В случае необходимости и в зависимости от характера задания куратор

информирует агента о тех или иных методах, используемых контрразведкой. Но при этом куратор ни в коем случае не должен напугать агента, не должен преувеличивать возможности другой стороны.

В ходе инструктажа оперативнику запрещается использовать терминологию привычную для советской разведки или знакомить агента с ее оперативной техникой.

3. Обеспечение состояния готовности агентурной сети

Обучение агентов и агентурной сети самостоятельной связи с Центром

Не подлежит сомнению, что во время войны условия оперативной деятельности резидентуры кардинально изменятся. Предыдущий опыт гласит, что резидентуре, действующей под «крышей» советских учреждений, придется прекратить свое существование сразу после их закрытия. Так что в мирное время одной из самых важных задач такого рода резидентуры становится обучение агентов и подготовка агентурной сети к переходу на самостоятельную связь с Центром во время войны. Такая подготовка очень сложна и включает в себя следующее: обучение агента работе с рацией; обеспечение его аппаратурой связи; подготовка запасной рации на случай выхода из строя основной и гарантия работы независимого источника энергии; обеспечение надежного и долговременного укрытия для радиоаппаратуры; снятие в аренду надежных квартир для проведения сеансов радиосвязи; проведение в мирное время пробных сеансов радиосвязи для радистов, состоящих в резерве, и систематическая проверка аппаратуры на предмет

технической неисправности; обеспечение специального запаса денежных средств и ценностей; организация постоянных опознавательных встреч в двух или трех странах, что позволит выходить на контакты с курьерами из Центра; выявление запасных адресов и правильное их использование.

Программа подготовки к самостоятельной связи с Центром имеет целью подробно объяснить отдельным агентам и руководителям групп, как им следует осуществлять разведывательные операции, но исключительно в пределах порученных им конкретных заданий. Нацеленные на разведывательные действия, они должны быть осведомлены о методах противостоящей им контрразведки. В ходе подготовки оперативник должен уделять особое внимание тому, чтобы агент усвоил преподанный ему объем знаний и был полон решимости исполнить порученные ему задачи.

Решение о переводе агента или группы агентов на самостоятельную связь с Центром принимает сам Центр. Офицер разведки, руководящий ими, представляет Центру всю информацию, необходимую для такового решения. Тем не менее именно он несет ответственность за агента, в частности за его пригодность к оперативной работе, за его политическую ориентацию, за преданность СССР. Надо отметить, что порой оперативник старается в ходе одной встречи как можно больше узнать об агенте. Это сразу же настораживает агента. Изучение агента должно вестись постоянно, планомерно и осмысленно, с учетом постепенно накапливающейся самой разнообразной информации о нем, желание оперативника собрать об агенте как можно больше информации способно вызвать недовольство агента, и потому оперативнику надлежит к каждой встрече с агентом готовиться очень тщательно.

И наконец, надо предварительно побеседовать с каждым агентом, намеченным для включения в агентурную сеть, чтобы выяснить, согласен ли он работать под руководством соотечественника (ведущего агента).

Размещение агентурной сети в условиях будущей войны

Несмотря на коренные противоречия между капиталистическими и социалистическими странами, в будущей войне обе стороны будут преследовать одни и те же политические и военные цели.

Для защиты достижений социалистического строя Советский Союз и другие страны социалистического лагеря должны будут сокрушить вооруженные силы врага и дезорганизовать работу его тыла. Мы полагаем, что если США развяжут войну, то мы нанесем массивный ракетный удар по важнейшим вражеским объектам, в том числе и по размещенным в глубоком тылу. Мы исходим из того, что в войне с массовым использованием самых современных и разрушительных видов оружия, включая ядерное, граница между фронтом и тылом исчезнет.

Тем не менее, учитывая характер будущей войны, дислокация агентурных групп изменится. Для спасения ценной агентуры ее надо будет рассредоточить по всей стране, предпочтительнее в небольших населенных пунктах, где не существует каких-либо объектов стратегического значения. С приближением кризисной ситуации мы должны будем принять меры для соответствующего перемещения агентуры, если это не было сделано раньше, подальше от целей ядерного удара. В этих новых условиях численный состав резидентур и агентурной сети должен быть небольшим. В особых случаях отдельные агенты должны иметь в сво-

ем распоряжении рации прямой связи с Центром для сообщений о таких целях, как арсеналы ядерного оружия, ракет и другие военные базы.

4. Объединение агентов в разведывательные группы

Методы поощрения и принуждения

Один из способов укрепления агентуры разведывательной сети заключается в правильном применении методов поощрения и наказания. Использование каждого из них зависит от действий и поступков агента. Поэтому первой и главной обязанностью куратора является доскональное знание агента, ибо только таким образом можно правильно оценить его работу и разумно осуществлять соответствующий контроль за ним. Офицер разведки, знакомый с национальными особенностями американцев, способен быстро установить контакт с агентом и положительно влиять на него.

Например, зная, что американцы не любят дисциплину и всегда демонстрируют свою независимость, оперативнику имеет смысл воздерживаться от явного давления на агента. Не стоит подавлять его своими бесконечными рекомендациями и указаниями, гораздо целесообразнее разумно стимулировать и направлять инициативу агента в выполнении разведывательных заданий.

Как известно, американцы отличаются умением и находчивостью в работе. Таким образом, офицер разведки должен демонстрировать высокий уровень точности и продуманности в контактах с агентом-американцем, незамедлительно реагируя на его сообщения и выдавая взвешенные указания и приказы.

Американцы очень любят деньги и стремятся к материальному благополучию. Поэтому, платя агенту как следует за его работу, можно стимулировать его активность. Выплаты должны быть адекватными проделанной работе и производиться точно в срок. Это дисциплинирует агента и повышает авторитет куратора.

Существует два способа влияния или воздействия на агента — моральный и материальный. Последний наиболее эффективен, когда вербовка агента идет на материальной, финансовой основе, а моральный — когда агент сотрудничает с нами на идеологической основе.

Отсюда и различие в мерах поощрения и порицания.

К мерам поощрения относятся: высокая оценка куратором проделанной агентом работы, признание ее ценности, подарки агенту, перевод эффективно действующих агентов с системы гонораров на помесячный оклад.

Среди порицаний следует отметить: замечание по поводу недостаточно эффективной работы, снижение суммы гонорара, задержка его выплаты, лишь в самых крайних случаях — угрозы.

(ПРИМЕЧАНИЕ ФРЭНКА ГИБНИ: тут отсутствует еще одна страница текста. Далее лектор продолжает делиться своими наблюдениями по поводу американского образа жизни.)

Мы должны учитывать жизненные стандарты страны и способность агента объяснить появление дополнительных средств. Известно, что уровень жизни в США довольно высок. Например, квалифицирован-

ный рабочий на производстве зарабатывает около четырехсот долларов в месяц, в несколько раз больше, чем в европейских странах.

По установившейся традиции, мы платим агенту за каждую информацию в соответствии с ее ценностью. При такой системе оплаты агент быстро осознает необходимость добросовестного выполнения своих обязанностей.

Доплата к ежемесячному окладу за ту или иную дополнительную работу, несомненно, побуждает агента полностью реализовать свои оперативные возможности. Система материального стимулирования агента позволяет урезать или вообще отменять ежемесячные платежи, если у куратора возникают серьезные претензии к агенту. И наоборот, месячное содержание агента может быть увеличено, он может быть премирован, получить награду или ценный подарок.

Например, агент В., получавший фиксированный месячный оклад, заметно сократил объем поставляемой информации, нерегулярно являлся на встречи, несвоевременно изымал тайники. Несмотря на серьезные замечания куратора, активности не проявлял.

Тогда куратор решил прибегнуть к мерам материального воздействия. По согласованию с Центром он стал платить агенту лишь за те месяцы, когда тот действительно работал и выполнял все оперативные задания. Вскоре В. осознал, что дальнейшее манкирование своими обязанностями приведет лишь к неуклонному сокращению его дополнительных доходов. Он стал трудиться с полной отдачей. И — соответственно — получать денежный оклад в полном объеме.

Премии, подарки, награды можно рассматривать и как поощрение за хорошую работу, и как подпитку идеологической мотивации агента.

Как в руководстве агентом использовать основные национальные черты, обычаи, привычки и образ жизни американцев

В США лицам, принадлежащим к тому или иному социальному слою общества, присущи черты, привычки, обычаи и традиции, характерные именно для этой категории граждан.

Офицер разведки, знакомый с этими особенностями, способен лучше понимать своих агентов-американцев и мотивацию их поведения, что исключительно важно в отношениях с агентом в процессе его обучения.

Памятуя о том, что подавляющее большинство американцев — открытые, прямодушные и веселые люди, офицер разведки может провести беседу с агентом не в скучной назидательной манере, а живо и интересно. В преддверии встречи он может продумать возможные вопросы агента, равно как и свои убедительные на них ответы, и так провести встречу, что тот будет в полном восторге от ее доверительного характера.

Во время встречи могут возникнуть вопросы, относящиеся к компетенции исключительно резидента. Оперативник должен уметь избегать таких вопросов, не показывая, что у него нет полномочий решать их.

Правильная оценка специфических особенностей американцев поможет офицеру разведки завоевать доверие агента. Как известно, откровенный доверительный разговор — лучший способ выяснить политические взгляды агента и его биографию.

Американцы — патриоты своей страны. Они гордятся ее достижениями, чтят ее героев, благоговейно относятся к памятникам культуры. То есть оперативник должен не только не допускать неуважительных замечаний по этому поводу, но и помнить, что не-

удачное, опрометчивое высказывание по поводу, например, высокочтимых американских президентов (Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна, Томаса Джефферсона) может быть воспринято агентом как оскорбление. Подобную же реакцию может вызвать и недооценка американской культуры.

Оперативник может обратить на благо делу такие черты американского характера, как изобретательность, открытость и упорство. Благодаря этим качествам агент успешно справится с выполнением оперативных заданий и сможет в полной мере реализовать свои способности.

Американцам в значительно большей степени, чем представителям других народов, присуща врожденная любовь к свободе и независимости, они не любят подчиняться дисциплине. Оперативник должен считаться с этим и не прибегать к давлению на агента. Ни при каких обстоятельствах не допускать даже намека на грубость или бесцеремонность. Он должен умело руководить работой агента и не упускать случая одобрительно отозваться о проявленной агентом инициативе. Не следует разговаривать с агентом в назидательном или приказном тоне. Он способен лишь породить антагонизм в душе агента.

Офицер, особенно новичок и к тому же еще не очень хорошо знающий английский, должен с предельным тщанием контролировать свою речь и не допускать таких, например, выражений: «Я приказываю», «Вы обязаны» и т. д.

Как уже говорилось, американцам присуще страстное желание иметь побольше денег, разбогатеть. Это может и должно приниматься во внимание, когда ставится задача укрепления агентурной сети.

Глубокое знание национальных особенностей американцев, а также индивидуальных пристрастий и склонностей, будет способствовать консолидации

агентурной сети, позволит в полной мере реализовать оперативные навыки агентов и повысит авторитет куратора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные принципы организации связи с агентами и руководства ими, формировавшиеся на протяжении многих лет и многократно подтвержденные на практике советской стратегической разведкой, могут быть приняты на вооружение нашими резидентурами, аккредитованными во всех странах мира.

Поэтому характеристики связей с агентами и руководства ими в США играют главенствующую роль не в силу каких-то принципов, но в силу внимательного и тщательного изучения оперативных условий в данной стране с учетом национальных особенностей американцев, их образа жизни, их обычаев и традиций. Кроме того, нельзя не учитывать и роль, которую играют США в агрессивных военных блоках, и географическое положение этой страны.

В данном учебном материале мы рассмотрели только часть специфических особенностей страны, характерных для нее в настоящее время. И их надо постоянно помнить в работе с агентами.

Кроме того, необходимо учитывать вот что: каждый год приносит в жизнь значительные изменения. Могут исчезнуть старые здания и целые кварталы, на их месте вырастут новые здания или раскинутся парки. Полки библиотек займут новые книги, на экранах появятся новые фильмы, изменятся привычки и вкусы. Стремительно будет развиваться техника. В высокоиндустриализованных США такие перемены обретут больший, чем в других странах, размах. Поэтому офицер разведки обязан видеть

происходящие перемены и учитывать их при организации связей с агентами и руководстве ими.

На практике каждый офицер разведки должен быть готов к принятию самостоятельных решений по оперативным вопросам. Уровень его понимания специфики страны, отдельного города, американцев как национальной общности и отдельного гражданина (агента) будет определять его способность действовать адекватно в той или иной конкретной ситуации, его умение успешно руководить агентурой.

Нелегкая, но захватывающе интересная работа по организации связи с агентами требует от разведчика полной самоотдачи. Он должен постоянно искать новые пути и способы решения оперативных вопросов.

Предисловие к главе IV

В лондонском отеле «Маунт Ройал» останавливаются бизнесмены и среднего достатка туристы. Располагается он на Оксфорд-стрит неподалеку от Мабл-Арч. Вокруг отеля всегда царит оживление. К подъезду то и дело подъезжают автомобили; двери отеля почти не закрываются: не иссякает поток входящих или выходящих постояльцев. В холле — привычная атмосфера места временного проживания. 20 апреля в двадцать три часа человек, одетый в строгий темный костюм, вышел из ресторана, поднялся вверх по лестнице и направился по коридору к нужному ему номеру. Судя по акценту, с которым он только что говорил на официальном ужине, его можно было принять за иностранного бизнесмена. Он постучал в дверь, она мгновенно отворилась, и его взгляду предстал уже знакомый ему англичанин. Всего в номере находились четверо: два англичанина и два американца. Это была первая встреча Олега Пеньковского с представителями западной разведки.

Говорил Пеньковский несколько часов кряду. Для начала, чтобы вызвать у собеседников доверие, он выложил перед ними заметки на отдельных листах бумаги, мелким убористым почерком, и соответствующую документацию, которые он подготовил специально для этой встречи. То была секретная информа-

ция о советских военных ракетах. Эти материалы, равно как и рассказ о себе и о мотивах такого поступка, вызвали у западных разведчиков живой интерес. Западным разведчикам стало ясно, что с полковником Пеньковским им крупно повезло, сумма же, которую он запросил за свое сотрудничество, — сущий пустяк.

Эта встреча в отеле «Маунт Ройал» явилась результатом контакта, который Пеньковский установил с приезжавшим в Москву англичанином и на который он возлагал большие надежды. Гревилл Винн занимался международным бизнесом в области закупок и продаж оборудования для тяжелой промышленности.

В 1960 году Винн организовал поездку в Москву торговой делегации из Великобритании. В СССР он приехал в декабре, почти за неделю до прибытия самой делегации, и довольно много времени провел с Пеньковским, который как раз представлял советскую сторону на переговорах. Они совместно разрабатывали программу пребывания в Москве английской делегации, намечали предстоящие встречи. В то время Пеньковский только присматривался к англичанину, «изучал» его. Предпринятые им ранее попытки установить контакт с американской разведкой так ни к чему и не привели — американцы либо посчитали его круглым идиотом, либо расценили его действия как провокацию. В результате Пеньковский решил выйти на англичан. Потом, на допросе в Москве, он скажет: «Познакомившись с мистером Винном, я решил попытаться с его помощью установить связь с британской разведкой. Однако сделал это не сразу. Я некоторое время присматривался к нему, чтобы позже, на одной из последующих встреч, сообщить ему о своем намерении».

Во время декабрьского визита Винна было договорено, что в начале 1961 года в Лондон прилетит со-

ветская делегация, которая посетит английские фирмы, проявляющие интерес к торговле с Советским Союзом. Когда ответный визит советской делегации в Англию сорвался, Винн приехал в Москву, чтобы выяснить причину этого, и вновь встретился с Пеньковским. К тому времени они оба уже обращались друг к другу по имени. Пеньковский, о намерениях которого англичанин даже не догадывался, решил попытаться выйти через Винна на контакт с западной разведкой. Произошло это в первую неделю апреля 1961 года.

По мысли советского человека, любой иностранец, приезжающий в их страну, каким-то образом непременно должен быть связан с западной разведкой. Пеньковский, как продукт советского воспитания, придерживался точно того же мнения.

В тому времени он окончательно дозрел до готовности работать на Запад. Неуверенность в прочности своего положения в Главном разведывательном управлении явилась тем катализатором, который ускорил принятие такого решения. Кроме того, его все больше начинала пугать авантюрная политика, которую в то время проводила советская власть. Кроме этого, Пеньковский продолжал мечтать о свободной жизни на Западе, которую он успел вкусить за год своего пребывания в Турции. Он позже писал: «Задолго до этого момента я начал ощущать отвращение к самому себе, не говоря уже о наших «любимых» вождях и руководителях. Я уже тогда чувствовал, что должен найти хоть какое-то оправдание своему существованию, которое помогло бы мне испытать внутреннее облегчение». В нем говорил человек, пытавшийся отыскать свои новые корни, солдат, стремящийся встать под новые знамена.

Не последнюю роль в стремлении Пеньковского переметнуться на Запад сыграло и то обстоятельство,

что начальству наконец-то стало известно, что его отец был офицером Белой армии. Двадцать три года его нелегкой службы в советской разведке могли пойти прахом из-за другого человека, пусть и ближайшего родственника, который в 1918 году принял решение бороться против большевиков. Почему, мог бы спросить себя Пеньковский, который втайне гордился своим отцом, об этом факте моей биографии вездесущий КГБ мог узнать только сейчас? С годами он все больше и больше убеждался в том, что отец его в том далеком восемнадцатом году сделал правильный выбор.

Встретившись с Винном в номере московской гостиницы «Националь», где тот остановился, Пеньковский заверил англичанина, что состав советской делегации для отлета в Великобританию уже сформирован. Как и прежде, он, обсуждая с ним программу предстоящего визита, много рассказывал о себе. Винн быстро заметил в поведении своего собеседника некоторую нервозность. Когда они прохаживались по улицам, где никто не мог их подслушать, Пеньковский стал говорить англичанину о тяжелой жизни в Советском Союзе. Он с усмешкой отозвался о тех причинах, которыми советское руководство объясняло возникший в стране дефицит, и отпустил в адрес режима несколько довольно критических замечаний. Из его слов следовало, что жизнь простого советского гражданина никак нельзя было назвать счастливой.

Когда Винн наконец ознакомился со списком участников советской делегации, он испытал разочарование. Он возражал против включения в ее состав профессоров и технических экспертов, которые никак не подходили для ведения торговых переговоров. Руководство английских компаний ожидало, что к ним приедут люди, от которых зависит заключение

крупных контрактов. Теперь Винну стало ясно, что русские заинтересованы в получении технической информации, а не в закупке английских товаров.

Пеньковский признал возражения Винна обоснованными, но принялся умолять того, чтобы поездка этой делегации в Англию все же состоялась. «Прошу тебя, Грев, не противься, — сказал он. — Мне просто необходимо съездить в Англию. Если же ты заупрямишься, то я уже никогда не попаду в Лондон. Дело в том, что главой этой делегации назначен я».

После этого Пеньковский в открытую поделился с ним своими страхами за будущее советского народа. Он сказал, что ситуация в СССР сложилась невыносимая, что руководство его страны ведет опасную внешнюю политику, которая может привести к мировой катастрофе. Пеньковский добавил при этом, что располагает некоторыми фактами, подтверждающими только что им сказанное, и что он просто обязан передать их «заинтересованной стороне» на Западе. Кроме того, он должен лично встретиться с соответствующими лицами и рассказать им о том, что творится у него на родине.

Винн знал, что советские спецслужбы не гнушаются различного рода провокациями и подсылают к иностранцам тайных агентов, которые говорят им о своем якобы несогласии с действиями собственного правительства. Однако проницательный англичанин понял, что его собеседник искренен с ним. Он никогда еще не встречал человека подобного Пеньковскому. Винн не только поверил ему, но и понял, какую ценную услугу мог тот оказать западным разведслужбам. Посетив многие страны Восточной Европы, он хорошо представлял себе, о чем собирался поведать Западу Пеньковский.

Поэтому Винн не стал возражать против состава делегации, предложенного советской стороной. Та-

ким образом, он обеспечил Пеньковскому возможность отправиться в Лондон и выйти на контакт с «заинтересованной стороной». 12 апреля 1961 года перед самым отлетом на родину Винн получил от Пеньковского запечатанный конверт в двойной упаковке, в котором находилось письмо, адресованное британской разведслужбе. Пеньковский также сообщил ему, что планирует прилететь в Лондон приблизительно через неделю.

Это свидетельствовало о том, что в ГРУ Пеньковский, несмотря на порочащий факт в его биографии, пользуется доверием — его не только выпускали в Англию, но и назначили главой советской делегации. В качестве заместителя начальника Управления внешних сношений Государственного комитета по науке и технике Пеньковский должен был возглавить большую группу советских технических специалистов и торговых экспертов, которым предстояло встречаться с руководством британских фирм и обсуждать возможности заключения торговых соглашений и двухстороннего технического сотрудничества. Главной же задачей его, полковника Главного разведывательного управления, являлось следующее: оценка возможностей для промышленного и технического шпионажа, установление с этой целью контактов с сотрудниками английских фирм, а также наблюдение за членами советской делегации. В Лондоне поездку делегации курировала контора Анатолия Павлова, который являлся консулом советского посольства в Лондоне, представителем ГККНР и одновременно полковником ГРУ, занимавшим пост заместителя резидента Разведуправления в Великобритании. Таким образом, можно было с полной уверенностью сказать, что члены советской делегации, а также фирмы, которые они посещали, находились под пристальным вниманием советской разведки.

Пребывание Пеньковского в Лондоне длилось до 6 мая. Все эти шестнадцать дней он, будучи един в трех лицах, был занят до предела. Члены советской делегации по традиции относились к нему с большим почтением, как к лицу, отмеченному доверием государства и партийного руководства. Несомненно, в лондонской резидентуре его воспринимали как разведчика в высоком офицерском звании и с не менее высокими связями. Естественно, что никто из его советских коллег и не подозревал о его намерении перейти на сторону иностранной разведки. Находясь в Лондоне, Пеньковский продолжал встречаться с представителями западных разведслужб, и происходило это только по ночам. На этих встречах разрабатывались планы его дальнейшей деятельности в Москве. Все это время Винн служил связующим звеном между советскими специалистами и представителями английских фирм.

Пеньковский успешно сочетал функции руководителя делегации с миссией завербованного агента. Пропустив несколько встреч делегации со своими английскими партнерами — делегация посетила заводы, расположенные за пределами Лондона, — Пеньковский обратился к советскому послу с ходатайством о продлении срока пребывания делегации в Англии на четыре дня. Эту просьбу он мотивировал тем, что членам его делегации было бы полезно посетить Британскую промышленную ярмарку, которая должна была вскоре открыться в Лондоне. Разрешение было получено, и Пеньковский смог еще дважды встретиться с теми четырьмя представителями иностранных спецслужб. На состоявшемся в 1963 году суде он назвал их: «Представителей разведки Великобритании звали Грилл и Майлз, а американцы называли друг друга по именам: Александр и Ослаф». Для большей безопасности и удобства все их встречи проходили в гостини-

це «Маунт Ройал», где размещались все члены советской делегации.

Энергии Пеньковского можно было только позавидовать. Исполняя роль руководителя делегации, он в лучших советских традициях держал все деньги своих подопечных при себе. Поэтому ему приходилось вместе с ними ходить по лондонским магазинам. Свободного времени у Пеньковского было в обрез, но он тем не менее сумел пройти интенсивный курс обучения приемам тайной связи. На суде в 1963 году он признался, что получил от своих новых хозяев миниатюрный фотоаппарат «Минокс», транзисторный радиоприемник для односторонней связи с Западом и подробные инструкции, как ими пользоваться. Было договорено, что связь с ним в Москве будет поддерживаться через Винна, а если Пеньковский в ближайшее время вновь окажется на Западе, то через другого, тамошнего связного. Таким образом, Пеньковский досконально изучил все инструкции по пользованию радиоприемником и другие мелочи, необходимые для его последующей работы.

В протоколах суда, состоявшегося над Пеньковским, говорится: «Представители иностранных спецслужб рекомендовали Пеньковскому надежно спрятать шпионскую аппаратуру у себя в квартире. Александр и Ослаф предупредили его, что очередное известие передадут ему через Винна, который вскоре приедет в Москву. Но в случае экстренной необходимости соответствующие инструкции будут переданы ему по радио.

Тогда же Пеньковский... получил задание фотографировать для западных спецслужб секретную документацию».

В свою очередь Пеньковский попросил предоставления ему в случае его вынужденного бегства из СССР гражданства США или Великобритании, а также обес-

печения его работой, соответствующей его знаниям и опыту.

Итак, перейдя рубикон, Пеньковский вернулся в Москву. Он привез уйму подарков для своих высокопоставленных друзей. Представленный им обстоятельный, пространный отчет свидетельствовал об успехе возглавлявшейся им торгово-промышленной делегации. О полученном им фотоаппарате «Минокс» и огромном количестве фотопленки он, естественно, умолчал.

Следующая секретная информация была подготовлена Пеньковским 16 мая, то есть всего через десять дней после возвращения из Лондона. Она касалась специфики работы ГККНР, которая для Запада особого интереса не представляла. В ней содержались довольно язвительные характеристики сотрудников комитета и их проблем.

Комитет по науке и технике (в дальнейшем ГККНР — *ред.*), в котором работал Пеньковский, по своим масштабам и важности фактически являлся министерством[1]. В его задачу входил систематический сбор промышленной, научной и технологической информации.

На Западе тот период отмечен бурным развитием науки, достижения которой тут же использовались в промышленности экономически развитых стран. За десять лет, прошедших с 1953-го до 1963 года, в одних только Соединенных Штатах ежегодные ассигнования на науку возросли с 4,3 миллиарда долларов до 13 миллиардов. Советский Союз же со своими спутниками и сталелитейными заводами никак не мог достигнуть уровня промышленно развитых стран, хотя и претендовал на статус экономически развитой дер-

---

[1] После ареста Пеньковского советское руководство реорганизовало ГККНР, но его численность, персонал и его функции не претерпели каких-либо изменений.

жавы. **В СССР** предпринимались отчаянные попытки догнать Запад в области новейших технологий, но у советских ученых не было необходимой для этого материальной базы.

Государственный комитет по науке и технике исполнял роль этакого собирателя и накопителя новейших достижений практически во всех областях современных научных и технологических исследований. Лишь очень редко промышленно развитые страны выпадали из сферы интересов ГККНР. К примеру, комитет направлял своих агентов в Канаду для сбора самой различной информации, начиная со схемы сверхзвуковой пилы «Рейтеон» и кончая технологией использования торфяного подпочвенного слоя или чертежами «поточной линии для изготовления маргарина» фирмы «Левер бразерс». Советские торговые миссии, члены Академии наук, практически все делегации технических специалистов направлялись за границу под эгидой этого комитета. Штат его формировался за счет сотрудников Академии наук и двух других организаций, КГБ и ГРУ, которые также проявляли повышенный интерес к промышленному шпионажу.

Деятельность ГККНР охватывала весь мир. Усилиями его сотрудников в Германии была добыта информация, касающаяся производства полупроводниковых фильтров фирмы «Сименс», после чего в городе Кирове на филиале московского завода «Динамо» сразу же приступили к производству своих собственных полупроводников. Постоянный представитель комитета в Англии предложил советским властям создать завод, работающий по технологии огромного химического концерна «Ай-си-ай», и эта идея немедленно получила поддержку в Москве.

Возглавлял ГККНР президиум, или, как его называл Пеньковский, ученый совет в составе пятнадца-

ти человек. Под его руководством трудился огромный штат высокопрофессиональных экспертов (во времена Пеньковского их насчитывалось 447 человек). Ученый совет определял стратегию деятельности комитета, ставил задачи своим представителям, работающим за рубежом по сбору соответствующей информации, обрабатывал ее и направлял свои разработки в то или иное министерство или ведомство. Министерства и ведомства, в свою очередь, занимались внедрением новых технологий в свое производство. Открытый обмен технической информацией был частью работы комитета. В основном представители комитета собирали различную техническую информацию, рекламные проспекты, всевозможные руководства и справочники, но если возникала такая возможность, они не колеблясь шли и на шпионаж. Поэтому подавляющая часть сотрудников ГККНР тесно сотрудничали с ГРУ или КГБ или же просто являлись штатными разведчиками.

Другие страны тоже занимались сбором научно-технической информации или ее обменом, но ни одна из них не действовала столь активно и тайно. ГККНР обменивался технической информацией со своими партнерами весьма своеобразно. Как писал Пеньковский: «Мы очень осторожно относились к такому обмену и передавали иностранцам только то, что им уже было известно».

До сведений, полученных от Пеньковского, Запад мало что знал об истинной деятельности Государственного комитета по науке и технике. Во всяком случае, никто за рубежом не знал, что этот комитет тесно сотрудничает с советской разведслужбой.

Глава IV

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

В течение шестнадцати дней мы создали новый Союз, Союз дружбы и борьбы за наши общие цели. Я уверен, что этот Союз будет вечен. Да поможет нам Бог в нашем великом и важном деле.

16 мая 1961 года

Ранее наш комитет назывался Научно-техническим комитетом, сокращенно ГНТК. В 1961-м он был полностью реорганизован и получил свое теперешнее название — Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ (ГККНР) при Совете Министров СССР. Его адрес: Москва, улица Горького, 11. Число сотрудников его значительно возросло. Больше всего расширилось Управление внешних сношений (ранее это был всего лишь отдел). Сделано это было для того, чтобы улучшить сбор научно-технической информации на Западе, а также для посылки наших ученых за рубеж и организации там всевозможных выставок. В этом плане наш комитет тесно сотрудничал с Министерством внешней торговли и Всесоюзной торговой палатой.

С тем чтобы легче было понять, как «координировалась» научно-исследовательская работа в СССР, я

привожу блок-схему организации ГККНР[1]. Из нее видно, каким вопросам уделялось первостепенное внимание со стороны советских разведслужб и каким образом координируется работа всего комитета. Короче говоря, ГККНР, по существу, — то же министерство, а Руднев, его председатель, пользуется теми же привилегиями, что и министр.

Все управления комитета подразделяются на отделы и группы. Управление по сотрудничеству со странами социалистического лагеря состоит из двенадцати совместных комиссий: по работе с Чехословакией, Германской Демократической Республикой, Польшей, Венгрией, Румынией, Югославией, Болгарией, Албанией, Китаем, Монголией, Северной Кореей и Северным Вьетнамом. В структуре этого управления имеется собственный отдел, ведающий командировкой советских специалистов именно в соцстраны.

Помимо управлений и отделов, упомянутых выше, при ГККНР имеется много организаций и институтов, таких, как Объединенное научно-техническое издательство (ОНТИЗ), Государственное издательство по печатанию материалов в области энергетики (Госэнергоиздат), Всесоюзный институт научно-технической информации, другие институты, Всесоюзная выставка достижений народного хозяйства СССР, различные научно-технические библиотеки.

В каждой из союзных республик имеются собственные комитеты по науке и технике. Так, председателем такого комитета в РСФСР является Павел Иванович Аброскин, в Грузинской ССР — Г.Ш. Микеладзе, в Молдавской ССР — Николай Дмитриевич Чернявский.

---

[1] См. Приложение 1.

Назначение Руднева на пост председателя Госкомитета не было случайным. Оно в значительной мере определяет направление всей деятельности ГККНР. До того как Руднев возглавил Комитет по науке и технике, он долгое время работал в министерстве вооружений, а затем стал председателем Госкомитета по военным технологиям. Он является членом Центрального Комитета КПСС и одновременно одним из заместителей Хрущева, Председателя Совета Министров СССР.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что приоритетным для Руднева всегда считался сбор технической информации, которая может быть использована в создании новых видов вооружения. Среди сотрудников комитета бытует мнение, что мы являемся придатком Министерства обороны и Госкомитета по военным технологиям. Я, как и другие офицеры, служащие в ГККНР, нисколько в этом не сомневаюсь, но говорить на эту тему здесь не принято.

Ныне покойный Хруничев, предшественник Руднева на посту председателя ГККНР, до прихода в комитет также работал главным образом в оборонной промышленности. Одно время он был министром авиационной промышленности.

Однако я не хочу сказать, что мы работаем только на оборонную промышленность. В ГККНР много различных отделов и управлений, которые работают строго по отраслям народного хозяйства. Тем не менее основной акцент в нашей так называемой координации научных исследований, несомненно, сделан на развитии военного комплекса.

Это объясняет, почему в нашем комитете так много сотрудников Главного разведывательного управления и КГБ. Я же оказался в ГККНР в результате политики «мира», провозглашенной Хрущевым. Комитет служит надежной «крышей» для тех, кто с

помощью технических специалистов собирает секретную информацию не только за рубежом, но и у нас в стране, организуя визиты иностранных делегаций и их дружеский прием. Такие дружеские контакты и обмен делегациями с нашей стороны можно смело назвать хитроумной уловкой советской разведки. Наши сослуживцы из числа сотрудников ГРУ и КГБ частенько задаются вопросом, почему иностранцы так слепо нам верят. Неужели они не понимают, что мы знакомим их только с тем, что всем уже давно известно и никаким техническим новшеством не является? Если же мы намечаем посещение зарубежной делегацией какого-нибудь завода, на котором внедрена новая разработка, то просто говорим его директору: «Покажите им все... но первый цех и пятый закройте якобы на ремонт». Вот так, коротко и ясно.

У меня на рабочем столе лежит список городов и районов СССР, которые закрыты для иностранцев. Мы руководствуемся им при составлении программы визита иностранных делегаций по территории СССР. К примеру, делегация из четырех канадцев получила разрешение посетить Кривой Рог, в котором много крупных промышленных предприятий, подавляющее большинство из которых не работает на оборонку. Канадцы в целях экономии времени обратились к нам с просьбой разрешить им лететь самолетом до Днепропетровска, находящегося совсем близко от Кривого Рога. Однако канадцам в этом было отказано. Их отправили поездом, и, таким образом, в Кривом Роге они оказались только через двадцать четыре часа. Комитет не мог разрешить канадцам лететь самолетом, поскольку Днепропетровск закрыт для всех иностранцев. Причина — в этом городе находится большое количество металлургических заводов, а также предприятий, работающих на оборонную про-

мышленность, включая один из наших самых больших заводов по производству ракет.

Город Горький также закрыт для иностранцев, даже для тех, кто приезжает из дружественных нам стран. И закрыт он в связи с тем, что расположен неподалеку от Сормова, где изготавливаются всякие секретные «штучки», в том числе и подводные лодки. Кроме того, что Горький известен крупными автомобильными предприятиями, там имеются еще и самые значительные в стране авиационные заводы.

Несколько слов хочу сказать об Управлении внешних сношений, в котором я «работаю» в качестве заместителя начальника отдела. Чтобы ни у кого из сотрудников мои истинные обязанности не вызывали сомнений, мне выдано удостоверение за номером 0460, регистрационный номер которого 79. (Бланки наших удостоверений старого образца, и в них еще значится прежнее название комитета — Государственный научно-технический комитет. Однако замена их на новые уже готовится.) Копия моего удостоверения, изготовленная на фотостате, а также две мои визитки, напечатанные на русском и английском языках, прилагаются к настоящему письму. Эти визитки я использую в качестве прикрытия, когда встречаюсь с иностранными делегациями и «обмениваюсь» с ними технической информацией.

Начальник же нашего Управления внешних сношений, Джермен Михайлович Гвишиани, сотрудником советской разведки, похоже, не является. Однако, учитывая, что его отец — дальний родственник Сталина и одного из генералов КГБ, то можно предположить, что наш Гвишиани также связан с Комитетом государственной безопасности. К сожалению, подтвердить или опровергнуть факт его принадлежности к КГБ я не могу. Многие из наших сотрудни-

ков кичатся тем, что работают на разведку, однако за начальником УВС ничего подобного не замечалось.

Гвишиани женат на дочери Косыгина, который в разговорах с зятем открыто критикует Хрущева, заявляя, что тот совсем запустил нашу промышленность и экономику. Однажды, будучи под градусом, Гвишиани многозначительно сказал мне: «Олег Владимирович, наш день придет». Такое он мог позволить себе, поскольку даже сам Руднев, председатель ГККНР, побаивался его и всегда, словно старый друг, здоровался с ним за руку.

У Гвишиани два заместителя: Евгений Ильич Левин, полковник, старший в ГККНР по линии КГБ, много раз выезжавший за границу с разведывательными целями, и Виктор Николаевич Андрианов, подполковник ГРУ и старший в комитете по линии Главного разведуправления. Андрианов часто хвастался передо мной своими связями с американцами, работавшими в Австрии, а однажды даже упомянул об интрижке с некоей американкой, когда его жена находилась в Москве. Поговаривают, что Андрианов скоро станет советским консулом в Швейцарии.

Валентина Ивановна Чумакова, сотрудница КГБ, — секретарь Гвишиани.

Наше управление включает в себя несколько отделов.

Отдел внешних сношений. Его начальник — Борис Георгиевич Лопатенко, тоже сотрудник КГБ. Работает в тесном контакте с Левиным.

Его заместитель — Денис Николаевич Поляков, подполковник ГРУ. Я работаю под его началом и сижу с ним в одном кабинете. В свое время он занимал пост первого секретаря советского посольства в Индии. Работал весьма успешно и сумел завербовать нескольких агентов. Ему было приказано покинуть Индию в двадцать четыре часа, когда было обнару-

жено, что его жена находится в любовной связи с одним из сотрудников посольства. Дважды, в 1960-м и 1961 годах, по заданию советской разведки Поляков ездил в составе советской делегации в США. В начале 1962 года он с краткосрочным визитом посетил Кубу, где занимался засылкой агентов в США и страны Латинской Америки. О кубинцах он отзывался весьма нелестно — называл их «тупыми полукровками, грязными и неграмотными». Он жаловался, что на Кубе так и не смог отыскать ни одной приличной женщины, с которой можно было бы провести время. У Полякова военная профессия — артиллерист. Он окончил Военную академию имени Дзержинского, а в 1953 году — Военную дипломатическую академию.

В ГККНР Поляков, официально числясь заместителем начальника отдела, фактически исполняет обязанности начальника подотдела, занимающегося Америкой, и иногда в качестве резидента ГРУ замещает Андрианова.

Сотрудники ГРУ, как, впрочем, и КГБ, занимают все ключевые посты в отделах внешних сношений всех советских министерств, где таковые имеются. Они занимаются свойственной разведчику деятельностью среди членов зарубежных делегаций, приезжающих в СССР, туристов и прочих иностранцев. Количество сотрудников ГРУ, работающих в отделах ГККНР, составляет примерно восемьдесят—девяносто человек. И у всех у них высокие офицерские звания.

Вопрос о том, сколько офицеров разведки должно работать в таких отделах и в каких именно, решается в Центральном Комитете КПСС. Представители ГРУ и КГБ должны обосновать наличие в министерствах требуемого ими количества разведчиков в соответствии с заданиями, которые им поручено исполнять.

Окончательное решение по этим вопросам принимается Административным отделом ЦК. Здесь следует упомянуть, что ЦК КПСС совместно с Советом Министров СССР издали секретную директиву, в которой так прямо и говорится, что «Государственный комитет по науке и технике при Совете Министров СССР должен иметь в составе своего руководства от двадцати пяти до тридцати сотрудников Главного разведывательного управления (ГРУ)». Эта директива наглядно свидетельствует о том, что Хрущев и ЦК КПСС направляют работу советской разведки и обеспечивают ее сотрудникам надежную «крышу».

ГККНР и Совет Министров устанавливают нам зарплату, исходя из занимаемой нами в комитете должности, однако ее размер определяется совместно главными бухгалтерами ГРУ и ГККНР. Средства на зарплату, которую мы получаем в комитете, отчисляются из фондов ГРУ или Министерства обороны.

Существует и аналогичная директива, устанавливающая количество сотрудников КГБ, которые должны работать в нашем комитете. Не знаю, сколько их должно быть, но думаю, что не меньше, чем из Главного разведуправления.

О нашей принадлежности к ГРУ или КГБ в комитете известно только его председателю, а о том, что я из ГРУ, знает лишь начальник Управления внешних сношений, то есть Гвишиани. Остальные же об этом могут только догадываться. Тем не менее некоторые сотрудники комитета замечают, что мы иногда занимаемся делами, не связанными с нашими непосредственными обязанностями. Например, я довольно часто отлучаюсь из здания ГККНР. Сослуживцам свою отлучку я объясняю необходимостью срочно сходить на почту или в банк. Иногда, чтобы объяснить свое отсутствие на рабочем месте, прихо-

дится придумывать и более весомые причины. Но люди не дураки и отлично понимают, что я выполняю и другую работу. Те, кто не являются сотрудниками советской разведки, видят, что никто из нас, часто отсутствующих на рабочем месте, никогда не получает от начальства не только нагоняя, но даже замечания. Естественно, наши сослуживцы прекрасно понимают, кто мы такие.

После того как очередная делегация советских специалистов сформирована и каждый ее член получил разрешение ЦК КПСС на выезд за границу, мы отбираем из их числа тех ученых, инженеров или других специалистов, которые могут оказаться нам полезными, и приглашаем их на беседу в ГРУ. Там каждый из них по отдельности получает соответствующий инструктаж. Им сообщается, какого рода информацию они должны собрать в данной стране и на что следует обратить особое внимание. После этого наши «добровольные помощники» подписывают специальную бумагу, в которой говорится, что они ни в коем случае не должны разглашать свою связь с Главным разведывательным управлением, а при невыполнении этого условия их ждет суровое наказание.

Такие специалисты нам очень полезны, и особенно в тех случаях, когда в составе делегации не оказывается сотрудника ГРУ. За свои услуги они получают дополнительное вознаграждение в валюте, а по возвращении из поездки — нечто вроде премии размером в 500 или 1000 рублей. Нашему помощнику, успешно справившемуся с заданием, мы говорим: «Вы отлично поработали. Если будет война, мы непременно призовем вас в армию и сразу же присвоим звание старшего офицера».

Помимо всего прочего, нам дано прямое указание отбирать молодых людей из числа ученых, инженеров

и других специалистов и рекомендовать их для работы в управлении Бекренева, которое занимается подготовкой нелегалов. Когда такой специалист нами отобран, мы передаем его данные непосредственно Бекреневу. После соответствующей проверки молодой человек проходит особую подготовку и становится нелегалом.

Основной нашей задачей как сотрудников ГРУ является вербовка агентов среди иностранцев, приезжающих в СССР. Конечно, не каждый облюбованный нами иностранец становился агентом советской разведки. Мы также собираем информацию, используя личные контакты с иностранцами, заводим с ними беседы на интересующие нас темы, приглядываемся к ним, при возможности обыскиваем их багаж и т. п.

Чтобы не выдать нашу принадлежность к разведке, мы все пользуемся удостоверениями сотрудников ГККНР и хорошо технически подкованы. И естественно, ходим в гражданской одежде.

Хоть я и являюсь действующим офицером советской разведки, что подтверждается имеющимся у меня удостоверением полковника ГРУ, но для сотрудников комитета и для наших «соседей» я просто «полковник запаса».

Прием иностранной делегации, прибывающей в Москву, требует очень тщательной подготовки. Мы разрабатываем квартальные, месячные и суточные планы, в которых наши эксперты расписывают в мельчайших подробностях, как следует вести себя с членами делегации, какие использовать подходы, имея в виду перспективу более тесного сотрудничества.

Для тех, кто отправляется за границу в составе делегации советских специалистов, составляется отдельный план. В нем ставятся иные задачи. Они включают

в себя предварительную работу с членами группы, то есть вербовку помощников для разведработы, создание сети таких помощников и подбор кандидатур для нелегальной работы.

Каждый из советских специалистов после зарубежной поездки обязан представить подробный отчет. Если в нем не окажется ничего ценного, то его составителю обязательно устроят нагоняй и, как правило, уже никогда больше не пошлют за границу. Если же специалист, пребывающий за рубежом, обнаружит интересующую разведку информацию, то об этом он обязан немедленно сообщить резиденту ГРУ, а иногда и самому послу. Тогда его информацию сразу же переправят в Москву либо по дипломатической почте, либо по телеграфу.

Перед отъездом всех членов делегации подробно инструктируют, какие темы следует затрагивать в беседах и как отвечать на вопросы иностранцев. От себя могу добавить, что ничего нового западные ученые от наших специалистов узнать не могут. Точно так же они не получат никакой ценной информации и на выставках, которые мы устраиваем за рубежом. Так, например, перечень экспонатов, подготовленных к отправке на лондонскую выставку 1961 года, был тщательно проверен техническими экспертами из КГБ. В результате ни один экспонат, представляющий некое научное достижение, на советской выставке в Лондоне не был представлен. Некоторым из отправленных в Англию экспонатов специально придали неправильную форму. Так, например, спутник, выставленный на стенде, оказался совсем иной конфигурации — его сферический корпус был изменен. Делалось это для того, чтобы ввести посетителей выставки в заблуждение. Почти все экспонаты, связанные с освоением космоса, были либо экспериментальными моделями,

либо выставлялись в искаженном виде. Поэтому настоящий спутник, который был запущен Советским Союзом, на выставке в Лондоне так никто и не увидел.

Как правило, советские ученые, инженеры и технические специалисты, непосредственно участвующие в производстве ракетной техники, за рубеж не выпускаются. Однако в последнее время режим выезда для них значительно смягчился, и тем специалистам, которые уже в течение двух лет не были вовлечены в программу разработки и производства советских ракет, выезжать за границу все же разрешили. Объяснялось это тем, что нашим ученым и техникам надлежало знать, какие новинки в области ракетостроения появились на Западе. Естественно, что перед выездом за рубеж такие специалисты тщательно проверяются. В этом вопросе ЦК КПСС проявляет особую осторожность, а срок в два года был им установлен исходя из того, что за это время развитие науки должно было уйти далеко вперед. Поэтому, если советский специалист и «уходил» на Запад, то он никакой ценности ни для кого уже не представлял.

В обмене делегациями и научно-технической информацией с СССР западные страны, в особенности такие, как Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и Канада, должны проявлять максимальную осторожность. К этому вопросу им следует подходить так же серьезно, как это делает Советский Союз. Посещая США, Канаду или любую другую западную страну, мы пользуемся свободой перемещения, видим все, что хотим, и добываем всю секретную информацию, к которой проявляем интерес. Когда же иностранная делегация прибывает к нам,

она сталкивается со множеством ограничений. Иностранные специалисты посещают предприятия только по нашему выбору. То есть те, на которых они не увидят ничего нового. Если же наши гости изъявляют желание ознакомиться с чем-то новым в науке или технике, мы тут же находим массу поводов для отказа. На моем рабочем столе лежит длинный перечень самых разных доводов и причин, на основании которых мы не пускаем иностранцев в тот или иной регион СССР. Например:

1. На данном заводе идет капитальный ремонт.

2. Мост через реку в аварийном состоянии, и движение по нему закрыто.

3. В городе нет аэропорта, а поездом проехать невозможно из-за снежных заносов.

4. В регионе в это время года неблагоприятные погодные условия: дожди, снегопады и т. п.

5. Местная гостиница не готова для приема гостей.

6. В том регионе зарегистрированы случаи заболевания чумой, поэтому ехать туда нежелательно.

7. Все места в гостиницах города заняты туристами и т. п.

Бывают случаи, когда после утомительных экскурсий по музеям Москвы или прогулок по паркам, специально устроенных нами, иностранцы настолько устают, что сами отказываются от посещения заводов и с большей радостью отдыхают в своих номерах. Прибегаем мы и к такому приему: вместо того чтобы отправить делегацию самолетом, мы сажаем ее в поезд. Таким образом, из пяти или шести предприятий, которые хотели осмотреть иностранцы, они из-за недостатка времени могут посетить только одно или два. Более того, к тому времени у них могут уже заканчиваться визы, и они, ничего не увидев, кроме водки и икры, уезжают домой.

ГККНР, являясь организацией, координирующей научно-технический обмен, поддерживает тесную связь с Академией наук СССР, Государственным комитетом по внешним экономическим связям, Министерством внешней торговли, Всесоюзной торговой палатой и многими другими организациями. В каждой из них работает не менее дюжины сотрудников ГРУ и КГБ.

Что же касается меня, то, попав на работу в ГККНР, я нисколько не удивился тому, что в комитете на разных должностях значатся представители разведслужбы, — я был поражен их количеством. Проходя по коридору, нередко можно было видеть, как они, одетые в гражданские костюмы, на военный манер приветствовали друг друга.

В здании комитета сотрудники из ГРУ появляются почти ежедневно. Сюда они приходят для того, чтобы оформить бумаги на заграничную поездку либо в качестве членов делегации, либо — туристов. Крайне редки случаи, когда в их числе не оказывается хоть одного сотрудника из Управления стратегической разведки ГРУ. Если делегация небольшая, скажем из двух или трех человек, то представителя ГРУ в нее втиснуть очень трудно. В таком случае в ее составе обязательно должен присутствовать человек, который еще раньше получил в ГРУ соответствующие инструкции. Если же такого в делегации не оказалось, то его спешно готовят. Члена отбывающей делегации вызывают в отдел кадров, проводят с ним инструктаж и берут с него подписку о неразглашении. Если все же и такого человека в составе делегации нет, то это значит, что в нее включен кагэбэшник или их осведомитель. Ни одна из поездок за границу не совершается без участия КГБ — Комитет государственной безопасности не доверяет не только обычным членам делегации, но и сотрудникам ГРУ.

Представитель КГБ входит в состав делегации и в том случае, когда в этом нет особой необходимости.

В октябре 1961 года советская делегация выехала в Париж для участия в конференции, проводимой Международной океанографической комиссией. По решению Центрального Комитета КПСС в ее состав были введены двое представителей морской разведки ГРУ: контр-адмирал Чекуров и капитан Рыжков.

В ноябре 1961 года двое старших офицеров ГРУ, с которыми я работал в ГККНР, отправились на Кубу. Это были полковник Мещеряков и подполковник Н.К. Хлебников. На Кубе им предстояло исполнять обязанности консультантов при правительстве Кастро по разведработе, естественно направленной против США и государств Латинской Америки. Тогда на место Хлебникова в ГККНР пришел капитан Борис Михайлович Поликарпов.

Теперь несколько слов о дезинформации. В соответствии со специальными указаниями руководства ГРУ, нам надлежало распространять среди иностранных ученых и бизнесменов провокационные слухи и разного рода дезинформацию. А делается это следующим образом: советские ученые и инженеры распространяют среди своих иностранных коллег слухи о том, что они якобы участвуют в каком-то интересном научном проекте или заняты строительством неких новых объектов, которых в действительности не существует. Это побуждает иностранных ученых и их правительства инициировать дорогостоящие программы, не имеющие никакой практической ценности. Иногда бывает и по-другому. Поверив, что в СССР уже ведутся разработки по какой-то важной тематике, Запад, боясь от нас отстать, вкладывает в

ту же сферу науки огромные средства и приступает к широкомасштабному исследованию. Тем временем Советский Союз внимательно следит за работой иностранных ученых и собирает всю доступную ему информацию. Когда же все исследовательские работы за рубежом завершаются, в СССР, где к этому времени уже накопилось достаточно информации, советские ученые начинают собственные разработки того же самого проекта или программы. Естественно, что на их завершение мы тратим гораздо меньше времени и средств, чем Запад.

Однако СССР прибегает и к другим способам экономии денежных средств.

Вернемся к описанию задач, которые поставило передо мной Главное разведывательное управление. В мои обязанности входит присматриваться к членам британских делегаций, приезжающих в СССР. Я устанавливаю с ними дружеские контакты, определяю, какую ценность представляют они для нашей разведки и насколько вероятна их вербовка. Затем я составляю по каждому из членов делегации подробнейший отчет, который впоследствии ложится на стол нашему лондонскому резиденту. После этого в резидентуре нашего посольства в Англии должна начаться работа. К ней резидент может подключить одного из своих подчиненных, Шаповалова или Павлова. Они могут связаться со мной и после этого решить, имеет ли смысл заниматься вербовкой тех англичан, о которых говорится в моем отчете, или нет. Здесь все зависит от того, как они воспримут мое сообщение. При вербовке иностранцев учитываются компрометирующие их обстоятельства, такие, как проблемы в семейной жизни, страсть к карточным играм, затруднительное финансовое положение, склонность к лю-

бовным приключениям, финансовое положение фирмы, в которой они работают.

Другой моей задачей является сбор научно-технической информации, представляющей интерес для нашего государства. Когда в Москву прилетел один английский ученый, я получил от него негрифованную брошюру по опреснению морской воды. Наши специалисты очень ею заинтересовались. Дело в том, что по технологии, применяемой в Советском Союзе, затраты на получение одного кубометра опресненной воды составляли шесть рублей (старых), тогда как по методу, описанному в той брошюре, всего девяносто семь копеек. За получение такой ценной для государства информации я удостоился всяческих похвал. Благодаря посещениям нашей страны иностранными учеными мы становимся обладателями такой информации, которая затем широко используется как в нашей промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Я замещаю Андрианова, нашего резидента в ГККНР, когда тот уходит в отпуск или уезжает в командировку. По заданию Серова он дважды выезжал в ФРГ, и тогда мне самому приходилось составлять планы оперативной работы как для сотрудников ГРУ, приписанных к комитету, так и нашим помощникам. В комитете под моим началом находятся семеро офицеров ГРУ.

Поездки советских делегаций в зарубежные страны требуют тщательной подготовки. На каждую из них необходимо получить специальное разрешение Центрального Комитета КПСС. Взять хотя бы мою вторую командировку в Лондон, состоявшуюся в июле—августе 1961 года. Решение ЦК КПСС послать нашу группу в Англию было принято 1 июля, а 4 июля председатель ГККНР издал приказ ото-

брать сорок пять советских специалистов для работы на советской промышленной выставке, открывавшейся в Лондоне. Руководителем делегации назначили меня, поскольку я уже был однажды в Лондоне и имел там знакомых.

Прежде всего для поездки я отобрал в основном тех специалистов, на которых в ЦК КПСС уже имелись выездные документы. Времени на оформление бумаг для новых членов делегации и их проверку на лояльность почти не оставалось. Среди сорока человек, отъезжавших в Англию, оказалось три сотрудника Центрального Комитета и два аналитика. Одновременно с ними в качестве членов делегации или туристов в Лондон поехали десять офицеров ГРУ, занимавшихся военной разведкой. Кроме меня, по линии ГККНР в Англию отправились еще три полковника ГРУ: И.Я. Петров, А.П. Щепотин и В.Ф. Тебенко. Помимо сбора специальной технической информации, они по линии разведки должны были заниматься оперативной работой: проверкой старых и подбором новых тайников, мест встреч с завербованными англичанами и т. п. В Лондоне мы поддерживали тесные контакты с резидентом ГРУ в Англии Львом Сергеевичем Толоконниковым.

Для того чтобы лучше понять наши методы работы, я прилагаю несколько отчетов о моей поездке в Лондон.

Проезжая из Лондона в Шеффилд по магистрали А-1, я во второй раз наблюдал за южными окраинами Шеффилда, где находится военный аэродром, на котором базируются самолеты военно-воздушных сил Великобритании. Рядом с этим городом, но уже к северу от него, расположена система противовоздушной обороны страны. У меня была возможность изучить эти объекты, их местоположение, координаты, а также сделать ряд рисунков. Их описание прилагается.

Именно такая «научная информация» особенно поощряется ГККНР.

После завершения моей командировки в Англию А. Павлов, заместитель резидента в Лондоне, написал Гвишиани письмо, в котором благодарил его за нашу работу и желал дальнейших успехов. Это было, так сказать, официальное письмо гражданскому начальнику от «обычного» советника нашего посольства в Англии. Все отчеты по нашей командировке были отправлены в ГРУ Серову, а он передал их в соответствующие управления и отделы Главного разведывательного управления. По моим отчетам можно судить о моей собственной работе и о работе других членов советской делегации. В первый приезд в Лондон я не смог сделать большего, главным образом потому, что не желал. В любом случае у меня все равно не было бы на это времени.

В Лондоне мне предстояло также завязать знакомства с сотрудниками фирм, которые мы посещали, о встречах с ними написать отчет, ознакомить с ним нашего резидента в Лондоне, а затем направить его московскому начальству. Лондонский резидент решил, что кое-кто из моих новых знакомых представляет для нас интерес, и до отъезда в Москву я должен был свести его с одним из членов нашей резидентуры. Каждый сотрудник ГРУ, прикрепленный к делегации, должен изучать методы, к которым прибегает британская контрразведка в работе с нашими людьми, то есть какие провокационные вопросы им задают, в какие антисоветские разговоры их пытаются вовлечь.

Незадолго до моего отъезда в Лондон все советские посольства, и в частности резидентуры ГРУ и КГБ за границей, получили из Центрального Комитета КПСС циркуляр. В нем были названы 150 различных объектов в США, представляющих интерес

для наших разведслужб. Это были военные объекты, промышленные и сельскохозяйственные. В тех случаях, когда сбор какой-либо конкретной информации в самих Соединенных Штатах был затруднен, его надлежало осуществлять через третьи страны.

Другой циркуляр, но уже с указанием объектов в Канаде, получил отдел, занимающийся этой страной. Среди тридцати задач, значащихся в нем, одной из первоочередных «стратегических» целей была технология производства искусственного меха на тканой основе. Американцы и канадцы уже успешно освоили ее. Она была чрезвычайно проста, однако наши специалисты все еще бились над ее созданием. Искусственный мех производился двумя фирмами в США и одной — в Канаде. Одна из этих фирм-производителей предложила нам закупить у нее соответствующее оборудование и наладить свое собственное производство. Конечно же Москва не была заинтересована в этой сделке. Наши хотели досконально изучить технологический процесс изготовления искусственного меха, а потом сконструировать собственное оборудование. На этом можно было сэкономить огромные средства. Для этого необходимо было выяснить состав клея, которым ворс крепится к ткани. Мы рассматриваем Канаду как страну, в которой успешно воплощаются все новые научно-технические идеи США и Великобритании. Если в самих Соединенных Штатах и Великобритании выкрасть промышленные секреты относительно сложно, то в Канаде в некоторых случаях сделать это значительно проще. Кроме того, для советских делегаций получить въездные визы в эту страну намного легче, чем в другие страны. Я привел этот пример, чтобы показать, как скрупулезна наша разведка в области «заимствования» западной технологии.

Каждого, кто выезжает за границу, родные и знакомые просят привезти им какой-нибудь сувенир или что-то очень нужное, чего нельзя купить в Москве. Однако удовлетворить все просьбы просто невозможно. Обычно командированный заранее составляет список того, что ему хотелось бы купить. Иногда просто невозможно выполнить все заказы из-за ограниченного веса багажа или нехватки иностранной валюты. Я тем не менее, бывая за рубежом, всегда стараюсь привезти все, что мне заказали.

Незадолго до отъезда в Англию я, будучи назначен старшим группы, был вызван к Серову. В короткой беседе Серов сообщил мне, что его жена и дочь летят тем же рейсом в Лондон, но уже в качестве туристов. Он попросил меня опекать их, а в случае надобности помочь. Я заверил генерала, что сделаю все от меня зависящее, чтобы его близкие не испытывали в Англии каких-либо затруднений.

На следующий день в аэропорту Серов представил меня своей жене и дочери и пожелал нам приятной поездки. Я был немало удивлен тем, как он растрогался, прощаясь с ними. Трудно было поверить, что этот суровый человек, чьи руки обагрены кровью, мог испытывать такую нежную привязанность к своим близким.

В лондонском аэропорту, к моему великому удивлению, нас никто не встретил. Наверное, что-то случилось с посольской машиной, подумал я, зная, что Серов еще до нашего отлета послал телеграмму, извещавшую посольство о нашем приезде. Однако машина за нами все же приехала, хотя и с опозданием. Я проводил Серовых до гостиницы и пообещал на следующий день показать им город. В течение нескольких последующих дней я возил жену и дочь генерала по Лондону, сопровождал за покупками и один раз сводил их в ресторан. Они были любезны со

мной, как со старым знакомым, и без конца за все благодарили.

Дочь Серова Светлана училась на последнем курсе в Московском авиационном институте имени Микояна на факультете электрооборудования. Однажды вечером я взял машину и показал матери с дочерью ночные клубы, включая и Пикадилли. В одном из них девушка пригласила меня станцевать рок-н-ролл. В других местах мы не танцевали, опасаясь привлечь к себе повышенное внимание. От развлечений, которые я им устроил, обе были в неописуемом восторге. Жена даже пригласила меня к ним на подмосковную дачу, находившуюся неподалеку от города, заметив при этом, что свежая клубника у них круглый год, а кроме того, имеется пасека. (Серов страдал ревматизмом и по старинному способу лечился укусами пчел.) Несколько раз я наведывался к своим новым знакомым в гостиницу с конфетами, фруктами и вином. Моим визитам Серовы были очень рады. Надо сказать, что вдвоем они ни за что не отправились бы осматривать Лондон. Если бы английские журналисты узнали, кто они такие, то непременно раструбили бы об этом на всю страну.

Во время пребывания в Англии у Серовых возникла проблема с валютой. Очевидно, они быстро истратили большую часть той суммы, которая выдается туристам. Я дважды ссужал их — сначала двадцатью, а потом тридцатью фунтами. Поначалу супруга Серова отказывалась принимать от меня деньги, но потом согласилась, сказав при этом, что в Москве ее муж найдет способ вернуть мне их долг.

Она хотела купить своим внукам качели, но, когда узнала, сколько они стоят, а главное — сколько весят, отказалась от этой затеи и попросила меня раздобыть их чертежи, по которым ее мужу на одном из московских заводов изготовят точно такие же.

Зная, что возвращаться на родину они будут морем, я вызвался купить им эти качели. Однако жена Серова решительно отвергла мое предложение и попросила взамен купить что-нибудь для ее супруга, например электрическую бритву.

Лишних денег, тем более фунтов, которые я получил на карманные расходы, у меня не было. Сувениры и подарки, купленные мною для Серова и его семьи, были оплачены нашим лондонским резидентом за счет средств, выделяемых ему на представительские расходы. Семья Серова отбыла из Англии на советском теплоходе, и я был безмерно счастлив, что их пребывание в Лондоне оказалось вполне благополучным.

По возвращении в Москву я несколько раз навещал Серовых. Живут они на улице Грановского, 3, во втором подъезде в квартире 71. В ближнем Подмосковье у них прекрасная дача. Они угощали меня ужином и выпивкой. При первом же визите я подарил генералу электрическую бритву и несколько пластинок с записями русских и цыганских песен и романсов в исполнении Лещенко и Вертинского, необычайно популярных в то время. В Советском Союзе достать их записи почти невозможно — настоящий раритет. Позже, когда мы с дочерью Серова Светланой встретились наедине, она сказала, что ее отец очень доволен моим подарком и теперь почти каждый вечер слушает полюбившиеся ему пластинки.

Здесь, в Советском Союзе, певцы-эмигранты, электрическая бритва, французские духи и туалетная вода считаются пережитком капитализма. Однако это обстоятельство нисколько не смущает высоких начальников и их семьи. Им было наплевать на то, что могут подумать о них простые люди.

Перед отъездом в мою следующую зарубежную командировку я для получения инструкций снова был

вызван к Серову. Тогда он сказал, что очень доволен моей работой, пожелал мне успешной поездки и попросил зайти к нему домой — как он выразился, «для получения дополнительных инструкций от его супруги». Когда я тем же вечером пришел к Серовым, его жена вручила мне длинный список того, что мне надлежало купить для нее в Париже, а генерал попросил привезти ему легкую теннисную куртку. Они, в свою очередь, презентовали мне несколько баночек черной икры и предложили на дорогу батон копченой колбасы. Икру я с благодарностью принял, а вот от дефицитной колбасы вежливо отказался.

Пережитки капитализма присущи всем, особенно тем, кто любит хорошие вещи. «У нас в Советском Союзе есть все, и лучшего качества, чем на Западе», — обычно говорим мы. Однако все лучшее мы привозим из-за границы. Даже нижнее белье, которое жены Серова и Чураева просили меня им привезти. Одна из них хотела, чтобы я купил ей в Лондоне или Париже такие элементарные вещи, как чулки, колготки, записные книжки, одеколон, парфюм, электрические бритвы, батарейки для транзисторов, ручки-самописки, коньяк, грампластинки, свитера, рубашки, шарфы и много чего еще. Только в последние две командировки мне дали списки, насчитывавшие более ста наименований самых различных вещей.

Вот такое у нас «социалистическое общество», в котором почти ничего нет! Но при том, что у нас не хватает даже таких простых товаров, как чулки или шарфы, стало привычным повторять: «Все у нас есть, и если это все советское, значит, самое лучшее». Для членов Центрального Комитета, маршалов и генералов, а также для их семей все закупается за рубежом, причем действительно самое лучшее. А как быть с ночными клубами и ресторанами? Их-то в Москву не привезешь. Конечно, у нас есть свои роскошные рес-

тораны, где и накормят, и обслужат по высшему разряду, но вход в них для простых людей закрыт.

Во время второй поездки в Лондон я купил много подарков для Варенцова и его семьи. Для генерала Смоликова, начальника отдела кадров, я привез две самописки, бумажник, несколько флаконов духов и игральные карты. Особенно ему хотелось иметь заграничные карты, поскольку он — страстный поклонник преферанса (русская карточная игра). По просьбе супруги Гвишиани я привез ей духи, пудру, губную помаду, сигареты, игральные карты и много других вещей, а для Руднева, председателя комитета, — несколько двенадцативольтовых батареек. Как видите, в числе тех, кому я должен был делать подношения, оказался и самый главный начальник, призванный руководить научно-техническими исследованиями в нашей стране. Многим из отъезжающих за границу он заказывал привезти обычные батарейки! И это понятно, в Советском Союзе их днем с огнем не сыскать. Думаю, что одно уже это свидетельствует о существующем в нашей стране дефиците, в противовес тому, что мы можем показать иностранным специалистам.

В 1961 году, находясь в Англии и Франции, я должен был выполнять задание ГРУ — собирать информацию научного и военного характера. Однако в связи с тем, что меня назначили старшим группы, свободным временем я не располагал и активного участия в оперативной, как мы ее называем, работе, не принимал. Мне удалось установить деловые контакты, завести знакомства, собрать литературу, которая могла заинтересовать Главное разведывательное управление, и т. п. В Англии и Франции нашу делегацию принимали очень хорошо. Там я познакомился со многими интересными и очень перспективными специалистами как в области науки, так и бизнеса.

Меня не переставало удивлять то, как легко и непринужденно эти люди общались с нами. В Турции же — единственной стране, в которой мне довелось до этого побывать, — я постоянно ощущал, мягко выражаясь, весьма сдержанное отношение местных жителей к советским людям. К тому же местная полиция не оставляла меня своим вниманием — буквально следовала за мной по пятам. Англичане же и французы свободно общались со мной, приглашали к себе домой, в рестораны и в конторы фирм. Этим я был буквально поражен, поскольку в Военно-дипломатической академии нам много рассказывали о спецслужбах этих стран. Но, оказавшись, наконец, там, я увидел собственными глазами, как естественно и непринужденно ведут себя иностранцы. К тому же ни в Англии, ни во Франции я ни разу не заметил за собой слежки.

О пребывании нашей делегации не было упомянуто ни в британской, ни во французской прессе, а те, с кем я общался, принимали меня за такого же бизнесмена, как они сами, считали, что я — представитель советской торговой фирмы. Неужели англичане и французы столь наивны? А может, в СССР специально насаждалось мнение, что все иностранцы — шпионы, а жизнь простого человека на Западе — сущее мучение? Ответа на этот вопрос я так и не нашел. Он мучает меня по-прежнему.

Дополнительная информация

Отдел внешних сношений ГККНР

Его начальник — Михаил Федорович Качалов, офицер КГБ, долгое время работавший в Италии заместителем резидента КГБ. Официально числился вторым секретарем советского посольства в Риме.

Заместитель начальника — я, Олег Владимирович Пеньковский, полковник ГРУ.

Далее следует краткий список других сотрудников ГРУ и КГБ, известных мне по работе в нашем управлении.

Юрий Борисович Тихомиров — старший специалист (начальник протокольной службы), сотрудник КГБ, специализирующийся на Америке. Хвастает связями с американцами, которые он установил, работая в Сирии.

Иван Петрович Рыбаченков — старший специалист, сотрудник ГРУ по военной разведке с большим опытом оперативной работы.

П.Н. Ульяненко — специалист, капитан КГБ, работавший в Лондоне около двух лет. Очень нервный человек.

Георгий Иванович Суворин — специалист, капитан третьего ранга, сотрудник ГРУ, в настоящее время привлекается для выполнения специальных заданий. Его часто вызывает генерал Рогов.

Дмитрий Дмитриевич Новоселов — специалист, полковник КГБ. Левин использует его в качестве своего советника.

Николай Ильич Копитов — специалист, бывший майор КГБ, работает вместе с Левиным.

Владимир Васильевич Кривощеков — старший специалист. Разведчик, но я не знаю, на кого он работает — на ГРУ или КГБ.

Владимир Николаевич Травкин — специалист, подполковник ГРУ. Недолго работал в ООН в Нью-Йорке и был отозван из-за его тупости.

Александр Михайлович Близняков — специалист, полковник ГРУ. Одно время работал у адмирала Бекренева, занимающегося нелегалами. Бывал в краткосрочных командировках в Индии и Японии.

Виктор Михайлович Рязанцев — специалист, офицер КГБ. В 1961 году выезжал в США для участия в какой-то конференции.

Виктор Филиппович Голополосов — специалист, офицер КГБ. Левин называет его «мой мальчик».

Надежда Ивановна Цапп — специалист, выполняющая задания как ГРУ, так и КГБ.

Юрий Яковлевич Малик — специалист. Не знаю, связан он с оперативной работой или нет, но его отец, в прошлом посол в Великобритании и Японии, был одно время председателем или зампредседателя Комитета по информации при Совете Министров СССР. Так называлась советская разведка, когда ГРУ и МГБ были объединены в одну организацию. Ее в разное время возглавляли Молотов и Вышинский.

Игорь Викторович Миловидов — специалист, агент КГБ. Выезжает за границу с делегациями для присмотра за ее членами. Он несколько раз обращался ко мне с просьбой помочь ему перейти из КГБ в ГРУ. Когда я сказал Левину, что Миловидов хочет перейти в ГРУ, тот ответил мне: «Не надо. Он нам самим нужен».

Вадим Вадимович Фармаковский — специалист, офицер ГРУ, капитан-лейтенант морского флота. В составе советских делегаций выезжал в Италию и Швецию. Говорит по-английски.

Валентин Дмитриевич Храбров — специалист, полковник ГРУ. Приятель Лаппы, еще одного сотрудника ГРУ. Кажется, он работал в Париже в качестве помощника военного атташе.

Назар Калистратович Лаппа — специалист, полковник ГРУ, ответственный за прием делегаций из Франции, Италии, Бельгии и Голландии.

Илья Павлович Шварц — старший рецензент, переводчик с английского, агент КГБ. Сотрудники ГККНР сторонятся его, так как знают, что он «сту-

чит» на всех. Его главная обязанность — следить за сотрудниками комитета и фиксировать, у кого из них установились дружеские отношения с иностранцами. Он несколько раз выезжал за границу в качестве переводчика и агента КГБ.

Николай Антонович Берденников — агент КГБ и старший специалист. Работает в британской группе, которая занимается Канадой и другими англоязычными странами. Несколько раз по заданию КГБ ездил в составе делегации в Лондон и Соединенные Штаты Америки. Хорошо владеет английским и часто вместе с Левиным посещает московские ночные клубы.

Борис Васильевич Никитин — старший специалист, полковник ГРУ. Работает в группе, занимающейся Индией, Пакистаном и Цейлоном.

Александр Яковлевич Смуров — старший специалист, сотрудник КГБ в звании то ли полковника, то ли подполковника. Несколько лет провел в Западной Германии.

Список можно было бы пополнить еще многими фамилиями, но и этого вполне достаточно, чтобы понять, какой шпионский аппарат скрывается под «крышей» Государственного комитета по науке и технике при Совете Министров СССР.

Предисловие к главе V

6 мая 1961 года Олег Пеньковский вернулся в Москву, осуществив, судя по всему, свою заветную мечту. Дома в тайнике своего стола он спрятал фотоаппарат, пленки и инструкции к радиоприемнику, полученные им в Лондоне. Квартира семьи Пеньковского находилась в доме на набережной Максима Горького. К работе на западные спецслужбы он приступил немедленно. Имея свободный доступ в Министерство обороны, Главное разведывательное управление и, естественно, в свой собственный Комитет по науке и технике, Пеньковский беспрепятственно фотографировал любые документы, преимущественно с грифом самой высокой категории секретности. Часть из них представляла собой техническую документацию, засекреченные инструкции и практические руководства для персонала, обслуживающего наземные ракетные установки. Он фотографировал также материалы, касающиеся методов работы советской разведки, высоких должностных лиц, целей и задач Государственного комитета по науке и технике.

27 мая в Москву прилетел Винн, чтобы продолжить переговоры с советской стороной. На них, как и прежде, он представлял интересы английских фирм, желавших торговать с СССР. Полковник Пеньковский встретил его в международном аэропорту Шереметь-

ево и доставил в гостиницу. В машине он передал Винну пакет с двадцатью проявленными фотопленками и другие материалы, которые уже на следующий день были в британском посольстве.

В тот же вечер Пеньковский навестил Винна в гостинице «Метрополь». Позже, на суде, Пеньковский сообщил, что Винн вручил ему пакет с тридцатью роликами новой фотопленки и дальнейшие инструкции от сотрудников западных разведслужб, с которыми он познакомился в Лондоне. Трудно в это поверить, но Винн на самом деле не являлся разведчиком — он просто выполнял просьбу разведслужб. Так получилось, что искавший сотрудничества с Западом Пеньковский вышел именно на этого бизнесмена. И когда Винн сообщил об этом британской разведке, там, естественно, его попросили поддерживать тесный контакт с Пеньковским и выполнять в связи с этим некоторые их поручения. Положение Винна, как английского бизнесмена, часто приезжающего в Москву, и его встречи с Пеньковским ни у кого не могли вызвать подозрений.

(Даже на суде, который проходил под тщательным контролем КГБ, Пеньковский настаивал на том, что Винн не знал содержания материалов, которые от него получал.)

Ни в чем не подозревая своего подчиненного, вышестоящие чины, как в ГРУ, так и в комитете, были довольны тем, что Пеньковский установил столь тесные контакты с англичанином. Любой разведчик на его месте постарался бы завербовать Винна. Было принято решение включить Пеньковского в состав делегации, которая направлялась в Лондон для участия в открытии советской промышленной выставки.

Делегация прибыла в Лондон 15 июля 1961 года, а три дня спустя прилетел и Пеньковский — в том, чтобы он летел с другими членами группы, необхо-

димости не было. К счастью, в аэропорту никто из советского посольства его не встречал. Воспользовавшись этим, он позвонил из аэропорта Винну, и тот немедленно приехал за ним на машине. Пеньковский и англичанин встретились как старые друзья. Позже, на суде, состоявшемся в 1963 году, эта встреча была описана в мельчайших подробностях. Винн привез Пеньковского к себе домой, где тот побрился, принял душ и передал своему связному несколько катушек отснятой им фотопленки и секретную документацию. После этого Винн подбросил своего гостя к отелю «Кенсингтон Клоуз», в котором на имя Пеньковского был забронирован номер. Неподалеку от отеля, в зданиях старой постройки на Кенсингтон-Гарденс, находилось посольство СССР.

Поскольку на этот раз работать Пеньковскому приходилось главным образом в черте города, ему удавалось чаще, чем раньше, встречаться с четырьмя британскими и американскими разведчиками. Их встречи проходили на явочной квартире МИ-6. Советская делегация, прибывшая на выставку, делилась на специализированные группы, и во главе каждой из них был свой руководитель. Так что в обязанности Пеньковского входила координация их работы и общее руководство.

Проведя день на выставке, он вечером встречался со своими новыми друзьями: Александром, Майлзом, Гриллом и Ослафом. Представители иностранных разведок подробно обсуждали с Пеньковским ранее присланные им донесения, уточняли неясные моменты и давали советскому полковнику новые задания.

Пленки, ранее переданные Пеньковским на Запад, были обработаны, и иностранные спецслужбы в Лондоне и в Вашингтоне уже понимали, какая ценная информация находится в их руках. Летом того года

международная обстановка в Европе накалилась. Запад буквально сотрясался от угроз Хрущева по-своему решить берлинский вопрос и заключить с Восточной Германией мирный договор. Венская встреча Хрущева и президента США Кеннеди ни к чему не привела. После нее напряженность между Западом и СССР еще более возросла. Поскольку Советский Союз грозился в случае военного конфликта применить ракетное оружие, сведения о состоянии вооруженных сил вероятного противника и личное мнение о них бывшего помощника маршала Варенцова представляли для Запада огромную ценность. Тогда, в июле, разговоры Пеньковского с представителями иностранных разведок длились по десять часов кряду. Учитывая, что в будущем контакты с их агентами будут затруднены, разведчики британской и американской спецслужб провели с Пеньковским дополнительный инструктаж по работе с переданным ему коротковолновым транзисторным радиоприемником.

Каким бы уставшим после работы на выставке ни приходил Пеньковский на занятия по радиосвязи, он всегда сохранял завидное спокойствие. Мало кто из нас, смертных, способен вести двойную жизнь и при этом оставаться хладнокровным. Однако Пеньковский оказался из их числа. В свой первый приезд в Лондон он повсюду сопровождал супругу и дочь генерала Серова, и этот факт способствовал тому, что в московских кругах высокопоставленных чиновников Пеньковский приобрел репутацию человека, который чувствует себя на Западе как рыба в воде. На этот раз в его блокноте, наряду со списком сувениров, которые ему надлежало купить в Лондоне, были нарисованы контуры стоп нескольких влиятельных советских дам и господ — они заказали Пеньковскому обувь, а он, чтобы не ошибиться в размерах, снял с их ног мерки.

(В Советском Союзе заграничная обувь пользуется огромным спросом, а после того, как сам Хрущев стал появляться в сшитом в Италии костюме, отношение официальных лиц к заграничным «тряпкам» стало более терпимым.) Перед отлетом в Москву, потратив все свои командировочные, советский полковник накупил столько подарков, что мог бы смело сойти за Деда Мороза. (К счастью, в московском аэропорту таможенники не стали досматривать его багаж.) Часть подарков: несколько футболок, часы и другую мелочевку — купил для него Винн.

В Лондоне, помимо всего прочего, Пеньковский умудрялся найти время и для выполнения заданий ГРУ. Собранную им информацию он передавал обычным путем — через полковника Павлова, главу советской резидентуры в Англии. Можно предположить, что часть информации, достоверной, но, скорее всего, не очень ценной, Пеньковский получал от своих западных партнеров. Однако и ее вполне хватило для того, чтобы он сохранил за собой репутацию опытного чекиста.

Как ни парадоксально, но на работе его считали образцовым коммунистом. Как-то утром он, будучи еще в Лондоне, в одиночку отправился на Хайгейтское кладбище. Придя на могилу Карла Маркса, он обнаружил ее в состоянии полного запустения. Вернувшись в Москву, Пеньковский направил на имя Первого секретаря Коммунистической партии Советского Союза письмо, в котором он, как член партии, «преданный делу коммунизма», жаловался на безразличие, проявленное сотрудниками советского посольства в Лондоне к памяти великого основоположника коммунистического учения.

В Москве немедленно отреагировали на его письмо — советское посольство в Лондоне обязали привести в порядок могилу Карла Маркса, а Пеньков-

скому за проявленную им бдительность объявили благодарность. В результате на кладбище был наведен порядок, а к полковнику, написавшему письмо Хрущеву, в советском посольстве стали относиться с большим уважением.

Всего дважды посетив открытое общество, Пеньковский увидел в нем то, что вызвало у него восхищение и недовольство советским режимом, державшим своих граждан на казарменном положении. «Бедный мой народ, бедный мой народ!» — воскликнул Пеньковский, когда в апреле вместе с Винном впервые посетил лондонский магазин. Тогда его не столько потрясло изобилие лежавших на полках товаров, сколько их доступность для рядовых англичан. Такого в его стране не было.

Он восторгался Лондоном и любил по нему бродить, восхищаясь величественной архитектурой. По консервативным меркам Пеньковский одевался хорошо. Он умеренно выпивал — за вечер несколько бокалов вина, но, несмотря на это, очень любил компании. Выкроив время, Пеньковский даже взял несколько уроков танца и освоил основные движения твиста и ча-ча-ча.

В Москву он вернулся 10 августа, где его уже ждала благодарность начальства. В письме на имя Гвишиани полковник Павлов высоко оценил работу, проделанную Пеньковским в Англии. Сотрудники западных разведок тоже остались весьма довольны. На суде обвинитель сказал: «От представителей иностранных спецслужб Пеньковский получил новые задания, в которых основной упор делался на сборе секретной информации о состоянии советских вооруженных сил, ракетных войск, о группе советских войск, находящихся в Германской Демократической Республике, и о ходе подготовки к подписанию с ней мирного договора».

Во время пребывания в Лондоне Пеньковский выяснил, какие бумаги ему необходимо оформить, чтобы получить как английское, так и американское гражданство, и заручился надежной гарантией, что, перебравшись на Запад, он будет обеспечен хорошо оплачиваемой работой. Два года спустя сотрудники КГБ нашли в его квартире две фотографии, сделанные в Лондоне. На одной Пеньковский был в военной форме полковника армии Великобритании, а на другой — Соединенных Штатов.

Все это дает основания полагать, что советский полковник решил окончательно порвать с советской системой и перебраться на Запад. Пеньковский не просто хотел помогать Западу — он мечтал стать частью свободного общества. Никогда его мысли еще не были так далеки от Москвы, как тогда.

Однако ему все-таки пришлось вернуться на родину. О глубине омерзения, которое он испытывал к режиму, установившемуся в Советском Союзе, можно судить по его последующим донесениям. Из них становится ясно, почему у такого преуспевающего офицера, каким являлся Пеньковский, смогла зародиться ненависть к Хрущеву. Пеньковский не только осуждал меры, которые тот принимал в отношении Советской Армии, но и насаждаемую им в стране идеологию. С годами чувство неприязни к первому человеку Советского государства и его окружению у Пеньковского только окрепло, а желание борьбы с ними переросло чуть ли не в навязчивую идею.

Глава V

КУЛЬТ ХРУЩЕВА

Интересно наблюдать за высокопоставленными советскими чиновниками, когда они находятся в кругу близких им людей. На трибуне и в семье за рюмкой водки они совершенно разные. Они очень похожи на персонажей гоголевских «Мертвых душ» и «Ревизора». Ясно, что описанные классиком «герои» с наступлением «советского периода» не исчезли. Я бы сказал, что сейчас их даже больше, а образы их стали еще выразительнее бросаться в глаза.

Таких коммунистов, как те старые большевики, которые в подполье готовили революцию, уже не осталось, а основоположники марксизма-ленинизма умерли еще раньше. Среди моих друзей, являющихся членами партии, нет ни одного, кто верил бы в коммунизм. Они, как и я, задаются вопросами: «Верный ли мы выбрали путь? Куда мы идем? Что мы строим? Почему мы все живем ради призрачного завтра, а не сейчас, не сегодня?»

Много месяцев назад у меня состоялся интересный разговор с моим старым другом, преподавателем основ марксизма-ленинизма. Мы обсуждали фундаментальное учебное пособие по этому предмету: «Новая история Коммунистической партии Советского Союза». «Бедная история КПСС! — воскликнул тогда мой приятель. — Сколько же раз ее переписывали!»

Сам же я читал «Историю КПСС» в нескольких изданиях: под редакцией Кнорина, Ем. Ярославского, ЦК ВКП(б), то бишь Сталина, а последнее — ЦК КПСС (Хрущева). Почему все они получились такими разными, приходится только удивляться. В одном издании книги Тухачевский и Гамарник — враги и иностранные шпионы, тогда как в другом их провозглашают патриотами своей родины и выдающимися полководцами. В одном из них Сталина называют отцом народов, а в другом — преступником и убийцей. Вчера еще никто не знал, что Хрущев защищал Сталинград, а теперь ему присвоили звание «Герой Сталинграда»...

Эти несуразности мой собеседник объяснил предельно просто: «Как известно, нашу партию основал Ленин, который продолжил дело Карла Маркса. Однако после его смерти у руля нашего государства оказались враги и предатели. Давай посмотрим на список наших партийных лидеров в строгой исторической последовательности. Кем они были?

Троцкий — иностранный агент и наймит империализма.

Зиновьев — предатель интересов рабочего класса.

Бухарин — правый оппортунист и двурушник.

Рыков — враг народа.

Каменев — саботажник и раскольник.

Пятаков — предатель интересов рабочего класса.

Раскольников — оппозиционер.

Ягода — враг и предатель.

Ежов — ярый антикоммунист.

Тухачевский — предатель родины и иностранный шпион.

Гамарник — просто враг.

Берия — империалистический агент и предатель.

Сталин — преступник.

Молотов — противник линии партии.

Маленков, Каганович, Булганин — просто противники.

Шепилов — двурушник.

Жуков — враг Хрущева.

И т. д. и т. п.».

Мой приятель умолк, а спустя некоторое время добавил: «Только Хрущев, враг нашего народа, остался еще неразоблаченным».

Я даже не знал, что ему на это сказать. Все было так просто и очевидно. Я всегда считал, что наша история пишется по заказу, но никогда и ни от кого еще не слышал столь ясных объяснений. Думаю, что теперь каждому человеку в нашей стране понятно, на кого мы работаем и особенно — служим. Вот поэтому я и решил оказывать услуги Западу.

Я вступаю в ряды активных борцов с прогнившим, двуликим режимом, который именуется «диктатурой пролетариата», или советской властью. Да, это диктатура, но только не пролетариата, а небольшой кучки людей. Они обманывают мой народ, который по незнанию и наивности гнет на них спину. Простые люди, возможно, никогда не узнают правды, если я со своими единомышленниками не раскроем им глаза. Я хочу быть со своим народом и делить с ним радость и горе. Хочу, чтобы старые мои друзья оставались со мной, а не сторонились меня. Хочу служить простым моим согражданам, а не кучке высокопоставленных лиц. Отныне я становлюсь солдатом другой армии, истинно народной. Уверен, что я не одинок — таких, как я, много. Однако мы все еще таимся друг от друга и поэтому боремся в одиночку. Но придет час, когда мы откроем наши сердца, объединимся и будем служить подлинно народной власти, а не кучке партийных боссов.

Как ни печально, мы, видимо, не можем жить без диктатора, без культа личности. В 1957 году взошла звезда Хрущева, когда он нанес сокрушительный удар по так называемой антипартийной группе, в которую входили Булганин, Молотов, Шепилов, Первухин, Маленков и другие. Еще за три дня до того, как они были смещены Президиумом и Центральным Комитетом КПСС, Хрущев реальной властью в стране не обладал. Он был всего лишь министром сельского хозяйства. Только и всего. Тем не менее Хрущев разослал преданных ему людей по всей стране, и те добились, чтобы в Москве срочно был созван Пленум Центрального Комитета. Почти все члены ЦК, все секретари областных, краевых и республиканских комитетов партии с помощью КГБ немедленно слетелись в столицу. Большинство из них были в свое время назначены на эти посты самим Хрущевым, и тот, естественно, рассчитывал на их поддержку. Они его и в самом деле поддержали. И надо сказать, успешно.

Кроме того, Хрущев обеспечил себе поддержку армии — многих генералов он произвел в маршалы. В 1961 году триста полковников стали генералами. Так что теперь он мог рассчитывать и на помощь военных.

Хрущев не принадлежал к числу слишком умных политиков, но обладал поразительной энергией. Именно она и помогла ему в тот трудный период. Когда необходимый кворум был собран, Хрущев, выступив на пленуме, заявил о существовании так называемой антипартийной группы. Большинство членов Центрального Комитета партии поддержали его. Жуков в тот момент тоже принял сторону Хрущева. Он ненавидел Булганина и Кагановича и на пленуме прямо заявил, что армия с Хрущевым. Вот и все! Таким образом антипартийная группа была отстранена от власти, и Хрущев праздновал победу. Большую по-

мощь ему оказала Фурцева, которая по всей стране вербовала его сторонников. По ее указанию были даже задействованы специальные авиарейсы, чтобы верные Хрущеву люди вовремя могли прибыть в Москву. После этого ее в Советском Союзе стали называть «Екатериной Третьей».

Хрущев получил на этом пленуме большинство голосов и стал единовластным правителем — Председателем Совета Министров и Первым секретарем Центрального Комитета КПСС. И все покатилось по накатанной колее. В итоге мы получили нового диктатора и новый культ личности.

Однако в Центральном Комитете еще осталось немало сторонников Молотова, Булганина (в армии его не любили), Маленкова и маршала Ворошилова, таких, как Первухин, наш посол в Германской Демократической Республике[1].

Ходили слухи о разногласиях Хрущева с Микояном.

С Чураевым, Первым секретарем Компартии РСФСР, я встречался неоднократно, и, как он мне говорил, Микоян расходился с Хрущевым по многим вопросам внешней политики. Когда однажды Варенцов спросил Чураева, почему ничего не слышно о Микояне, даже о его местонахождении, тот ответил: «Такие, как Микоян, словно кость в горле». В частности, Микоян был против жесткой политики Хрущева по отношению к Берлину.

Таким образом, в недрах нашего руководства продолжала вызревать оппозиция. Однако лица, не согласные с Хрущевым, в открытую не выступали — опасались, что он заявит о существовании новой антипартийной группы.

---

[1] Первухин Михаил Георгиевич являлся членом антипартийной группы, впоследствии стал советским послом в Восточной Германии.

Существует вероятность того, что в высшем эшелоне нашей власти может произойти новый раскол. Например, по вопросу о Берлине. Многие партийные лидеры понимают, что мы к войне не готовы — у нас проблемы в экономике, а также в армии. Реалисты считают: «Мы еще не готовы. Мы не должны позволить вовлечь себя в войну, потому что маленькие войны (так называют у нас хрущевские авантюры) могут привести к глобальной войне». Многие наши генералы высказываются более откровенно: «На кой черт нам этот Берлин? Шестнадцать же лет мы терпели эти неудобства, потерпим и еще. В один прекрасный день Хрущев здорово схлопочет! Ему так дадут по зубам, что он разом все их потеряет!»

Конечно, может произойти обратное. Здравомыслящие силы в нашем руководстве не смогут удержать этого дурака в узде, и он будет проводить свою политику. Если оппозиция одержит верх, то Хрущева сразу же объявят старым, больным человеком, а его смещение со всех постов объяснят его же собственным желанием. Точно так же, как это произошло с Маленковым. Или же дадут ему пинка и скажут: «Езжай в свою Калиновку[1], будешь там председателем колхоза». Если такое произойдет, то все население страны будет просто счастливо.

В народе Хрущев весьма непопулярен. О нем ходит уйма анекдотов, в его адрес высказываются серьезные замечания. Его называют авантюристом, его критикуют. Над его лозунгом «Догоним и перегоним Америку!» смеются. Простой народ сообразителен и тут же в ответ на его призыв сложил очередную частушку.

---

[1] Калиновка — деревня, расположенная в Курской области в центре европейской части России. Место рождения Хрущева.

Мы Америку догнали
По надоям молока,
А по мясу мы отстали —
Х... сломался у быка.

Или такой анекдот. Хрущев распространил анкету среди колхозников с вопросом: «Что ты будешь делать, когда мы догоним Америку?» Один человек ответил так: «Я-то останусь здесь, а ты, если хочешь, беги дальше».

Очень остроумно. Сколько же лет мы будем догонять США? Мы догоняли их при Сталине, теперь то же самое делаем и при Хрущеве. Глупость какая-то, да и только. Мог бы, по крайней мере, попытаться сказать что-нибудь вразумительное. О себе Хрущев конечно же не забывает. У него под Москвой три дачи, несколько — на Кавказе, в Крыму, под Киевом, и очень вероятно, что где-то еще. Скорее всего, где-то за Московским университетом, на Рублевском шоссе и в районе Кунцева. Говорят, что там же расположены дачи, принадлежавшие Сталину и Берии. Для Хрущева было бы странным занимать дачу, в которой жил Берия. И последняя дача Хрущева находилась на Дмитровском шоссе.

Козлов[1], въедливый человек, часто вместе с Хрущевым, Микояном и Сусловым[2] посещает заседания Высшего военного совета.

Варенцов часто присутствует на заседаниях Высшего военного совета. По его словам, выглядит

[1] Козлов Фрол Романович был членом Президиума и секретарем Центрального Комитета КПСС. До того как в 1963 году у него случился удар, он считался преемником Хрущева. 16 ноября 1964 года после отстранения Хрущева он был выведен из Президиума. Козлов умер 30 января 1965 года.

[2] Суслов Михаил Андреевич является членом Президиума, секретарем Центрального Комитета КПСС и главным идеологом Компартии Советского Союза.

страшно нелепо, когда Хрущева называют Верховным Главнокомандующим. При этом даже Козлов и Суслов не в силах сдержать улыбки. «Кругом такой бардак. Твердой руки Сталина нам не хватает», — говорит он.

Кроме того, Варенцов сожалеет о том, что Молотов и Маленков отстранены от власти. Но мне лично все равно, отстранены они или нет — в стране от их смещения лучше не стало. В приватных беседах Варенцов критикует Хрущева, но, когда ему присвоили звание Главного маршала артиллерии, произнес тост: «Выпьем за здоровье нашего дорогого Никиты Сергеевича». Варенцов — мой друг, и он мне нравится, но зачем, скажите, такая лесть и лицемерие?

У Молотова очень плохо со здоровьем, вполне вероятно, что он скоро умрет. Я его не видел уже более года. Думаю, когда он умрет, о его кончине в прессе не сообщат. Чего еще можно ожидать от такого негодяя, как Хрущев?

Каганович живет в Москве недалеко от Варенцова на Фрунзенской набережной. По вечерам он обычно совершает прогулки. Выглядит неплохо, но из-за избыточного веса кажется старше своих лет. Он ничем не занимается. Жена его недавно умерла, но в газетах о ее смерти не сообщили.

Шепилов тоже живет в Москве и часто прогуливается по улице Горького. Человек он умный. Однажды я встретил его неподалеку от нашего комитета. Настроение у него было хорошее. Вообще-то Шепилов интересный и приятный собеседник.

Маленков находится где-то в Сибири. Часто наведывается в Москву.

Булганин пьет от горя и разочарований.

Ворошилов по обыкновению тоже много пьет. Сейчас он глубокий старик и, вероятно, тоже скоро помрет.

Первухин и Сабуров[1] — настолько мелкая рыбешка, что о них почти никто не вспоминает. Я слышал, что Первухин человек умный. Сабуров же ничего из себя не представляет. Так, выскочка. Все недоумевают, почему Сталин назначил его председателем Госплана.

Что касается Вознесенского, то он был настоящей ходячей энциклопедией — знал буквально все.

Как-то, будучи у Серова в гостях, я узнал от него любопытную вещь, связанную с культом личности Хрущева. Серов рассказал, что когда он подбирал материалы, которые тот намеревался использовать для обличения Сталина и его преступлений, то попытался убедить Хрущева не слишком критиковать нашего бывшего вождя. Однако тот даже не захотел его слушать. «Теперь, — говорит Серов, — та же критика обернется против самого Хрущева. Своим выступлением на XX съезде КПСС он допустил серьезную ошибку».

9 сентября 1960 года состоялась партийная конференция Фрунзенского района города Москвы. Полковник Лазарев, декан факультета Военной академии имени Фрунзе, будучи ее делегатом, произнес речь. Он говорил о культе, созданном Хрущевым. «Хрущев, разоблачив культ Сталина, поступил верно. Однако теперь он создал свой собственный культ», — заявил Лазарев. Его выступление было прервано, и председательствующий на конференции предложил делегатам обсудить речь Лазарева. Он назвал речь Лазарева аполитичной и неправильной и предложил лишить Лазарева мандата делегата партийной конференции. Голосование по этому вопросу было тотчас проведено. В результате декана факультета Военной акаде-

---

[1] Сабуров Максим Захарович — в период с 1955-го по 1957 г. был первым заместителем Председателя Совета Министров СССР.

мии отстранили от участия в конференции. Нетрудно было догадаться, что за такое смелое обличение культа личности Хрущева его тут же исключат из рядов партии и выгонят из академии.

Вот такова наша партийная демократия, такова цена принципу критики и самокритики, провозглашенному самими же партийными лидерами.

Если бы Хрущева не стало, напряженность международной обстановки могла бы несколько ослабнуть. Вполне возможно, что на год или два, пока в стране будет идти борьба за власть, резкие выпады в адрес Запада прекратятся. Что же могло произойти потом, одному Богу известно. В настоящее время у нас нет ни одного кандидата на место Хрущева, который стал бы достойным лидером страны. Наиболее умным из всей партийной номенклатуры является Микоян. Он убежденный ленинист, но его никогда не изберут на главный пост, и власти в Советском Союзе он ни за что не добьется. Молотов же болен и ввязываться в борьбу, скорее всего, не станет. Как Козлов, так и Брежнев Микояна не любят. Они оба достигли своего положения только благодаря Хрущеву. Если Хрущев умрет, то и тот и другой полетят со своих постов. Возможно, нашим лидером станет Суслов. Я пытался поговорить на эту тему с Чураевым, но тот ушел от этой темы — побоялся выносить сор из избы. Лица из высших эшелонов власти, находящиеся в оппозиции к Хрущеву, предпочитают молчать, так как опасаются лишиться своих высоких постов.

Я, как офицер Генерального штаба, не верю, что Хрущева в настоящее время беспокоят перспективы развязывания войны, но он к ней усиленно готовится, и если все условия для ее начала созреют, то он не станет медлить. Начнет ее против самого вероятного своего противника — Соединенных Штатов Америки и западных стран — не задумываясь. Хру-

щев конечно же хочет довести количество советских ракет до нескольких десятков тысяч, нанести массированный удар и, как он выражается, «похоронить капитализм». Даже наши военные — маршалы и генералы — считают, что Хрущев провоцирует начало третьей мировой войны.

Западные державы должны что-то предпринять, дабы остановить его. Сейчас войну Хрущев не начнет. Сегодня он играет с ракетами, но это игра с огнем, и в один прекрасный день может ввергнуть мир в ядерную катастрофу.

В настоящее время Советский Союз к войне не готов. Это факт непреложный. Все пропагандистские высказывания, наподобие «мы стоим за мир, но в случае чего готовы защитить себя ракетами» западные лидеры понимают дословно. Однако к подобным заявлениям на Западе не следует относиться серьезно. Хрущев проводит политику устрашения, чтобы выиграть время. С одной стороны, мы боремся за мир во всем мире, а с другой — пугаем всех ракетами.

Посмотрите, что происходило во время событий в Венгрии и в период суэцкого кризиса. Тогда мы в Москве понимали, что сидим на пороховой бочке. В Генеральном штабе все были против «хрущевских авантюр» и говорили, что лучше потерять Венгрию, чем все и сразу. А как тогда отреагировал Запад? Да никак. Запад хранил молчание, а это придало Хрущеву уверенности в своих действиях. После событий в Венгрии он вопил: «Я был прав!» Когда восстание венгров было подавлено, многие генералы, не разделявшие позицию Хрущева, были отправлены в отставку. Если бы тогда Запад ударил его по рукам, то он лишился бы власти, и восточноевропейские страны были бы свободны.

Кеннеди в отношении нашей страны должен проводить жесткую и твердую политику. США бояться

нечего — Хрущев к войне не готов. При каждой очередной авантюре, предпринятой Хрущевым, необходимо бить его по рукам.

Американский президент имеет полное право оказать помощь кубинским патриотам, как это сделал в свое время Хрущев, «протянув руку помощи своим венгерским товарищам».

И так думаю не только я — все в Генеральном штабе придерживаются того же мнения. О том же говорят и в доме Варенцова, и в московских такси. Если Запад не проявит твердости, позиции Хрущева усилятся. Он окончательно уверует в свою правоту и силу и тогда сможет развязать войну.

Об этом должен знать каждый. Стоит другим странам уверовать в мощь Хрущева, как он тотчас начнет диктовать им свою волю. Его правительство и, прежде всего, он сам считают, что если война неизбежна, то мы должны первыми нанести удар, посеять панику и послать наши ракеты на Запад. Это, по мнению Хрущева, должно ошарашить врага и привести к быстрой победе. Советский Союз не в состоянии вести затяжную войну. Внешнеполитическая ситуация неблагоприятна для него, уровень жизни его народа низкий, а финансовое положение зыбкое. В первый же день войны появятся тысячи дезертиров. Поэтому Хрущев и мечтает первым нанести молниеносный упреждающий удар. Это обескуражит противника, не ухудшит ситуацию в целом, не будет массового дезертирства и сдачи в плен. В результате Хрущеву удастся удержать восточноевропейские страны в социалистическом лагере.

Такой план ведения войны тщательно разработан и находится в Генеральном штабе. В соответствии с этим планом проведены штабные учения. Такова на сегодняшний день позиция СССР.

Воинственными выступлениями Хрущева народ не доволен. Об этом говорится в открытую. Времена Берии прошли, и теперь каждый может более свободно выражать свое мнение.

С другой стороны, мир должен быть благодарен Хрущеву за его воинственные высказывания. Кеннеди, Макмиллан и де Голль вынуждены удваивать или даже утраивать свои военные бюджеты и тратить огромные средства на оборону. Будь жив Сталин, он бы на месте Хрущева так открыто не высказывался, а преступные замыслы свои держал бы в секрете. Но у этого Хрущева что на уме, то и на языке. Он сам же вынуждает Запад укреплять оборону и накапливать военный потенциал.

Генералы в Генеральном штабе не любят Хрущева. Они говорят, что он только вредит стране. Он слишком много болтает об успехах СССР в военной области, надеясь тем самым запугать Запад, но на Западе такие штучки не срабатывают — там тоже идет подготовка к войне. А что им делать в такой ситуации?

Хрущев не считается с тем фактом, что наша армия к ведению глобальной войны просто не готова. Варенцов говорит, что мы не можем всерьез говорить о нашей боевой готовности, так что сложившаяся ситуация в действительности весьма уязвима. Конечно же многое делается для того, чтобы понизить степень риска, — в армии проводятся учения, совершенствуется оружие и т. п. Члены Центрального Комитета КПСС, правительства, а также маршалы и генералы много времени уделяют работе в армии. Они регулярно выезжают с инспекторскими проверками в воинские части, поднимают боевой дух солдат и офицеров, помогают исправлять недостатки, словом, делается все для приведения армии в состояние полной боевой готовности.

Сотни генералов присутствовали на военных маневрах, состоявшихся в Одесском военном округе. Практически Генеральный штаб в полном составе. Во время берлинского кризиса все члены Центрального Комитета устремились на заводы и фабрики, работавшие главным образом на оборону. Москва буквально опустела — партийные чиновники и члены правительства по указанию Хрущева разъехались по отдаленным городам страны. Чураеву также пришлось на время уехать в провинцию. На встречах с народом посланники Москвы призывали рабочих работать лучше и увеличить выпуск продукции. Впрочем, нечто подобное происходит не только во время кризисных ситуаций, а практически все время. Особенно это было заметно, когда из-за Берлина международная обстановка накалилась до предела.

Генеральный штаб дни и ночи разрабатывает различные варианты плана нападения. Все намеченные к уничтожению пункты наносятся на оперативные карты, включая те объекты, по которым будет нанесен внезапный ракетный удар. Правда, делается это в засекреченной манере — ракетами планируется поразить не конкретные государства, а так называемого «вероятного противника». Но все это — сущий обман. Опасно и рискованно открыто называть какую-либо страну своим врагом. Но в то же время всем известно, что наш «вероятный противник» — не кто иной, как Соединенные Штаты Америки. (В военных документах и материалах ГРУ американцы часто значатся под шифром «вероятного противника», тогда как в кругах КГБ и Центрального Комитета КПСС США называют «главным противником». Последнее название скорее всего говорит об истинных чувствах, которые сотрудники КГБ и наши партийные лидеры испытывают по отношению к американцам.) Охотно верю Варенцову и Чураеву, по

словам которых Хрущев бросил такую фразу: «Я на них обрушу град наших ракет». Под «ними» подразумевались Соединенные Штаты Америки.

Однако Хрущев не хочет мировой войны, потому что знает, что ему ее не выиграть, но тем не менее пытается извлечь выгоду из локальных конфликтов. Он полагает, что, если ему удастся одержать над США, Великобританией и, в какой-то степени, над Францией верх в каком-нибудь конфликте, таком, как, например, берлинский, то в своих устремлениях можно пойти и дальше. Он считает, что страны Запада перессорятся между собой, и военный блок НАТО распадется. В последнее время даже Генеральный штаб начал поддерживать хрущевскую концепцию «молниеносного удара», которую исповедовал Гитлер. В Генеральном штабе считают, раз уж невозможно одним махом поразить все цели, то можно, по крайней мере, сначала ударить по США и Англии. Это, по их общему мнению, должно вызвать раскол в НАТО и, таким образом, не развязывая глобальной войны, одержать над Западом победу.

Лидеры всех западных стран должны собраться на международную встречу, не приглашая на нее Хрущева, и в конфиденциальной обстановке решить, что им делать. Важно, чтобы они заняли согласованную жесткую позицию в отношении Советского Союза. Хрущев с удовольствием приехал бы на такую встречу, чтобы поднять свой международный авторитет и престиж СССР. Он, выступая с пропагандистскими призывами принять курс на разоружение и мирное сосуществование, вновь попытался бы направить ход встречи в нужное ему русло.

В случае с Берлином Запад одержал маленькую победу, и Хрущев уже начал задумываться о новых переговорах. Однако это мы уже проходили. В разрешении берлинского кризиса западные лидеры дей-

ствовали мудро. С Хрущевым и в будущем нужно поступать только так. Безусловно, на разного рода встречах он станет произносить длинные речи о мирном сосуществовании разных политических систем и о всеобщем разоружении. Возможно, для того, чтобы ему поверили, он даже понизит тон своего голоса. Но тем не менее Хрущев всегда будет держать камень за пазухой, а порох сухим.

Я не перестаю удивляться, почему Запад так верит Хрущеву. Обсуждая между собой эту тему, мы, сотрудники Главного разведывательного управления, не можем удержаться от смеха: «Ну какие же на Западе дураки! Они снова нам поверили!» Конечно, Запад должен идти на переговоры с Хрущевым, но при этом придерживаться в отношении его жесткой линии и ни на шаг от нее не отступать. Пусть он поймет, что его политике нагнетания военного психоза пришел конец. Запад не должен идти ни на какие уступки ему. Он только выигрывает время, чтобы продлить свое правление. Если дать ему хоть малейшее послабление, он будет кричать о своем всесилии на весь мир: «Смотрите, какой я всемогущий!» и т. п.

Говорят, что Гротеволь, который часто болеет, высказался против подписания договора по Германии. Ульбрихт, не пользующийся у немцев авторитетом, твердо выступает за подписание такого соглашения. По моему мнению, Хрущев всерьез рассматривает вопрос о заключении мирного договора с Германской Демократической Республикой, но изыскивает наилучший вариант, который бы на первый взгляд показался вполне приемлемым для Запада. В результате подписания такого договора выиграет только Хрущев, а если оно не состоится, то в конце переговоров он обвинит в этом Запад.

С Берлином у Хрущева большие затруднения, главным образом из-за того, что у Запада по этому вопро-

су позиция твердая, а он хотел бы придерживаться жесткой политики и бряцать оружием. Однако наша страна испытывает острейший дефицит буквально во всем и постоянно сталкивается со многими трудностями. Для того чтобы и дальше пугать Запад, Хрущеву эти проблемы необходимо решить. Если он почувствует, что Запад по всем вопросам занимает твердую линию, то непременно утихомирится.

Категорические заявления Кеннеди, Макмиллана, де Голля, Аденауэра и Штрауса по поводу Берлина вызвали у Хрущева ту же реакцию, что и в 1961 году, — они ему не понравились. Он никак не ожидал, что западные державы займут столь твердую позицию. Советское правительство и сам Хрущев рассчитывали, что западные страны по обыкновению будут рассуждать так: «Давайте немного подождем. У Советов огромное количество ракет, а у нас по вопросу о Германии нет достаточных оснований для решительных действий». Хрущев и его ближайшее окружение полагали, что развитие ситуации пойдет по их сценарию. Однако на этот раз ничего подобного не произошло — западные державы поступили исключительно мудро.

В 1961 году Советское правительство было неприятно удивлено заявлением Кеннеди об увеличении военного бюджета США на три миллиарда долларов. Молодец, американский президент! Дал Хрущеву по зубам! Советское командование убеждено, что западные державы располагают еще и секретными военными фондами (Советская-то Армия всегда такие фонды имела). Получается, что американцы потратят на вооружение не на три миллиарда долларов больше, а на шесть или даже на девять.

Генеральному штабу известно и то, что наши ракетные установки и укрыты и замаскированы плохо. Поэтому наш генералитет не хочет ввязываться в крупномасштабную ядерную войну. Тем не менее,

чтобы польстить Хрущеву, военные иногда ему подыгрывают.

Наши руководители во всеуслышание заявляют, что советское вооружение самое лучшее в мире, а количество его намного превосходит западное. Но если это так, то почему правительства западных стран не принимают срочных мер по повышению своей обороноспособности? Это же элементарная диалектика выживания. Более того, они ведь несут ответственность за жизнь своих народов! Все средства массовой информации — газеты, радио, телевидение — должны быть задействованы, чтобы весь мир наконец-то понял, где правда, а где ложь. Пусть всем станет ясно, что ответственность за продолжение «холодной войны» несет Центральный Комитет КПСС, Советское правительство, его Генеральный штаб и персонально Хрущев, а не западные страны.

И не надо больше слушать Хрущева. Хватит. И не надо ничего бояться. Выступления его шаблонны и не содержат ничего нового. «Мы вооружены до зубов, и у нас всего достаточно. Жизнь в СССР прекрасна. Я дам Западу по носу, да так, что он тут же развалится...» Вот смысл всех речей Хрущева.

Генеральный штаб изучает все его выступления — это входит в программу партийно-политической учебы. Однако достаточно прочитать только начало и конец его речей, чтобы понять, о чем опять там идет речь. Хрущев взывает к миру, а мы в ГРУ обучаем сотни своих агентов и ежедневно засылаем их в западные страны.

Когда я посетил советское посольство в Лондоне, то услышал прямо-таки восторженные отзывы по поводу речи Кеннеди. Все считали ее просто превосходной. И критиковали Хрущева. Все, включая сотрудников ГРУ и КГБ. «Ничего удивительного в этом нет. Это ответ Кеннеди Хрущеву на его бряцание оружием», — говорили они.

ТАСС аккумулирует всю поступающую с Запада информацию. В советских газетах публикуется лишь малая ее часть. Однако наиболее важная информация из иностранной прессы печаталась в специальных бюллетенях ТАСС и рассылалась нашим послам, министрам и замминистров. В ГРУ их читали все сотрудники, включая и начальника управления. Вот так мы узнаем о международных новостях, которые в нашей прессе не печатаются.

В посольстве мне довелось увидеть короткий комментарий к выступлению Кеннеди. Оно было названо «милитаристской речью президента Соединенных Штатов». Так речь Кеннеди была охарактеризована во всех советских источниках информации. Однако в сообщениях ТАСС речь Кеннеди приводилась полностью, пункт за пунктом, первый, второй, третий. В начале своего выступления Кеннеди сообщал об увеличении военного бюджета, об увеличении численности вооруженных сил США в связи с новым призывом в армию и, наконец, о создании специальных частей морской авиации и т. п. Из его речи следовало, что в случае необходимости модернизация армии США может быть продолжена.

Де Голль и Аденауэр — умные люди и внесли в политику новый элемент. Почему этому лысому бесу разрешается делать все, что ему хочется? Почему западные державы не созовут международную конференцию и не скажут Хрущеву: «Ты, негодяй, заявил, что хочешь подписать с Германией сепаратный мирный договор. Но ты забыл, что мы сражались с вами плечом к плечу против Гитлера, кормили вас, снабжали оружием, техникой и много еще чем. Если бы во время Второй мировой войны Советская Армия не имела американских «студебеккеров», вся ваша артиллерия самого разного калибра попросту увязла бы в российском бездорожье. А теперь вы хотите пра-

вить всем миром?» Хрущеву нельзя давать спуску, не оставлять без внимания ни одно его выступление, ни одно действие, широко используя средства массовой пропаганды. Сейчас в стране полным ходом идут военные учения, призванные привести наши войска в полную боевую готовность, поднять их боевой дух. Солдаты проходят тактическую подготовку, осваивают новое вооружение. Но пока нельзя с уверенностью сказать, что армия вполне боеспособна.

Суть международной политики Хрущева состоит в том, чтобы запугать мир ракетным ударом. Нетрудно заметить, что, как только международная обстановка обостряется или на карте мира появляется очаг напряженности, Хрущев сразу же заводит разговор о советских ракетах.

Володя Хорошилов приехал домой в отпуск. Он — начальник штаба танковой армии генерала Купина, расквартированной в Дрездене. Однако за две недели до окончания отпуска его отозвали в Дрезден. Перед отъездом в ГДР мы ужинали с ним в ресторане, и тогда Володя сказал мне: «Как только договор с Германией будет подписан, в ГДР немедленно введут военное положение. Наша армия, расквартированная в Восточной Германии, возьмет все ключевые объекты под свой контроль. Наши войска будут приведены в состояние боевой готовности, о чем немедленно будет объявлено, однако они не двинутся с места, поскольку это может быть истолковано как провокация. Мы просто скажем нашим бывшим союзникам: «Эй, американцы, англичане и французы, пожалуйте в Берлин. Но предварительно спросите разрешения у восточных немцев». Если же американцы, англичане и французы не захотят договориться с ГДР и прибегнут к силе, то восточные немцы откроют огонь. Конечно, у ГДР не-

достаточно военной мощи, чтобы сдержать их натиск. Поэтому мы сразу же двинем наши танки на Берлин». То же самое я слышал и от многих офицеров генерала Позовного, а также от Федорова и Варенцова. Варенцов добавил при этом: «Мы очень рискуем. Очень».

В 1961 году, когда Хрущев решился покончить с проблемой Берлина, Генеральный штаб, ГРУ и КГБ, чтобы заранее прощупать западные страны и их блок НАТО, планировали не одну, а сразу несколько провокаций. Так, например, мы собирались двинуть на Берлин одну танковую бригаду. Если бы ее атака была отбита, то ей на помощь пришла бы другая, а затем в бой вступил бы второй эшелон наших войск, находящихся на границе СССР, в Чехословакии, а также в Польше. Именно так и должны были развиваться события в Германии.

Страны НАТО должны обратить особое внимание на оснащение своих армий эффективным противотанковым оружием. Почему? Да потому, что в Восточной Германии находятся две танковые армии, причем в полной боевой готовности. Но это еще не все. Второй эшелон танков расположен на территории СССР, Чехословакии и Польши.

Использованию танковых частей, особенно в спорном вопросе о Берлине, Хрущев придает огромное значение. Эти танковые войска обладают огромной мощью. Помимо пушек, на танках установлены еще и ракеты, а кроме того, на вооружении танкистов имеются традиционные пулеметы и другое автоматическое оружие.

В связи с ситуацией вокруг Берлина в Генеральном штабе возникли проблемы чисто финансового порядка. Там опасаются, что выделение таких огромных средств на содержание танковых войск неблагоприятно скажется на состоянии остальных видов вооружения.

Предисловие к главе VI

Период с 1960-го по 1962 год был трудным в жизни многих профессиональных военных. В это время в руководстве страны развернулись беспрецедентные по своим масштабам споры о том, какими должны быть советские вооруженные силы. Кризисная ситуация в армии пагубным образом сказалась на судьбах разных людей. Начались перемещения в командном эшелоне вооруженных сил, большую часть их просто уволили в запас. В армии произвели массовые замены. Можно сказать, что эти изменения явились результатом политического кризиса в стране. Советские вооруженные силы задыхались в жестких тисках контроля со стороны партийного руководства, взявшего курс на балансирование на грани ядерной войны.

В январе 1960 года на заседании Верховного Совета Никита Хрущев произнес свою знаменитую речь о состоянии вооруженных сил страны. Он напомнил членам Совета и генералам, что в ядерный век требуется иная стратегия, которую и предстоит вырабатывать. По его словам, СССР достаточно силен и его ядерная мощь способна служить сдерживающим средством в противостоянии «империалистической агрессии». «Качеством армии, а не ее численностью», — провозгласил тогда глава правительства и Первый секретарь ЦК КПСС и заявил, что, обладая ядерным ору-

жием, Советский Союз может на треть сократить численность своих вооруженных сил.

Хвастливая политика Хрущева была сродни той, которую американцы пытались проводить на протяжении последних пятнадцати лет. Новая военная стратегия страны объяснялась отчаянными попытками Хрущева сэкономить ресурсы Советского Союза, которые теперь казались уже не столь безграничными, как прежде. После сокращений в рядах сухопутных войск высвободившиеся средства могли быть направлены на производство нового ракетного оружия, а также на обещанное им развитие промышленности. Сообщение о массовой демобилизации посеяло панику среди советского генералитета, и это происходило как раз в тот период, когда и положение армии в обществе, и военная стратегия страны не были четко определены.

Так уж исторически сложилось, что звание генерала в СССР не служило гарантией безопасности, хотя материальные льготы были весьма существенными. Коллективный разум и здравый смысл членов Генерального штаба заставляли их помнить о кровавых репрессиях 30-х годов, того периода, когда Сталин фактически истребил всю верхушку военного командования страны. Тогда репрессиям подверглись тысячи офицеров высшего звена, и мало найдется историков в СССР, которые смогли бы оправдать действия Сталина. Величайшего военного стратега Советского Союза маршала Михаила Тухачевского расстреляли в 1937 году (и его семью тоже) за якобы сговор с немцами. (Как ни печально, но именно Тухачевский многократно предупреждал Сталина о военной угрозе со стороны гитлеровской Германии.) В конечном итоге Тухачевский был реабилитирован Хрущевым, и в 1963 году в Москве был издан двухтомник его работ.

Помня о печальной судьбе Михаила Тухачевского, маршала Блюхера и тысяч других менее известных военачальников, советские офицеры не забывали и о маршале Жукове, попавшем в немилость к режиму в 1957 году. Под защитой Жукова, пользовавшегося огромным авторитетом в стране, армия была избавлена от контроля со стороны партийных органов. После снятия Жукова партийное руководство во главе с Хрущевым вновь прибрало Министерство обороны к своим рукам. В результате в нем сохранились всего два маршала, не воевавшие вместе с Хрущевым на Сталинградском или Украинском фронтах. Ими оказались Соколовский и Конев, который, стараясь угодить Хрущеву, за три года до этого на двух полосах газеты «Правда» выступил с осуждением «культа личности» Жукова. Оба маршала также были уволены из армии в конце 1957 года.

Попытки Хрущева установить полный контроль над армией не были чем-то неожиданным. Каждый советский лидер, приходя к власти, волей-неволей попадал в положение циркача, пытающегося жонглировать тремя ржавыми шарами: армией, правительством и партией. Непременным свидетелем этого действа был КГБ, выполнявший как бы функцию судьи. Все они являлись основой советского правления. Так что по взаимоотношениям между этими ветвями власти можно судить об уровне демократии установившегося в стране режима. Пока балансирование этими «шарами» идет успешно, и ни один из них не падает на землю, режиму ничто не грозит. Если же один из шаров выпадает из рук жонглера, то приготовьтесь к неприятностям. Именно это и произошло в конце 50-х — армия вышла из-под контроля партийного руководства, и Хрущев решил немедленно исправить положение.

Внутри страны у армии существует две угрозы — политики и сокращение военного бюджета. Когда сокращаются ассигнования на военные нужды и при этом ужесточается политический контроль, то удар по армии становится более болезненным. А если этот политический контроль вводится человеком, ничего не смыслящим в военном деле и сконцентрировавшим всю власть в стране в своих руках, то недовольство военачальников только возрастает.

К лету 1961 года, когда берлинский кризис еще более обострился и уже строились планы о начале военных действий в Европе, Хрущев прекратил демобилизацию в армии, начатую им в 1960 году. Как видно из «Записок» Пеньковского, их автор полагал, что это не что иное, как обманный ход Хрущева. Дебаты о том, какой в современных условиях должна стать армия и новая военная стратегия государства, вызвали в рядах советских генералов некоторое замешательство, поскольку все споры на эту тему запоздали. Принципы «ядерного устрашения», нанесения «упреждающего удара» и превосходства ракетного оружия над обычными средствами вооружения, по которым в Соединенных Штатах уже давно пришли к единому мнению, в Советском Союзе были вынесены чуть ли не на всенародное обсуждение. В годы правления Сталина ничего подобного не могло бы произойти — тогда никаких дискуссий и в помине не было.

В Генеральном штабе обсуждения военной доктрины велись тремя сторонами: так называемыми «традиционалистами», «модернистами» и самим Хрущевым. Хрущев, превосходивший в своем «модернизме» самых заядлых генштабовских «модернистов», пытался одновременно удержать вооруженные силы под жестким партийным контролем. В книге «Совет-

ская стратегия на перепутье»[1] Томас В. Вольф так описывает проблему, стоявшую перед советским руководством:

«...Все споры... в основном вызваны попытками политического руководства, в том числе Хрущева, переориентировать военную доктрину страны и ее вооруженные силы в связи с появлением в мире новых видов ракетно-ядерного оружия. Эти попытки встречают разное по силе сопротивление со стороны некоторых военных структур, которые, видимо, находят поддержку у определенной категории чиновников из государственно-партийного аппарата, не разделяющей позицию Хрущева».

Ярким свидетельством развернувшихся в стране дебатов служит сборник статей маршала Соколовского и других авторов, опубликованный в журнале «Военная стратегия» за 1962 год. Год спустя те же материалы, но уже со значительными исправлениями, были напечатаны во втором выпуске журнала. Идеи, изложенные в этих статьях, Вольф назвал «самой амбициозной военной доктриной Советского Союза за все годы его существования».

Хотя в своих статьях Соколовский придерживался умеренных взглядов, тем не менее у политического руководства страны он оказался в фаворе. Маршал и его соавторы касались таких тем, как опасность эскалации локальных конфликтов, использование ядерного оружия в качестве средства возмездия и необходимость нанесения упреждающего ядерного удара в случае угрозы войны. Американцами эти темы уже давно были обсуждены, но для Советского Союза, где все хранилось в строгой тайне, подобная полемика по военным вопросам, естественно, оказалась в диковину.

---

[1] Гарвард юниверсити пресс. Кембридж, 1964.

Помимо статей Соколовского, в СССР появились и материалы, рассчитанные на еще более узкий круг читателей. Специальный выпуск «Военной мысли» вышел из печати в 1961 году и явился результатом нового взгляда Хрущева на военную науку. На него сразу же наложили гриф «Совершенно секретно» и распространяли только среди высшего военного руководства. Исходя из того, что обычные виды вооружения безнадежно устарели, Хрущев призывал своих молодых генералов заняться разработкой планов ведения молниеносных ядерных войн. (Надо заметить, что именно этот сборник и воодушевил маршала Соколовского на написание собственных статей.)

Самый неумный из авторов «Военной мысли» генерал-лейтенант А.И. Гастилович полностью разделял мнение Хрущева о том, что отныне ракетные войска стратегического назначения должны стать главными в системе Вооруженных Сил СССР, и призывал увеличить расходы на их содержание. Он писал: «Мы вынуждены признать, что появление ядерного оружия и ракет меняет условия ведения войны, и, сказав «а», мы должны сказать «б». Сделав акцент на ракетном оружии и пересмотрев некоторые положения теории военного искусства, мы укрепим прежние позиции, которые занимали в конце Второй мировой войны. Мы не сможем втиснуть ракетно-ядерное оружие в рамки нашей современной военной доктрины, только слегка обновив ее. Мы забываем, что она должна основываться на применении оружия, не идущего ни в какое сравнение с обычными видами вооружения».

Старые генералы, естественно бывшие консерваторами, такую точку зрения не разделяли. Они напомнили Хрущеву, что страны НАТО по-прежнему наращивают мощь своих сухопутных родов войск. (Происходило это конечно же в 1961-м и 1962 го-

дах.) Понятно, что старый артиллерист не представляет себе военных операций без гаубиц, а летчик без своего старозаветного бомбардировщика, равно как и кавалерист — без лошади. «Конечно, мы должны уделять внимание ракетам, — говаривал Варенцов, — но нельзя забывать и об обычной артиллерии, о нашей старушке-пушке».

Поддержка Хрущевым новых взглядов на военную доктрину Советского Союза, в которой приоритеты отдавались ракетно-ядерному оружию, пугала таких, как Варенцов. Как отмечал в своих «Записках» Пеньковский, некоторые из авторов статей в специальном выпуске «Военной мысли» выходили за рамки философии ядерного сдерживания, которую проповедовал Хрущев. Они ратовали за нанесение упреждающего ядерного удара и рассматривали его как средство проведения превентивной войны. Генералы старшего поколения не были настроены проамерикански — просто проявляли в этом вопросе осторожность. Они понимали, что опасно говорить о нанесении упреждающего удара, когда Советская Армия еще не располагала надежными средствами доставки ядерного оружия.

Пеньковский придерживался тех же позиций. В 1961 году, прочитав впервые статьи сборника, он понял, что изложенные в них мысли военных стратегов выглядят зловеще. Получалось, что Советский Союз должен был действовать по принципу «сначала срази наповал, а потом начинай задавать вопросы». От возможности такого подхода к решению международных споров волосы на голове могли встать дыбом, а о том, что это шло вразрез с курсом СССР на мирное сосуществование, о котором трубила советская пропаганда, и говорить не приходилось.

Ознакомившись со статьями и поняв их суть, Пеньковский пришел в ужас. Он знал о самодурстве

Хрущева, его командных замашках, которые порой приводили Варенцова и других генералов в полное отчаяние. Теперь он убедился в том, что ужасающей мощи оружие, которым бряцал Хрущев, может быть использовано для нанесения упреждающего удара, что в конечном счете вело к превентивной войне. Пеньковский вторил словам Варенцова и других генералов о том, что такой авантюризм бросит мир в термоядерное пекло, уцелеть в котором никто уже не сможет. Балансируя на грани войны, Хрущев демонстрирует безрассудство, граничащее с полным помешательством. Первый секретарь ЦК КПСС, угрожая мнимым превосходством военной мощи страны, вел себя как военный преступник, отчаянно блефовал.

Как офицер-разведчик, более или менее представлявший жизнь за границей, Пеньковский был на сто процентов убежден, что никакая агрессия со стороны западных стран Советскому Союзу не угрожает. Он все меньше и меньше доверял тому, что говорило его собственное руководство. И в 1961 году, как вы помните, никому и в голову не приходило, что Хрущев может быть когда-нибудь низвергнут и тем более — что это произойдет уже через три года.

Нет сомнений в том, что опасность авантюрной политики, которую Хрущев проводил на международной арене, а также скептицизм друзей в отношении действий советского руководства побудили Пеньковского работать на иностранную спецслужбу. В своих «Заметках» он приводит факты гнусного обращения с преданными родине офицерами. Как военный специалист, Пеньковский не был противником модернизации советских вооруженных сил. Его технические знания как нельзя лучше соответствовали бы новой, оснащенной ядерным оружием армии. Но Пеньковский был решительно против жестокости по отношению к кадровым офицерам, с которой

проводилось их увольнение из рядов Советской Армии, против мизерных пенсий, которые назначались кадровым военным, вынужденным искать себе место в непривычных для себя условиях. Во всех бедах отправленных на гражданку военных Пеньковский, как и большинство его друзей, винит Хрущева. «Контроль за армией он установил жесткий, и мне, как служащему Генерального штаба, больно об этом говорить», — с чувством горечи пишет советский полковник.

Пеньковский рассудил так: если Хрущев предает армию, то он предаст и его. Приняв решение работать на иностранную разведку, он отнюдь не преследовал цель расшатать существующий в его стране режим. Как, впрочем, и у Ленина, когда тот призывал немцев воевать против царя. И кроме того, необходимо помнить о различии двух характерных для России понятий: народ и начальство, то есть народ и власть. Если американцам довольно трудно постичь такое странное разделение в обществе, то понять, при каком режиме живет советский народ, потерявший надежду на лучшее будущее, и подавно невозможно. В Соединенных Штатах граждане считают себя и власть единым целым и говорят «мы», в Советском Союзе о власти говорят исключительно «они».

Когда об аресте Пеньковского стало известно на Западе, некоторые предположили, что советский полковник являлся членом подпольной организации высших офицеров Советской Армии, выступавших против Хрущева. Однако, как мы знаем, никакой подпольной организации не было и в помине. Наивно полагать, что Пеньковскому хоть на миг могла прийти мысль о привлечении к шпионской работе кого-нибудь из своих знакомых, но в том, что в Советском Союзе было много противников существующего режима, сомневаться не приходилось. И свиде-

тельством тому могут служить «Записки» Пеньковского, писавшего о растущем недовольстве в среде советских генералов.

Теперь уже известно, что недовольство военных внесло ощутимый вклад в смещение Хрущева со всех его постов в государстве. Уже в октябре 1961 года маршал Малиновский хотя и косвенно, все же подверг критике военную политику Хрущева. И вот в октябре 1964 года плотину всеобщего недовольства Хрущевым прорвало, и его политика канула в небытие. Огромная армия с обычными средствами вооружения сохранилась, а о ракетах и целесообразности упреждающего ядерного удара по противнику говорить почти перестали.

В начале 1965 года в прессе стали появляться статьи, написанные военными, в которых те весьма нелестно отзывались о Хрущеве и его военной политике. «Непродуманной и ошибочной» назвал ее в газете «Красная Звезда» маршал Захаров, новый начальник Генерального штаба. Большинство военных понимало, что основывать всю оборонную политику страны на использовании межконтинентальных баллистических ракет опасно. «Советский Союз может втянуться в затяжную войну», — писал в феврале генерал Штеменко. Таким образом, стало очевидным, что стратегия упреждающего удара по противнику не находила единодушной поддержки советских вооруженных сил. В другой передовице газеты «Красная Звезда», вышедшей в январе 1965 года, говорилось, что Вооруженные Силы Советского Союза стали жертвой военных планов, разработанных «людьми с куриными мозгами».

Что ж, это очень похоже на то, что писал Пеньковский.

Глава VI

АРМИЯ ХРУЩЕВА

В День Победы, 9 мая 1961 года, Хрущев присвоил очередные воинские звания 372 маршалам и генералам. Об этом было объявлено в газетах, однако о новоиспеченных генералах ничего не сообщалось — полковники были произведены в генералы секретно. Шестьдесят генералов стали полными генералами, генерал-лейтенантами и генерал-майорами, а более трехсот полковников получили звание бригадных генералов. Сергею Сергеевичу Варенцову присвоили (наконец-то) звание Главного маршала артиллерии. Мой родственник, Валентин Антонович Пеньковский, был удостоен ранга полного генерала.

Из числа персонала ГРУ одиннадцать человек получили повышение. Это — Кореневский, начальник информационного управления, который стал теперь генерал-майором, Холопцев, его заместитель, получивший то же звание. Также были повышены в звании: Чижов, заместитель начальника 3-го управления, Майоров, секретарь партийной организации Военно-дипломатической академии, Леонтьев, который в настоящее время находится в Германии, В.И. Судин (судя по всему, скоро уедет в Турцию), Патрикеев, Внуковский и другие.

Это массовое и к тому же тайное присвоение генеральского ранга о многом говорит. Вот так Хру-

щев, наш «миротворец», борется за мир во всем мире, и вот так он разоружается. Его милитаристская «кухня» работает на полную мощность.

Но этому есть еще и другое объяснение — резкое падение морали и дисциплины в Советской Армии, которую появлением трехсот новых генералов укрепить невозможно. И причина не столько в массовой демобилизации, сколько в политических интригах Хрущева.

14 января 1960 года, когда Хрущев объявил о демобилизации, он вовсе и не думал сокращать численность солдат и офицеров. Он просто задумал на свой манер «почистить» ряды Советской Армии и в первую очередь избавиться от тех, кто болен, стар или недостаточно ему верил. Однако многих высококлассных специалистов военного дела уволили в запас без каких-либо вразумительных причин. Вот таким, присущим Хрущеву образом, произошла «чистка» наших вооруженных сил.

В армии началась неразбериха. Все военные теперь вспоминают Сталина и утверждают, что при нем было лучше. Сталин же всегда заигрывал с армией, а этот негодяй увольняет столько хороших офицеров и при этом, поднимая бокал, произносит: «Я люблю нашу армию». Офицеры между собой говорят: «Сегодня этот мерзавец пьет за наше здоровье, а завтра мы должны будем за него умирать. Через пару лет, если мы останемся живы, он вышвырнет нас из армии».

Хрущев, выступая перед выпускниками Военной академии, заявил, что темпы демобилизации в армии существенно замедлены и что военным комиссариатам уже дан приказ вернуть на военную службу уволенных в запас офицеров, и в первую очередь из числа технического персонала. Обмениваясь впечатлениями по поводу этого выступления Хрущева, офи-

церы говорят примерно следующее: «Да, конечно, теперь, когда возникли проблемы с Берлином, Германией и Кубой, мы потребовались. Возможно, нам снова придется проливать свою кровь. Хрущев выгнал нас из армии, не дал нам даже приличных пенсий — просто избавился от нас исключительно ради экономии средств. Офицерам положил двести рублей, а генералам — триста. У последних получается десять рублей на день. И на эти деньги надо жить, содержать семью и т. д.[1] После того как мы всю жизнь прослужили в армии, он разом лишил нас права на приличную жизнь».

В армии, как и в стране вообще, ситуация хуже некуда. Этот старец, видимо, надеется совершить чудо и еще при жизни воздвигнуть себе золотой бюст или какой-нибудь грандиозный монумент в свою честь. Он мутит воду, занимается подстрекательством и интриганством. Обо всех его делах народ отзывается плохо. Если бы Хрущева не стало, если бы он умер или был убит, то в СССР произошли бы огромные изменения. Несмотря на свой преклонный возраст, он продолжает постоянно лгать. Он понимает, что дни его сочтены, но, как маньяк, не может остановиться. Возможно, что все поступки Хрущева объясняются его преклонным возрастом. Все его помыслы устремлены к очередным авантюрам. Тем не менее армия находится под его жестким контролем, и мне, полковнику Генерального штаба, печально это констатировать.

Теперь несколько замечаний по поводу нашего политического руководства. Если бы у меня было время, я подробно описал бы Главное политическое управление Министерства обороны, имеющее статус

[1] Рубли, о которых идет речь, явно новые. По произвольно установленному властями курсу один рубль приблизительно равен доллару.

отдела ЦК, и Высший военный совет, возглавляемый Хрущевым, а в его отсутствие — Козловым или Микояном и находящийся под непосредственным руководством ЦК партии. На заседаниях Высшего военного совета всегда присутствуют члены Президиума ЦК КПСС. Министр обороны, его заместители, а также руководители других силовых министерств автоматически являются членами Совета. Так что наш министр обороны Малиновский в данном случае — рядовой его член.

На заседаниях Совета каждый его член имеет право выступить по вопросу, имеющему отношение к его сфере деятельности. Руководители силовых структур выносят на обсуждение Совета свои проблемы и сообща принимают по ним решения. В большинстве случаев Малиновский на таких заседаниях ведет себя пассивно — сидит молча и только слушает. Действительно, тусклая личность! Все командующие округами слушают Хрущева или членов Президиума раскрыв рты, потому как для них они большие авторитеты, чем их министр обороны.

Как правило, Высший военный совет собирается регулярно, но не особенно часто, в экстраординарных же случаях может быть созван в любое время. Присутствие на нем всех командующих не обязательно, если в повестке заседания значатся вопросы, которые касаются только определенного вида войск или специфических видов вооружения. Ни один командующий округом не может войти в прямой контакт с заводом, работающим на оборонку. Вся связь с руководством гражданских предприятий, выполняющих заказы Министерства обороны, а также их инструктаж осуществляются через отделы и управления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров. Именно от них исходят директивы, направляемые на тот или иной завод.

Каждый член Президиума Центрального Комитета курирует пять или шесть министерств и государственных комитетов и направляет их работу. И все министры перед этими кураторами буквально дрожат от страха.

Несмотря на то что Брежнев[1] является Председателем Президиума Верховного Совета СССР, он, как член Президиума Центрального Комитета КПСС, ответствен еще и за оборону и вооружение.

Если по вопросам военных поставок, производства оружия, планирования или нехватки фондов возникали разногласия между Министерством обороны и гражданскими предприятиями, то арбитром в таких спорах выступали Высший военный совет и Центральный Комитет КПСС. Однажды в отсутствие Хрущева маршал Бирюков предложил выделить дополнительные средства на испытания ракетного оружия. Суслов и Микоян, участвовавшие в заседании Совета, решить этот вопрос не смогли. Позже Варенцов так прокомментировал этот случай: «Они ходили вокруг да около, но решения так и не приняли. Будь жив Сталин, он бы сказал свое веское слово, и все проблемы мигом были бы сняты. А теперь у нас не Военный совет, а колхоз какой-то. Никакого порядка».

Управление вооруженными силами осуществляется Центральным Комитетом КПСС также и через политические органы. При Главном политическом управлении Министерства обороны и в каждом военном округе имеется политическое управление. Ниже по рангу стоят политотделы и партийные организации. Их работа направляется из одного органа — Центрального Комитета КПСС.

---

[1] Когда в октябре 1964 года Брежнев стал Первым секретарем ЦК КПСС, его на посту Председателя Президиума заменил Анастас Микоян.

Политработники — глаза и уши армии, или, скорее, ЦК КПСС. Об этом я уже говорил. Долгое время я и сам выполнял такую работу. Жуков был прав, когда скептически высказывался о значимости их деятельности в армии. Он, как никто другой, понимал солдатскую душу и помимо политических знаний хотел дать солдатам кое-что еще. Когда Жуков высказался против засилья в армии политработников, Хрущев испугался. После этого политический контроль в рядах вооруженных сил страны стал еще более жестким, и количество часов, выделяемых на политучебу и пропаганду, возросло. И делается это для того, чтобы отвлечь солдат от «ненужных» мыслей. В военную политику Хрущева никто не верит, но тем не менее уволенные в запас офицеры возвращаются обратно в армию и продолжают нести службу. Каждый должен содержать семью. Другого выхода в нашей стране для них просто не существует. Настроение в армии никудышное. Хрущев это знает и поэтому боится. Боится, что в случае развития глобальных военных действий начнется массовое дезертирство военнослужащих. Он знает, что среди них мало таких, кто решится за него воевать. Поэтому в настоящее время Хрущев предпочитает широкомасштабной войне локальные конфликты.

Помню очень интересную историю о майоре и подполковнике, которую рассказал мне Варенцов. Этих офицеров уволили из рядов вооруженных сил, и они остались без работы. Оба имели инженерную профессию и в армии были на хорошем счету. Они встретились с патриархом Алексием и сказали ему, что хотят стать священнослужителями. Патриарх, напрямую связанный с Кремлем, в их присутствии позвонил Жукову и сказал: «Товарищ маршал, у меня сейчас находятся два офицера, которые изъявили желание стать священниками». На что Жуков

ответил: «Пошлите их ко мне. Большое спасибо за то, что вы мне позвонили». Случилось это за год до поездки нашего маршала в Югославию.

Жуков лично встретился с этими офицерами. Офицеры поведали о своих проблемах, и маршал восстановил их в должности и зачислил в армию. Позже Жуков обратился в ЦК КПСС с подробным письмом, в котором просил не арестовывать этих офицеров и не принимать в отношении их каких-либо карательных санкций. Возможно, что это был не единственный случай подобного возвращения в армию первоклассных специалистов. Ничего противоправного в своем намерении обратиться в лоно Церкви эти офицеры не видели, потому как знали, что, согласно советским законам, все священники являются либо коммунистами или кагэбистами, либо работают по заданию Центрального Комитета КПСС. Тогда почему же им нельзя обратиться в веру? Более того, при Совете Министров СССР есть специальный Комитет по делам религий. Тогда в Москве только и говорили о майоре и подполковнике, пожелавших стать священниками.

Когда Хрущев разоблачил культ личности Сталина и повел внутрипартийную борьбу с группой Молотова, Кагановича и Маленкова, маршалы Тимошенко, Рокоссовский и Конев разошлись с ним по некоторым аспектам проводимой им партийной политики. Ранее эти маршалы поддерживали Молотова, Кагановича и Маленкова. По некоторым вопросам с Хрущевым не соглашался Первухин, а также Ворошилов. В связи с тем, что все эти лидеры государства пользовались у народа симпатией, Хрущев не стал их арестовывать или применять против них более суровые меры. Он просто заявил: «Оставим их в покое. Придет время, и я от них окончательно избавлюсь».

В конце концов Хрущев и в самом деле избавился от Жукова. А Георгий Константинович Жуков пользовался любовью не только в армии, но и в народе, и называли его не иначе как «наш Суворов» и «военный гений нашего времени».

Поначалу Хрущев воздавал ему почести, которые тот по праву заслужил. Жуков был министром обороны и членом Президиума Центрального Комитета КПСС. В период борьбы против антипартийной группы он помог Хрущеву сосредоточить в руках всю полноту власти. Тогда Жуков его поддержал. Позже Хрущев испугался его. Когда любимый народом маршал еще был при должностях, Хрущев начал урезать дополнительные пособия, выдаваемые армейским офицерам. Таким путем он намеревался сэкономить средства и направить их на производство вооружения. Жуков этим действиям воспротивился и заявил: «Я не хочу, чтобы мои военнослужащие стали нищими. Став бедными, они не захотят воевать. Человек в погонах окажется всеобщим посмешищем. Советский офицер должен хорошо питаться и более или менее обеспечивать свою семью». Жуков неистово ненавидел маршала Булганина. Когда Жуков был командующим Свердловским военным округом, Булганин позвонил ему и произнес: «Это маршал Булганин говорит». На что Жуков ему ответил: «Я не знаю такого маршала» — и повесил трубку.

Жуков выступал за централизованное управление вооруженными силами. Он также сократил время, выделяемое военнослужащим на политучебу. Как я уже говорил, Жуков пытался низвести всех армейских политработников до уровня вспомогательных служащих. Однако Хрущева пугало в Жукове даже

не это. Случилось так, что генерал Штеменко, бывший в то время начальником Главного разведывательного управления, организовал под Москвой школу, в которой обучалось около двухсот отъявленных головорезов, из которых готовили террористов и диверсантов для засылки за границу. О существовании этой школы Жуков знал, но Хрущеву о ней не доложил. Во всяком случае, именно так, обидевшись на маршала, заявил Хрущев. А заведение это, как я полагаю, функционировало уже много лет. Кроме того, Жуков однажды опрометчиво во всеуслышание произнес: «Армия всегда последует за мной». Естественно, такие заявления не могли понравиться Хрущеву. Он, естественно, испугался и решил от Жукова избавиться. Вопрос об отстранении маршала решался тайно, когда тот находился с визитом в Югославии.

По возвращении на родину Жуков прямо в аэропорту узнал об его отстранении от должности министра обороны. После этого по указанию Хрущева по всей стране были проведены партийные собрания, на которых клеймили «культ личности» Жукова. В Москве состоялась конференция партактива, на которой присутствовал и я. Проведена она была в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Открыл конференцию сам Хрущев. Произнес речь и сразу же покинул зал. Затем выступил один министр, который тоже несколько раз выходил из зала и снова возвращался. На конференции выступило много ораторов, и все они осуждали Жукова. В самом конце на трибуне вновь появился выступивший вторым министр, извинился перед собравшимися за то, что так часто покидал зал, и объяснил причину — его вызывали в правительство.

В своей речи в Кремле Хрущев пытался доказать, что Жуков создает культ собственной личности, что

у него замашки Наполеона и что он принижает роль и значение партии в нашей армии. Одним из проявлений «культа личности» Жукова, по словам Хрущева, являлся висевший в Доме Советской Армии огромный портрет маршала на белом коне. «Как это прикажете назвать?» — обратился он к залу и сам же ответил на свой вопрос: «Конечно же культом личности Жукова». Однако раньше, глядя на эту картину, Хрущев каждый раз с восторгом произносил: «Прекрасный портрет! Жуков — наш герой и звание это носит по праву!»

Вот так подло поступает этот Хрущев. Когда маршал был ему нужен, он называл его героем, но как только сосредоточил в своих руках всю полноту власти, решил от героя избавиться. Популярность Жукова в армии и народе испугала его. А почему Хрущев умалчивал о своем собственном культе личности? Об этом он и словом не обмолвился! А тем временем многие уже лишились своих постов из-за критики хрущевского культа личности. Вот вам и свобода слова, вот вам и ленинские нормы партийной жизни! Бедный мой русский народ!

Хрущев обвинял Жукова в том, что тот якобы старался на гражданские посты в правительстве протащить военных. По его версии, маршал предлагал сместить с поста Председателя КГБ Серова и заменить его маршалом Коневым. Об этом заявил Хрущев на собрании партактива Московского военного округа, которое состоялось 24-го или 26 октября. Тогда же он обвинил Жукова в создании все той же диверсионной школы и во многих других прегрешениях. На самом же деле эта школа появилась еще до того, как Жуков стал министром обороны. Кстати, она существует и по сей день, и в ней готовят убийц, готовых выполнить любое поручение Хрущева. Так что все в порядке вещей! Хрущеву все дозволено! Как бы

мне хотелось увидеть этих головорезов нападающими на Хрущева и его Президиум.

Вскоре после снятия Жукова с поста министра, которое было оформлено специальным указом Совета Министров, ему позволили уйти из армии. Жукову назначили месячную пенсию в размере 5500 рублей (старых)[1].

У Жукова была прекрасная квартира в доме 3 по улице Грановского, но большую часть времени он проводил на подмосковной даче неподалеку от Рублевского шоссе.

Позже, в 1961 году, когда разразился берлинский кризис, Хрущев предложил Жукову, Соколовскому и Коневу доказать свою лояльность по отношению к партии и народу — вернуться и активно с ним сотрудничать. Маршалы Соколовский и Конев согласились, а Жуков, несмотря на свою хорошую физическую форму, предложение Хрущева не принял.

Вот как поступил Хрущев! Когда он нуждался в Жукове, то наградил его четвертой Звездой Героя Советского Союза, но потом отстранил ото всех дел. Затем в пропагандистских целях снова захотел прибегнуть к его услугам. Жуков был прав, когда отказался от его предложения.

Разногласия Хрущева с группой, в которую входили маршалы Тимошенко, Конев и Рокоссовский, возникли в связи со смещением Жукова. Второй причиной разногласий явилось сокращение Хрущевым окладов и дополнительных денежных пособий, которые выплачивались офицерам. Более того, Хрущев уменьшил маршальские, генеральские и офицерские пенсии. Так что для недовольства Хрущевым у известных наших маршалов были весомые

---

[1] Сумма небольшая. Для примера: пара хороших ботинок в то время стоила 400 рублей.

основания. Помимо этого они возражали против сокращения военно-воздушных сил, наземных видов и других войск, включая морской флот. Хрущев планировал большую часть военного бюджета направить на совершенствование ракетных войск.

В 1960 году на встрече с Хрущевым Соколовский заявил ему: «Определите род войск, который больше всего нужен, и сумму дополнительных ассигнований. При существующем положении вещей я не в состоянии обеспечить надлежащую оборону страны. Посмотрите, сколько вокруг нас иностранных военных баз. В случае нападения на нашу страну западных государств я не смогу отразить их удар». И Хрущев ответил: «Если ты так считаешь, то можешь убираться отсюда».

После этого разговора Хрущев вызвал из Восточной Германии Захарова и назначил его начальником Генерального штаба взамен Соколовского. Он также отозвал из Киева командующего Киевским военным округом Чуйкова. Гречко к тому времени находился уже в Москве. Сложность смещения Соколовского для Хрущева состояла в том, что тот имел в армии большой вес. Поэтому Хрущев предпочел действовать осторожно, постепенно избавляясь от тех, кто с ним не соглашался. Для начала он разгромил антипартийную группу, затем выгнал Жукова, избавился от неугодных ему маршалов и перевел несогласных с проводимой им политикой на менее важные государственные посты.

В настоящее время он «подмял» под себя сразу три советских органа: Центральный Комитет КПСС, Совет Министров (его Председатель) и Министерство обороны (возглавляет Высший военный совет).

Как это ни парадоксально, Хрущев носит звание Верховного Главнокомандующего страны. Возглавляемый им Высший военный совет, решая не самые

важные военные вопросы, фактически исполняет функции Министерства обороны. Часто в обход министра обороны Хрущев дает указания Вершинину, Москаленко, Бирюкову и другим военачальникам.

После хрущевской чистки в армии многие генералы ушли из жизни. Они скончались от различных болезней, но большинство из них умерли от сердечного приступа или инсульта, а некоторые покончили с собой. В газетах о причинах их кончины не сообщалось. Лишь немногие из уволенных из рядов армии смогли найти себе применение на гражданке и приспособиться к новым условиям жизни. К примеру, один отставной генерал стал выращивать клубнику, а его жена — торговать ею на рынке. На приусадебном участке этому генералу помогал больной колхозник. В результате генерала обвинили в частном предпринимательстве и эксплуатации наемного труда. Генерала лишили военной пенсии и исключили из партии. А ведь генерал прослужил в армии более тридцати лет и прошел две войны! Вот так Хрущев заботится о своем народе!

Все офицеры, и в особенности маршалы и генералы, были очень недовольны, когда Хрущев срезал им оклады и лишил многих привилегий, которые установил в свое время Сталин. Теперь начальник Генерального штаба получает в месяц 2000 рублей, командующие армиями и войсковыми соединениями, вроде Бирюкова, имеют месячный оклад, равный 1800 рублям, а оклад Варенцова составляет 1200 рублей. Так Хрущев экономит средства на ракеты. Уменьшая оклады и другие выплаты военным, Хрущев заявил: «Они разжирели! Мы не можем и не должны плодить у себя таких интеллигентов и капиталистов!» Генеральские и офицерские пенсии были сокращены в два—два с половиной раза. На такую пенсию сводить концы с концами трудно,

найти в СССР источник дополнительного дохода просто невозможно.

Многие маршалы были против такой политики Хрущева, проводившейся под видом реорганизации вооруженных сил, народного хозяйства и т. п. Маршалы Конев, Соколовский и Тимошенко резко осуждали действия Хрущева и тупоумного Малиновского по всем вопросам реорганизации армии, и особенно в отношении офицерского корпуса. «Увольнение из армии офицеров среднего звена обречет их на жалкое существование», — говорили они.

Поначалу отправленных в отставку маршалов и генералов никуда не приглашали. Однако позднее Хрущев стал посылать им приглашения на приемы, банкеты, конференции. Очевидно, некоторые из них получили предложение вернуться на службу. Часть маршалов и генералов приняли предложение Хрущева и возобновили армейскую службу. Среди тех, кто пошел к нему в услужение, были и те, кто опасался за свое будущее. Не надо забывать, что у всех у них были семьи, которые надо было кормить, обувать и одевать.

Недовольство в армии все еще продолжается, особенно в связи с ее реорганизацией и сокращением выделяемых ей средств. Приведу несколько примеров.

В январе 1960 года все установленные ранее пенсии для армейских генералов и офицеров были пересмотрены. До этого при увольнении из рядов Советской Армии генеральские и офицерские пенсии составляли от 90 до 100% их прежних окладов. Теперь же их «потолок» для полковников был установлен в размере 2000 рублей[1], а для генералов — 3000. И то лишь при условии, что они отслужили в армии полных двад-

---

[1] Здесь Пеньковский имеет в виду старые рубли.

цать пять календарных лет. Те, кто не дотягивал до двадцатипятилетнего стажа, должен был по воле Хрущева довольствоваться еще более урезанной пенсией: полковник — от 1000 до 1400 рублей в месяц, а генералы — от 2000 до 2500. Ранее их оклады составляли соответственно от 4500 до 7000 рублей. Разница огромная. В результате настроение у тех, кто был отправлен на пенсию, резко упало. Однако никто против Хрущева так и не выступил — все знали, что в противном случае они лишатся и этого.

Прежде семьи офицеров и генералов в случае потери кормильца, вызванной его тяжелой болезнью или гибелью на войне, получали пенсию, равную в среднем 50 процентам его оклада. С 1 января 1960 года эти пенсии сократились более чем наполовину.

Хрущев проводит так называемое омоложение вооруженных сил. Большинство генералов и офицеров с ослабленным здоровьем или имеющих нарекания по службе по достижении двадцатипятилетнего стажа были уволены.

Средства, сэкономленные Хрущевым в результате такой реорганизации, были направлены на обучение новых военных кадров ракетных войск и производство разного типа ракет и спутников. На эти средства была создана Ракетно-инженерная академия и технические школы, в которых преподаются новые военные дисциплины. Были построены оборонные заводы, выпускающие ракеты. Огромные средства тратятся на приобретение нового технологического оборудования для них. Крупные ассигнования направлены также на поддержание стран-сателлитов и другие цели. Именно для этого Хрущев и затеял сокращение своей армии и ее реорганизацию. Так что с его стороны это не было простой чисткой Вооруженных Сил СССР.

В начале октября 1961 года начнутся военные учения, которые носят стратегический характер. Никогда еще в истории Советской Армии такие маневры не проводились. В них будут задействованы все военные округа, группы войск, самые удаленные от центра страны военные базы и ракетные установки. Военное командование относится к маневрам серьезно, и проводиться они будут в условиях максимально приближенных к боевым. На маневры приглашено военное руководство стран народной демократии.

Эти учения пройдут на территории Советского Союза и восточноевропейских стран. Основному удару — на карте, конечно, — подвергнется Германия. Маневры названы стратегическими в связи с тем, что в них примут участие все рода войск, и из-за «глубины нанесения удара». Продлятся они около месяца.

Какова цель таких военных маневров? Главная их задача — проверить боеготовность армии, ее обороноспособность, взаимодействие ее подразделений на всех уровнях и конечно же использовать учения для совершенствования боевой подготовки солдат и офицеров.

Это будет полная иллюзия настоящей войны, только в данном случае у Советского Союза не окажется реального противника. Однако и без того всем ясно, что «вероятным противником» советских вооруженных сил являются США. В последнее время в категорию врагов зачислены Великобритания, Франция, Западная Германия и все прочие страны НАТО. Совсем недавно в этом списке оказалась и Япония.

Если после подписания мирного договора с Восточной Германией, — а оно, по предварительным наметкам, состоится вскоре после XXII съезда партии, — у нас с Западом возникнут серьезные осложнения, то

Советская Армия будет приведена в боевую готовность. Возможно, что тогда она нанесет упреждающий удар. Исходя из этого Хрущев и затевает военные маневры. Однако он уверен, что договор с восточными немцами будет подписан, а странам НАТО ничего не останется, как проглотить и вторую горькую пилюлю. Первой же, по его словам, явились события, произошедшие 13 августа 1961 года, — тогда Берлин закрыли и началось строительство Берлинской стены.

О том, что его закроют, я узнал за четыре дня до того, как Советское правительство решилось на этот шаг.

Почему о предстоящих маневрах армии говорится более или менее открыто, объясняется тем, что в современных условиях и при тех возможностях, какими обладают западные разведслужбы, тайно готовиться к военным учениям или к войне невозможно. Под видом военных учений Хрущев намерен привести Вооруженные Силы СССР в боевую готовность. Вполне возможно, что как раз во время их проведения обстановка в Европе накалится до предела.

В настоящее время Москва наводнена военными представителями стран народной демократии и советскими военачальниками самого разного уровня. Генеральный штаб работает круглосуточно. Некоторые иностранные военные одеты в униформу своих стран, однако многие носят гражданскую одежду.

Учения советских войск проводятся совместно с армиями стран народной демократии. Дивизии союзников СССР будут действовать в составе Советской Армии. Такое положение объясняется тем, что мы не очень-то верим в своих союзников. В случае настоящей войны они могут повернуть оружие против нас или перейти на сторону Запада.

XXII съезд КПСС, который откроется 17 октября 1961 года, будет съездом агрессоров. Во всяком слу-

чае, по-другому его просто не назовешь. Ожидается, что на нем развернется острая полемика. Речи с пропагандистским запалом уже готовятся вовсю.

Резкие выступления, направленные против империализма и колониализма, преследуют следующие цели: заручиться поддержкой предстоящего съезда, стран народной демократии, а также поддержкой компартий капиталистических стран. Другими словами, поддержать политику Хрущева и его правительства. Заручившись поддержкой съезда, Хрущев будет действовать еще более решительно. Своими авантюрными действиями он ввергнет нас в пучину войны и при этом сошлется на поддержку советского народа, который делегирует на этот съезд своих представителей, на поддержку стран социалистического лагеря и коммунистов капиталистических стран. В Москву на XXII съезд КПСС прибудут коммунисты из многих капиталистических стран — некоторые из них тайно. Таким образом Хрущев хочет заручиться поддержкой всего мирового коммунистического движения и заблаговременно выяснить, как поведут себя его союзники, если он вновь поставит мир на грань ядерной войны.

Следует заметить, что на время проведения съезда Советское правительство совместно с Центральным Комитетом КПСС приняло решение сократить до минимума приезд в страну иностранных делегаций и туристов. Активные меры в этом отношении уже принимаются. Из московских гостиниц выселяют иностранцев, а высвобождающиеся номера готовят для участников съезда и его гостей. Множество иностранцев обращаются к властям за въездными визами, но им под разными предлогами отказывают.

Сотрудники нашего ГККНР также принимают активное участие в подготовке XXII съезда КПСС.

Все лидеры коммунистического движения, приглашенные на очередной съезд, останутся в Москве на празднование Великой Октябрьской революции и будут присутствовать на параде, который состоится на Красной площади 7 ноября.

Во время подготовки к открытию и проведению форума коммунистов в Москве и Подмосковье принимаются повышенные меры безопасности.

Для обеспечения порядка и успешного проведения XXII съезда КПСС в Москву из различных областей РСФСР и союзных республик прибыло огромное количество сотрудников местных КГБ, включая курсантов.

Сразу же после съезда Хрущев намеревается подписать с Восточной Германией мирный договор. Он хочет, чтобы на этот период все Вооруженные Силы СССР были приведены в боевую готовность. Это первое, что он решил предпринять на случай возникновения локального конфликта, Хрущев к нему будет готов. Он абсолютно уверен, что первым нанести удар должен Советский Союз.

8-я моторизованная армия готовится к отправке в Германскую Демократическую Республику. Сейчас там находятся только две советские армии. Об этом сообщил Варенцову Малиновский перед тем, как уехать во Львов. Он сказал ему, что отправляется в Закарпатье, чтобы проверить готовность 8-й армии к передислокации на новое место. Эта армия входит в состав Закарпатского военного округа и состоит из трех танковых и двух моторизованных дивизий. Сейчас шесть полков противовоздушной обороны, оснащенных ракетами типа В-75, тоже срочно направляются в Германию. Где эти полки дислоцировались до этого, мне неизвестно. В-75 — это двухступенчатые ракеты, находящиеся на вооружении нашей ПВО.

Принято решение отсрочить увольнение из армии, и об этом заблаговременно сообщил сам Хрущев. В этом случае число солдат и офицеров в наших вооруженных силах увеличится на 400 тысяч. Плановая демобилизация военнослужащих тоже отложена до следующей весны. Вот такое решение принял Хрущев. Если западные государства проглотят вторую пилюлю — согласятся с подписанием мирного договора с Восточной Германией и признают его, то тогда, возможно, в нашей армии пройдет демобилизация. Но только не сейчас.

На период проведения XXII съезда КПСС вооруженным силам приказано находиться в готовности номер один. Позовный сообщил мне, что войска ПВО уже приведены в полную боевую готовность и готовы к началу войны.

Вопрос о Берлине в повестку XXII съезда партии не входит. Однако во время съезда, когда в Москву съедутся все члены Центрального Комитета, на одном из секретных так называемых официальных заседаний об этом будет объявлено. Может статься, что Хрущева снимут со всех должностей. Но возможен и такой вариант: Хрущев одерживает победу и продолжает политику балансирования на грани войны.

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА

17 августа 1961 года Центральным Комитетом КПСС и Советским правительством был издан указ о создании Штаба гражданской обороны СССР. Его начальником назначен маршал Чуйков, занимавший прежде пост командующего сухопутными войсками.

В специальном постановлении говорилось, что Штаб гражданской обороны будет напрямую подчиняться министру обороны, что он создан на время

«особого периода» и его задача — защита населения на случай внезапных военных действий. Продолжительность этого «особого периода» определяется партией, правительством и военным командованием. Именно им надлежит решать, насколько в тот или иной период опасна для нашей страны международная обстановка.

В этом постановлении перечисляются обязанности всех министерств, таких, как транспортного машиностроения, автомобильной промышленности, железнодорожного транспорта и, главное, Министерства обороны. Согласно ему, каждое правительственное учреждение и министерство должно принять меры по организации гражданской обороны и в случае необходимости произвести эвакуацию своего персонала. Все подземные сооружения, бомбоубежища, укрытия и соответствующее оборудование должны быть приведены в порядок. Хотя созданный штаб и назван Штабом гражданской обороны, Чуйков носит титул не командующего по гражданской обороне, а начальника.

В настоящее время пост командующего сухопутными войсками Министерства обороны никем не занят. По сообщению Варенцова, этот пост предложили Крылову, который сейчас командует Московским военным округом. Однако по слухам, Крылов от этого назначения отказался. В данный момент обязанности командующего сухопутными войсками выполняет Жадов, настоящая фамилия которого Жидов. В свое время Сталин распорядился заменить «и» на «а», после чего Жидов стал Жадовым[1].

Структура Штаба гражданской обороны будет выглядеть следующим образом: во главе его — Верхов-

[1] Антисемитски настроенные советские лидеры евреев часто пренебрежительно называли жидами, поэтому Сталин, посчитав фамилию Жидов еврейской, переиначил ее на русский манер.

ный штаб по гражданской обороне, а в каждом военном округе — его подразделение. Этим подразделениям Штаба гражданской обороны предписано работать в тесном сотрудничестве с областными, краевыми, районными и другими местными партийными организациями и советскими органами[1].

ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Готовясь к атомной войне, Хрущев не забывал и о химическом оружии. В Генеральном штабе имеется специальное, 7-е управление, которое разрабатывает методы ведения как химической, так и бактериологической войны. Главное управление химзащиты Министерства обороны занимается теми же вопросами. У нас имеется также Академия химической защиты имени Ворошилова, несколько училищ и научно-исследовательских лабораторий.

Для апробации новейших достижений под Москвой устроен испытательный полигон. Мне известно, что разработан новый газ, который не имеет ни цвета, ни запаха, ни вкуса. По мнению ученых, он очень токсичен и высокоэффективен. Состав газа мне неизвестен. Название его — «американский». Почему он получил такое название, можно только догадываться.

В стране много центров, в которых испытывается химическое и бактериологическое оружие. Один из них находится в городе Калуге. Руководит им Николай Варенцов — родной брат Сергея Сергеевича Варенцова.

---

[1] Любопытно отметить, что о создании разветвленной сети штабов гражданской обороны под командованием Чуйкова было объявлено совсем недавно. Сообщение о нем появилось в американских газетах 17 марта 1965 года.

На небольшом острове на реке Волге, расположенном в Калининской области, есть специальный склад бактериологического оружия. На нем в больших контейнерах хранятся бациллы чумы и других смертельных заболеваний. Остров окружен колючей проволокой и тщательно охраняется. Однако на этот счет не следует питать никаких иллюзий — это хранилище в нашей стране далеко не единственное. Артиллерийские войска регулярно снабжаются снарядами, начиненными ядовитыми газами. Так что химическое оружие находится непосредственно в частях, и оно используется нашими артиллеристами на учебных стрельбах. Можно не сомневаться, что в случае начала военных действий Советская Армия применит его против своего врага. Политическое решение принято, а наши разработчики военных стратегических планов уже выработали доктрину, согласно которой командующий сам может решить, применить ему химическое оружие или нет.

Недавно я прочитал статью, в которой именно об этом идет речь. Она начинается с утверждения, что в современных условиях высокотоксичное химическое оружие является одним из самых мощных средств борьбы с неприятелем. В ней приводятся характеристики такого оружия и наиболее эффективные методы его использования. В статье не сказано, что оно может быть использовано только после того, как наш противник первым его применит. В ней также нет ссылок на необходимость получения разрешения на применение такого оружия от высшего политического руководства страны. Из ее текста становится совершенно очевидно, что решение об этом уже принято, и снаряды и ракеты, начиненные отравляющими веществами, могут рассматриваться военными командирами как обычное оружие, которое может быть применено по их соб-

ственному усмотрению. В статье говорится: «Командующий армией (фронтом) принимает решение о применении химического оружия...»

Далее автор статьи сообщает, что химическое оружие используется для выведения из строя ракетных ядерных установок противника. При этом особо подчеркивается важность поражения установок таких ракет, как «Литл Джон», «Онест Джон», «Лакросс», «Корпорал», «Редстоун» и «Серджант», приводятся их тактические данные и уязвимость для химического оружия. Упоминаются в статье и американские самолеты-снаряды и артиллерийские установки, стреляющие атомными зарядами. Говорится в ней и о необходимости обеспечения безопасности своих союзников, а также о ситуациях, в которых с максимальным эффектом может быть использовано это химическое оружие. О цели статьи сказано прямо: «Познакомить с основополагающими принципами использования химических ракет и снарядов. Однако эти принципы ни в коем случае не следует рассматривать как нечто устоявшееся, поскольку по мере накопления практических знаний и опыта они могут быть охарактеризованы более точно».

В целом советский генералитет считает, что американцы вопросам своей противохимической обороны уделяют мало внимания. Я даже слышал, что солдаты США частенько хвастают, что выбросили свои противогазы и другое защитное обмундирование, а командирам говорят, что потеряли их. В такое трудно поверить, но если в этих слухах есть хоть доля правды, то американцам следует коренным образом и как можно скорее исправить положение в своей армии. Такой недосмотр со стороны противника наверняка будет использован советским командованием.

НОВАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

В 1958 году по вопросам военного искусства и будущей войны в Генеральном штабе состоялся семинар. В нем принимали участие вся военная верхушка армии, представители всех видов Вооруженных Сил СССР, и проводился он в обстановке секретности — все, что обсуждалось на нем, тщательно скрывалось. Основными его темами были: характер новой войны и готовность к ней Советской Армии.

К 1959 году все руководство Генерального штаба сошлось во мнении, что советскую военную доктрину необходимо пересмотреть, а новую стратегию вооруженных сил строить исходя, прежде всего, из наличия ракетно-ядерного оружия.

В начале 1960 года журнал «Военная мысль» стал регулярно публиковать секретный сборник под названием «Специальный выпуск». Он был посвящен проблемам будущей войны и новой военной доктрине СССР.

Среди авторов опубликованных в журнале статей значатся министр обороны, его заместитель, командующие военными округами, старшие офицеры Генерального штаба, начальники военных академий, профессора и преподаватели военных училищ.

У меня к «Специальному выпуску» был свой интерес. Я читал его от корки до корки, выписывая некоторые заинтересовавшие меня сведения. Порой мне приходилось переписывать целые страницы. Тема для всего печатного издания была задана генерал-лейтенантом Гастиловичем в его статье, которая называлась «Теория военного искусства требует пересмотра» («Специальный выпуск», том 1, 1960 год). Отметив, что все предыдущие войны начинались от границ, где враг заблаговременно концентрировал

свои войска, Гастилович продолжал: «Если же война вспыхнет сейчас, то военные действия станут развиваться совсем по другому сценарию. И это потому, что страны уже обладают соответствующими средствами доставки, которые могут поразить цель на расстоянии более тысячи километров...»

«Около ста ядерных боеголовок, взорванные над индустриально развитой страной с территорией порядка 300—500 тысяч квадратных километров, способны превратить ее промышленные районы и административно-политические центры в груды развалин, в безлюдные пустыни, зараженные радиоактивными осадками».

Это сказано генерал-лейтенантом в начале его длинной статьи, а в конце ее он призывает читателей — советских военачальников и теоретиков — изложить по этому поводу свои соображения в виде статей на страницах «Специального выпуска». Надеюсь, вам уже ясно, какую военную доктрину взял на вооружение наш генералитет.

Необходимо четко понять одну вещь. Если американскому, английскому и советскому генералам представить один и тот же набор объективных факторов и научных данных, подлинность которых не вызывает сомнений, и поручить им проанализировать их, то заключения американца и англичанина, возможно, будут отличаться друг от друга, но то, что выводы, сделанные советским генералом, окажутся диаметрально противоположными, это уж точно. И произойдет это, во-первых, потому, что наш генерал в своих суждениях будет опираться на совершенно иные предпосылки и предвзятое мнение, а именно на марксистскую концепцию структуры общества и исторического развития. Во-вторых, ментальность советского человека в корне отличается от ментальности западника — наш генерал основывается на марксистской диалектике, а

иностранные генералы — на логической дедукции. В-третьих, поведение советского человека определяется совсем другими моральными принципами и ограничениями. В-четвертых, наш генерал будет преследовать совершенно иные, нежели американский или английский генерал, цели. Приведу наглядный пример — статья о ракетно-ядерном оружии, написанная генерал-майором М. Горюновым. По ней можно судить о том, как наш генерал-майор оперирует данными о характеристиках и эффективности ядерного оружия, взятыми им из открытых американских источников. Легко заметить, что выводы, к которым приходит Горюнов в своей статье, разительно отличаются от тех, к которым приходят американцы. И это несмотря на то, что все они оперируют одними и теми же данными.

Наш генерал-майор сетует, что ядерное оружие еще не получило должной оценки. Он считает, что появление более совершенного ядерного оружия диктует необходимость выработки новой стратегии и тактики, позволяющей более эффективно использовать его преимущества. Однако эта работа идет медленно и не совсем в том направлении, которое требуется. Цитирую:

«Причина этого кроется в том, что новое оружие рассматривается, главным образом, как средство для значительного повышения мощи армии. Поэтому в организационном отношении ничего не произошло. Появилось новое техническое средство ведения боя. На его основе уже создан новый вид войск. И произошло это аналогично тому, как появились в вооруженных силах авиационные части, танковые, а еще раньше артиллерия. Прежние виды войск подверглись существенной модернизации и приняли на вооружение ядерные снаряды и ракеты. Вооруженные силы продолжают состоять из прежних родов войск

(модернизированных, конечно), к которым теперь добавились ракетные войска».

«Другими словами, процесс оснащения армии новыми видами оружия, который сейчас происходит, можно охарактеризовать следующим образом: основываясь на опыте прошлого и учитывая последние достижения военной науки, вооруженные силы, готовясь к войне, оснащаются ракетно-ядерным оружием».

«Это закономерный процесс, предопределенный опытом прошлого».

«Решение проблем, в значительной степени неисследованных, пользуясь эмпирическим подходом, основанным на опыте прошлого, — процесс закономерный. Такой подход, не только приемлемый, но и единственно возможный в военной науке капиталистических государств, никоим образом не годится для вооруженных сил социалистических стран, чья военная наука основывается на марксистско-ленинском учении о войне. Совершенно очевидно, что мы должны идти гораздо быстрее и дальше как в создании ракетно-ядерного оружия, так и в теории его применения».

Приняв надлежащий политический тон, он — вот мошенник! — для того, чтобы объяснить, почему пользуется в своей работе данными американцев, напускает вокруг себя туман серьезности и научной объективности: он не может получить доступ к подобным данным, касающимся нашего собственного советского вооружения!

В чем суть рассуждений Горюнова? В том, что высокий уровень радиоактивных осадков теперь следует рассматривать как достижение военной науки. После многочисленных ссылок на американские ис-

точники он провозглашает: «...Радиоактивное загрязнение местности после взрыва бомб мощностью в несколько мегатонн может считаться важным фактором боевых действий».

Вот другая цитата из той же статьи: «...из вышесказанного явствует, что ядерные бомбы большой мощности как нельзя лучше подходят для радиоактивного заражения обширных территорий со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Существует различие между западной логикой и марксистской диалектикой. Американцы всегда старались снизить уровень радиоактивных осадков, а генерал Горюнов, основываясь на результатах американских же исследований, пришел к выводу, что количество осадков должно быть максимальным! Продолжая развивать эту идею, он пишет: «Химический состав почвы и грунта на месте взрыва также очень важен с точки зрения эффективности ядерного взрыва. Такие элементы, как натрий, железо, кремний и другие, могут значительно повысить радиоактивную массу частиц, которые загрязнят воздух. Точное знание метеорологической обстановки в предполагаемой для поражения местности имеет огромное значение для более эффективного использования мощных бомб. Поэтому прежде, чем нанести ядерный удар, следует заранее выяснить, какие погодные условия ожидаются в данной местности...»

Исходя из этих заявлений, нетрудно догадаться, какие задачи предстоит решать ГРУ. Скоро некоторые мои коллеги, возможно помощники военных атташе в Вашингтоне, Лондоне или Париже, начнут закупать труды тамошних геологов и почвоведов, геологические карты наиболее густо населенных регионов и промышленных центров с тем, чтобы Горюнов и его лаборанты смогли определить тип ядерного оружия, его мощность и точную высоту, на которую должна под-

няться радиоактивная пыль, чтобы максимально заразить данную местность. Горюнов отдает предпочтение использованию бомб, мощность которых исчисляется мегатоннами, то есть более мощных, потому что при их взрыве радиоактивному заражению подвергаются огромные площади. Он даже называет количество и мощность бомб, необходимых для нанесения эффективного удара по США. По его расчетам, для этого потребуется около 120 бомб по двадцать мегатонн. Далее Горюнов задается вопросом: «Возможно ли в век ядерного оружия одержать победу?» — «Да, — отвечает он сам себе, — но в условиях затяжной войны сделать это трудно».

И вот самое важное положение его статьи: «Победа одной из воюющих сторон зависит от ее готовности и способности закончить войну в кратчайшие сроки».

Смысл такого утверждения предельно ясен.

Для Запада важно знать и понимать, что представляет собой советская военная доктрина. Точно так же важно знать, как военную доктрину Запада воспринимает Советский Союз. По моему мнению, наше военное руководство истолковывает ее в корне неверно. Для советских лидеров военная доктрина Запада должна находиться в строгом соответствии с марксистской концепцией природы капитализма и исторического развития. Если объективные факторы (к примеру, разведывательные данные) не совпадают с этой концепцией, то задача диалектического материализма исказить и переиначить их так, чтобы они в конце концов вписались в ее рамки. Горюнов дает позиции Запада «политически правильную» оценку:

«Как эти новые условия отражаются на интересах и идеологии враждующих между собой классов?

Прежде всего, следует иметь в виду, что ни один нормальный человек не заинтересован в гибели все-

го человечества. Однако правящие классы, которые сходят с исторической сцены, считают иначе».

«История уже не раз подтверждала, что умирающий класс, умирающий социальный порядок создает теории и утверждает догмы, которые характеризуются такими фразами, как «после меня хоть потоп» и «лучше быть мертвым, чем красным». Реакционные силы, которые самим ходом истории обречены на гибель, готовы прибегнуть к любым средствам, даже к таким, как затяжная война. Более того, подготовка к такой войне сулит некоторым монополистическим кругам огромные прибыли».

«На подготовку к продолжительной войне расходуется гораздо больше средств, чем на подготовку к краткосрочной, и поэтому прибыли капиталистов здесь намного выше».

«Исходя из экономических причин, а также из-за стремления группы лиц, связанных с производством вооружения, и тех, кто желает сохранить за собой высокие посты, в таких государствах, как США, насаждается теория о неизбежности глобальных войн. Эта теория как нельзя лучше соответствует желанию Запада удержать под своей властью колониальные и развивающиеся страны путем угрозы или даже развязывания войны».

«У прогрессивных сил всего мира к вопросу о войне совсем иной подход. Материальные предпосылки победы социалистической системы над капиталистической мирными средствами уже созданы. Поэтому прогрессивное человечество не заинтересовано в войне. Но если война станет неизбежной, то новый мир обязан свести потери в ней к минимуму и, не дав загрязнить всю атмосферу Земли радиоактивной пылью, закончить ее в кратчайшие сроки!»

Пытаясь быть политически правильным (с марксистской точки зрения), автор статьи часто сам себе

противоречит. Так, например, он утверждает, что капиталистические государства предпочитают «блицкриг», так как боятся, что в случае затяжной войны в их странах произойдет революция. Однако буквально на следующей странице Горюнов говорит, что капиталистам выгодна длительная война, потому что она сулит им значительно большие прибыли, чем быстротечная. Здесь, у себя в стране, я опасаюсь за судьбу советского человека, который осмелится заявить, что народные массы в капиталистических странах, получив на время войны оружие, революции не устроят или что капиталисты предпочтут кратковременную войну даже ценой потери прибыли. Думаю, никто так и не указал Горюнову на эти несоответствия в его статье, поскольку, сделав это, можно было навлечь на себя большие неприятности.

К сожалению, не могу процитировать здесь все, что напечатано в «Специальном выпуске». Один экземпляр его я переправил моим иностранным знакомым из службы разведки. Тем не менее я постоянно буду ссылаться на этот сборник, так как в нем наглядно излагается советская военная доктрина, явившаяся результатом кропотливого труда нашей политической и военной верхушки.

Прежде всего, хотелось бы заметить, что фактически все авторы, печатающиеся в сборнике, признают важность нанесения по противнику упреждающего термоядерного удара.

По их общему мнению, победу в войне одержит тот, кто ее начнет.

С помощью ракет с ядерным зарядом, которые в начальной стадии боевых действий играют важнейшую роль, можно достичь желаемых стратегических целей за максимально короткий срок.

Все военные прекрасно понимают, что окончательное решение нанести по противнику удар остается за политическим руководством страны, то есть за ЦК КПСС и лично Хрущевым. Участвуя в совещаниях, советские генералы, естественно, всячески стараются доказать Хрущеву свою компетентность в военном вопросе и заслужить похвалу.

Новая военная доктрина, в которой подробно говорится, как следует действовать в случае начала боевых операций, должна стать, или, возможно, уже стала, неким руководством по подготовке армии к новой войне.

Будущая война начнется с нанесения внезапного ядерного удара по территории противника. Так что никакого объявления войны не будет. Более того, все будет сделано для того, чтобы оно даже не последовало и позже. Когда Советский Союз сочтет обстоятельства для нанесения первого удара благоприятными для себя, он незамедлительно обрушит ракеты на головы своих противников. Мотивация этих действий — защита от агрессии. Именно так будет перехвачена инициатива в предстоящей войне.

Именно в этом ключе и разрабатываются стратегические планы нашего военного командования. Однако это не означает, что планам ведения так называемых локальных войн внимание не уделяется. Напротив, Хрущев ратует за развязывание локальных конфликтов, видя в них прелюдию к «большой» войне. А к ней подготовка уже идет полным ходом.

Зная цену хрущевским призывам к «мирному сосуществованию» и «борьбе за мир», военное руководство страны все свои усилия направляет на подготовку к будущей войне, хотя многие среди военных совсем ее не хотят. Их больше устраивает мир, но, будучи солдатами и членами Коммунистической партии, они просто вынуждены работать на

войну. Наличие в карманах партбилетов обязывает их исполнять директивы Президиума ЦК КПСС и личные указания Хрущева. Кроме того, своими высокими постами они обязаны все тому же членству в партии. А каждому из них, как говорится, «хочется вкусно пить и есть».

Несмотря на то что все авторы «Специального выпуска» согласны с важностью нанесения упреждающего ядерного удара, некоторые из них, будучи реалистами, предлагают внести в военную доктрину следующую формулировку: «Стараться добиться победы одним молниеносным ударом, но в то же время быть готовым к ведению затяжных военных действий».

Советский Союз не хочет вести затяжную войну. Победить в ней он не в состоянии из-за развала экономики страны и в связи с тем, что его граждане долгих лишений просто не вынесут. В статье Гастиловича говорится: «Нельзя заменить искусство стратегии требованиями особых моральных качеств у народа, и никто не сможет разработать правильную стратегию, основываясь на заранее рассчитанной вероятности риска и жертв, с ним связанных.

Как офицер Генерального штаба, как истинный борец за мир и солдат новой армии, сражающейся за свободу и демократию, я имею свое собственное мнение по поводу новой советской военной доктрины и не хочу, чтобы мои соотечественники и те, кто живет на Западе или на другом конце планеты, думали, что я в своем мнении одинок. Я попытался обосновать все сказанное выше о новой военной доктрине СССР, о намерении моей страны нанести упреждающий удар, опираясь на факты и материалы, с которыми знаком по роду своей службы. Уверен, что и другие наши военнослужащие, подобно мне, уже передали западным разведслужбам соответству-

ющую информацию, которая полностью подтверждает мои слова.

Хрущев в своем «стремлении» к мирному сосуществованию двух политических систем зашел настолько далеко, что в период с 1962-го по 1963 год «...сможет принять решение завершить производство требуемого количества стратегических ракет с ядерными боеголовками и в дополнение к уже существующим видам оружия массового поражения оснастить ими армию и нацелить их на все страны НАТО и их военные базы». (Такие ракеты уже нацелены на Англию, Италию и США; баллистические средства доставки ядерных снарядов приведены в полную боевую готовность. Огромное количество пусковых установок, держащих под прицелом Западную Германию, размещено в Карпатах.)

Раз и навсегда предпочтение в Вооруженных Силах Советского Союза отдано ракетным войскам, которыми командует Москаленко. Он будет действовать автономно, вне какой-либо связи с войсками Варенцова. Пехоте и танкам уже не будет уделяться такого внимания, как в 1960 году. Их бюджет будет сокращен. Численность ракетных войск Москаленко быстро возрастет, ассигнования на них резко увеличатся. В ближайшем будущем количество стартовых площадок значительно возрастет. Считается, что имеющегося на сегодняшний день количества танков и вооружения пехоты вполне достаточно, и теперь необходимо весь материальный и технологический потенциал использовать для оснащения ракетных войск Москаленко. Однако это не означает, что производство снарядов и оружия для пехотных войск будет полностью остановлено. Нет, оно лишь сократится.

Хотя в настоящее время Хрущев предпочитает мировой войне небольшие вооруженные конфликты, тем не менее он и члены Президиума Центрального

Комитета КПСС приняли военную доктрину, ориентирующую на внезапное нанесение удара с помощью атомных и водородных бомб. Теперь вся экономика страны сориентирована в эту цель, а в армии в срочном порядке проводится реорганизация. Поскольку вооруженные силы США и Англии, а также НАТО достаточно сильны, чтобы нанести мощный ответный удар, в противовоздушных войсках страны проводится спешная реорганизация. Для этого и создан Штаб гражданской обороны.

Потерпев фиаско в вопросе о Берлине и в других международных спорах, — и это несмотря на крики и угрозы в адрес Запада, — Хрущев теперь всеми силами старается выиграть время. Его он использует для того, чтобы и впредь стремительно наращивать ракетно-ядерное вооружение.

Так что, люди мира, будьте бдительны!

Предисловие к главе VII

До революции на центральной аллее Цветного бульвара старушки торговали цветами. Сейчас тоже торгуют. Этот бульвар, живописное место с двумя рядами деревьев, находится в самом центре Москвы между Трубной площадью и Самотечной, неподалеку от старого Птичьего рынка, который с любовью описал Чехов в своем очерке «На Трубной площади».

На том бульваре безоблачным сентябрьским днем 1961 года ближе к вечеру трое симпатичных английских детишек играли в песочнице под присмотром сидевшей рядом на скамейке матери. Добротно одетый прохожий, прогуливавшийся по зеленому оазису в центре города, остановился возле песочницы и с улыбкой посмотрел на детей. Затем он что-то им сказал, достал из кармана коробку с конфетами и протянул ее детям. Один из ребят принял сладости от прохожего, и тот с улыбкой медленно зашагал дальше. Ребенок, как это обычно делают дети, отдал коробку с конфетами матери.

Именно так передал Олег Пеньковский очень важный пакет с фотопленками, помещенный в коробку из-под драже, миссис Джанет Эн Чизолм, супруге атташе британского посольства.

Пеньковский познакомился с миссис Чизолм во время своей второй поездки в Лондон. Тогда предста-

вители западных разведслужб и предложили ему такой вариант передачи секретной информации. Месяцем раньше в Москву с целью посетить открывшуюся здесь французскую промышленную выставку вновь приезжал Гревилл Винн. Пеньковский встретился с ним, как обычно, в гостинице. В номере «Метрополя» Пеньковский передал англичанину отснятую пленку, несколько информационных материалов и вышедшую из строя камеру «Минокс», которую он уронил на пол во время ночного фотографирования документов. Взамен Винн дал ему новый фотоаппарат, небольшую коробку с драже, в которой предстояло передать секретные материалы миссис Чизолм. Кроме того, он сообщил Пеньковскому, как и где встретиться с женой британского атташе. В коробке из-под конфет спокойно могли уместиться четыре ролика фотопленки.

Для Пеньковского миссис Чизолм стала вторым московским связным после Винна. В Москве, где иностранные граждане находятся под неусыпным контролем советской разведки, к такому варианту передачи западные службы еще не прибегали, и в условиях тотальной слежки за сотрудниками посольств западных стран и членами их семей он оказался наиболее безопасным. С Винном же, приезжающим в Москву, Пеньковский мог встречаться, не вызывая ни у кого подозрений, практически так часто, как требовалось. Надо сказать, что и сам Винн представлял для ГРУ повышенный интерес — советской спецслужбе хотелось завербовать британского бизнесмена, чтобы использовать его в качестве агента. Таким образом, для ГРУ внешне все выглядело так, будто Пеньковский «обрабатывает» англичанина. Когда в августе Пеньковский встретился с Винном, он сообщил ему, что готовится во главе очередной торговой делегации выехать в Па-

риж на проводимую там советскую промышленную выставку.

20 сентября 1961 года Пеньковский прилетел во Францию. В аэропорту Ле Бурже, что под Парижем, его встретил Винн и на своей машине отвез в гостиницу. Не зная точную дату прилета советской торговой делегации, англичанин ездил в парижский аэропорт к прибытию каждого московского рейса. Западные спецслужбы высоко ценили активность своего советского агента. На этот раз Пеньковский привез с собой не менее пятнадцати катушек с фотопленкой, на которой были запечатлены техническая документация, описание засекреченных технологий, чертежи ракет, сверхсекретные докладные записки и различная научно-техническая информация, которые на судебном процессе Пеньковского фигурировали под общим названием «шпионские материалы».

Спустя три дня после прибытия Пеньковского в Париж Винн привез его к мосту через Сену. Там на берегу реки состоялась встреча Пеньковского с одним из англо-американских разведчиков. На протяжении целого месяца представители западных спецслужб часто встречались с Пеньковским. Для этого использовалось время, когда тот был свободен от посещения советского посольства или выставки, которая явилась удачным поводом для его выезда за границу.

Во время своей третьей заграничной командировки Пеньковский хорошо поработал с агентами западной разведки. Он не только обсудил с ними привезенную им информацию, но и договорился о наиболее безопасных способах передачи своих последующих сообщений. Вот как советский суд коротко охарактеризовал одну из самых успешных шпионских операций Пеньковского:

«Находясь в Париже, Пеньковский на явочных квартирах регулярно встречался с представителями

английской и американской разведок. На этих встречах он сообщал им о заданиях московского начальства, которые ему предстояло выполнить во время пребывания в Париже, сообщал сведения о сотрудниках советского посольства во Франции, представлявших для западных спецслужб особый интерес, идентифицировал их на фотографиях, кратко характеризовал их, а на плане нашего посольского здания указывал, где размещаются их кабинеты. Кроме того, он идентифицировал по имеющимся в распоряжении иностранной разведки фотографиям личность различных советских граждан, представлявших интерес для иностранной разведки, и давал по ним важную информацию, изучал приемы разведработы иностранных спецслужб и получал от них задания: продолжать фотографировать секретные материалы; подобрать и подробно описать восемь—десять тайников в Москве для безличного контакта; устанавливать дружеские отношения с офицерами и сотрудниками Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ с целью получать от них шпионскую информацию; используя связи с военнослужащими ракетных войск, собирать материалы о новой советской военной технике. Помимо этого, находясь в Париже, Пеньковский продолжал изучение шпионской радиотехники, которую ему обещали переслать в Москву через Винна или Джанет Эн Чизолм».

«На одной из таких встреч в Париже присутствовала Джанет Эн Чизолм, с которой были обсуждены способы ее дальнейших контактов с Пеньковским. Еще на одной встрече в Париже Пеньковский был представлен высокому чину из американской разведслужбы...»

«Получив в Париже тридцать катушек с фотопленкой и специальную бумагу для тайнописи, 16 октября 1961 года Пеньковский вернулся в Москву...»

Советское правосудие, естественно, умолчало о том, что большинство «советских граждан», идентифицированных Пеньковским, являлись сотрудниками ГРУ или КГБ. Короче говоря, он выдал западной разведке всех своих разведчиков, работавших в советском посольстве в Париже. Пользуясь терминологией секретных спецслужб, Пеньковский «раздавил паука в паутине советской разведки».

Находясь в Париже, Пеньковский действовал с присущим ему энтузиазмом. Он с блеском продолжал выполнять свои многочисленные задания как по линии советской разведки, так и иностранной. (Возможно, что это и явилось одной из причин, почему его руководство так долго не решалось признать, что он ведет двойную игру.) Мы же можем только предполагать, что полковника ГРУ такая двойная игра не только забавляла. Как в Лондоне, так и в Париже Пеньковский знакомился с достопримечательностями. Посещение Лувра и экстравагантных ночных клубов, таких, как «Лидо», доставляло ему явное удовольствие. Свободная жизнь на Западе пока еще была для него внове.

В своих воспоминаниях, опубликованных в Лондоне в 1964 году, Винн описывает некоторые впечатления Пеньковского, с которым у него сложились самые дружеские отношения:

«Он ежедневно ходил на выставку или в посольство на какой-нибудь официальный прием. Куда бы он ни шел, в условленное время и в условленном месте я всегда ждал его в машине, поскольку в Париже ничего не стоит заблудиться. Мы, как и подобает туристам, много времени уделяли разного рода развлечениям, с огромным удовольствием осматривали достопримечательности французской столицы. Однажды он заметил, что в Англии ему понравилось больше».

«Позже мы посетили кабаре «Лидо» и «Мулен Руж». Он впервые в жизни видел такое красочное шоу, когда на сцене танцует и поет одновременно множество девушек. Такого у них в Москве нет. «Почему бы и русским не создать нечто подобное? — сказал он. — Красивое, радостное искусство и не столь серьезное, как балет».

Однако Олег Пеньковский не был похож на советского туриста, привыкшего ходить в группе своих соотечественников. Когда у него в Париже или Лондоне выдавалось свободное время, он отправлялся один бродить по улицам города, разглядывая прохожих, останавливаясь у витрин магазинов. Разницу между открытым западным обществом и его родиной он воспринимал как нечто непреложное и неизбежное, как старение, однако наметившаяся лысина весьма смущала его, что он и продемонстрировал, обозревая множество разнообразных лосьонов для волос.

Пеньковский все больше утверждался в правильности избранного им пути. Оставалось только решить: остаться на Западе сейчас или пока повременить? Он понимал, с каким риском сопряжено его дальнейшее пребывание в Москве. По словам Винна, представители иностранных спецслужб, с которыми Пеньковский встречался в Париже, советовали ему не возвращаться. Информация, которую Пеньковский уже успел передать на Запад, оказалась настолько важной, что они всерьез опасались за его безопасность.

Часто, во время прогулок по парижским улицам, Пеньковского одолевали сомнения. У него на родине осталась семья — беременная жена, мать и дочь. Мог ли он раз и навсегда вычеркнуть их из своей жизни? Хоть он и ненавидел советский режим, но оставить тех, кто ему так дорог, было мучительно больно.

Олег Пеньковский в парадной форме

Серия ГЗ ★ А 028065

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

1. Предъявитель сего Пеньковский
Олег Владимирович
состоит на действительной военной службе в Вооруженных Силах Союза ССР

Личный № Б-931332

2. Воинское звание полковник

Присвоено приказом МВС СССР № 0227 от 6 февраля 1950 г.

3. Занимаемая должность старший офицер резерва Главного Управления Генерального Штаба

Назначен приказом Начальника Главного Управления Генштаба № 164 от 24 июня

Удостоверение личности О.В. Пеньковского

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

№01783176

Фамилия Пеньковский

Имя и отчество Олег Владимирович

Год рождения 1919 г.

Время вступления в партию Март 1940 г.

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
1954 год

Месяц	Месячный заработок	Членский взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль	4435	133-05	
Март	4435	133-05	
Апрель	4435	133-05	
Май	4435	133-05	
Июнь	4435	133-05	
Июль	4435	133-05	
Август	4435	133-05	
Сентябрь	4435	133-05	
Октябрь	4760	142-80	
Ноябрь	4605	138-15	
Декабрь	[illegible]	[illegible]	

Партийный билет Олега Пеньковского

Родители Пеньковского

ПЕНЬКОВСКИИ
Валентин Антонович

[illegible]

Двоюродный дед — Валентин Антонович Пеньковский

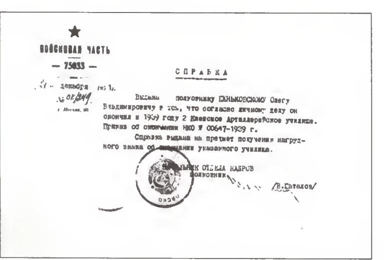
Выпуск 2-го Киевского артиллерийского училища.
Пеньковский крайний слева, вверху

1-й Украинский фронт. 1944 год.
Справа налево: Олег Пеньковский,
генерал-лейтенант Сергей Сергеевич Варенцов,
его адъютант, полковник Андрей Романович Позовный

Изобретенный Пеньковским компрессор-выбрасыватель, зарегистрированный в Народном комиссариате обороны (1939 год)

ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ

— 75033 —

[illegible] декабря 195[illegible] г.

№ ОК/[illegible]

г. Москва

СПРАВКА

Выдана полковнику ПЕНЬКОВСКОМУ Олегу Владимировичу в том, что согласно личному делу он окончил в 1939 году 2 Киевское Артиллерийское училище. Приказ об окончании НКО № 00647-1939 г.

Справка выдана на предмет получения нагрудного знака об окончании указанного училища.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА КАДРОВ
ПОЛКОВНИК /В.Батаков/

Справка об окончании 2-го Киевского артиллерийского училища

Жена Олега Пеньковского — Вера Дмитриевна Пеньковская (в девичестве Гапанович)

Дочь Пеньковского — Галина

Удостоверение

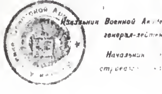
Предъявитель сего *Пеньковский Олег Владимирович* окончил полный курс Военной Академии Советской Армии „22" июля 1953 года.

Решением Государственной Экзаменационной Комиссии *Пеньковскому О. В.* выдан диплом № Ж 525693

полный курс Военной Академии Советской Армии „22" июля 1953 года.

Решением Государственной Экзаменационной Комиссии *Пеньковскому О. В.* выдан диплом № Ж 525693

Диплом хранится в Военной Академии Советской Армии.

Начальник Военной Академии генерал-лейтенант (Дратвин)

Начальник Отдела строевого и кадров

№ ..8

Диплом об окончании Военно-дипломатической академии

1948 год. Выпуск Академии имени Фрунзе. Пеньковский второй справа в среднем ряду

Группа выпускников Военной инженерной артиллерийской академии имени Дзержинского. Пеньковский в первом ряду, третий справа

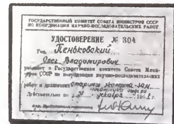

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 0160

Тов. Пеньковский
Олег Владимирович
работает в ГНТК СССР в должности
эксперта

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

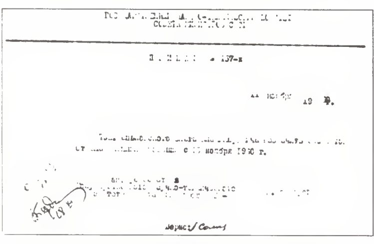
УДОСТОВЕРЕНИЕ № 304

Тов. Пеньковский
Олег Владимирович
работает в Государственном комитете Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ в должности старшего эксперта - зам. начальника отдела

Действительно по 31 декабря 1961 г.

Удостоверение Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР. Удостоверение ГК СМ СССР по координации научно-исследовательских работ (старший эксперт, зам. начальника отдела)

с 11 ноября 1960 г.

Фрагмент приказа о назначении Пеньковского на должность эксперта отдела внешних сношений Государственного комитета Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ

Олег Владимирович
ПЕНЬКОВСКИЙ

Заместитель начальника отдела
Управление внешних сношений
Государственного комитета Совета Министров СССР
по координации научно-исследовательских работ

Москва
Улица Горького, 11 *Тел. Б 9-47-30*

Oleg V. PENKOVSKY

Deputy Division Chief
Foreign Relations Department
State Committee for Coordination of Scientific Research
USSR Council of Ministers

11. Gorky Street
Moscow *Tel. 29-47-30*

Визитные карточки Пеньковского

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

№ 304/61 17 июля 19 I.

С П Р А В К А

Дана заместителю начальника иностранного Отдела Управления внешних сношений Государственного комитета Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ т.ПЕНЬКОВСКОМУ О.В. в том, что он действительно командируется в Англию руководителем группы советских представителей, следующих на Советскую промышленную выставку.

Срок командировки с I5 июля по 5 августа I96I г.

Зам. председателя

(А.Самарин)

Справка, подтверждающая, что Пеньковский является руководителем советской делегации, выезжающей в Великобританию на советскую промышленную выставку

Копия

[illegible]ство СССР
[illegible]

№ [illegible]-А
[illegible] 196[illegible] г.

[illegible]ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СМ СССР ПО КООРДИНАЦИИ
[illegible]-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

т. [illegible] Д.М.

[illegible]

[illegible] определенную помощь и позволило самим сотрудникам приобрести и укрепить некоторые полезные связи, а также [illegible] с обстановкой в Англии и работой группы по науке и технике [illegible].

[illegible], такие командировки сотрудников Комитета [illegible] и весьма желательны в дальнейшем.

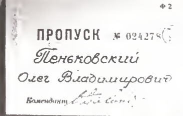
С другой стороны, нам представляется, что польза от их поездки в Лондон могла бы быть большей, если бы об их приезде [illegible] было известно заранее, а программа их пребывания здесь [illegible] с учетом наших [illegible] и потребностей.

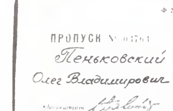
[illegible]

А. Павлов

Письмо резидента ГРУ в Лондоне Павлова, направленное начальнику Пеньковского в Москве Гвишиани

Пропуск в здание Генерального штаба.
Пропуск в ГРУ МО СССР

Осень 1960 года. На даче Варенцова. Слева направо: Пеньковский, мать Пеньковского, супруга Позовного и маршал Варенцов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

№ 19-10/4108 «19» сентября 1961

СПРАВКА

Дана настоящая тов. ПЕНЬКОВСКОМУ О.В. в том, что он действительно командируется во Францию руководителем группы советских представителей, следующих на Советскую промышленную выставку.

Срок командировки 25 дней.

Начальник Отдела по связям с зарубежными странами Управления внешних сношений

Б. Лопатенко

Справка, подтверждающая, что Пеньковский командируется во Францию руководителем группы советских представителей на советскую промышленную выставку в Париже

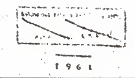
СОВ СЕКРЕТНО

Экз. № 5

Подполковник И. Е. ПРИХОДЬКО

ОСОБЕННОСТИ АГЕНТУРНОЙ СВЯЗИ И РУКОВОДСТВА АГЕНТАМИ В США

Учебное пособие

1961

Титульная страница лекции Приходько

Шпионское оборудование и документы Пеньковского, найденные при обыске его квартиры

С другой стороны, он был очарован западным миром. Ярко освещенные улицы, роскошные витрины универмагов и... девушки. Пеньковский отнюдь не был пуританином и во время пребывания в Париже успел свести знакомство с несколькими приятными дамами. Кстати, они тоже советовали ему остаться на Западе.

И Пеньковский почти согласился. Московский рейс задерживался из-за тумана, и он воспринял это как знак судьбы. У таможенного барьера он в нерешительности остановился, потом резко обернулся к провожавшему его Винну, махнул на прощанье рукой и шагнул в мир, чуждый ему по духу. Ему предстояло еще многое сделать в Москве. Он не раз говорил это Винну, обсуждая с ним все «за» и «против» своего возвращения домой. Он ощущал себя солдатом, вставшим под новые знамена. Вскоре по возвращении в Москву он писал в своих «Записках»: «Считаю, что еще год или два я обязан продолжить работу в Генеральном штабе СССР. Это позволит мне вскрывать все злодейские планы и преступные заговоры нашего общего врага. Я, как солдат, сражающийся за истинную свободу и демократию, в это тревожное для мира время должен находиться на передовой, служа вашими «ушами и глазами», поскольку возможности у меня для этого очень большие. Молю Бога, чтобы мои скромные усилия оказались полезными в нашей общей борьбе за идеалы человечества». Пеньковский мог бы остаться в Париже, но там, в Москве, находилась сила, которую он желал остановить.

Глава VII

ШПИОНСКИЕ ЗАМЕТКИ

Пока еще свежо в памяти все, что мне довелось увидеть во время недавних поездок в Европу, я хотел бы изложить свои соображения, касающиеся работы советской разведки за рубежом, и описать ее основные направления. Одно из них — непосредственное сотрудничество с коммунистами и коммунистическими партиями западных стран. Чем дальше, тем больше я ощущаю в этой работе руку КГБ.

В конце сталинского правления Центральный Комитет КПСС издал постановление, ограничивавшее привлечение иностранных коммунистов к разведывательной работе. Тогда были прекращены контакты ГРУ с его агентами — членами зарубежных компартий. Объяснялось это тем, что ряд агентов советской разведки у себя на родине засветился, поэтому пришлось принимать срочные меры, чтобы спасти престиж компартий, в которых они состояли.

Последующий опыт показал, что без помощи компартий зарубежных стран работать советским спецслужбам очень трудно. В связи с этим Хрущев и Центральный Комитет партии издали директиву, согласно которой ГРУ и КГБ предстояло активизировать работу с компартиями других стран. В 1956-м и 1957 годах мы вновь начали вербовать за границей агентов из числа членов коммунистических

партий Запада, чтобы использовать их в качестве осведомителей и прямых агентов и с их помощью распространять дезинформацию и вести пропаганду. В конце концов старые связи с прежними агентами на Западе были восстановлены, и разведка получила бесценную помощь. Коммунистические партии на Западе не запрещены и поэтому функционируют вполне открыто. Их члены охотно оказывают содействие советской разведке. Многие лидеры этих компартий вращаются в самых высоких правительственных кругах своих стран, а некоторые даже занимают министерские посты и являются членами своих парламентов. Так, например, после встречи Хрущева и Кеннеди в Вене из Центрального Комитета КПСС лидерам западных компартий (Франции; Англии, Италии и других стран) было направлено секретное письмо. Советский посол в Риме лично зачитал его Тольятти.

Павлов, Шаповалов и Миловидов подтвердили, что получили указание ЦК КПСС и Главного разведывательного управления привлечь всех своих агентов и просто дружественно настроенных по отношению к нам английских граждан из числа их знакомых к сбору необходимой информации. Наш посол в Англии пригласил к себе сотрудников резидентуры ГРУ и КГБ и передал им инструкции из Центра. Вскоре после этого все работавшие в посольстве разведчики разъехались по стране собирать разведданные. Все силы оперативной, стратегической и политической разведок были брошены на выполнение заданий.

Никак не могу понять, почему коммунистам в Англии и Франции разрешено так свободно действовать. Почему им не покажут, кто в их стране хозяин? Где же службы контрразведки западных государств? Чем они занимаются? У них же буквально под носом

крадут любые секретные данные, а они ничего не делают, чтобы положить этому конец. Ведь запретили же Западная Германия и США деятельность своих компартий. Так почему же Англия, Франция, Италия и другие страны не сделают то же самое? Их коммунисты — это пятая колонна, работающая на советскую разведку.

Ананьев, наш разведчик в Париже, рассказал мне, что ГРУ и КГБ установили тесные контакты с коммунистами, в особенности с теми, кто служит в правительственных учреждениях, в армии и в НАТО. По словам Ананьева и Прохорова, во Франции, и особенно в Париже, стало очень легко проводить нелегальные операции. Прохоров также отметил, что по сравнению с Турцией во Франции условия для разведчика гораздо благоприятнее, что там с вербовкой агентов и в последующей работе с ними никаких особых трудностей не существует. В особенности, если они являются членами Французской компартии.

И в самом деле, если предложить рядовому французу сотрудничество с иностранной разведкой, а тот поймет, что перед ним русский, то он тотчас побежит в полицию и все там расскажет. Однако французский коммунист чаще всего готов работать на нас. Он спросит только, как и что ему предстоит делать. Чаще всего мы используем французов в качестве осведомителей и источников военной информации. По словам Прохорова, таких успехов в разведработе мы не добились бы без помощи французских коммунистов. Фактически он признал, что мы «купили» Францию без особых хлопот и по дешевке. Многие лидеры французских коммунистов поддерживают прямые контакты с Хрущевым и могут доставить немало неприятностей правительствам западных государств.

Главное разведывательное управление потребовало от всех своих западных резидентур, и прежде всего аккредитованных во Франции, информацию о новых видах вооружения НАТО. Эту информацию предполагается добыть всеми доступными нам средствами — за деньги, через завербованных агентов, через конфиденциальные источники, а там, где службы безопасности проявляют халатность, просто выкрасть. В связи с этим резидентам советской разведки поручено использовать все возможные контакты, включая граждан стран народной демократии, своих личных знакомых и коммунистов.

ГРУ поставило перед своими сотрудниками задачу раздобыть винтовку американского образца с натовским магазином, образцы усовершенствованных английских и американских противогазов. Советскую разведку также интересует, какой уголь для улавливания ядовитых веществ в них используется. Кроме того, нашим разведчикам необходима информация по антикоррозионному покрытию, используемому на подводных лодках и военных кораблях. Существует перечень различной информации, которую поручено раздобыть нашей разведке. Примерно двадцать—двадцать пять пунктов этого перечня касается электроники, и в частности электронной технологии, используемой в армиях Великобритании и США для наведения ракет. Перед нами поставлена задача заполучить данные, касающиеся некоторых типов небольших ракет, запускаемых американцами со своих самолетов. Задача эта очень важная, поскольку при запуске эти ракеты создают радиопомехи, которые мешают работе радарных установок. Всем оперативным сотрудникам разведки, работающим на территории Франции, Англии и США, вменяется в обязанность посещение химических предприятий с целью выяснить технологию изготовления и состав твердого ракетного топлива.

Советскому Союзу также требуется заполучить информацию о жаропрочной стали, поскольку есть основания полагать, что США в этой области достигли больших успехов. В ГРУ полагают, что французы в области твердого ракетного топлива добились впечатляющих результатов и получили отличный продукт.

Прилагаю копию приказа, который я получил перед поездкой в Париж. Этот документ наглядно свидетельствует о том, что вся наша деятельность подчинена выполнению разведзаданий.

«Утверждено

Совершенно секретно

Генерал-майор
А. Рогов

В единственном экземпляре

Сентябрь 1961 года

ЗАДАНИЕ
полковнику О.В. Пеньковскому, выезжающему
в краткосрочную командировку во Францию
на период с 13 сентября по 8 октября 1961 года

По линии Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ вы направляетесь во Францию на период работы советской промышленной выставки в Париже в качестве руководителя группы советских научных работников для ознакомления с некоторыми французскими предприятиями и поддержания контактов с деловыми кругами.

Во время пребывания во Франции вам надлежит выполнить следующие разведзадания:

1. В случае интереса со стороны местной резидентуры найти возможность передать своих знакомых ее

сотрудникам. Желательно завербовать двух-трех человек из числа французских ученых.

2. Сообщить о мерах, предпринятых французской контрразведкой в отношении членов советской делегации.

3. Во время поездок по стране с целью посещения французских предприятий обратить внимание на все попадающиеся на глаза военные объекты (ракетные пусковые установки, аэропорты, воинские части и т. д.). При возможности эти объекты сфотографировать, а также установить их координаты.

4. Аккумулировать информацию об оборудовании, производимом фирмами для военных целей.

По прибытии в Париж установить контакт с нашим резидентом и сообщить о порученном вам задании.

При выполнении порученных вам заданий действовать строго в соответствии с вашим официальным статусом.

По окончании визита во Францию доложить резиденту о проделанной вами работе и ее результатах. По возвращении из командировки представить отчет о выполнении задания.

Подполковник инженерной службы
Н. Хлебников

12 сентября 1961 года

С заданием ознакомился. Приступаю к его выполнению.

Полковник
О. Пеньковский

12 сентября 1961 года».

Прибыв в Париж, я сообщил нашему резиденту, что буду ездить по стране и смогу подобрать подходящие места для тайников. Резидент ответил, что

нужды в этом нет, поскольку тайников у них вполне достаточно, и мне не надо тратить на это время.

Еще в Москве Ананьев сказал мне, что во Франции можно проехать километров шестьсот, и на всем пути следования за тобой будет вестись наблюдение. Если это действительно так, то французская контрразведка выбрала не самый эффективный способ слежки за иностранцами, поскольку из гостиницы или посольства можно легко улизнуть незамеченным. Все обожают Париж, там есть что посмотреть. Он очень удобен для работы разведчиков. Там много аллей, внутренних дворов, подворотен, через которые легко уйти от слежки. Резидент также сообщил мне, что во Франции очень просто организовать встречу с агентом, передать ему или получить от него материалы и т. д. Он даже сказал, что они редко пользуются тайниками, так как значительно проще устроить встречу непосредственно с самим агентом. Однако к этому способу передачи информации наша разведка прибегает не так уж часто, а только в случае необходимости.

Я уже упоминал о работе советских разведчиков в США. Наши там, чтобы уйти от наблюдения агентов ФБР, остаются в посольствах на ночь, спят на столах, а рано утром встают и, соблюдая все меры предосторожности, выходят на улицу. Таким способом им иногда удается избавиться от хвоста.

В Лондоне три сотрудника ГРУ работают под «крышей» советского торгового представительства.

Любящий Англию Шаповалов говорит: «В матушке-Англии жить и работать одно удовольствие».

Будучи в Лондоне, я поинтересовался пребыванием в Англии Гагарина[1]. Наш космонавт по-анг-

---

[1] Успешно слетавший в космос Юрий Гагарин прибыл в Англию 11 июля 1961 года.

лийски не говорил, но у него были прекрасные переводчики. Все приставленные к нему люди являлись, так сказать, нашими «соседями» — сотрудниками КГБ. Шаповалов сказал мне, что было даже неловко видеть вокруг Гагарина столько кагэбэшников. В Лондоне советский космонавт жил на втором этаже дома № 13 по Кенсингтон-Пэлэс-Гарденс. Сотни англичан стояли на улицах в надежде его увидеть, а одна девушка прождала восемнадцать часов, чтобы только мельком на него взглянуть. Когда Гагарину рассказали об этой юной англичанке, тот произнес: «Ну и дура! Ей бы лучше провести пару часов со мной в постели». Вот вам и новый персонаж нашей истории.

В Лондоне я случайно встретился с шофером из нашего посольства. Номер его машины 603. Это был тот самый шофер, который еще в Москве учил меня искусству перевозить в автомобиле секретные документы. Свою науку он преподавал мне на улице Грицавец, где парковались оперативные машины Главного разведывательного управления. Водитель был настоящим виртуозом и мог приделать к машине различные хитроумные штучки. К примеру, он рассказал мне об установленном им выключателе, который дает возможность водителю отключать свет в салоне и сигнальные огни торможения. Когда кто-то из наших подсаживал в темноте к себе в машину агента, то при торможении задние сигнальные огни его автомашины не включались, а когда открывалась дверца, свет в салоне не загорался. Таким образом, даже находясь под наблюдением следовавшей за вами машины иностранной контрразведки, операцию эту можно было провернуть незаметно для хвоста. Вот вам типичный пример нашего посольского водителя!

(*ПРИМЕЧАНИЕ ФРЭНКА ГИБНИ: здесь Пеньковский отступает от основной темы своего повествования и более подробно описывает работу советских спецслужб за рубежом.*)

В Турции мы никогда не нанимали на работу в посольство местных специалистов или техников. Даже уборщиц и тех присылали из Москвы. Однако в иностранных посольствах в Москве работает огромное количество советских граждан. Каждый из них — либо агент КГБ, либо сотрудничает с ним. Как, например, моя тетя.

В посольствах в Москве кагэбэшники устанавливают подслушивающие устройства, а сотни сотрудников разведки день и ночь сидят у аппаратуры и слушают, о чем говорят иностранные дипломаты.

Офицеры ГРУ как в Москве, так и за границей имеют право пригласить иностранцев в ресторан, к себе домой, на приемы или другие мероприятия, проводимые в стенах советского посольства, при условии, что они или представляют интерес для нашей разведки, или уже «обрабатываются» для последующей вербовки. Просто устанавливать дружеские контакты и поддерживать знакомство с иностранными гражданами нам запрещено — для нас они все враги. Например, в период с 1954-го по 1955 год Шиков «вел» секретаря посольства Египта, который передавал нам шифровальные коды. Для разговоров с египтянином Шиков имел специальный телефонный аппарат, который стоял на его сейфе. Шиков со своим подопечным изъяснялся по-французски и встречался с ним либо в ресторане, либо на явочной квартире.

Среди скандинавских дипломатов тоже есть наши агенты. Некоторые из них представляют для нас ог-

ромную ценность. Об этом мне стало известно от офицеров, которые работали в Швеции со Славиным.

После разоблачения советских агентов в Лондоне (один из них впоследствии был приговорен к сорока двум годам заключения)[1] наша резидентура получила из ГРУ специальное письмо, в котором говорилось о необходимости проявлять в работе максимальную осторожность. Настроение у сотрудников резидентуры сразу же упало, все ходили как в воду опущенные. Они опасались, что арест и суд над их агентами отпугнет британцев от сотрудничества с ГРУ.

Мой хороший приятель Василий Васильевич Петроченко долгое время находился на нелегальной работе в Австрии, Швейцарии и Франции. Он окончил две академии: Военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского и Военно-дипломатическую академию. Во Франции ему грозил арест, но его вовремя отозвали в Москву. Затем его собирались послать в Лондон, где он должен был сменить Павлова на посту резидента, но руководство побоялось, что англичане не дадут ему въездную визу. Петроченко говорит на французском, немецком и английском. После возвращения в Москву он работал в школе, где готовили нелегалов. Я снял копию с его удостоверения сотрудника ГРУ и его трудовой книжки, из которой ясно, чем он занимался во Франции.

Судин (псевдоним Судаков) отвечал за работу наших нелегалов в Турции. Он создал нелегальную резидентуру, в которую входили иранцы, афганцы, болгары и один швед. Он числился первым секретарем советского посольства в Турции, знал много забавных историй, общался с турками на их родном язы-

---

[1] Джордж Блейк за шпионскую деятельность в пользу Советского Союза в мае 1961 года был приговорен к сорока двум годам тюремного заключения.

ке, немного говорил по-английски и по-французски. Его жену зовут Екатерина, у них трое детей.

Иван Яковлевич Мелех — офицер советской разведки. В звании подполковника. Очень хорошо знает английский. В свое время окончил Военный институт иностранных языков, после чего долгое время преподавал язык в Военно-дипломатической академии, где готовят будущих сотрудников ГРУ. После соответствующей подготовки в 1955 году Мелех был направлен в Нью-Йорк под видом служащего в Секретариат Организации Объединенных Наций. 27 октября 1960 года он был арестован сотрудниками Федерального бюро расследований по обвинению в шпионаже. В апреле 1961 года американское правительство сняло с Мелеха обвинение при условии, что до 17 апреля он покинет США. Эта история позволяет судить о цене наших протестов и деклараций в Организации Объединенных Наций.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА НА ТЕРРИТОРИИ США

В Соединенных Штатах Америки советская стратегическая разведка держит три резидентуры. Одна находится в Вашингтоне, округ Колумбия, под прикрытием различного рода учреждений (сотрудниками резидентуры являются секретари советского посольства, работники торговых представительств и другие служащие). Две резидентуры в Нью-Йорке, одна — под прикрытием ООН, другая — нелегальная, имеет прямую связь с Москвой. В вашингтонской резидентуре множество оперативных сотрудников и некоторое количество агентов из местных жителей, завербованных по преимуществу много лет назад. Нью-йоркские резидентуры — самые солидные.

Оперативные сотрудники всех трех советских резидентур активно занимаются поиском лиц (по большей части через своих осведомителей), которые со временем могут стать их агентами. Пройдя здесь соответствующую подготовку и будучи надежно легендированы, они возвращаются в свои страны и работают в тамошних резидентурах. Иногда агентов присылают из третьих стран. Среди агентов, работающих на Советский Союз, много иностранцев, живущих в Штатах. Советские разведчики активно собирают информацию о США и других странах, но преимущественно о Штатах, поскольку Америка считается «главным противником».

После случая с Пауэрсом (примерно после 5 мая 1960 года) Хрущев отдал приказ всем своим разведслужбам, и в первую очередь находящимся в США, временно свернуть работу, дабы не дать американцам ни малейшего повода обвинить наших разведчиков в шпионаже против США и других стран. В ноябре 1960 года этот приказ был отменен, и советская разведслужба вновь заработала на полную мощь.

В начале 1961 года было принято постановление об обучении всех агентов правилам односторонней связи. Сделано это было на случай каких-либо сбоев в работе агентурной сети или осложнения политической обстановки, а также для повышения безопасности разведывательной работы за рубежом. Агентов стали учить пользоваться кодами, тайниками и устанавливать связь с Центром. Для этого их снабжают необходимым техническим оборудованием и инструкциями по односторонней связи с Центром. Эти меры диктовались также и тем, что летом 1960 года в некоторые наши организации и посольства за рубежом стали обращаться иностранные граждане, желавшие восстановить связь с советской разведкой, сотрудники которой после инцидента с Пауэрсом резко оборвали всякие контакты с ними.

В Лондоне я беседовал с одним из сотрудников резидентуры, моим старинным приятелем Шаповаловым. Когда он готовился к поездке в Англию, мы опасались, что англичане откажут ему во въездной визе. Но к нашему великому удивлению, Шаповалов визу все же получил. Он спрашивал у меня совета, как избежать трудностей, с которыми ему приходилось постоянно сталкиваться в агентурной работе.

А вот как работают наши резидентуры. Каждый день с их сотрудниками что-нибудь да происходит. Один из них обожжется на каком-нибудь деле, а другой над ним только посмеется. Сотрудники ГРУ и КГБ радуются неудачам друг друга. Когда резидент ГРУ в Лондоне узнал, что двое агентов КГБ арестованы, он довольно потер руки и произнес: «Отлично. Слава Богу, что у нас все в порядке».

Во всех советских учреждениях за рубежом сотрудников КГБ всегда больше, чем ГРУ, особенно в США и Англии. И те и другие стараются первыми отправить ту или иную информацию в Центральный Комитет, дабы заслужить его похвалу. Ни одна разведслужба не делится с другой добытой ею информацией даже в пределах одной резидентуры. И это притом, что сотрудники ГРУ и КГБ участвуют в одних и тех же совещаниях и даже порой обмениваются агентами. Например, полковник Павел Дмитриевич Ерзин, бывший резидент КГБ в Турции, никогда не делился со мной никакой информацией, даже военной. Он спешил немедленно все сведения отправить в Москву и тем самым продемонстрировать свою бурную деятельность. А уже на следующий день утром Ерзин начинал хвастаться, какие ценные материалы ему удалось заполучить. В Анкаре Ерзин пробыл около года. У него были нелицеприятные отношения с Серовым, и это несмотря на то, что ему удалось завербовать одного западного дипломата. За сотрудниче-

ство Ерзин выложил тому разом 5000 турецких лир, хотя своих наличных денег у него на тот момент не было. Эту сумму я одолжил Власову, его заместителю, моему приятелю, из средств, выделенных мне на ведение оперативной работы. Спустя несколько дней Ерзину из Москвы деньги прислали, и Власов, вернув их мне, забрал расписку.

После возвращения из Турции у Ерзина возникли проблемы с Серовым. В Сирии Ерзин приобрел автомобиль иностранной марки, а в Одессе обменял его на «Волгу». Он не хотел, чтобы его иномарка привлекала к себе внимание. Не знаю, что там у него произошло с его начальником, но когда он катал меня в своей новенькой «Волге», то, говоря о Серове, употребил крепкие выражения по его поводу. Пожаловался, что тот не желает его даже слушать.

Некоторое время Ерзин по линии КГБ работал в Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами. В то время комитет возглавлял Георгий Жуков[1]. (Чтобы не путать с нашим маршалом, его имя часто писалось как Юрий.) У Ерзина в комитете был укомплектован штат из оперативных сотрудников КГБ, но в нем служили, да и сейчас служат, офицеры ГРУ. В частности, там работает один полковник из танковых войск (имя его я забыл), который до прихода на службу дважды побывал в Афганистане.

Недавно Ерзина повысили в звании (он стал бригадным генералом) и назначили проректором Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Почти весь преподавательский состав университета

---

[1] Некоторое время Жуков работал корреспондентом в Париже. Он оказывал услуги по линии КГБ и на этом поприще добился больших успехов. Когда он вернулся на родину, Хрущев стал активно использовать его для контактов с известными иностранцами, и прежде всего с представителями зарубежных компартий.

состоит из сотрудников КГБ, и только несколько его профессоров являются добровольными помощниками разведки. Ерзин говорил мне, что носит два головных убора — фуражку начальника отдела КГБ и шляпу проректора. Основная задача этого высшего учебного заведения — готовить пятую колонну для африканских стран. Многие из студентов Университета дружбы народов уже завербованы и теперь работают на советскую разведку. В целях политической подготовки они изучают марксизм-ленинизм, чтобы впоследствии занять руководящие посты в своих государствах. По возвращении на родину выпускники университета первым делом займутся организацией забастовок и демонстраций, направленных на свержение их правительств, и т. д. Во время учебы их хорошо кормят, обувают и одевают. Кроме того, они получают еще и стипендии. Живут иностранные студенты в принципе лучше, чем средний советский студент, — почти на полном содержании Советского государства.

Чтобы лучше понять наших «соседей», достаточно вспомнить что-нибудь из их прошлого и их тесную связь с Хрущевым. Сталин и Берия много зла причинили нашему народу. Об этом мы знали и без хрущевских разоблачений культа личности Сталина. На съезде Хрущев не только «не отмылся» перед всем миром, но еще больше себя запятнал. В злодеяниях, чинившихся в стране Сталиным и Берией, он принимал самое непосредственное участие. Однако и сейчас многие скажут, что при Сталине порядка было больше, а этот дурак Хрущев разрушил все — и промышленность, и сельское хозяйство. Ни минуты не раздумывая, он ликвидировал машинно-тракторные станции. А теперь хочет их восстановить, но боится, что над ним станут смеяться.

У меня есть свои основания ненавидеть КГБ. Мой родственник (брат деда) до войны несколько лет отси-

дел в тюрьме только за то, что до революции его брат служил в Ставрополе судьей! А брат умер в 1919 году! Я же не поддерживал никакой связи с двоюродным дедушкой, который был генералом, так как боялся испортить себе карьеру. Однажды на дне рождения Варенцова хозяин дома представил меня министру обороны Малиновскому, и тот, в свою очередь, спросил меня: «Вы — родственник генерала Пеньковского?» — «Очень дальний», — ответил тогда я. Когда же Варенцов сообщил Малиновскому, что я служу у Серова (то есть в ГРУ), тот произнес: «О, это очень хорошо. Очень».

Я знал от Варенцова, что наш министр обороны недолюбливает Серова. С поста Председателя КГБ Серова сняли в 1958 году и направили в ГРУ. Сейчас он — заместитель начальника Генерального штаба и одновременно — начальник Главного разведывательного управления. Все в ГРУ недовольны его назначением. Его следовало бы расстрелять вместе с Берией, а не присваивать ему генеральский ранг. Но такое у нас в стране трудно себе представить. У нас рука руку моет.

Являясь офицером Генерального штаба, я тесно общаюсь с генералами и маршалами. Они не перестают удивляться: «Зачем нам этот Серов? Если расстреляли Берию, то почему этого типа не повесили?» В открытую мы такие вещи не говорим, но иногда, вместе выпив, обсуждаем эту тему. Старинная русская поговорка гласит: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

По поводу того, как был расстрелян Берия, ходят разные слухи. Варенцов и Чураев рассказали мне, что его застрелили в подвале штаба Московского военного округа. Выстрел произвел генерал Козлов в присутствии других генералов. В тот день все военные учреждения, принадлежащие Московскому военному

округу, оцепили танками и бронированными самоходками, а все войска привели в полную боевую готовность. Ожидалось, что верные Берии части МВД попытаются штурмом взять подвал штаба и освободить его.

Конечно, после Сталина террор в стране пошел на убыль, и в том — заслуга Хрущева. Он освободил тех, кого незаконно держали в заключении, и реабилитировал уже расстрелянных. А их семьи? Те, которых выселили Бог знает куда? Теперь они получили жилье и маленькие пенсии за тех, кого репрессировали. Извините, говорят им, маленькая неувязочка вышла.

В такой ситуации находятся тысячи семей, и в этом легко убедиться. Только представьте, тысячи семей! «Ваших родных оговорили завистники. Мы извиняемся. Вот вам ордер на комнату, вот вам пенсия размером в двести—триста рублей. Извините за нашу маленькую ошибочку». Вот и все.

Ранее Сталин и Хрущев уничтожали людей, словно крыс. Тех, кто оговаривал себя, и тех, кто отрицал свою вину до последней минуты. Теперь уже Хрущев расстреливает людей за спекуляцию и мелкое воровство. «Мы укрепляем социалистическую законность!» — кричат нам.

Русский народ глупый. Он хороший, добрый, но глупый. Наши люди легко дают себя связать по рукам и ногам. Они не могут организоваться. Если бы они смогли создать условия, при которых КГБ не стрелял бы им в спины, то непременно стали бы кричать, что их слишком долго обманывали и что такая власть им уже осточертела. В 1917 году русский царь не внял жалобам своего народа, а Ленин, воспользовавшись всеобщим негодованием, смог совершить в стране вооруженный переворот.

Хрущев хочет оправдать в глазах народа как себя, так и органы КГБ. Он надеется завоевать народную

любовь амнистиями и реабилитацией невинно убитых и заживо съеденных крысами. Но люди все прекрасно понимают и говорят: «Опоздали. Мертвых не воскресить. Кому нужна эта реабилитация, если люди уже давно сгнили?»

Когда Хрущев сопровождал Сукарно в поездке по Ленинграду, рабочие города (по-старому — пролетариат Петербурга) кричали на одном митинге: «Да здравствует Сукарно! Катись вместе с Хрущевым куда подальше!» Чураев рассказывал мне, что Хрущев, услышав такие слова, просто обомлел. Он даже не знал, как на это реагировать. «Черт знает что творится, — заключил Чураев, — Сталин ненавидел ленинградскую партийную организацию, но ленинградцы тем не менее предпочли бы Сталина и Молотова. Кого угодно, но только не Хрущева».

Если бы не КГБ и лично Серов, Хрущев никогда бы не стал Верховным Главнокомандующим. Хрущев же обошелся с Серовым в свойственной ему манере. Сместив с руководящих постов большое число сотрудников КГБ и заменив их кадрами из Центрального Комитета и с Украины, он почувствовал себя в полной безопасности. После этого Серов был снят. Ему присвоили звание генерала и направили к нам, в ГРУ. На место Серова Хрущев назначил Шелепина, бывшего первого секретаря Центрального Комитета ВЛКСМ.

Сотрудников КГБ очень много. Они заполонили все. Даже при Сталине их было меньше, чем сейчас. Они осуществляют контроль в армии и особенно в ГРУ. В Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ более половины всех руководящих должностей занимают чекисты. На время подготовки к XXI съезду КПСС в Москву были вызваны сотрудники КГБ из провинции. Они стояли на каждом углу, проверяли документы, а по ночам патрулировали город.

Мы очень обрадовались, узнав, что Серова попросили убраться из Англии[1]. Однако англичане так и не узнали, что во время визита Хрущева и Булганина в Англию он все время находился на советском корабле. Оттуда Серов и руководил службой безопасности, охранявшей Хрущева и Булганина.

Люди из КГБ вынудили стать осведомителем даже мою родную тетю. Она работала уборщицей в афганском и итальянском посольствах в Москве. Моя бедная тетя часто приходила к моей матери в слезах и жаловалась, что ей приходится выполнять гнусные поручения. Она занималась подслушиванием, выкрадывала документы, рылась в мусорных корзинах, писала доносы на дипломатов, помогала устраивать против них разного рода провокации и т. д. Тетя часто жаловалась и мне, но это было еще до того, как я поступил на службу в ГРУ. Так что я ничем, кроме совета, помочь ей не мог. Мог только посочувствовать. После того как тетю сократили по причине преклонного возраста, ее начальство запретило ей не только получать от иностранцев подарки ко дню рождения, но даже близко подходить к бывшему месту работы. Если бы все это произошло сейчас, я бы, конечно, смог ей как-то помочь. Теперь я старший офицер службы стратегической разведки и мог бы научить ее разговаривать с сотрудниками КГБ.

В 1960 году с корабля, на котором Хрущев приплыл в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, сбежал матрос. Вопрос, заданный иностранными журналистами о сбежавшем моряке, поставил Хрущева в весьма затруднительное положение. И что же он отве-

---

[1] В 1956 году Серов приехал в Англию для отработки мер безопасности в связи с предстоящим визитом в страну Хрущева. В местной прессе поднялась ужасная шумиха. Серова газеты называли «кровавым мясником». Поэтому, когда в Англию приехал Хрущев, его в составе официальной советской делегации не оказалось.

тил иностранной прессе? По словам одного из моих друзей, генерала ГРУ, который в то время находился с Хрущевым в США, он пообещал оказать материальную помощь беглецу, если она ему потребуется. Но это Хрущев произнес только на публике. В приватной беседе с членами советской делегации он так прокомментировал побег матроса: «Теперь в СССР на одного мерзавца стало меньше».

Когда приехавший в Канаду по линии нашего комитета ученый Клочко отказался вернуться в СССР, в Центральном Комитете возник ужасный переполох[1]. В течение двух недель сотрудники КГБ искали хоть какого-нибудь друга или знакомого невозвращенца. Они хотели послать его в Канаду, чтобы он убедил Клочко вернуться на родину. Узнав о побеге советского ученого, Хрущев произнес: «Хватит с ним церемониться. Примите все меры, чтобы его найти и вернуть назад. Если он не захочет возвращаться, то прикончите негодяя. Пусть другим это послужит хорошим уроком». Вот вам и Хрущев, добрый крестьянин. Кто еще может сказать, что он не преступник и не убийца?

Когда тебя вызывают в Центральный Комитет КПСС, то не знаешь, к кому конкретно. Это может оказаться сотрудник как ЦК, так и КГБ. Кагэбэшники имеются там почти в каждом отделе и управлении. В ЦК им особый почет и уважение. Раньше, при Сталине, все они сидели только на площади Дзержинского, но теперь обосновались и в офисах Центрального Комитета КПСС, Совета Министров, в министерствах и во всех прочих государственных учреждениях.

---

[1] 16 августа 1961 года Михаил Антонович Клочко обратился в канадское правительство с просьбой предоставить ему политическое убежище. Он — автор книги, в которой описал коммунистический Китай с точки зрения советского ученого.

Работой КГБ руководит сам Хрущев. Тут он никому не доверяет и контролирует органы КГБ как Первый секретарь ЦК КПСС, а не как Председатель Совета Министров. Говорят, что Шелепин большую часть времени проводит не у себя на Лубянке, а в кабинете Хрущева. Хрущеву в Центральный Комитет КПСС регулярно поступают отчеты из КГБ о проведенных им разведмероприятиях и о настроениях в народе. ГРУ также регулярно посылает туда свои отчеты.

При Центральном Комитете имеется так называемый Административный отдел. Возглавляет его Николай Романович Миронов. Ранее он занимал высокий пост в Комитете государственной безопасности. Это управление не имеет никакого отношения к административной работе. Оно направляет деятельность КГБ, министерств внутренних дел союзных республик, судов, прокуратур и нашу работу, то есть Главного разведуправления. Этот Миронов — наш царь и Бог. Вся информация о наших делах сначала поступает к нему, а уже потом к Хрущеву и в Центральный Комитет партии.

В прессе он фигурирует как заведующий Административным отделом ЦК КПСС, но никто из корреспондентов не знает, чем занимается вышеуказанный отдел и сам Миронов. Это — секрет. Но от кого? Ответ: от их же собственного народа! Почти весь персонал Административного отдела состоит из бывших сотрудников КГБ, МВД и Главного разведывательного управления. Только несколько человек прежде работали в прокуратурах и судах.

Миронов — член Центрального Комитета КПСС и депутат Верховного Совета СССР. Наш генерал Серов всегда стоит навытяжку не только перед ним, но и перед всеми сотрудниками его отдела. Все назначения и замены в ГРУ и КГБ проходят через Миронова.

РАЗВЕДДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗА РУБЕЖОМ И КГБ

Выездная Комиссия Центрального Комитета КПСС работает в тесном контакте с ГРУ. Впервые я столкнулся с ней, когда оформлялся в командировку в Турцию. Ее глава — Александр Семенович Панюшкин, в прошлом — советский посол в Китае и США. Он также офицер разведки и сотрудник КГБ. Деятельность его комиссии заключается в отборе соответствующих специалистов для работы за рубежом. Через нее проходят все послы, консулы, торговые представители, военные атташе, резиденты и т. д. Короче говоря, все, кто выезжают на работу в другие страны.

Когда между ГРУ и КГБ возникают разногласия по поводу того, какой «крышей» воспользоваться их сотрудникам или на какую должность их назначить, роль третейского судьи исполняют сотрудники, работающие под началом Миронова и Панюшкина. Однако все споры с нами неизменно выигрывает КГБ. Там им больше доверяют и всегда идут навстречу. Одним словом, нам, сотрудникам ГРУ, кагэбэшники частенько перебегают дорогу. У Миронова и Панюшкина есть службы, персонал которых почти полностью укомплектован сотрудниками КГБ. В печати о комиссии Панюшкина никогда и ничего не упоминается. Можно себе представить, какой завесой тайны окутана ее деятельность. А от кого им, собственно говоря, таиться? Ответ тот же: от своего собственного народа!

В свое время Панюшкин был начальником Первого главного управления КГБ (тогда он назывался МВД), которое занималось иностранной разведкой. Первое главное управление КГБ теперь переименовано в Управление разведки. Мы часто с ним связываемся, но слово «разведка» никогда при этом не

упоминаем. Мы просто пишем на корреспонденции: «Начальнику Первого главного управления КГБ при Совете Министров СССР».

Все кандидатуры резидентов как ГРУ, так и КГБ утверждаются Центральным Комитетом КПСС. Перед отъездом на место работы их вызывают в Москву в Центральный Комитет на собеседование. Периодически, примерно раз в год, всех резидентов вызывают в ЦК КПСС на совещание (инструктаж). Там они отчитываются о уже проделанной ими работе и получают соответствующую инструкцию. Проводит такие совещания-инструктажи кто-нибудь из секретарей Центрального Комитета КПСС, иногда сам Хрущев. Одно из них проводил Суслов.

В Турции нашим военным атташе был бригадный генерал Казакевич, который одновременно являлся секретарем партийной организации. (Работая за границей, мы для большей конспирации называем нашу партийную организацию профсоюзной.) Инструктаж, на который был вызван Казакевич, проводил Суслов. В беседе с Сусловым военный атташе заметил, что, по его, а также Рыжова (наш посол в Турции) мнению, наше правительство ведет в отношении нового турецкого правительства не совсем верную политику (турки — народ бедный, лира их резко упала в цене, а американцы помогают недостаточно и т. д.). Поэтому Советскому Союзу следовало бы предоставить Турции крупный кредит. Таким образом, по мнению нашего посла и атташе, можно было перетянуть турок от США на свою сторону. И вот что ему ответил Суслов: «Это что еще за эксперимент вы предлагаете? Потратить миллионы рублей! А где гарантия, что турки вернут нам долг? Они, возможно, и примут кредит, но как только его проедят, так снова кинутся к американцам в объятия».

В результате Казакевича обвинили в политической близорукости. Его лишили ранга военного атташе и общественной должности секретаря партийной организации посольства. Вот так с нами обходятся в Центральном Комитете КПСС. Человек из лучших побуждений выступает с предложением, как ему кажется дельным, не ведая, чем все это может кончиться. По этой причине все мы сидим набрав в рот воды и слушаем, какие будут на тот или иной счет указания Центрального Комитета.

Для решения вопроса о выезде советских людей как в долгосрочную, так и в краткосрочную командировки при Центральном Комитете КПСС существует специальная комиссия, состоящая из одних только сотрудников КГБ.

Любой советский гражданин, даже турист, отправляющийся за рубеж, проходит собеседование в Центральном Комитете КПСС. Но беседует там с ним сотрудник КГБ. Большинство инструкторов этой комиссии являются полковниками и подполковниками разведслужб, хотя и в гражданской одежде. Человек, вызванный в комиссию, приходит сюда только после того, как все его выездные документы уже готовы. Здесь он должен заполнить специальный бланк и ознакомиться с выездными инструкциями, в которых указывается, как вести себя за границей. Ему также полагается подписать секретную бумагу, в которой он клянется хранить верность Компартии и своему правительству.

Заполняя бланк, необходимо ответить на следующие вопросы.

1. Фамилия, имя и отчество.
2. Меняли ли вы когда-либо вашу фамилию, имя или отчество?
3. Год, месяц и день вашего рождения.

4. Национальность.

5. Состоите ли вы членом партии?

6. Образование.

7. Страна выезда.

8. Кем и в качестве кого вы направляетесь за границу?

9. Семейное положение.

10. Количество членов семьи, отъезжающих вместе с вами.

11. Были ли вы до этого за границей? Если да, то где и в качестве кого?

12. Есть ли у вас родственники за границей?

13. Домашний адрес и номер телефона.

14. Дата. Подпись.

Когда я выезжал за рубеж, офицер из КГБ мурыжил папку с моими бумагами целых два часа. Что он пытался разыскать? Я в партии с 1940 года. Этот инспектор расспрашивал меня обо всех моих родственниках, живых и уже умерших, о семейной жизни, ссорюсь ли я с женой или нет, о моем отношении к спиртному, не хочу ли я остаться за границей и т. д. Он даже задал мне несколько вопросов по международным проблемам. И это мне — офицеру Генерального штаба и сотруднику Главного разведывательного управления! Со мной, выпускником двух академий, этот кагэбэшник разговаривал словно с первоклассником!

Сколько же надо заполнить анкет и написать автобиографий, чтобы выехать за пределы страны! Уму непостижимо! И все они должны быть в четырех, а иногда и в пяти экземплярах! Иногда даже приходится приносить с собой справку о московской прописке, хотя жить в Москве и не быть в ней прописанным просто невозможно. На оформление своего выезда я представил восемнадцать фотографий! Интересно, что они собирались с ними делать? Мариновать, что

ли? Собирать документы для поездки — это сизифов труд! Мы с женой занимались этим два дня, но всех необходимых бумаг так и не собрали.

В инструкции для отъезжающих за границу говорится, например, что в поезде проводник не должен размещать вас в одном купе с пассажиром противоположного пола. Той же инструкцией запрещается пить спиртное, много говорить вообще и говорить лишнее в частности. Обо всех инцидентах, произошедших с вами, вы обязаны немедленно сообщать послу, или консулу, или соответствующему сотруднику посольства. Нельзя носить с собой секретные письма или материалы, делать записи, а если вы их все же сделали, то держите всегда при себе и не оставляйте их в номере гостиницы. И т. д. и т. п.

Помню, как в начале 1961 года мы направили делегацию в Федеративную Республику Германию. В ее составе оказался один инженер, который должен был выполнить задание ГРУ. Во время поездки он постоянно что-то записывал в свой блокнот, а потом совал его в карман плаща. Однажды, выходя из машины, инженер оставил плащ на сиденье, а когда за ним вернулся, то блокнота в кармане не обнаружил. Он так расстроился, что не пошел с остальными членами делегации за покупками, а поднялся к себе в номер и повесился. Для этого он воспользовался шнуром от электрического утюга, привязав его к висевшей под потолком люстре. Чтобы не тратиться на глажение одежды, члены делегации привезли с собой небольшой утюг. Инженер повесился на шнуре от того самого утюга.

Его тело было переправлено в Ленинград самолетом. Позже на том предприятии, где он работал, объявили, что их сотрудник сошел с ума и что у него, оказывается, постоянно болела голова. Вот как в подобных случаях поступают у нас в стране.

Я уже упоминал об ученом Клочко, оставшемся в Канаде. Наш Комитет по координации научно-исследовательских работ из-за его побега нисколько не пострадал, хотя чувствовали мы себя довольно скверно, поскольку именно мы и получали для него паспорт. (Поскольку наш комитет является координирующим учреждением, все запросы на иностранные паспорта направляются к нам.) Если, предположим, Академия наук хочет иметь в составе отъезжающей делегации своих представителей, то она оформляет на них все предварительные документы, а мы, получив от нее запрос, обращаемся за выездными паспортами в консульский отдел Министерства иностранных дел. После того как Клочко не вернулся из заграничной командировки, в Академии наук разразился жуткий скандал, несколько ее сотрудников были уволены. Позже стало известно, что Клочко, оказывается, уже собирались выгнать из партии — он с кем-то разошелся в оценках по какому-то вопросу, и его обвинили в клевете. Позже этот случай с ученым замяли, посчитав его вину недостаточно подтвержденной.

Меня с делом Клочко ознакомил Рогов, когда Серов находился в Польше. Он вызвал меня к себе в кабинет и попросил принести все бумаги, имеющиеся на Клочко в комитете. Как я уже говорил, Хрущев и Центральный Комитет КПСС распорядились ликвидировать невозвращенца. Академия наук, в свою очередь, представила все документы на ученого в КГБ. За информацией для Рогова я пришел в отдел кадров нашего комитета, где сказал, что руководству ГРУ требуются все имеющиеся у них документы Клочко. А они должны были у них храниться, поскольку именно комитет заполнял заявку на загранпаспорт Клочко.

Шум в связи с бегством ученого поднялся страшный, так как Клочко являлся автором семидесяти на-

учных работ, членом партии с 1930 года и лауреатом Сталинской премии. Ему было пятьдесят девять лет, и он держал в памяти около трехсот специальных химических формул. По возвращении делегации я и Андрианов беседовали с коллегами Клочко, и они подробно рассказали нам, как ученый покинул гостиницу. Позже мы узнали, что Клочко на пресс-конференции заявил, что в Советский Союз не вернется. На той конференции присутствовали советник нашего посольства в Канаде и член делегации (сотрудник КГБ). Для нашего комитета побег Клочко — факт весьма неприятный, но все шишки из-за побега ученого посыпались на голову Академии наук. Там Клочко проработал лет семнадцать или восемнадцать и был заведующим лабораторией. Сотрудника Центрального Комитета, завизировавшего разрешение на выезд Клочко, уволили. Еще трое получили выговоры по партийной линии — за проявленную близорукость, то есть за то, что разрешили выезд за рубеж «человеку, у которого на родине не оставалось семьи» (читай «заложников»).

Естественно, и советник посольства, и сотрудник КГБ пытались уговорить Клочко вернуться, но он остался непреклонен. Первый день невозвращенец скрывался в подвале полицейского участка. Еще до пресс-конференции беглец заявил представителям нашего посольства, что не будет разговаривать с ними до тех пор, пока те не принесут из гостиницы чемодан с его вещами. Когда чемодан Клочко был доставлен, советник нашего посольства сказал: «Товарищ Клочко, пока мы рассматриваем ваш поступок как некое недоразумение, но через два часа он перейдет в разряд преступления против государства». На что Клочко ответил: «Мне надоела ваша пропаганда, если вы и дальше будете меня уговаривать, я просто не стану с вами разговаривать». Еще он ска-

зал, что всю жизнь его третировали и дурачили; что бежать из Советского Союза он задумал давно и лишь ждал подходящего случая; что, только покинув Страну Советов, он сможет сделать что-то хорошее и полезное; что его побег — это единственно стоящее из всего того, что он сумел сделать в этой жизни. И добавил: «На Западе я продолжу научную работу и постараюсь воплотить свои идеи в жизнь. А вы можете убираться ко всем чертям!»

Приказ ликвидировать его все еще остается в силе. Поэтому ему следует быть очень осторожным и помнить, что КГБ приложит все силы, чтобы его убить. Случаи аналогичные этому уже были — одного из невозвращенцев ликвидировали в Иране, второго — в Турции. Вот такой наш Хрущев миролюбец! Кто поверит, что он отменил террор? Я не поверю. И никто в СССР этому не поверит.

ДОПОЛНЕНИЯ

Федор Федорович Соломатин окончил Академию имени Фрунзе, а в 1950 году — Военно-дипломатическую академию. Он — сотрудник КГБ, работал в Соединенных Штатах. А до этого Соломатин работал в отделе Великобритании. Его жена, Катя, закупила за границей несколько шуб из натурального меха, а затем, вернувшись домой, продала их в Москве. Она тоже работала в КГБ, но за спекуляцию из Комитета была уволена. Теперь, используя связи, пытается устроиться в Главное разведывательное управление. И ей это, несомненно, удастся — среди нас много таких, кто не прочь подзаработать на импортных тряпках.

Анатолий Михайлович Тудин — начальник представительства «Интурист» во Франции. Сотрудник КГБ.

Детеркин — бывший сотрудник КГБ. Окончил то ли школу КГБ, то ли институт, который находится рядом со станцией метро «Белорусская». Теперь Детеркин работает у нас, то есть в ГРУ.

По решению Центрального Комитета КПСС, от тридцати до сорока процентов выпускников Военно-дипломатической академии берет себе КГБ.

Предисловие к главе VIII

Принято считать, что шпион живет в «мире теней», или что-то в этом роде. Но это далеко не так. В мире тайн? Возможно. Работает шпион, или, если угодно, разведчик — не важно, как его назвать, не в тени, и его деятельность далека от неопределенности. Его жизнь полна случайностей и внешних атрибутов. Он должен строго соблюдать массу условностей. Так, например, на встречу ему опаздывать всего на одну минуту бесполезно или крайне опасно. Если ему требуется забрать атташе-кейс черного цвета, а тот, кто пришел на встречу, держит в руках коричневый, то он должен его проигнорировать. Если была договоренность, что ваш телефон прозвонит трижды, а он прозвонил два или более трех раз, то это повод для беспокойства. Успех тайной операции зависит от мельчайших и порой малозначащих нюансов.

Даже с таким опытным разведчиком, каким был Пеньковский, его коллеги из западных разведслужб сочли необходимым провести подробнейший инструктаж. На первых встречах с сотрудниками иностранных разведок Пеньковский скрупулезно изучал каждую мелочь. Той осенью в Париже он внимательно слушал своих собеседников и запоминал все, что они говорили ему о способе передачи им секретных материалов. Пеньковский, как никто дру-

гой, хорошо знал о слежке, которая ведется на улицах Москвы. Знал, что может произойти, если он, встречаясь с курьером, допустит хотя бы малейшую оплошность — встреча с иностранкой сразу же вызвала бы подозрение у контрразведки. Согласно полученным инструкциям, Пеньковский передавал свои материалы на Запад тремя разными способами: 1) личный контакт со связником, осуществляемый мгновенно, когда два по виду незнакомых человека оказываются где-то в многолюдном месте рядом. Этот способ требует предельной четкости действий обоих участников операции; 2) при посещении квартиры или офиса знакомых иностранцев; 3) через тайники, в которые он закладывал материалы, изымавшиеся потом курьером. Каждая такая операция готовилась очень тщательно.

21 октября, спустя всего две недели после возвращения из Парижа, Пеньковский встретился с одним из своих связников. В 9 часов вечера со свертком в руках он шел по Садовнической набережной, что рядом с гостиницей «Балчуг», и курил сигарету. К нему подошел мужчина в пальто нараспашку и тоже с сигаретой. «Мистер Алекс, — обратился к Пеньковскому прохожий на английском языке, — двое ваших знакомых просили передать вам огромный привет». Сверток с секретными документами и информацией о состоянии советских вооруженных сил теперь был уже в руках иностранца.

Алекс, как называли Пеньковского сотрудники западных спецслужб, планомерно продолжал в рабочее время собирать и передавать на Запад секретную информацию. Теперь он чаще, чем когда-либо, встречался со своими армейскими друзьями. Он частенько захаживал в рестораны и кафе, то появлялся в «Баку» на улице Горького, то в «Пекине» на Большой Садовой, а то в ресторане, расположенном на территории Пар-

ка культуры и отдыха имени Горького, но не чаще, чем того требовала его основная работа. По роду его деятельности, а он являлся сотрудником Комитета по координации научно-исследовательских работ, ему необходимо было посещать такие заведения. Пеньковский держался уверенно. В середине ноября они с женой уехали в отпуск. Сначала супружеская пара побывала на Кавказе, в тихом городке Кисловодске, известном своими целительными водами, где большинство министерств имеют свои санатории и дома отдыха. Затем отправились на юг, в курортный город Сочи, расположенный на берегу Черного моря, где завершили роскошный по советским стандартам отпуск. В Москву Пеньковские вернулись 18 декабря.

В декабре—январе Олег Пеньковский возобновил контакты с западной разведкой — на этот раз, как говорилось на суде, с миссис Чизолм, с той самой дамой, которой он уже передал однажды конфетную коробку на Цветном бульваре. После отпуска он сразу же начал собирать секретные материалы. 5 января, после того как Пеньковский передал англичанке еще несколько отснятых им фотопленок, он понял, что за ним установлено наблюдение — небольшая машина, нарушая все правила дорожного движения, въехала на аллею бульвара, круто развернулась, съехала на мостовую и помчалась в направлении Арбатской площади. Пеньковский успел заметить в машине двух мужчин.

12 января, в день следующей встречи, ничего экстраординарного не произошло. Однако спустя еще неделю та же самая машина, коричневого цвета седан с номером СХА 61-45, появилась вновь. За рулем ее сидел мужчина в зимнем черном пальто. После этого Пеньковский отправил письмо по условленному лондонскому адресу, в котором сообщал о нежелательности дальнейших встреч с миссис Чизолм.

С этого момента Пеньковский перешел на два других способа связи. Он либо передавал материалы на квартирах иностранцев, приглашавших его к себе по роду службы, либо закладывал их в тайники. В течение следующих шести месяцев его иностранные друзья изобретали все новые и новые оригинальные контейнеры для передачи отснятых фотопленок, включая жестяную банку с дезинфектантом «Harpic» со съемным донышком. (Банка будет в ванной квартиры британского атташе, у которого Пеньковский время от времени бывал на приемах.) Однако этот вариант так и не был апробирован. Пеньковский мог передавать свои материалы во время приемов, на которые он приглашался, не вызывая каких-либо подозрений. Приглашали же его как на официальные приемы, так и на неофициальные, устраиваемые англичанами или американцами, такие, например, как просмотр кинофильма Шелаи Делани «Вкус меда».

Тайники конечно же из всех способов связи являются самыми безопасными, но и у них есть свои минусы. Агент, закладывающий пакет в тайник, должен позаботиться о том, чтобы его не выследили. Те же условия распространяются и на того, кто будет изымать пакет. Короче говоря, агент, пользующийся тайником, постоянно рискует жизнью.

Весной 1962 года Пеньковский обходил тайники. Тайник номер один находился в подъезде дома 5/6 по Пушкинской улице. Справа внутри, у самого входа, на стене специальными крюками крепилась отопительная батарея, выкрашенная в темно-зеленый цвет. Между радиатором и стеной был зазор шириной около трех дюймов. Предназначенный для передачи текст помещался в контейнер — спичечный коробок, обернутый голубой бумагой, коробок обматывался тонкой проволокой и подвешивался на крюке между радиатором отопительной батареи и стеной.

Когда Пеньковскому требовалось что-то передать через этот тайник, он ставил на столбе номер 35 на Кутузовском проспекте условную черную метку, оставлял спичечный коробок на Пушкинской улице, 5/6, затем поочередно набирал два телефонных номера, сначала Г3-26-87, потом Г3-26-94, и, выждав определенное количество гудков, вешал трубку. Если на другом конце провода успевали ответить на звонок, Пеньковский, не произнеся ни слова, вешал трубку. Теперь те, чей телефонный номер он набирал, знали, что тайник загружен.

В целях безопасности большинство тайников, в которых Пеньковский оставлял свои записи и отснятые фотопленки, использовались всего один раз. Места для них выбирались с таким расчетом, чтобы передающему и получающему было удобно ими пользоваться. Основным условием выбора тайника являлось следующее: иностранец, оказавшийся рядом с этим местом, не должен был навлечь на себя подозрений. Среди таких мест были могила знаменитого русского поэта Сергея Есенина, похороненного на Ваганьковском кладбище, и подъезд дома на Голевском бульваре, рядом с которым стояла телефонная будка. На суде Пеньковский так описал местонахождение своего третьего тайника: «...Я выбрал для него подъезд дома, не помню какого, в Брюсовском переулке вблизи действующей церкви. Этот подъезд — первый слева от угла. В нем целая система отопительных батарей, очень удобное место для крепления магнитных контейнеров...»

Позже, на суде, представитель прокуратуры зачитал бумаги, которые были обнаружены в тайнике письменного стола Пеньковского, якобы переданные советскому полковнику сотрудниками западной разведки. Трудно утверждать, что эти инструкции подлинные, но по ним можно судить, с какой ре-

гулярностью передавал Пеньковский свою информацию.

«...Б. Тайники. Для вас они должны стать основным способом передачи информации. Для большей эффективности этого способа нам нужно получить от вас подробное описание местонахождения тайников. Вы и в дальнейшем будете подбирать для них соответствующие места. При их выборе исходите из того, чтобы они были доступны для иностранцев. Мы считаем, что лучше всего, если вы заранее будете извещать о дне и часе закладки тайника с тем, чтобы мы могли сразу же, не ожидая от вас сигнала, забрать оставленные вами материалы. Предлагаем действовать в соответствии с нижеследующим:

1. Пользоваться тайниками не чаще одного раза в месяц.

2. Каждый отдельный тайник использовать только единожды (мы, проверив тайник, будем считать его использованным, даже если вы в нем ничего не оставили).

3. Вы заранее извещаете нас о дате и времени закладки тайника, который будет сохраняться в течение последующих трех месяцев... О том, что ваша информация нами получена, мы извещаем вас по радио...»

Обо всех изменениях в его карьере или о внезапных командировках Пеньковский должен был извещать западные разведслужбы почтовой открыткой. (Открытки с уже заготовленным текстом были ему переданы заранее.) К примеру, в одной из таких открыток, адресованной в Лондон некой мисс Р. Коок, значилось: «Прекрасно провожу время. Здесь столько всего интересного, что невозможно описать словами. До скорого». Внизу стояла подпись: «*Джон*». (Эта открытка фигурировала на судебном процессе Пеньковского в качестве вещественного доказательства.)

Такой текст означал, что в течение двух последующих недель Пеньковский выезжает за границу.

В обвинительной речи прокурора говорилось: «Последующие встречи Эн Чизолм и Пеньковского происходили на официальных дипломатических приемах, на которые он приглашался по роду своей работы».

«28 марта 1962 года на приеме, устроенном сотрудником британского посольства в Москве, Пеньковский передал Эн Чизолм письменный отчет и шесть роликов фотопленки с секретными материалами».

«31 марта 1962 года на приеме в британском посольстве в Москве по случаю дня рождения королевы Пеньковский получил от Эн Чизолм инструкции от западных разведслужб...»

Снабжая таким образом Запад секретными материалами, что в анналах разведок всего мира могло быть названо «величайшей утечкой секретнейшей информации», Пеньковский продолжал спокойно жить и работать, общаясь с самыми высокими чинами в Советской Армии. После его ареста руководство СССР не на шутку всполошилось — уж слишком высок оказался круг его знакомств. В течение года советская пресса всеми силами пыталась принизить значение ущерба, нанесенного им Советскому государству. В качестве подтверждения этих слов можно привести выдержку из статьи в газете «Известия» от 10 мая 1963 года, так охарактеризовавшей Пеньковского: «...Рядовой служащий, круг знакомств которого не выходил за рамки ресторанных завсегдатаев, пьянчуг и бабников...»

О том, каким был на самом деле советский полковник, сотрудничавший с западными разведслужбами, можно судить по его «Запискам», о содержании которых советский режим конечно же не знал.

Глава VIII

ВАЖНЫЕ ПЕРСОНЫ

В начале моих «Заметок» я обещал рассказать всему миру о важных персонах нашего государства, членах Центрального Комитета КПСС, маршалах, генералах и т. д., то есть о тех, кого наш народ называет сливками советского общества. Многие из них — мои хорошие друзья и знакомые. У большинства этих людей я пользуюсь уважением.

Поначалу я думал, что будет лучше о них умолчать, но после долгих раздумий все же решил рассказать все, что мне о них известно. Я сам являюсь частью их общества и о себе уже все поведал.

Свой рассказ я начну с того, кто наиболее близок ко мне, с Сергея Сергеёвича Варенцова. Я уже упоминал о нем и хочу снова, если позволит время, попытаться изложить о нем все, что мне известно, и ничего при этом не утаить.

Сергей Сергеевич родился 15 сентября 1901 года. Его ранг — Главный маршал артиллерии, а официальное звание — командующий ракетными войсками и артиллерией, и он подчиняется главнокомандующему сухопутными войсками, министру обороны СССР. Одновременно Варенцов является членом Высшего военного совета СССР, возглавляемого нашим «Верховным Главнокомандующим» Хрущевым, титул которого звучит ужасно смешно. Чуйков как-

то в разговоре заметил, что Хрущев с большей пользой пас бы свиней, а не руководил Верховным Советом.

Службу в армии Варенцов начал в 1919-м или 1920 году. Родом он из крестьянской семьи. Настоящий русский мужик. Он даже средней школы не закончил, но зато учился на нескольких артиллерийских курсах. До войны он был младшим командиром, а во время ее, проявив себя с самой лучшей стороны, быстро продвинулся по службе и дослужился до звания командующего артиллерией фронта.

В партию Варенцов вступил довольно поздно — думаю, перед началом Великой Отечественной войны, в году этак сороковом или же сорок первом. По окончании войны он стал командующим артиллерией военного округа, а затем был переведен в Москву. Из-за своего высокого поста командующего ракетными войсками и артиллерией Варенцов был избран кандидатом в члены Центрального Комитета КПСС.

Против назначения его на должность Главного маршала артиллерии выступал Малиновский и другие члены Генерального штаба. Хрущев самолично сделал замечание Малиновскому за то, что тот не включил Варенцова в список кандидатов на эту высокую должность. Варенцов и сам мечтал о повышении, но отлично понимал, что помехой в его продвижении может оказаться низкий уровень его образования. Многие в отсутствие Варенцова называли его «мужиком». У него много недругов, однако следует заметить, что маршал Конев всегда его поддерживал.

Однажды у Варенцова с Малиновским произошла очень серьезная стычка. Напряженно работавшего и вникавшего буквально во все Варенцова очень беспокоило положение в ракетных войсках.

Основательно все изучив, он сразу написал Хрущеву личное письмо, в котором сетовал на плохое руководство заводами, срывающими сроки поставок ракет, на недостаточность финансирования, изложив попутно и другие проблемы. Лично встретиться с Хрущевым возможности у него не было, поэтому он и решил ему написать. Но случилось так, что Хрущева в этот момент в Москве не оказалось, и письмо Варенцова передали Суслову. Прочитав его, Суслов вызвал к себе Малиновского и сказал ему: «Варенцов, ваш командующий ракетными войсками, прислал нам письмо, в котором жалуется на серьезные недостатки в снабжении ракетных войск. И похоже, он прав. Изучите этот вопрос и примите необходимые меры». Позже Хрущеву доложили о письме Варенцова, однако оно уже легло на стол нашего министра обороны. После этого у Малиновского с Варенцовым состоялся очень серьезный разговор. «Что ты делаешь? — грозно спросил Малиновский. — Ты за моей спиной пишешь жалобы в Центральный Комитет. Почему бы тебе со своими проблемами и предложениями не прийти прямо ко мне?» Чуйков, главнокомандующий сухопутными войсками, узнав о письме Варенцова, также остался недоволен.

Со своими подчиненными, офицерами и генералами, Варенцов очень строг и всегда учит их на своем личном примере. Короче говоря, он очень скрупулезен во всем, что касается положения во вверенных ему войсках.

Только благодаря самоотверженному труду и упорству Варенцов получил ранг Главного маршала артиллерии. Много простых людей обращается за помощью к Варенцову как к депутату Верховного Совета. В свою очередь, он пишет письма в различные инстанции, государственные учреждения и про-

сит помочь этим людям. Когда его письма остаются без ответа или его просьбы не выполняются, Варенцов очень переживает.

В настоящее время его можно смело назвать одним из лучших специалистов в области артиллерии. Воронов же, который долгое время был Главным маршалом артиллерии, и притом единственным в СССР, более образован, нежели Варенцов, сейчас уже стар и очень болен. Так что его военную карьеру можно считать завершенной.

Помимо московской квартиры, у Варенцова есть подмосковная дача, которая находится недалеко от города Бабушкин. В том же самом районе размещается крупная военная база Главного управления артиллерии. Солдаты с базы часто приходят на дачу Варенцова, чтобы окопать деревья, почистить участок.

Его старая мать и две сестры живут под Дмитровом, неподалеку от Москвы на пути в Дубну, где расположен Центр атомных исследований. Я часто езжу к ним вместе с Варенцовым, чтобы отвезти продукты или просто проведать. У женщин прекрасный небольшой сад, в котором приятно отдохнуть. Родственники Варенцова нуждаются в материальной помощи, и он дает им каждый месяц 500 рублей (старыми).

Дочь Варенцова Наташа, которая родилась в 1946 году, живет с родителями в Москве. Брат Варенцова, Николай Сергеевич Варенцов, полковник инженерных войск, замечательный человек. Во время войны мы вместе с ним и Сергеем Сергеевичем сражались в частях 1-го Украинского фронта. Впоследствии Николай женился на ППЖ своего брата (ППЖ — сокращенно «походно-полевая жена»). Однажды на фронт приехала законная жена Сергея Сергеевича и, обнаружив в блиндаже мужа предме-

ты дамского туалета, устроила ему скандал. Тут на выручку брату пришел Николай и сказал, что это он перед ее приездом был в блиндаже брата со своей фронтовой подругой и что это ее вещи. Вскоре после этого Николай женился на ППЖ своего родного брата, хотя та к тому времени уже была беременна от Сергея Сергеевича. Теперь у них три дочери, одна из которых не Николая, а Сергея Сергеевича. На этой почве у них никогда не возникало скандалов — все разрешилось мирно, по-семейному.

Дочь Варенцова Елена замужем за капитаном артиллерии Леонидом Гончаровым. Живут они в Ленинграде. Муж Елены учится в Ленинградской артиллерийской академии. До учебы он служил в Западной группе войск, расквартированной в Восточной Германии. Затем Сергей Сергеевич помог ему перевестись в Ленинград и поступить в военную академию. В Москву они наведываются довольно часто и останавливаются на даче Варенцова. Сергей Сергеевич материально им помогает — дает 1000 рублей (старыми) ежемесячно. У них двое детей: Саша и Сережа. Елена очень капризная и избалованная женщина. А избаловал ее отец. У Варенцовых две прислуги и садовник. Кроме того, к ним в дом приходят несколько солдат, которые, как они говорят, помогают по хозяйству. У Варенцова машина с личным шофером, армейским сержантом. Всему персоналу, приставленному к семье Варенцовых, за исключением садовника, платит государство. Работу садовника Сергей Сергеевич оплачивает из собственного кармана.

Варенцов заметно стареет. Выпивать стал умеренно. Перед моей командировкой в Лондон он попросил меня привезти ему какое-нибудь средство для повышения потенции. По крайней мере, желание у него еще не пропало, и это уже хорошо.

Подготовка к празднованию его шестидесятилетнего юбилея в 1961 году заняла много времени. Его семья, родственники и друзья ждали этого дня и готовились к нему. Каждый заранее позаботился о подарке для юбиляра. Хотя Варенцов родился 15 сентября, день его рождения отмечали в субботу, то есть 16-го.

Утром 15 сентября я встретил Сергея Сергеевича на Ленинградском вокзале в Москве. Он ездил в Ленинград на собрание, на котором его избрали делегатом на XXII съезд партии. Таким образом, я оказался первым, кто поздравил его с днем рождения и преподнес подарок: бритву, блок сигарет и зажигалку в виде ракеты, с выгравированным на ней его именем. Все это я купил, находясь в командировке в Лондоне. Затем я вручил Варенцову пакет с бутылкой дорогого французского коньяка, на этикетке которой значился год 1901-й. То есть год его рождения! Получалось, что Варенцов и коньяк ровесники! (На самом же деле мне удалось купить коньяк, изготовленный пятьдесят лет назад, а наклейку я прилепил с другой бутылки.) Варенцов был очень тронут моим поздравлением, и мы тут же на вокзале и расцеловались. Затем к нам подошли двое его помощников и тоже поздравили его. Варенцов крепко пожал руки своим подчиненным.

По возвращении из Ленинграда Варенцов прямо с вокзала поехал на службу. Там его уже ждали собравшиеся в кабинете сотрудники. Тут же была произнесена поздравительная речь и оглашен указ Президиума Верховного Совета о награждении Варенцова орденом Ленина. Варенцов был настолько растроган, что чуть не прослезился.

Праздновали юбилей Варенцова на его загородной даче. Гостей собралось много, включая и маршала Малиновского. Всю мою семью, в том числе и мать,

пригласили на торжество задолго до торжественной даты. Екатерина Карповна, супруга Варенцова, попросила меня быть распорядителем на торжестве (тамадой).

На его день рождения были приглашены также актеры, певцы и музыканты.

Вечером 16 сентября на дачу к Варенцовым стали съезжаться гости: маршал Малиновский с супругой, Чураев, правая рука Хрущева в Бюро Центрального Комитета по РСФСР, генерал-лейтенант Рябчиков, генерал-майор Семенов и многие другие. Все военные были в гражданских костюмах, за исключением Малиновского, который приехал в маршальской форме. Кое-кто из приглашенных приехать не смог — были заняты по службе, а некоторые находились в командировках. Среди гостей на праздновании шестидесятилетия Варенцова самыми важными персонами были Малиновский и Чураев. Они оба приехали на «Чайках».

Малиновский подарил Варенцову огромную, трехлитровую бутылку шампанского, а Чураев — большого, вырезанного из дерева орла. Среди подарков Сергею Сергеевичу была даже черная собака. Однако самыми лучшими и оригинальными оказались подарки от меня и членов моей семьи. Все, что мы подарили Варенцову, я привез из Лондона. Юбиляр не скрывал своего восхищения и несколько раз громко повторил: «Ну, дорогой, на сей раз ты превзошел самого себя!»

Пока накрывали на стол, гости общались между собой в саду. Те, кто не был знаком с Малиновским, по очереди представлялись министру обороны — военные называли свои звания, а гражданские — место работы. Я же представился Малиновскому как «полковник Пеньковский», а Варенцов при этом уточнил: «Человек Серова». Тот покивал и спросил,

не родственник ли я генерал-лейтенанта Пеньковского, с которым он служил на Дальнем Востоке. На что я ответил: «Да, родственник, но очень-очень дальний».

Вскоре Екатерина Карповна пригласила гостей к столу. Когда все расселись по местам, я, воспользовавшись обязанностями тамады, открыл подаренную мною бутылку французского коньяка и сказал, что это коньяк шестидесятилетней выдержки и что куплен он мною специально, чтобы отметить «шестидесятилетие нашего дорогого Сергея Сергеевича». Услышав, что коньяку шестьдесят лет, гости наперебой стали спрашивать, как мне его удалось достать. Мой ответ вызвал у всех одну и ту же реакцию: «Тогда все понятно». А один из присутствующих пошутил: «Надеюсь, что нас никто не обвинит в преклонении перед Западом? Ведь мы же будем пить французский коньяк, купленный в Лондоне».

Как только я разлил коньяк (всем налил по полрюмки и только Малиновскому, Варенцову и Чураеву — по полной), взоры всех сидевших за столом устремились к Малиновскому, который уже встал, чтобы произнести тост. Министр обороны сказал в адрес юбиляра несколько приветственных слов, все по очереди чокнулись рюмками с Сергеем Сергеевичем, а те, кто сидел рядом с ним, поцеловали его. После того как возбужденные голоса гостей стихли, Малиновский принялся нахваливать коньяк. Он назвал его «непревзойденным напитком с богатейшим букетом». Второй тост был произнесен самим Варенцовым, который поблагодарил гостей за то, что они пришли его поздравить.

После хозяина дома встал я. В своей поздравительной речи я основной упор сделал на ордене Ленина, которым наградили виновника торжества (у меня сложилось впечатление, что о награждении

Сергея Сергеевича все забыли, поскольку до сих пор еще никто об ордене не обмолвился). Мое упоминание о высокой государственной награде вызвало гром аплодисментов.

Французского коньяка хватило на три неполных рюмки для каждого. Малиновский пил маленькими глотками — было видно, что, смакуя букет, он получал от коньяка истинное наслаждение. Когда бутылка опустела, Малиновский попросил открыть шампанское, которое он подарил. Разлив шампанское, я торжественно произнес: «А теперь нам предстоит отведать шампанского нашего дорогого гостя, маршала Советского Союза товарища Малиновского». Все дружно зааплодировали и в один прием осушили свои бокалы. Во время застолья Варенцов взял в руки пустую бутылку из-под французского коньяка и сказал мне: «Олег, я сохраню ее на память. Как-никак на ее этикетке значится 1901 год, год моего рождения».

После короткого тоста, произнесенного Чураевым в честь юбиляра, гости стали пить по очереди за жену Варенцова, за супругу Малиновского, за всех присутствующих. Екатерина Карповна то и дело поднималась из-за стола и вместе с одной из горничных обносила гостей холодными закусками.

Имя и отчество нашего министра обороны маршала Малиновского — Родион Яковлевич, а моей матери отчество — Яковлевна.

В самом разгаре вечера моя мать подошла к Малиновскому и неожиданно, как гром среди ясного неба, обратилась к нему с такими словами: «Товарищ министр, извините меня, старую женщину. Скажите, пожалуйста, дорогой Родион Яковлевич, война будет? Этот вопрос нас всех очень волнует!» На это наш министр обороны ответил так: «Трудно сказать, Таисия Яковлевна. Мне не хотелось бы обсуждать эту

тему, хотя я и сам постоянно думаю: будет война или нет? Сказать по правде, международная обстановка сейчас очень сложная. Наши враги отказываются подписывать с нами соглашения. Они, правда, проглотили одну горькую пилюлю[1] — в тот момент мы очень правильно поступили. А что касается перспективы на будущее, то наша армия готова к любым неожиданностям. Свой порох мы держим сухим». Не только моя мать, но и все гости с большим вниманием слушали ответ Малиновского. Я так боялся, что мать скажет что-то лишнее, но мои опасения оказались напрасными.

Вскоре после этого Малиновский уехал, сказав, что завтра в десять утра вылетает во Львов. Там ему предстояло присутствовать на партийной конференции, которая должна была избрать его делегатом на XXII съезд партии. Кроме того, сказал он, ему предстояло еще проверить, как идет подготовка к предстоящим крупномасштабным маневрам.

После отъезда министра обороны началась настоящая пьянка. Гости принялись пить все подряд: армянский коньяк, «Старку» (особая, выдержанная водка, которая несколько крепче обычной) и простую водку. Чураев пил главным образом «Старку» и водку. Вскоре он так опьянел, что начал нести всякую чепуху, так что даже Варенцов несколько раз приходил в смущение.

Пока Малиновский находился за столом, я несколько раз выходил за территорию дачи, чтобы проверить, все ли в порядке, и был очень удивлен, увидев стоявших вдоль забора переодетых охранников. До этого я и не знал, что у нашего министра обороны имеется собственная служба безопасности.

---

[1] Министр обороны имел в виду строительство Берлинской стены и закрытие границы между Восточной и Западной Германией.

В течение вечера несколько раз ко мне подходил Чураев. Он просил из следующей командировки за рубеж привезти для его супруги «Шанель № 5», «Арпеж» и другие французские духи. Прочие гости Варенцова обращались ко мне с просьбой купить для них бритвы, транзисторные батарейки, а некоторые генералы просили привезти им атташе-кейсы. Я записал все их просьбы и пообещал их исполнить.

Затем Чураев начал хвалиться своими великолепными розами (их у него, по его словам, двадцать тысяч кустов), другими цветами, а также имеющимися на его даче всевозможными постройками. Я слушал его, а сам думал: «Какая низость! Нашел же чем бахвалиться — двадцатью тысячами кустов роз. И это в то время, когда простые советские люди голодают!» Мне было особенно неприятно слушать, как Чураев хвастался своим благосостоянием и тем, как красиво он живет, потому что этот высокопоставленный чиновник только что рассказывал о беспорядках в северокавказских городах, таких, как Минеральные Воды и Грозный. Жизнь там стала настолько невыносимой, что их жители вышли на улицы, и в столкновениях с разъяренной толпой погибли несколько милиционеров. Аналогичный инцидент имел место в городе Александрове под Москвой, где местное население напало на милиционеров и сотрудников МВД. Рассказал Чураев и о Муроме, где милиция открыла огонь по толпе, в результате чего несколько человек было убито, многие получили ранения.

Варенцов попытался было остановить Чураева, но тот даже не стал его слушать и продолжил рассказ о массовых беспорядках, имевших место в городе Иванове. Там около четырехсот человек напали на милицию. По словам Чураева, это был настоящий голодный бунт. Жители Иванова требовали, чтобы их город снабжался продуктами так же, как Москва. Они воз-

мущенно говорили: «Почему у них там, в Москве, почти все есть, а у нас нет ничего? В Москве и Ленинграде хоть как-то можно наполнить желудок, а в наших магазинах хоть шаром покати. Мы с нашими семьями голодаем». Милиция начала отгонять толпу от здания, где размещался областной комитет партии и исполнительный комитет области. Тогда люди оказали сопротивление стражам порядка, и те открыли стрельбу. Милиционеры стреляли в землю, под ноги надвигавшихся на них разъяренных людей, чтобы они отступили. Завязалась драка, в результате которой многие из жителей были арестованы.

Секретарь областного комитета партии вышел на балкон и попытался успокоить собравшихся. Но те освистали его. Милиционеры опять открыли огонь, но толпа не унималась. Тогда городские власти вызвали для поддержки милиции военных. Солдаты стрелять не стали, а оттеснили толпу от здания обкома КПСС. Ситуация с продовольствием в стране остается крайне напряженной. Народ ропщет. Бандитизм, кражи и убийства на улицах стали обыденными явлениями. Более того, участились случаи нападения на милицию, и нападающие отнюдь не хулиганы или бандиты — это рядовые граждане, которые вымещают свою злобу и отчаяние на том, кто, по их разумению, олицетворяет власть.

В конце концов, когда Чураев начал рассказывать о словесных перепалках в Центральном Комитете, о том, как много пьют его члены и сотрудники, о склоках между ними и какие там у них бабники, Сергей Сергеевич взял его под руку и вывел на свежий воздух.

После рассказов Чураева настроение у гостей основательно подпортилось — их охватило уныние. Чтобы хоть как-то их взбодрить, я предложил очередной тост и налил всем водки. После этого все

как-то притихли — началось выступление профессиональных актеров.

И кто же такой этот Чураев, этот «авторитетный» представитель Центрального Комитета КПСС? У него двадцать тысяч кустов роз, лимузин «Чайка», две прислуги, персональный шофер, шикарная московская квартира, огромная дача в Подмосковье... Да он обычный аферист, пьяница и пустобрех. Вот он кто! Но Чураев тем не менее заседает в Центральном Комитете, и к нему просто так не подойдешь — над ним только сам Хрущев! И не будет ничего удивительного, если он со временем станет одним из секретарей Центрального Комитета партии, одним из наших лидеров, чьи портреты во время демонстрации понесут по Красной площади.

Но для меня Чураев все равно подонок, алкаш и кровосос. Подумать только, у него двадцать тысяч кустов роз. Вот негодяй! А в это время в Воронеже люди маются в очередях за кониной! Что ж, посмотрим, как долго будут жировать такие, как этот Чураев. Хоть Сергей Сергеевич и мой хороший друг, но мне не совсем приятно было видеть, что у него праздничный стол, накрытый по случаю юбилея, буквально ломился от всяких яств. Среди них были лососина, заливная рыба, шпроты, сыры, колбаса десяти видов, пирожные, другие кондитерские изделия и многое другое. На стол было выставлено более пятидесяти бутылок водки, шампанского и коньяка. А тем временем люди в нашей стране голодают, и я не могу к этому привыкнуть. Сам же я живу неплохо — мой заработок почти в десять раз выше зарплаты простого рабочего. А что я один могу сделать? Я даже не знаю, чем помочь нашему народу. Я тоже мог бы подниматься все выше и выше по бюрократической лестнице, но мне этого не хочется. Не хочется потому, что это против моих

личных убеждений. Я не хочу становиться частью нашей элиты.

Возможно, что такое мое отношение к этой жизни уже заметили — мне все равно. Я даже буду рад, если это так. В любом случае каждому из нас надо остановиться и задуматься. Сегодня люди вымещают ненависть на милиции, а завтра, как знать, может, перенесут ее на тех, кто прилично одет, хорошо питается, то есть таких, как Чураев, а может быть, и я — ведь на мне тоже гражданская одежда. Не думаю, что люди свой гнев направят против армии — в ней служат их дети, те же крестьяне и рабочие, как и они сами. А вот против богато разодетых, сытых наших толстопузых лидеров государства — это точно. В один прекрасный день такое может начаться, что многим придется туго, в особенности членам партии.

Малиновский является членом Центрального Комитета КПСС и депутатом Верховного Совета. Во время войны он командовал одним из фронтов, но выдающимся полководцем себя не показал. Среди наших маршалов — он самая бесцветная личность и к тому же весьма скудного ума. Ничего нового и оригинального наш министр обороны в военную науку так и не привнес. Короче говоря, он живет по такому принципу: «Вы меня не трогайте, и я вас тоже не трону». Наверное, именно поэтому Хрущев и сделал его министром обороны.

Малиновский — подхалим. У него нет той твердости, которая отличает Жукова. Хрущев при Малиновском-министре обороны чувствует себя уютно и в полной безопасности — тот никогда не пойдет против своего хозяина. Однако в армии при Малиновском дела обстоят не так хорошо, как это было при Жукове. Генеральный штаб своего министра не уважает. Малиновский по натуре человек неразговорчивый. На заседаниях Высшего военного совета он

сидит молча, ждет, что скажет Хрущев, а потом как заезженная пластинка повторяет: «Да, я согласен. Да, это будет сделано». Такой человек никогда не осмелится высказать свое собственное мнение и тем более возразить Хрущеву. Во всем он с ним согласен.

У Малиновского очень мало друзей. Самый близкий его друг — генерал-лейтенант Фомин. Раньше они вместе служили, кажется на Дальнем Востоке или в Китае. Уже ходят слухи, что Малиновского снимут, хотя частые смены на посту министра обороны крайне нежелательны. Тем не менее разговоры об его отставке не смолкают. Кто придет ему на смену, сказать трудно. Большинство известных маршалов уже состарилось. Возможно, что нашим новым военным министром станет Бирюзов или Гречко. Судя по всему, есть шансы и у Чуйкова.

(ПРИМЕЧАНИЕ ФРЭНКА ГИБНИ: далее Пеньковский дает краткие биографические справки на представителей высшего командного состава Советской Армии.)

Генерал Антонов при Сталине был начальником Генерального штаба, а также командующим Закавказским военным округом. Сейчас он — начальник 10-го управления Генерального штаба, которое отвечает за связи с армиями стран социалистического лагеря.

Маршал Москаленко — главнокомандующий всеми ракетными войсками. Одно время был командующим Московским военным округом. Он такой же бездарный, как и Малиновский, но в окружении Хрущева есть его люди. Страдает язвой желудка и даже на работе порой сидит с грелкой. Когда ему присвоили звание маршала, Варенцов негодующе за-

метил: «Представляешь, этого тупого быка они сделали маршалом».

Ходят слухи, что, если маршал Гречко станет министром обороны, то Москаленко — его заместителем и Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора.

Штаб Москаленко расположен неподалеку от железнодорожной станции Голицыно под Москвой, на территории небольшого городка, в котором прежде находилась Школа усовершенствования военно-политической подготовки. Здание штаба — там же, рядом с деревней Перхушково. Оно стоит в густом лесу, вдоль которого пролегает Можайское шоссе. Это замечательная зона отдыха с огромным чистым озером. Однако доступ в нее ограничен, а купаться и ловить рыбу запрещено. Вся территория зоны отдыха огорожена.

Неподалеку находится летний коттедж и зимняя дача маршала Буденного, а также загородный дом, ранее принадлежавший Фадееву, писателю, покончившему с собой. Здесь же живут и другие писатели, включая старушку Мариэтту Шагинян. Хотя писатели и не довольны таким соседством, но ничего поделать не могут — деваться им некуда.

Не так важно быть командующим каким-либо родом войск, как попасть в заместители министра. Тогда и персональная машина у вас будет получше, и продуктовый паек побогаче, и домашней обслуги побольше, и загородная дача попросторнее, а также больший почет и уважение. Именно к такой категории военачальников и относится Москаленко[1], являющийся одновременно главнокомандующим ракетными войсками и заместителем министра обороны.

---

[1] Москаленко находится сейчас, так сказать, на теплом месте — в Инспекционном управлении Министерства обороны.

Маршал Советского Союза Иван Баграмян — заместитель министра обороны, начальник Главного управления по тылу, канцелярский работник. Считается довольно образованным и интеллигентным человеком, но он уже стар — ему около шестидесяти пяти. К тому же Герой Советского Союза и член Центрального Комитета КПСС. Когда он стал коммунистом, точно не знаю, но от других слышал, что довольно поздно. За это его критиковали и спрашивали, почему он так долго не вступал в партию. Скорее всего, маршал Баграмян стал членом КПСС в 1941-м или 1942 году. У него два кабинета — один в здании Министерства обороны, другой — в доме номер 2 на Красной площади.

Генерал-лейтенант Белобородов долгое время был командующим Воронежским военным округом, а сейчас — начальник Главного управления кадров Министерства обороны. Это управление — одно из самых больших в нашем Министерстве обороны.

Иван Владимирович Купин — мой хороший приятель, с которым я познакомился через Варенцова. Он — его протеже и дальний родственник (дочь Варенцова Елена замужем за племянником Купина). Купин — командующий артиллерией и ракетными войсками Московского военного округа. До этого он служил в Германской Демократической Республике командующим артиллерией 1-й танковой армии. У него было много проблем на амурной почве. Находясь в Германии, он сожительствовал со своей шифровальщицей по фамилии Зайцева. После его отъезда из ГДР она, будучи от него беременной, повесилась. При расследовании дела о самоубийстве шифровальщицы в ее вещах обнаружили фотографию ее начальника. Купин признался, что он жил с Зайцевой и обещал на ней жениться, но от своей законной супруги все скрывал. Когда он вернулся

в Москву, генерал Крылов, командующий Московским военным округом, отказался с ним встречаться, и поскольку новое назначение Купина было уже одобрено Центральным Комитетом КПСС, то скандальное дело его замяли. Варенцов убедил Крылова не обижаться на Купина, занявшего его место.

Вот такие дела творятся у нас в стране. Как только Центральный Комитет принимает решение по какому-нибудь вопросу, то обратного хода уже нет. Именно так и было с Купиным, имевшим к тому же связи в верхах. Если же нечто подобное случается с обычным военнослужащим, у которого связей наверху нет, то его немедленно наказывают — либо понижают в звании, либо вообще выгоняют из армии.

Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков — герой Сталинградской битвы, главнокомандующий сухопутными войсками, недавно назначен начальником Гражданской обороны СССР.

По словам Варенцова, Чуйков — грубый, неприятный человек. Однажды во время военных учений Варенцов, можно сказать, одернул его. Тот стал торопить Варенцова с определением координат цели, а Сергей Сергеевич ему чуть ли не нараспев ответил: «Товарищ маршал Советского Союза, координаты не блины, которые быстро пекутся».

Генерал Крылов — бывший начальник штаба Чуйкова в Сталинграде, а в настоящее время командующий войсками Московского военного округа. Ему предлагали пост командующего сухопутными войсками, но он отказался. Уверен, что Крылов пойдет далеко и со временем будет назначен на более высокую должность[1]. Я хорошо его знаю по рассказам наших

---

[1] Крылов сейчас маршал, заместитель министра обороны и главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения.

общих друзей. Сын Крылова, подполковник, служит в 1-й танковой армии, расквартированной в Восточной Германии.

Маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков, начальник Главного политического управления Советской Армии, один из протеже Хрущева. Он поддержал Хрущева, когда снимали Жукова. Голиков — член Центрального Комитета и депутат Верховного Совета СССР.

Вице-адмирал Платонов — командующий подводным флотом Военно-Морских Сил СССР.

Генерал-майор Архангельский — бывший заместитель начальника Военно-политической академии имени Ленина. В сентябре прошлого года его вызвал к себе начальник академии генерал-лейтенант Желтов и сказал ему: «Принято решение отправить тебя в отставку». Услышав эту неприятную новость, Архангельский оторопел и воскликнул: «Но это же для меня настоящая трагедия! Что я теперь скажу Нине, детям?.. Что ее муж, их отец, генерал, будучи еще в полном здравии, уволен из-за того, что не справляется со своей работой? Я что, ленюсь или тупой? Или я совершил преступление?»

Архангельский долгое время служил командиром дивизии. Жена его врач, у них трое детей. После увольнения он пытался, используя все свои связи, восстановиться в должности, но безрезультатно. Генерал-лейтенант Белобородов, начальник Управления кадров Министерства обороны, сказал ему: «Ничем не могу помочь. В отставку должны быть отправлены не десятки, сотни генералов. Старики уходят, на их место приходит молодежь. Сам знаешь, новая метла метет по-новому. Решения о твоем смещении я не принимал — оно пришло сверху». После этого разговора с Архангельским случился сердечный приступ. Его положили в госпиталь, где он вскоре и скончался.

Я участвовал в похоронах Архангельского и стоял в почетном карауле у его гроба. Семье не дали разрешения на захоронение его на Новодевичьем кладбище. После долгих хлопот удалось получить место на Немецком кладбище. Там бригадного генерала и похоронили. После его смерти стало известно, что Архангельский направил Малиновскому письмо, в котором, словно ребенок, жаловался на проявленную к нему несправедливость. Ответа от министра обороны он так и не получил.

Моего тестя, генерал-майора Гапановича, на Новодевичьем кладбище также не похоронили — не было выдано разрешение. Очевидно, он не достиг того положения, при котором можно было бы удостоиться такой «чести».

После увольнения из армии многие генералы так и не смогли найти себе место на гражданке. Они пристрастились к спиртному и постепенно стали алкоголиками, как, например, генерал-лейтенант Бирюков. Во время Второй мировой войны Бирюков слыл удачливым военачальником, его уважал сам Сталин. После смерти Сталина он повздорил с Желтовым, бывшим в ту пору начальником Главного политического управления Советской Армии, и тот сделал все от него зависящее, чтобы Бирюкова сократили. Бирюков дружил с Крупчинским. Они вместе пили, играли в шахматы и вместе волочились за женщинами. Бирюков женат на еврейке. Сейчас его часто можно видеть либо сильно пьяным, либо в компании женщин.

Генерал-лейтенант Георгий Спиридонович Карифилли — начальник штаба Варенцова. На свое шестидесятилетие ордена Ленина не получил — был награжден только золотыми часами. Произошло это, видимо, из-за его напряженных отношений с генера-

лом Жадовым, начальником штаба главнокомандующего сухопутными войсками.

Крупчинский — начальник Военного медицинского училища, друг генерала Смоликова. Они вместе выпивают и участвуют в одних и тех же оргиях с курсантками медицинского училища. Кроме того, Крупчинский поставляет будущих медсестер другим генштабовским генералам.

Мамсуров — заместитель Серова. На встрече Нового года он чуть было не умер от сердечного приступа — слишком много танцевал.

Подполковник Микоян — сын Микояна, первого заместителя Хрущева. Одно время командовал небольшой воздушной базой в Кубинке.

Генерал-лейтенант Переверткин — бывший заместитель Председателя КГБ. Погиб во время военных учений. У него были служебные кабинеты как в Генеральном штабе, так и в здании КГБ.

Маршал Советского Союза Климентий Ефремович Ворошилов — известная всем личность. Одно время был Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Он оказался первым маршалом Советского Союза. Сейчас ввиду своего преклонного возраста находится на пенсии. Он — участник антипартийной группировки, выступившей против Хрущева.

Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный — пенсионер, но тем не менее имеет рабочий кабинет и несколько подчиненных из числа военнослужащих. Полагаю, что он пишет мемуары. Здание, в котором расположен его кабинет, находится в Антипьевском переулке, хотя сам Буденный живет на подмосковной даче. Ежемесячно получает полный маршальский оклад размером в 1200 рублей (новыми).

Маршал Советского Союза Мерецков — начальник некой специальной группы при министре обо-

роны, состоящей из старших военных советников. В эту группу входят несколько маршалов и генералов.

Маршал Советского Союза Рокоссовский — один из умнейших маршалов после Жукова. В настоящее время он по состоянию здоровья находится на пенсии, но тем не менее входит в группу советников министра обороны.

Маршалы Конев, Василевский, Соколовский и Тимошенко — все они «по состоянию здоровья» отправлены на пенсию. На самом же деле они абсолютно здоровы. Их заставили уйти на заслуженный отдых по «собственному желанию» или попросту отправили в отставку. Почему? Да потому, что ни один из них не был согласен с новой военной доктриной Хрущева, ориентированной на упреждающий ракетный удар. Они имеют рабочие кабинеты в здании министерства и значатся советниками или консультантами при министре обороны. К ним можно причислить генерала Тюленева, который в свое время командовал Московским военным округом.

Если Рокоссовского, Конева и Соколовского можно видеть в министерстве довольно часто, то других советников — только от случая к случаю.

Генерал-лейтенант Жданов — начальник Главного управления артиллерии. Жаждет получить звание маршала, на это ему пока не удается. Ранее его место занимал маршал артиллерии Яковлев, которого Сталин упрятал в тюрьму за плохую организацию противовоздушной обороны. Жданов серьезно болен — недавно он перенес инфаркт. Он и Варенцов друг друга не любят. Когда у Жданова начались проблемы с сердцем, Варенцов сказал: «Теперь ему ничего не остается, как уйти на пенсию».

Капитан первого ранга Васильев — один из самых старых моих знакомых. Отказался присутствовать на

военном параде на Красной площади, сказав: «Это еще один парад, демонстрирующий военную мощь, а я выступаю за мир».

Маршал артиллерии Яковлев — заместитель Бирюкова, возглавляющего противовоздушную оборону страны. Когда Сталин посадил Яковлева в тюрьму, его жена сошла с ума, а сына тотчас выгнали из армии.

Генерал-лейтенант артиллерии Волкотрубенко — бывший заместитель Яковлева, а в настоящее время — начальник артиллерийского училища в городе Воронеже. Волкотрубенко был арестован вместе с Яковлевым и тоже сидел в тюрьме.

Главный маршал артиллерии Неделин — бывший главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения страны и заместитель министра обороны по новым видам оружия. Один из умнейших маршалов артиллерии. Погиб в октябре 1960 года при испытании ракеты дальнего радиуса действия, хотя в официальном сообщении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров говорилось, что Неделин погиб в авиакатастрофе. Это конечно же было наглой ложью.

Маршал Советского Союза Гречко — Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора и первый заместитель министра обороны. По слухам, он состоит в дальнем родстве с Хрущевым и станет нашим следующим министром обороны. Он самый молодой из маршалов. Бирюков считает его человеком ограниченным.

Бригадный генерал Андрей Романович Позовный — начальник Политического управления войск противовоздушной обороны. Был в заместителях у Варенцова, когда воевал в составе войск 1-го Украинского фронта. Они с ним закадычные друзья.

Позовный женат, имеет двоих детей. Когда его сын поступал в Артиллерийскую академию, я дос-

тавал для него экзаменационные билеты. В нашей стране стало обыденным делом, когда абитуриенты поступают в учебные заведения, средние или высшие, с помощью своих влиятельных друзей или за деньги.

Генерал Позовный говорит, что последнее время очень нервничает, а врачи находят у него истощение нервной системы. Из-за границы я привозил для него лекарство против импотенции.

Позовный также отказался присутствовать на военном параде, проводимом на Красной площади в Москве. Он назвал его чистой провокацией и обозвал Хрущева разными неприличными словами.

У меня нет намерения развенчать маршалов и генералов, упомянутых мною выше. Многие из них — прекрасные солдаты и патриоты своей родины. Я не хотел вникать в тонкости их биографии или описывать подвиги и героические дела, ими совершенные. Я привел имена только тех из них, кого знаю лично, и сказал о них только то, что мне доподлинно известно. Я умышленно не касаюсь вопросов морального разложения и массового пьянства в среде высшего руководства армии, поскольку тогда мне пришлось бы поведать слишком много грязных историй. Тем не менее могу сказать наверняка: все наши генералы имеют любовниц, а некоторые из них — по две или даже больше. Семейные драки и разводы стали обыденным явлением, и никто не пытается этого даже скрывать. Каждый месяц на партийных собраниях в ГРУ мы разбираем три-четыре дела в связи с так называемым аморальным поведением наших сотрудников и нарушением дисциплины. Партийный комитет и ГлавПУР рассматривают дела, касающиеся генералов и полковников, а проступками маршалов зани-

мается Центральный Комитет КПСС. Естественно, что Центральный Комитет подобные дела обсуждает за закрытыми дверями, чтобы никто из офицеров не знал о прегрешениях своих начальников. Кроме того, наказания, выносимые маршалам, не столь строги, как для остальных военнослужащих. В большинстве случаев их просто устно порицают. Объясняется это предельно просто, примерно так, как в подобной ситуации говаривал Сталин: «Заслуги маршала ценнее его члена».

Что касается вопросов морали, то в этом смысле сотрудники Центрального Комитета и сами далеко не безгрешны. Пьянство и интимные связи с женщинами, в частности с секретаршами, в этой среде не редкость. То же самое творится во всех министерствах и управлениях, а отношения между Хрущевым и Фурцевой наглядный тому пример. Моральное разложение коснулось всех уровней партийного и государственного руководства.

Аджубей, зять Хрущева, настолько увлекся одной актрисой, что дело чуть было не дошло до развода. Сам Хрущев предупредил зятя, чтобы тот в своих амурных делах вел себя аккуратнее. Аджубей является главным редактором газеты «Известия» и каждый день публикует статьи о моральном кодексе коммунистов. Лучше бы посмотрел на себя! Журналисты его ненавидят. Даже Сатюков, редактор газеты «Правда», и тот стал по статусу ниже редактора «Известий». За очерки о поездке Хрущева в Соединенные Штаты Аджубей получил Ленинскую премию. Однако этот «журналистский труд» зятя Хрущева писался в Центральном Комитете партии. Участие Аджубея состояло единственно в том, что он поставил под ним свою подпись.

Быть зятем Хрущева полезно. Есть такая старая русская поговорка: «Не имей сто рублей, а имей

сто друзей». Теперь существует и ее современный вариант: «Не имей сто рублей, а женись как Аджубей».

Наш военно-морской атташе сожительствовал с машинисткой, работавшей в посольстве, чей муж в то время также находился в Турции. Когда я работал в этой стране, к моей жене «подъезжал» один из моих коллег — офицеров ГРУ.

Работающий в нашем комитете Евгений Ильич Левин, сотрудник КГБ и заместитель Гвишиани, — пьяница и распутник. Частое посещение дешевых «забегаловок», о которых он с упоением рассказывает, вряд ли согласуется с тем, что говорит нам партия о «социалистической морали». Придя на работу после веселых ночных попоек и амурных приключений, Левин до полудня спит. Почти каждое утро Гвишиани ходит по кабинетам и спрашивает: «Где мой заместитель?», а один из нас отвечает: «Пока не приходил. Вероятно, он в другом месте?» Имеется в виду, что зам Гвишиани в КГБ. Гвишиани боится Левина. Он прекрасно знает, что тот не в КГБ, а отсыпается у себя в кабинете.

Родственникам высокопоставленных людей хорошо живется в нашем социалистическом обществе. Почти все маршальские сыновья закончили Военно-дипломатическую академию. Все они мечтают работать за границей, но правительство их не пускает. Существует специальное постановление Центрального Комитета КПСС, согласно которому сыновьям маршалов запрещено выезжать за пределы страны. Многие из них пытаются вырваться за рубеж, но безуспешно.

Сын маршала Соколовского получил двадцать пять лет тюрьмы. Он принадлежал к так называемой золотой молодежи — большой группе сыновей маршалов и министров, которые на своих подмосковных дачах устраивали пьяные оргии. На одной из таких вечеринок только что приехавшая из Ленинграда девушка была подвергнута групповому изнасилованию. После этого ее затащили в машину, отвезли за железнодорожную станцию Белорусского направления и там выбросили. А она оказалась племянницей министра. Поскольку сидевший за рулем парень был пьян, машина виляла на шоссе. Заметив это, постовой перегородил ей дорогу. Один из находившихся в машине выхватил пистолет и выстрелил холостым патроном. Машина тем не менее была остановлена. Происходило это еще при жизни Сталина. Узнав о случившемся, он сказал: «Я очень уважаю Соколовского, но суд все равно состоится». Суд над насильниками состоялся, и сына маршала Соколовского отправили в тюрьму на двадцать пять лет. Однако за решеткой он пробыл всего лишь три года. У него к тому времени «обнаружили» язву желудка или что-то там еще, и его освободили досрочно.

Гелий Иванович Конев, сын маршала Конева, большой женолюб и пьяница. Он из той же компании маршальских деток и деток других высокопоставленных лиц государства. Гелий обожает мотоциклы и шумные развлечения.

Я учился с ним в Военно-дипломатической академии. Как-то, мчась на мотоцикле, он сбил пешехода, который позже скончался. Его отец все заботы о судьбе сына взял на себя, и в результате Гелий тюрьмы избежал. Закончил он академию в 1953 году и теперь работает в Управлении информации Главного разведывательного управления, в американском отделе. Хорошо владеет английским языком.

Теперешняя жена маршала Конева матерью Гелию не доводится. Когда закончилась война, маршал Конев оставил свою первую жену с двумя детьми, сыном Гелием и дочерью Ириной, и женился на заведующей столовой для командного состава 1-го Украинского фронта, которым он тогда командовал.

Полковник Павлов — хороший мой приятель, женился на дочери Ворошилова. Сейчас он заместитель резидента ГРУ в Лондоне.

Сын Рогова (заместителя Серова) также работает в ГРУ. В Военно-дипломатическую академию его не приняли, так как он во время войны работал с британскими и американскими летчиками.

Горкин, Председатель Верховного суда, отлично позаботился о двух своих зятьях. Один из них, полковник Константинов, сотрудник ГРУ, женатый на старшей дочери Горкина Ирине, — наш военно-воздушный атташе в Великобритании. Серов хотел уволить его, но так и не смог — вмешался Горкин. Константинов — большой любитель выпить и обожает женщин, особенно толстых.

Второй зять Горкина — капитан-лейтенант Иванов, сотрудник ГРУ[1]. Мы с ним вместе учились в Военно-дипломатической академии. В настоящее время он является помощником военно-морского атташе в Великобритании. Его жена — одна из дочерей Горкина. Любит посещать лондонские ночные клубы.

Как явствует из вышесказанного, сыновья и родственники наших советских лидеров и высокопоставленных чиновников неплохо устроены. Я же рассказал только о тех, кто работает в Главном разведывательном управлении. Однако то же самое можно сказать и

---

[1] Тот самый Иванов, который в Англии был замешан в скандале с Профьюмо.

о тех, кто работает в Центральном Комитете, Совете Министров, КГБ и различных министерствах. Сыновья, дочери, зятья и другие родственники наших партийных лидеров и высокопоставленных правительственных чиновников учатся в самых престижных вузах, а по окончании их получают хорошую работу, хотя некоторые из них абсолютно для нее не пригодны. Для них открыты все дороги. Их быстро продвигают по службе. И делается это по блату, через друзей и семейные связи. Со страниц газет постоянно звучат призывы покончить с семейственностью и протекционизмом на службе. И что же? Да, «сдвиги» в этой области есть — наказывают какого-нибудь директора завода за то, что взял на работу свою племянницу, и сразу же сообщение об этом появляется в прессе. А вот того, что творится на самом верху, никто словно не замечает. Именно там совершаются тяжкие преступления. Кому, как не нашему руководству, следовало бы служить примером остальным гражданам страны.

Предисловие к главе IX

4 июля[1] 1962 года в американском посольстве предстоял прием, на который был приглашен Пеньковский. Там он, вероятнее всего, встретился с представителем разведслужбы США, которому позднее передал детальный план производства новых советских ракет. Двумя днями раньше в Москву прибыл Гревилл Винн. Пеньковский приехал в аэропорт на машине, позаимствованной у кого-то из знакомых, и отвез его в гостиницу «Украина». Он очень нервничал. Как позже сказал Винн: «Я никогда прежде не видел его таким возбужденным». Пеньковский объяснил англичанину причину своего состояния так: «За мной установлена слежка».

Винн передал Пеньковскому кое-какие материалы и письмо с Запада, которое заметно улучшило его настроение. Судя по всему, западные разведслужбы сделали для него советский паспорт на чужое имя, которым он мог бы воспользоваться, если слежка за ним дойдет до опасной черты. Теперь Пеньковский всерьез обдумывал возможность побега. Во время одной из его поездок в Европу обсуждался такой, например, вариант: он отправляется в Прибалтику, а

---

[1] День независимости Соединенных Штатов Америки. (*Примеч. перев.*)

оттуда на подводной лодке его переправляют на Запад. Он думал об этом, понимая, как это будет трудно осуществить, и о том, можно ли будет тем или иным способом вывезти и его семью.

Тем временем он с неистовым упорством продолжал собирать информацию. Сознавая, какая над ним нависла опасность, Пеньковский тем не менее сознавал важность своей миссии. Подготовка Советского Союза к войне, к которой мир оказался так близок во время карибского кризиса, уже началась. Будь Пеньковский не столь целеустремленным, он бы сразу же прекратил свою активность. Продолжая передавать секретные материалы на Запад, он ни на минуту не забывал о сгущавшихся над ним тучах. До этого момента мысль о реальной опасности, которой он подвергал своих близких, не приходила ему в голову. Теперь же он думал и об этом. Получив искусно изготовленный советский паспорт, которым он мог бы воспользоваться при побеге, Пеньковский искал пути вывоза своей семьи.

Он знал, что КГБ уже следует за ним по пятам. В январе Пеньковский писал: «Насколько я могу судить, «соседи» располагают информацией о том, что мой отец не умер, а живет за границей. Похоже, что она появилась у них в конце 1961 года. Предпринятые срочно поиски места захоронения моего отца ничего не дали — могилу его так и не обнаружили. Кроме того, никаких документов о смерти его не найдено. Мое начальство этой возне вокруг меня особого значения не придает — считает, что мой отец действительно скончался».

К началу весны интерес КГБ к Пеньковскому настолько возрос, что все его предстоящие командировки за рубеж повисли в воздухе. В течение нескольких предшествующих месяцев он считался кандидатом на поездку в Соединенные Штаты Аме-

рики. Там в апреле должна была открыться советская передвижная книжная ярмарка. Однако поездку Пеньковского «зарубили». В своих «Записках» он с некоторым беспокойством сообщает: «Если все будет в порядке, то 19 апреля улетаю в Штаты. Но пока дела мои обстоят неважно. Они все еще продолжают искать место захоронения моего отца. А поскольку оно так и не найдено, то считают, что он жив, и на основании этого считают, что посылать меня в заграничные командировки нецелесообразно. Мое руководство полагает, что опасения «соседей» беспочвенны, и всячески защищает меня перед ними. Думаю, что вопрос о моей поездке должен скоро решиться».

Письмо, которое привез с собой Винн, несколько успокоило Пеньковского. Однако он все больше и больше начинал беспокоиться по поводу встреч с самим Винном, который прекрасно знал, что, приехав в Москву, подвергал себя огромной опасности. Пеньковского волновал вопрос: «Достаточно ли осторожно ведет себя Винн, общаясь со мной?» Англичанин же в этой ситуации вел себя предельно осторожно. Опасения в отношении англичанина у Пеньковского, вероятнее всего, были вызваны его собственным нервным состоянием.

5 июля в ресторане «Пекин» состоялась их последняя встреча, которая наверняка проходила под пристальным вниманием советских контрразведчиков. Пытаясь осмыслить все, что с ним происходило в те дни, Пеньковский писал: «Несомненно, до его последнего приезда в Москву все шло нормально, и наше посольство выдало ему въездную визу. Первые дни его пребывания прошли спокойно, однако за день до отъезда Винна Левин сообщил мне, что его люди (из КГБ) интересуются, с какой целью приехал в Москву англичанин. Я ответил ему, что у того, помимо встреч

с Государственным комитетом по координации научно-исследовательских работ, еще есть дела в Торговой палате и Министерстве внешней торговли, с которыми он намерен обсудить вопросы, связанные с передвижной книжной выставкой. Левин сказал, что это известно КГБ, но тем не менее он проявляет к Винну повышенный интерес. Этот разговор состоялся во второй половине дня, после того как я передал Винну вторую порцию материалов и договорился с ним о прощальном ужине в 21.00. С ним я работаю вполне официально, и в КГБ об этом хорошо знают. В подобных случаях наблюдение вестись не должно. Однако возле гостиницы «Пекин» я заметил, что за Винном установлено наблюдение. Тогда я решил не останавливаться и пройти мимо него. Потом, подумав, что он перед отъездом должен что-то мне передать, решил войти в ресторан и у всех на виду с ним поужинать. Войдя в вестибюль, я заметил, что Винн обложен со всех сторон. Наружка либо специально не делала никаких попыток остаться незамеченной, либо попросту действовала непрофессионально. Увидев на дверях ресторана табличку «Свободных мест нет», я решил уйти, поскольку знал, что Винн последует за мной. Единственное, что мне хотелось, — это выяснить, принес ли он что-нибудь для меня или нет, а потом, предупредив его, что провожу его в аэропорт, расстаться с ним до следующего утра. Пройдя по улице метров 100—150, я вошел в большой проходной двор, в котором находился садик. Винн шел за мной, и, когда он появился во дворе, мы оба заметили двух следивших за ним кагэбэшников. Обменявшись парой фраз, мы с Винном разошлись.

Я был настолько возмущен наглостью наружки, что на следующий день, проводив Винна, доложил своему руководству, что сотрудники КГБ сорвали мне ужин с иностранным представителем, пользу-

ющимся у нас уважением, с которым у нас давно установились доверительные отношения и с которым я уже долгое время работаю и т. д. Я сказал также, что наш гость был не на шутку перепуган, когда понял, что за ним ведется слежка. Мое начальство согласилось, что это вопиющее безобразие, а Левин, представитель КГБ в комитете, также возмутился действиями своих коллег. Левин подтвердил, что комитет и я, как его представитель, имеем полное право беспрепятственно общаться с Винном и что они, то есть КГБ, никаких претензий к нему не имеют».

А вот как описывает Винн ту встречу в своих мемуарах: «Вышло так, что я добрался до здания гостиницы «Пекин» раньше, чем предполагал, и стал прохаживаться неподалеку от входа. Я обратил внимание на группу людей, стоявших чуть поодаль, которые особого внимания ко мне вроде бы не проявляли. Минут через десять я увидел шагавшего по улице Пеньковского. В руке у него был атташекейс. Перейдя улицу, я направился ему навстречу, но он вместо того, чтобы поприветствовать меня, пригнул голову, приложил к носу руку и, пройдя мимо, вошел в здание гостиницы.

Я последовал за ним и, оказавшись в вестибюле, увидел, что Пеньковский подошел к двери ресторана, заглянул в него и, развернувшись, направился к выходу. Проходя мимо меня, он что-то шепнул. Мне показалось: «Следуй за мной». Только тогда я понял: произошло что-то неладное.

Выйдя на улицу, Пеньковский прошел несколько сот ярдов, дошел до проулка между домами и свернул в него. Я последовал за ним, и, как только свернул во двор, Пеньковский, стоявший под деревьями, негромко крикнул: «Грев, быстро сюда!» Я поспешил к нему и, когда оказался рядом, он сказал: «Вы дол-

жны отсюда уходить. За вами следят. Возможно, увидимся завтра в аэропорту. А теперь быстро уходите».

Пеньковский повернулся и направился в глубину двора.

Выйдя на улицу, я увидел за углом двух мужчин. И естественно, позже, на Лубянке, мне были предъявлены фотографии. У этих двоих были фотокамеры».

На завтра у Винна уже было забронировано место на самолет, вылетавший в Лондон во второй половине дня. Он решил как можно раньше выписаться из гостиницы и задолго до отправления рейса выехать в аэропорт, чтобы не попасть в руки советской разведки. (Несмотря на расхожее мнение о всемогуществе КГБ и эффективности действий его сотрудников, в этой организации ничто не проходит без таких же консультаций, согласований и сбора подписей, как в обычном бюрократическом учреждении.) Итак, Винн приехал в аэропорт на следующий день в половине шестого утра.

Он не стал менять билет на другой, более ранний рейс, а расположился в зале международного аэропорта Шереметьево в надежде, что здесь его найдет Пеньковский, если, конечно, он сможет приехать. Он старался ничем не привлекать к себе внимания.

Через сорок пять минут вслед за двумя такси, подъехавшими к входу в здание аэропорта, появилась частная автомашина. Она развернулась и заехала на стоянку. Винн видел, как из нее выскочил Пеньковский и быстро зашагал к входу. Войдя в здание аэропорта, он сначала прошелся по залу, проверил, нет ли за Винном наблюдения, и только потом подошел к англичанину и сел рядом с ним. Он посоветовал ему как можно скорее покинуть Москву.

Прибегнув к помощи знакомых на таможне и в администрации аэропорта, Пеньковский поменял

Винну билет на ближайший самолет, вылетавший на Запад (рейс компании САС до Копенгагена), и сам провел его через таможенный контроль. Хоть Пеньковскому и удалось срочно отправить англичанина на Запад, таким своим поведением он навлекал на себя все новые и новые подозрения советской контрразведки. Со стороны Пеньковского это был акт самопожертвования, о котором Винн никогда не забудет.

Вместо того чтобы залечь на дно, Пеньковский удвоил свои усилия по сбору секретных материалов. Возможно, он знал, что игра уже окончена, но, считая информацию, содержащуюся в его донесениях, очень важной, продолжал ее собирать. В последующих сообщениях Пеньковский вновь и вновь демонстрирует свою озабоченность подготовкой Хрущева к ядерной войне.

Глава IX

АТОМНОЕ ОРУЖИЕ И РАКЕТНАЯ ТЕХНИКА

Ответственность за все ядерное вооружение и его хранение лежит на Главном управлении артиллерии (ГУА) Министерства обороны. Оно также отвечает за производство ракетных установок. В соответствии с решением Центрального Комитета КПСС и Высшего военного совета ГУА поставляет необходимое ядерное оружие в военные округа, группы войск, находящихся за рубежом, например в Восточной Германии, отдельным армиям и во все соединения, которые, в соответствии с планом Генерального штаба, должны быть оснащены ядерным оружием. Кроме того, Главное управление артиллерии ответственно за поставку ядерного оружия во все ракетные войска.

КГБ отвечает за безопасность всех заводов по производству ядерного оружия, научно-исследовательских институтов, лабораторий, работающих по данной тематике, а также складов, на которых хранятся ядерные бомбы и ракеты. Сотрудники КГБ сопровождают ядерное оборудование при его транспортировке. Для этих целей у Комитета имеются специальные средства, железнодорожные вагоны, грузовые самолеты и т. д.

В Советском Союзе также осуществляются научные разработки по использованию ядерной энергии в мирных и научных целях. Однако их объем ничтож-

но мал по сравнению с разработкой новых видов оружия. Что касается использования атомной энергии в мирных целях, то оно ограничивается несколькими атомными электростанциями да атомным ледоколом «Ленин».

Многие ядерные взрывы (испытания) в СССР были проведены в центральной части страны, в основном в Казахстане. Некоторые менее мощные взрывы прошли незаметно и не были зарегистрированы западными странами. О взрывах большой мощности сообщают ТАСС и советская пресса, которые о взрывах малой мощности даже не упоминают. Мы в Генеральном штабе иногда узнаем об испытаниях ядерного оружия и ждем, что скажет о них ТАСС. Если же Телеграфное агентство Советского Союза молчит, то и мы на эту тему ни с кем не разговариваем.

Испытания различных типов ядерного оружия производятся ежедневно. Ядерные взрывы в нашей стране гремят гораздо чаще, чем о них сообщают ТАСС и советская пресса. Все заявления о том, что Советский Союз выступает за запрещение испытаний ядерного оружия, — не что иное, как чистой воды ложь. Хрущев расстреляет любого, кто потребует полной остановки ядерных испытаний — к ней он еще не готов. Он подпишет договор о запрещении ядерных испытаний только после того, как убедится, что мы по оснащенности ядерным оружием обогнали американцев. Переговоры о заключении такого договора могут продлиться еще лет десять.

Взрыв первой нашей атомной бомбы был заснят на кинопленку. Снимался не только момент самого взрыва, но и подготовка к нему. На этом фильме стоит гриф секретности, и его никогда широкой публике не показывали. Мне удалось его посмотреть во время учебы в Военно-дипломатической академии. Его по-

казали курсантам — будущим сотрудникам разведки. В начале фильма шли кадры транспортировки бомбы на грузовике с толстыми шинами, которую конвоировали солдаты и офицеры. Затем были показаны аэродром, самолет, тип которого определить было трудно, и погрузка бомбы в самолет. В объективе кинокамеры то и дело мелькали идиллические картинки леса с поющими в нем птицами и т. п., а затем показали участок местности, обведенный на карте кругом, куда была нацелена атомная бомба. При испытании в радиусе двух километров, а то и больше, от эпицентра предстоящего взрыва размещались всевозможные машины, танки, постройки — обычные и из железобетона. Животные — коровы, лошади, овцы, собаки и другие — были либо привязаны к деревьям или постройкам, либо мирно паслись, пощипывая зеленую травку.

Бомбу сбросили с самолета с большой высоты с помощью радиосигнала, переданного с земли. Таким образом, пилот самолета в сбрасывании бомбы участия не принимал. Бомба упала неподалеку от выбранной для нее цели.

После этого взрыва были проведены исследования результатов его воздействия на растительный мир, животных, на строения разного рода, подвижные средства и т. д. Эти исследования длились несколько месяцев. В них принимали участие ученые, врачи, инженеры, специалисты всех профессий и использовались новейшие достижения науки и техники.

Как правило, ни Хрущев, ни министр обороны Малиновский на испытаниях атомного оружия не присутствуют, но кто-нибудь из представителей Центрального Комитета КПСС, правительства и Министерства обороны присутствует непременно.

Однако Хрущев дважды присутствовал при запуске ракет во время учебных стрельб, которые прохо-

дили в районе городка Капустин Яр[1] и еще где-то на юге страны. Наши ракеты часто при запуске даже не сходят с пускового ствола. Такое однажды случилось в присутствии самого Хрущева. Как всегда в подобных случаях, разразился жуткий скандал, было назначено расследование и все такое прочее.

Иностранные наблюдатели, в том числе и из стран социалистического лагеря, на испытания ядерных бомб и другого оружия не допускаются. На учебные запуски ракет представители стран народной демократии приглашаются, за исключением только Китая.

Для производства атомных бомб и ракет с ядерными боеголовками в стране ощущается нехватка сырья. Решением этой проблемы занимается такое учреждение, как Главное управление по атомной энергетике при Совете Министров СССР. Оно регулирует потребление сырьевых материалов. Почти вся руда, содержащая уран, поставляется нам из Чехословакии. Совсем недавно небогатые месторождения урановой руды обнаружены в Китае. Моназитовый песок и руды, найденные на территории СССР, не особенно богаты соединениями, необходимыми для производства атомной энергии.

Ввиду нехватки сырья, потребляемого нашей атомной промышленностью, неудивительно, что Советское правительство так заинтересовано в установлении своего влияния на Конго. Когда Лумумба находился у власти, Советский Союз через Египет и Судан направил в эту страну двадцать три самолета с военнослужащими, включая и генералов. Этот военный «десант» летел на «ИЛ-14» и «ИЛ-18», поскольку более тяжелые самолеты на суданских аэродромах приземлиться не могли, а другие африкан-

---

[1] Капустин Яр — городок в километрах ста двадцати к востоку от Волгограда (бывший Сталинград).

ские страны разрешения на посадку для дозаправки топливом не давали.

Майор Алексей Гурьев, мой хороший приятель из ГРУ, оказался одним из первых, кто вместе с советскими генералами летал в Конго. Главной целью их визита в эту африканскую страну было установление контроля над урановыми рудниками.

Генерал-майор Семенов, второй заместитель Варенцова, много времени провел в Центральной Азии, где проводятся ядерные испытания. Туда с ним постоянно летает один из заместителей Москаленко. Генерал-лейтенант Пирский, еще один заместитель Варенцова, не смог принять участие в праздновании шестидесятилетнего юбилея своего начальника, поскольку находился на испытаниях очередной атомной бомбы на Новой Земле. На этом острове находится большой полигон, а также ракетная база, оснащенная ракетами Р-12 и Р-14. Об этом сообщил Чураеву наш министр обороны на дне рождения у Варенцова.

Другие ядерные базы и хранилища оружия расположены в Норильске, на острове Земля Франца-Иосифа и неподалеку от Воркуты. Все это на севере нашей страны. На юге подобные военные объекты находятся в Красноводске, Кировабаде и на острове Артема. На эти базы иногда ездят Варенцов и Бузинов.

8 сентября 1961 года был произведен плановый экспериментальный взрыв атомной бомбы мощностью 16 мегатонн. В Советском Союзе это первый взрыв такой мощности. В испытаниях использовалась ракета Р-12. Она была запущена из Капустина Яра. При ее запуске присутствовал Варенцов.

Позже, при испытании бомбы 50 мегатонн, к всеобщему удивлению, мощность взрыва оказалась рав-

ной 80 мегатоннам. Такой силы взрыва никто не ожидал. Ученые предполагают, что уже после изготовления бомбы в ее заряде произошли непредвиденные химические реакции. Теперь считается, что у атомной бомбы с расчетной мощностью в 100 мегатонн взрыв может достичь мощности 150—160 мегатонн.

А теперь еще о залежах урановых руд. Уран добывается под Пятигорском на Северном Кавказе. Шахты находятся в горах и носят следующие названия: «Бык», на которой добывают руду с наибольшим содержанием урана, «Бештау», «Верблюд» и «Золотой Курган». В двенадцати километрах от Пятигорска расположен новый город Лермонтов, в котором живут шахтеры и те, кто занимается обогащением ураносодержащей руды. Горно-обогатительный завод находится под Нальчиком возле небольшого городка Кенже. Ураносодержащие руды найдены также под Элистой.

Почему Хрущев так неожиданно начал проводить новые ядерные испытания?[1] Все испытания ядерного оружия проводились, а некоторые и сейчас проводятся в двух вариантах. В первом взрывная мощность измеряется в ТНТ (тринитротолуоловом) эквиваленте и бомбы сбрасываются с самолетов или со специальных мачт, во втором — подрываются ядерные боеголовки, установленные на ракетах.

В последнее время почти все испытания проводятся по второму варианту. При этом в подавляющем большинстве случаев используются ракеты. Сначала запускают на дальность ракеты без ядерной начинки, а затем ракетами того же типа, но уже с ядерным зарядом, стреляют по тем же целям. Одной из таких

---

[1] Советский Союз возобновил ядерные испытания 1 сентября 1961 года и проводил их до тех пор, пока в 1963 году не был подписан договор с США о запрещении ядерных испытаний. Тем не менее в СССР производились подземные взрывы, которые не нарушали условий заключенного с американцами соглашения.

ракет, которая запущена в массовое производство, является Р-12 с радиусом действия равным 2500 километрам. Ракета типа Р-14 находится в стадии разработки, именно ее производство будет затем поставлено на поток. Дальность полета ракеты Р-14 с ядерной боеголовкой составляет 4500 километров, а с обычным зарядом — намного больше.

По словам Бузинова, стоимость такой ракеты очень высока. К примеру, ракета Р-11 с обычным зарядом стоит 800 тысяч рублей, а та же ракета, но с ядерной боеголовкой в пять—десять раз больше, в зависимости от ТНТ эквивалента ее заряда. Вот куда идут народные деньги. Поэтому наш рабочий и получает зарплату от шестидесяти до восьмидесяти рублей в месяц.

Почему Хрущев торопит испытания ядерного оружия? Почему он не хочет подписать соглашение, запрещающее ядерные испытания? Причина проста: наши ракеты еще не прошли все необходимые испытания, и их производство не поставлено на конвейер. По-прежнему немало наших ракет и спутников при запуске взрываются или, взлетев, бесследно исчезают. Однако Хрущев делает все возможное, чтобы усовершенствовать свое ракетно-ядерное оружие. Он стремится во что бы то ни стало перехватить инициативу и продемонстрировать Западу, что Советский Союз — лидер в области производства ракет, как по их качеству, так и по их количеству. Пока же Хрущеву и нашим ученым до этого очень далеко. Однако интенсивные работы по совершенствованию всех типов ракет в нашей стране идут полным ходом.

Хрущев постоянно хвастает качеством советских ракет, распространяет о них всякие небылицы. Порой ракете нового образца только еще предстоит пройти испытания, а он уже трубит на весь мир о небывалых успехах советской ракетной техники.

Цель Хрущева и Центрального Комитета КПСС — любым доступным им способом продемонстрировать миру превосходство СССР в ракетно-ядерном вооружении: запуском новых спутников, ядерными взрывами и т. д. Короче говоря, Хрущев часто хвалится тем, чего у нас нет. Варенцов, комментируя его выступления, часто говорит: «Мы же этого еще не создали. Мы еще только планируем это создать. Если даже мы и достигли в этой области каких-то успехов, то нам в этом направлении еще работать и работать. А Хрущев уже хвалится на весь мир, как будто все уже сделано». Варенцов постоянно сетует на нехватку квалифицированного персонала, на то, что обучение его оставляет желать лучшего, что производство наше находится на низком уровне, а производимой продукции не хватает.

Порой стремление Хрущева как можно скорее достичь желаемого результата приводит к трагическим последствиям. Одним из подтверждений тому может служить гибель Неделина, командующего нашими ракетными войсками.

Хрущев без конца требовал, чтобы наши специалисты создали ракетный двигатель, работающий на ядерной энергии. Лабораторные работы по созданию такого двигателя завершились к сорок третьей годовщине Октябрьской революции в 1960 году. Те, кто трудился над его созданием, хотели преподнести ракетный двигатель на ядерном топливе в подарок Хрущеву. На его испытаниях присутствовал маршал Неделин, многие специалисты по ракетной технике и представители самых различных министерств и ведомств. Когда закончился обратный отсчет времени для запуска, ракета с пускового ствола не сошла. Прошло пятнадцать, двадцать минут, но ракета с места даже не сдвинулась. Тогда Неделин вышел из укрытия, за ним последовали

остальные. И тут ракета внезапно взорвалась. Более трехсот человек тогда погибло, только некоторым каким-то чудом удалось уцелеть, хотя они при этом испытали сильнейший шок.

Кое-кто из оставшихся в живых вскоре все-таки скончались. После трагедии на испытательном полигоне в Москву доставили не останки маршала Неделина и остальных погибших, а урны с какой-то грязью. В газетах «Правда» и «Известия», опубликовавших очередное «правдивое» сообщение Советского правительства, из которого явствовало, что Неделин погиб «в авиационной катастрофе при исполнении служебных обязанностей» и что его кремировали, описывалась, и даже подробно, церемония его похорон. Остальных жертв взрыва тихо похоронили без каких-либо официальных сообщений и соболезнований. В некоторых городах, где жили или учились погибшие ученые, был объявлен траур. Мне известно, что такой траур был объявлен в городе Днепропетровске, где он длился довольно долго.

В Военной инженерной артиллерийской академии имени Дзержинского обучается 2500 курсантов. Ежегодно из ее стен выходят от 450 до 600 офицеров. Она единственная на всю страну, и ее выпускникам, для того чтобы стать высокопрофессиональными специалистами по современной ракетной технике, приходится еще в течение нескольких лет проходить специальное обучение. Хрущев лжет, что мы готовы к войне и что у нас всего в достатке. Это все пустые разговоры. Возможно, он и сам не знает реального положения в наших вооруженных силах. Он говорит, что Советский Союз способен послать свои ракеты в любую точку планеты, однако это тоже пустые слова. Пока мы на это еще не способны. И Хрущев об этом знает.

Конечно, наши ракеты могли бы достичь территории Соединенных Штатов Америки, Кубы и других стран, но поразить какие-то определенные цели мы пока не способны. Таких точных ракет у нас нет.

По словам Варенцова и других военных, многие наши межконтинентальные ракеты все еще остаются на бумаге, в стадии проектирования, или же проходят испытания. Боевых ракет у нас всего несколько десятков, так что говорить о «ракетном дожде», которым Хрущев стращает Запад[1], было бы преждевременно. Запуск первого в мире спутника потребовал совместных усилий всех советских ученых, технического персонала, всего технологического потенциала страны.

Советский Союз произвел несколько запусков космических кораблей с космонавтами на борту, но, поскольку о них ничего не сообщается, можно смело утверждать, что космонавты погибли.

Хрущев, хвастаясь достижениями советской науки, хочет произвести хорошее впечатление на народ и показать, насколько мы сильны. Да, конечно, у нас есть достижения в создании и совершенствовании тактических ракет и оперативных ракет ближнего действия, но говорить о наличии у нас надежных стратегических ракет пока преждевременно. У нас постоянно с ними что-нибудь случается. Беда в том, что у нас никудышная электроника. Об этом много говорят, но наша электронная промышленность решить эту проблему никак не может.

Известно много случаев, когда при пробных запусках ракеты, отклонившись от заданного курса на сотни километров, падали на жилые кварталы, железнодорожные пути и т. д.

---

[1] Здесь Пеньковский имеет в виду межконтинентальные баллистические ракеты, а не производимые в то время баллистические ракеты средней дальности.

Однако, располагая информацией о неудачах с ракетной техникой, западные государства не должны успокаиваться. Необходимо помнить, что через два-три года, а возможно и раньше, Хрущев непременно достигнет своей цели.

Сейчас мы располагаем некоторым количеством ракет с ядерными боеголовками, которые способны достичь Соединенных Штатов или Южной Америки. Все они штучного производства, а не массового. Ракеты эти далеки от совершенства, но уже приняты все возможные меры, чтобы их усовершенствовать и запустить в массовое производство. В стране установлен режим жесточайшей экономии; мобилизуются усилия ученых и техников.

В Советском Союзе специально для ученых, инженеров и техников построены целые городки. Многие ученые и инженеры награждены орденами и медалями, а кое-кто уже стали трижды, а то и четырежды Героями Социалистического Труда. Они получают ордена Ленина и другие награды. Работа таких людей не афишируется, а их фотографии в прессе не появляются. Иногда их можно увидеть на каких-нибудь важных собраниях или на партийных съездах, куда их приглашают в качестве почетных гостей. По их присутствию на знаковых для нашей страны мероприятиях можно заключить, что все они орденоносцы — одни награждены орденом Ленина, другие — Звездой Героя Социалистического Труда и т. д., причем втайне от народа.

Так, к примеру, Владимир Николаевич Челомей, конструктор — выдающийся специалист в области ракетной техники. У него в Москве два конструкторских бюро. В одном из них работает сын Хрущева. Челомей — человек штатский. Он изобрел крылатую ракету, которыми оснащены подводные лодки. Они находятся и на вооружении сухопутных войск.

Крылатые ракеты будут решать несколько боевых задач. Для крылатых ракет был создан специальный, сверхчувствительный высотомер, а также особый дальномер. Благодаря этому, запущенная на высоту 200—300 метров от поверхности земли, она способна лететь, огибая холмистые участки земли и горы. По утверждению советских конструкторов, на такой высоте (200—300 метров) и при высокой скорости полета ее крайне трудно, а может быть, и вовсе невозможно поразить. Испытания, проведенные с целью подтверждения летных характеристик крылатой ракеты, завершились полным успехом. На высоте 300 метров ее маневрирование над горной местностью осуществлялось автоматически, то есть траектория полета крылатой ракеты контролировалась и корректировалась приборами, установленными на ее борту.

Предположим, что такая ракета запущена на высоте 250 метров над землей. Через тридцать секунд она должна перелететь гору высотой 1000 метров. Через двадцать пять секунд после старта ее приборы фиксируют имеющуюся на ее пути преграду и дают команду на набор высоты. После этого ракета, оставаясь на высоте 250 метров относительно поверхности склона, начинает «обтекать» гору и, преодолев ее вершину на высоте 1250 метров от поверхности земли, идет на снижение.

Когда в начале 1960 года Хрущев объявил, что Советский Союз обладает совершенно новыми баллистическими ракетами, то он имел в виду не что иное, как свой приказ разработать новый тип ракетного топлива (ядерного). Да, в этой области мы достигли кое-каких успехов, но то, о чем заявил Хрущев, действительности совсем не соответствовало — у нас попрежнему серьезные проблемы в электронике, и многие пробные запуски советских ракет заканчива-

ются аварией. Здесь мои симпатии полностью на стороне американцев. Если у них случаются неполадки при испытаниях, о них сообщается в прессе, и все об этом знают. В нашей же стране все держится в большом секрете.

До полета в космос Гагарина у нас состоялось несколько запусков космических кораблей, которые закончились гибелью космонавтов. Либо ракета взрывалась на старте, либо она уходила, и след ее терялся.

Когда полет Гагарина состоялся, было официально заявлено, что на борту его космического корабля не было никаких фотокамер. Но этот не что иное, как очередная ложь. На борту корабля находилась целая система фотокамер с различной оптикой, способной снимать наземные объекты под разными углами. Во время полета астронавт включал и выключал фотоаппаратуру, а Хрущев пытается утверждать, что фотосъемок из космоса не велось. Подобное оборудование устанавливалось на всех советских космических кораблях и спутниках, а мы отрицаем этот факт, пытаясь ввести американцев в заблуждение. Хрущев полагает, что, если мы «не запускаем» в космос, как у нас говорят, «спутников-шпионов», то и США этого делать не будут.

В Генеральном штабе возник страшный переполох, когда стало известно, что американцы запустили спутник, который пролетит над территорией СССР, и обвинили Соединенные Штаты в шпионаже. Военные убеждены, что американцы намерены снимать наши секретные объекты, и это их сильно испугало. Немедленно последовал приказ улучшить маскировку всех основных военных объектов.

В настоящее время все советские ракеты двухступенчатого типа. Ранее у нас на вооружении было несколько трехступенчатых ракет, но затем все пришли к выводу, что двухступенчатые легче в управлении.

Генерал Григорьев, командир отряда ракетных установок стратегического назначения (они размещены на Крайнем Севере), при маршале Москаленко рассказал Позовному, что, поскольку его базу, на которой находятся ядерные боеголовки, залило водой, ее предстоит срочно перевести в другое место. У Малиновского в наличии две такие установки, а скорострельность каждой — одна ракета в сутки.

Под городом Житомиром расположен большой и хорошо оснащенный военный аэродром, на котором базируются тяжелые бомбардировщики, способные нести атомные и водородные бомбы. Учебные полеты этих бомбардировщиков с бомбами на борту совершаются регулярно. Лейтенант, племянник генерала Позовного, который служит на этой базе, в свой недавний приезд в Москву сообщил дяде, что часто летает на бомбардировщике с атомными бомбами на борту в сторону западных границ СССР.

Недавно я встречался с полковником Игорем Андреевичем Грызловым, заместителем начальника Управления снабжения ракетно-артиллерийских войск Советской Армии, который приехал в столицу на десять дней. Грызлов — хороший мой друг, и, когда я учился в Академии имени Дзержинского, он был заместителем начальника 4-го факультета.

Полковник Грызлов сообщил мне, что 34-я артиллерийская дивизия включена в состав советских вооруженных сил, расквартированных в Восточной Германии.

Помимо полигона в Капустином Яре построены еще два и уже запущены в эксплуатацию. Один из них расположен в Шкло Яре Львовской области, а другой — в районе города Николаева Одесской области. В Москве в апреле месяце в Генеральном

штабе проходили командно-штабные учения командного состава войск стран Варшавского Договора, а в мае — учебные стрельбы из ракетных установок. В них приняли участие представители тех стран социалистического лагеря, на территории которых размещены боевые ракеты.

Стрельба ракетами из Капустина Яра и Шкло Яра велась по объектам, находившимся на территории Польши, а из-под Николаева — по целям, расположенным в Румынии (в болотистой местности).

В конце 1961 года Центральный Комитет КПСС дал строгое указание оснастить страны социалистического лагеря ракетным оружием. В связи с этим маршал Варенцов заметил: «Нам приказано вооружить наших братьев-славян ракетным оружием. Что ж, вооружим, а потом они воткнут нам нож в спину».

Маршал Варенцов летал в Польшу, Венгрию и в другие страны народной демократии, включая Северную Корею и Китай. Это было приблизительно в начале 1961 года. С тех пор Варенцов продолжает получать подарки от китайцев — настоящий китайский чай, который он очень любит.

Первой страной, получившей ракеты от СССР, была Восточная Германия. Произошло это в 1960 году.

Сплошь и рядом строительство небольших заводов, жилых домов или зданий под учреждения замораживается, а средства, ассигнованные на это, передаются оборонной промышленности или используются для оказания помощи нашим союзникам.

С моей точки зрения сотрудника Генерального штаба, на вооружение всех стран социалистического лагеря нашими ракетами уйдет год-полтора. Чтобы остановить этот процесс, начатый по инициативе Хрущева, задумавшего нанести упреждающий ракетный удар, западным государствам необходимо еще теснее

сплотиться и начать наращивать свою военную мощь. Только тогда Хрущев поймет, что он имеет в лице Запада сильного противника.

Хочу снова повторить, что мне известно точное расположение некоторых баз, оснащенных ракетными установками, а ядерные боеголовки находятся на боевом хранении. Это Новая Земля, главная наша база, Норильск, остров Земля Франца-Иосифа, район Воркуты. Все эти базы расположены на севере СССР. Ракеты, нацеленные на Иран, Пакистан и Турцию, находятся близ Красноводска и Кировабада.

И вот что интересно отметить. В Советский Союз приезжал японец по имени Сато. Он хотел, чтобы мы свозили его на остров Артема, который находится в Каспийском море неподалеку от Баку, поскольку интересовался организацией подводной добычи нефти. Мы направили в Генеральный штаб запрос по этому поводу и вскоре получили ответ с грифом «секретно», в котором сообщалось, что допуск на остров Артема для иностранцев закрыт. Их отказ мотивировался очень просто: там расположена ракетная и противовоздушная база наших войск.

Запуск наших спутников производится с базы, расположенной под Оренбургом (бывший Чкалов). Именно с ее полигона и стартовал космический корабль с Гагариным на борту.

Военные базы, с которых ракеты нацелены на Англию, находятся севернее Ленинграда в Карелии.

Заводы, занимающиеся производством ракет, размещаются на Урале и в Горьком. На Украине выпускаются так называемые «пороховые конфеты». Ракеты принято называть расплывчато «современным оружием», маскируя таким образом их секретность.

Боеголовки для атомных снарядов изготавливаются в городе Клинцы.

Одна из очень важных военно-воздушных баз находится возле Житомира. Большая авиабаза дислоцируется под Львовом. По указанию Хрущева персонал базы усиленно обучается обращению с атомными бомбами. Ее самолеты могут летать над Румынией и Болгарией.

Я слышал, что в Советском Союзе в пропагандистских целях готовится запуск космического корабля с женщиной-космонавтом на борту. Высшее военное командование полагает, что полет женщины в космос будет иметь сильный пропагандистский эффект. Его старт планируется на начало 1963 года[1].

Огромная артиллерийская база находится в Можайске[2]. Там служит капитан Евгений Михайлович Скляров. Ему не разрешен выезд за границу в связи с тем, что у него нет родителей. В Советском Союзе тем, у кого нет родителей или близких родственников, выезд за пределы страны запрещен из опасения, что они могут не вернуться, стать невозвращенцами.

Китаю Советский Союз не передал ни одной ракеты с ядерной боеголовкой, ни каких-либо других видов ядерного оружия. Туда были направлены обычные ракеты, которыми оснащены все страны социалистического лагеря. Думаю, в случае необходимости ядерное оружие китайцы получат. Но пока его у них нет. Китай по нашим чертежам может сам производить ракеты обычного типа.

На случай ядерной войны на Урале для Центрального Комитета КПСС, Министерства обороны и других жизненно важных для страны правительственных учреждений выстроен целый подземный городок.

---

[1] Космический корабль с Валентиной Владимировной Терешковой был запущен на орбиту 16 июня 1963 года.

[2] М о ж а й с к — город, расположенный в ста километрах от Москвы.

Там же находится много упрятанных глубоко под землю авиационных заводов и ангаров.

Сконструирован новый тип самолета с дельтовидными крыльями, и уже ведутся его интенсивные испытания. Его практический потолок более тридцати километров.

Еще несколько слов о нашей артиллерии и ракетах. В Советском Союзе имеется два высших учебных заведения, в которых обучают как обычной артиллерийской технике, так и ракетной. И это не считая школ и специальных курсов, на которых обучают более узким специальностям.

Итак, академии: Военная инженерная артиллерийская академия имени Дзержинского, которая находится в Москве, и Ленинградская артиллерийская академия в Ленинграде. Это скорее школы для подготовки командного состава, нежели инженерного.

Долгое время при московской академии существовал иностранный факультет, на котором обучались как военнослужащие из восточноевропейских стран социалистического лагеря, так и из Северной Кореи и Китая. Однако, после того как двое восточных немцев, один поляк, один или двое венгров были арестованы за распространение антисоветской пропаганды и связь с иностранными посольствами в Москве, этот факультет перевели в город Воронеж. В академии на каждом факультете свой начальник, заместитель начальника, освобожденный секретарь партийной организации, старшие инструкторы, инструкторы, помощники преподавателей и технические работники лабораторий.

Там периодически функционируют высшие академические курсы, на которых курсантов знакомят с последними достижениями в области ракетной техники и артиллерии. На таких курсах я учился в 1959 году. Тогда курсантов было всего восемьдесят,

двадцать из которых по окончании были направлены в войска, оснащенные установками с баллистическими ракетами.

В 1959 году в городе Калинине на базе Академии имени Дзержинского была создана Военная академия противовоздушной обороны СССР. В ней обучается персонал ракетных войск противовоздушной обороны страны.

Помимо этой академии, по приказу Хрущева был создан специальный научно-исследовательский институт, призванный решать проблемы, в частности связанные с радиоэлектроникой. Ему придан один экспериментальный ракетный батальон. Вся работа этого института направлена на совершенствование средств противоракетной обороны, или противоракет. Варенцов, Поз̆овный и Бузинов говорят: «Слава Богу, наконец-то Хрущев от громких слов перешел к делу».

На основании того, что я услышал от Варенцова и других, могу смело утверждать, что у нас пока нет средств борьбы с ракетами противника. Однако работы в этом направлении ведутся интенсивными темпами.

Комментируя проблемы, с которыми сталкивается наша ракетная артиллерия, Варенцов и другие военные говорят примерно следующее: «Мы всегда подходим к решению своих проблем однобоко. Вот теперь все занялись только ракетами. Безусловно, они важны, но нельзя же забывать и об обычной артиллерии, о наших «старушках-пушках», которые состоят на вооружении полков и дивизий. А из-за этих ракет у нас, в классической артиллерии, нехватка бувально во всем. И не только у нас, но и в других родах войск тоже».

Предисловие к главе X

После того как Винн покинул Москву, Пеньковский приготовился к худшему. В комитете и Главном разведывательном управлении ему все еще доверяли или говорили, что доверяют. Во всяком случае, как он сообщил в «Записках», запрос на выезд его в заграничную командировку был направлен в Комитет государственной безопасности. «Одному Богу известно, каким будет ответ», — написал он. Пеньковский прекрасно понимал, что если ему откажут в выезде и во второй раз, то это будет означать, что он находится под подозрением не из-за своего отца, служившего в Белой армии, а по более серьезной причине.

В любом случае ему ничего не оставалось, как ждать решения «соседей» и обдумывать различные варианты побега. Его могли просто уволить из комитета и запретить дальнейшее общение с иностранцами. Если бы установили, что его отец был белогвардейцем, Пеньковский мог бы нажать на своих высокопоставленных друзей и знакомых, и тогда его оставили бы в комитете. При таком раскладе он планировал прежде всего обратиться за помощью к Варенцову и Серову, чтобы его, по крайней мере, не выгоняли из армии. Возможно, ему пришлось бы покинуть Москву. В этом случае Пеньковский постарался бы остаться в европейской части СССР, предпоч-

тительно в Ленинграде. (На суде он признался, что именно этот город советовали ему его инструкторы из американской и английской разведок.)

Даже находясь в таком подвешенном состоянии, Пеньковский продолжал свою опасную работу: фотографировал материалы и пытался передавать их на Запад. 5 сентября он принес отснятую фотопленку в американское посольство и передал ее во время приема. Более безопасного способа передачи донесений он не находил. На следующий день Пеньковский попытался установить контакт с одним из его английских связных, но у него ничего не получилось.

22 октября, согласно советским источникам, Олег Пеньковский был арестован сотрудниками КГБ. 2 ноября в Будапеште сотрудники КГБ арестовали Гревилла Винна и переправили в Москву. В Венгрию англичанин приехал для организации передвижной промышленной выставки в странах Восточной Европы. В очередной раз он увидел Пеньковского на Лубянке, через замочную скважину в двери своей камеры.

Невольно возникает вопрос: каким образом они засветились? Скорее всего, их арест не был результатом проницательности и кропотливой работы сотрудников КГБ или ГРУ. В случае с Пеньковским и Винном все было не так, как это обычно происходит в шпионских романах. По законам жанра, должен бы существовать некий прозорливый полковник КГБ, который кропотливо накапливал отдельные, внешне совершенно невинные факты о деятельности Пеньковского, строил различные гипотезы и в конце концов пришел к выводу, что Пеньковский — предатель. В конце концов советские власти обнародовали имя такого человека — им оказался подполковник А.В. Гвоздилин. Однако о нем стало известно лишь через два года после суда над Пеньковским. (См. Эпилог.)

Тем не менее КГБ потребовалось целых двадцать три года, чтобы, с помощью ли Гвоздилина или без оной, установить, что отец Пеньковского действительно был белогвардейским офицером. И уже один этот факт заставляет усомниться в наличии в рядах КГБ своего собственного Арсена Люпена или даже Сэма Спейда[1]. Нет подтверждений и тому, что в разоблачении Пеньковского КГБ действовал быстро и проницательно.

Слежку за собой Пеньковский обнаружил в начале 1962 года, но, поскольку КГБ вел наблюдение за многими должностными лицами, он не усмотрел в этом ничего экстраординарного. Хотя встречи Пеньковского с миссис Чизолм могли показаться подозрительными, в принципе его встречи с иностранцами были в порядке вещей в силу занимаемого им поста как в комитете, так и в ГРУ. Только к началу лета стало ясно, что слежка кагэбэшников стала весьма интенсивной. Гревилл Винн даже подумал тогда, что КГБ подозревает их с Пеньковским в спекулятивных операциях.

Осторожный человек сразу же залег бы на дно. Например, уже в июле Пеньковский мог бы предупредить западные разведслужбы в Лондоне, что он на некоторое время прерывает с ними связь. Кроме того, он должен был бы сразу уничтожить все компрометирующие его предметы, хранившиеся в домашнем тайнике.

Пеньковского учили осторожности, но по натуре осторожным он не был. Каждому человеку свойственно чувство собственного достоинства, воспетое еще древними греками, и Пеньковский не был в данном случае исключением. В некоторые моменты работы на

---

[1] Сэм Спейд — сыщик, персонаж детективных романов Д. Хэммета.

западную разведку его собственная гордыня давала себя знать. И не было бы ничего страшного, если бы Пеньковский, обнаружив за собой слежку, стал вести себя более осмотрительно. Но шпион ошибается лишь однажды — второго шанса ему не дано.

Самоуверенность, которая всегда так помогала Пеньковскому, на этот раз его подвела. Берзину, возглавлявшему ГРУ в 1934 году, принадлежит ставшая своеобразным афоризмом фраза: «В нашей работе дерзость, бесстрашие, риск и решительность должны сочетаться с осторожностью. Такова диалектика нашей профессии!» Пеньковский действовал решительно, дерзко, смело рисковал, но вот об осторожности забыл.

Когда в январе 1962 года Пеньковский во время одной из встреч с представителем западной разведки обнаружил за собой слежку, то немедленно отменил все последующие встречи и стал пользоваться тайником. Тем не менее он не прекратил собирать секретные материалы и передавать их на Запад. Его друзья и начальство в комитете продолжали верить ему. В ГРУ на Арбате он по-прежнему чувствовал себя в полной безопасности. Он знал, какая ему грозит опасность, если сотрудники КГБ в конце концов всетаки обнаружат, что его отец служил в Белой армии. Об этом он пишет в своих «Записках».

По прошествии времени стало ясно, каким образом КГБ смог разоблачить Пеньковского. Дело в том, что сотрудники Комитета государственной безопасности, работающие как за границей, так и в Москве, пишут отчеты о всех контактах советских граждан с иностранцами. Это обыденная практика. К весне 1962 года в КГБ уже накопилось много сообщений о встречах Пеньковского с Винном и другими иностранцами. Хотя все эти встречи не выходили за рамки служебных обязанностей Пеньковского, тем не

менее их оказалось так много, что это невольно вызвало подозрения у советской контрразведки.

Огромное количество подарков и сувениров, которые привозил он из заграничных командировок, пусть даже и для высокопоставленных людей, также должно было насторожить КГБ. Эти подарки и сувениры наверняка стоили больше той суммы, которую ему полагалось иметь на руках. Не следует сбрасывать со счетов и такую возможность: его попросту могли заподозрить в спекуляции этими иностранными вещами.

Слежку за Пеньковским могли установить и еще по одной причине. Весной и летом 1962 года напряжение в отношениях между Советским Союзом и Западом резко возросло, и КГБ усилил слежку за всеми иностранцами. Таким образом, даже редкие контакты Пеньковского в Москве с британскими и американскими атташе не остались незамеченными. Более того, КГБ должен был проявить к ним повышенное внимание.

С Винном Пеньковский продолжал общаться свободно, поскольку знал наверняка, что он не является сотрудником иностранной разведки, а всего лишь, как значится в его визитной карточке, бизнесмен. Очевидно, КГБ считал Винна подозрительной личностью, невзирая на то, что ГРУ вынашивало план его вербовки. Подозревать англичанина в шпионаже у КГБ были основания — уж слишком часто он наведывался в Москву.

Пеньковский продолжал посещать библиотеку Министерства обороны и знакомиться с секретной литературой, явно не имевшей прямого отношения к его служебным функциям. Судя по той обширной информации, которую передавал западным спецслужбам Пеньковский, можно предположить, что в библиотеке он брал огромный объем литературы, и это не осталось незамеченным.

Пеньковский всегда полагался на своих влиятельных друзей и знакомых, вроде маршала Варенцова и генерала Серова, и поэтому считал, что он вне подозрений. Но КГБ такие связи Пеньковского как раз могли и насторожить.

При малейшем подозрении того или иного лица сотрудники КГБ часто производят тайный обыск его квартиры. Если в отсутствие членов семьи Пеньковского они нагрянули к нему на квартиру, то первым делом они должны были обыскать его рабочий стол. И как только они вскрыли заветный ящик, все стало ясно! Но когда это произошло, никто не знает.

Мы точно знаем, что встреча Пеньковского с Винном в июле месяце была записана сотрудниками КГБ на магнитофонную пленку и запечатлена на фотографиях. Винн упомянул об этом факте во время судебного процесса: «Они включили магнитофон, и я услышал наши голоса, мой и Пеньковского. Этого было вполне достаточно, чтобы понять, что разговор наш подслушивали... Я отчетливо слышал свой голос: «Я желаю тебе удачи, Алекс». И еще: «Я привез тебе от них письмо», потом голос Пеньковского: «Да, в письме они говорят много хорошего о...»

То ли с помощью подслушивающей аппаратуры, установленной в номере Винна, КГБ вышел на Пеньковского, то ли обыск в квартире Пеньковского навел их на Винна, неизвестно. Во всяком случае, кто-то из КГБ суммировал всю накопленную о них информацию и сделал соответствующие выводы.

Мы так и не знаем, когда КГБ окончательно убедился, что Пеньковский завербован западными разведслужбами, а Винн — его связной. Очевидно, не в июле. Мы полагаем, что Пеньковский посылал информацию на Запад еще в конце августа, поскольку именно эта дата значится в его последних «Записках». Трудно себе представить, что в период крайне напря-

женной международной обстановки, вызванной карибским кризисом, КГБ мог позволить такому ценному для Запада агенту, каким являлся Пеньковский, свободно передавать иностранным разведкам секретную информацию, пусть даже и из желания установить его связи. Пеньковский являлся птицей слишком высокого полета для любой контрразведки, чтобы вот так вдруг пресечь его шпионскую деятельность.

Вероятнее всего, причина кроется в самой сути Комитета государственной безопасности. Представьте себе его работу: ежедневное записывание на пленку и последующее прослушивание разговоров тысяч иностранцев. Поэтому на установление факта причастности Пеньковского и Винна к разведдеятельности в пользу Запада должны были уйти недели. А всевозможные согласования с начальством? Это же тоже требует времени.

Следующий далее материал, несомненно, является последним донесением полковника Пеньковского, последней главой его «Записок».

Глава X

ПРОБЛЕМЫ В МОСКВЕ И ЗА ГРАНИЦЕЙ

Жизнь научила советских людей меньше болтать на улицах, но того страха, который они испытывали прежде, уже нет. Даже в ресторанах можно услышать критику в адрес Хрущева. «Зачем он снова затеял спор по поводу Берлина? Зачем нам вообще нужна эта Германия? В этом столетии мы уже дважды воевали с немцами, а теперь нам предстоит новая война? Мы и так уже понесли неисчислимые жертвы... Сами живем впроголодь, во всем дефицит. А что мы приобретем, сражаясь за Берлин? Жили без него шестнадцать лет и еще поживем. Сдалась нам эта Германия», — говорят в народе.

Интеллигенция придерживается того же мнения.

То же самое можно услышать и по вопросу о Кубе: «Ну а что нам Куба? Она от нас за тысячи километров. Раньше о ней не слышали, а теперь должны кормить Кастро, когда у нас самих ни еды, ни одежды».

Все понимают, что заявления Хрущева о том, что по производству мяса, молока и т. п. мы догоним Америку, — пустые слова. Никто в это не верит. В Москве к прилавкам магазинов выстраиваются длинные очереди, а в провинции молока или мяса вообще нет. Люди перешли на крольчатину и конину.

Варенцов говорит то же самое, что моральный дух советского народа падает. Никто не верит ни Хруще-

ву, ни правительству. Народ такой же голодный, как и прежде. Люди недовольны милитаристскими речами Хрущева. Говорят, что он вынуждает Кеннеди, Макмиллана и де Голля вооружаться. Тогда что же нам делать? В народе поговаривают, что если был бы жив Сталин, то он, по крайней мере, все делал бы втайне. Хрущева критикуют за его болтливость, откровенную тупость, за то, что выдает миру наши государственные тайны.

Почему Хрущев постоянно угрожает ядерной войной? Да потому, что он боится народного гнева. Он полагает, что, каждый день напоминая им о неизбежности ядерной войны, можно держать народ в страхе и покорности.

Сам я человек не религиозный. Я не хожу в церковь, но хорошо помню, как в детстве моя мать водила меня туда. О том, что я крещен, она мне рассказала. Мать — глубоко верующая женщина. Каждое воскресенье и по религиозным праздникам она ходит в церковь. Она знает, что я член партии и офицер разведки. В нашей семье заведены такие порядки: мать не говорит мне о церкви и вере в Бога, а я не рассказываю ей, во что верю я. Сейчас она уже очень стара, и я даже не пытаюсь обсуждать с ней вопросы религии, как это я делал ежедневно, будучи заместителем комсомольского секретаря по идеологии. Тогда я постоянно вел среди солдат и офицеров атеистическую пропаганду. Как это ни странно, но на войне я постоянно вспоминал о Боге, мысленно крестился и молился ему. Видимо, вера во Всевышнего мне все-таки присуща, но я ее еще глубоко не осознал.

После того как мы поселились на набережной Максима Горького, я мысленно молюсь каждый день. Напротив нашего дома стоит маленькая церквушка, и я, глядя на нее, мысленно вхожу в нее и молюсь. В своих чувствах к Богу я не одинок — большинство офицеров испытывают то же самое.

За последнее время число посещающих церковь резко возросло, а молодые пары, вступающие в брак, все чаще и чаще венчаются. Известны даже случаи, когда в церкви венчались офицеры. Перед войной такое было практически невозможно.

Чтобы отвлечь молодых наших граждан от церкви, комсомол по указанию Хрущева развернул кампанию по организации так называемых комсомольских свадеб. Хотя это нововведение и нашло отклик в сердцах советской молодежи, тем не менее порой молодежь предпочитает заключать брак «на небесах». Крещение детей даже в среде руководящих партийных работников явление широко распространенное. В последние годы антирелигиозная пропаганда набирает обороты, но население все равно ходит в церковь. Хрущев рвет и мечет, но ничего поделать не может.

В народе по поводу «свободы вероисповедания» в СССР даже ходят анекдоты. Вот один из них. На встрече в Вене Кеннеди и Хрущев обсуждают права народа на свободу, в частности на свободу вероисповедания.

Кеннеди: Господин Хрущев, вы лжете, когда говорите, что у вас в стране свобода религии. Ведь вы даже не разрешаете советским людям посещать церковь.

Хрущев: Да, я не только запрещаю им это делать, но и веду атеистическую пропаганду... Вот только одна проблема: народ все равно валит в церковь.

Кеннеди: А могу я дать вам совет?

Хрущев: Да, пожалуйста. Вы же все-таки сами католик.

Кеннеди: Тогда уберите из православных церквей все иконы и замените их вашими портретами. Уверяю вас, после этого туда никто даже не заглянет.

Вот вам один из самых популярных анекдотов 1961 года.

В этой связи несколько слов следует сказать о планах строительства в Москве Дворца Советов. Строить его решили на том самом месте, где до революции стоял храм Христа Спасителя. Позже, в 20-х годах, Центральный Комитет Всероссийской Коммунистической партии большевиков издал указ о строительстве на его месте Дворца Советов. Храм взорвали, а площадку под ним расчистили. Произошло это перед Второй мировой войной. Когда началась Великая Отечественная война, строительные работы были прекращены. В мирное время строительство огромного здания Дворца Советов решили возобновить, но тут проектанты обнаружили, что под этим местом плавун. Для строительства высотного здания грунт оказался слишком мягким. В народе стали говорить: «Раз храм Христа Спасителя коммунисты разрушили, Бог не даст, чтобы на его месте что-то построили. Это место принадлежит Богу, и никому больше».

На месте разрушенного храма теперь соорудили огромный плавательный бассейн. Однако в летнее время в нем тонет очень много людей. И опять народ дает свои объяснения происходящему: «Ничего нельзя строить на месте храма Христа Спасителя. Это место выбрал себе Бог». Тогда власти стали распространять слухи о том, будто бы священнослужители наняли хороших пловцов, чтобы те подныривали под плавающих в бассейне, хватали их за ноги и топили! Вот такие слухи ползут сейчас по всей Москве.

Для подтверждения их Центральный Комитет КПСС распорядился снять фильм, в котором наше православное духовенство должно быть показано в неприглядном свете. Я видел этот документальный фильм, но названия его не запомнил. Все над ним смеются, но, поскольку снят он превосходно, народ на него все же ходит.

АНТИСЕМИТИЗМ

В ГРУ евреев почти нет. Всех их оттуда выгнали. Антисемитизм в Советском Союзе расцвел пышным цветом. Евреев из разведки начал удалять еще Сталин, а сейчас их туда просто не принимают. У нас пока еще есть несколько генералов-евреев, полковников и офицеров более низкого ранга. Все они прекрасные служащие. В СССР массовое преследование евреев началось при Сталине и закончилось в году пятьдесят четвертом или пятьдесят пятом. На учебу в Военно-дипломатическую академию их не принимали и до сих пор не принимают. В ГРУ, насколько мне известно, всего один еврей — майор Рабинович. Держат его только потому, что он владеет урду, хинди и другими языками. Он даже перевел на русский язык Коран.

Несколько евреев-инженеров работают в нашем комитете. Все они прекрасные специалисты и высокоинтеллигентные люди. В разговорах между собой мы называем их армянами или грузинами. Некоторые из советских евреев, особенно те, кто работает в торговле, хорошо живут, но основной их массе не позавидуешь. Ни одного из них нет на службе в контролирующих органах. Их не берут на работу в КГБ.

Насчет евреев у нас совсем недавно появился такой анекдот. Вызывают одного еврея на Лубянку, и следователь начинает задавать ему вопросы:

— Почему ты скрыл, что у тебя брат за границей?

— А у меня нет брата, который живет за границей. Так что я ничего от вас не скрыл.

— Ты что, мерзавец, забыл? Продолжаешь отрицать, что твой родной брат живет в Израиле?

— Ничего я не отрицаю. Это я живу за границей, а он — на Родине.

Шуток в народе ходит много, и по ним можно судить об истинной ситуации в стране.

Еще по вопросу о Берлине. В среде высшего военного состава армии, и особенно в группе Купина и других офицеров, служащих в Восточной Германии, говорят, что, если из-за Берлина начнутся военные действия, то нам придется уничтожить как Западную Германию, так и Восточную. У нас уже все подготовлено к тому, чтобы воевать не только против ФРГ, но и против ГДР тоже. Объясняется это тем, что среди восточных немцев сильны антисоветские настроения.

В сентябре 1961 года вышла директива военного руководства, предписывающая эвакуацию семей советских офицеров из Восточной Германии.

Федоров рассказал мне, что наши войска, при всем своем могуществе, опасаются, что восточные немцы забаррикадируют все дороги и устроят им ловушку. Солдаты и офицеры, расквартированные на территории ГДР, боятся, что, как только напряженность из-за Берлина достигнет своего апогея, немцы немедленно истребят советский контингент.

В прошлом году Федоров представил командующему группой советских войск специальный доклад о ситуации в Восточной Германии, а тот, в свою очередь, направил в Центральный Комитет КПСС донесение, в котором подробно охарактеризовал откровенно враждебное отношение к нам со стороны населения ГДР.

Варенцов с Федоровым давние друзья. Варенцов дважды ездил в Восточную Германию с так называемой инспекцией артиллерийских частей и во время пребывания там встречался с Федоровым.

Штаб Купина находится в Дрездене. Штаб группы советских войск в Германии тоже, и Купин является командующим артиллерией группы войск.

Федоров говорил: «Дай нам волю, наши бригады и моторизованные части, дислоцированные здесь,

перебили бы восточных немцев всех до единого, потому что они нас ненавидят». Привожу дословно его слова: «Руководство Восточной Германии к нам вражды не проявляет, потому что оно полностью зависит от нас. Мы их кормим, поим, обуваем, одеваем, снабжаем деньгами и т. д., но рядовые немцы нас ненавидят. В случае войны они забросают нас камнями, будут стрелять в нас, устраивать диверсии и т. д.».

Позовный также очень резко критикует Хрущева за его безрассудную политику. Он говорит, что, сколько бы Хрущев ни пугал Запад, тот все равно рано или поздно преподаст ему урок. И еще — что западные страны «могут так нам врезать, что мы кровью зальемся». И на этот счет не может быть никаких сомнений.

Это подтвердил и генерал-майор Кореневский, начальник Управления информации ГРУ, Засорин и другие сотрудники ГРУ. У Кореневского хорошие связи в Центральном Комитете КПСС, где время от времени заслушивают его отчеты.

Я снова повторяю: Хрущев обязательно подпишет мирный договор с Восточной Германией после того, как Советский Союз окончательно приведет свои вооруженные силы в полную боевую готовность. Девять армий уже готовы для военных операций в Восточной Германии, а теперь готовят и десятую. В самой ГДР расквартировано только две армии, остальные стоят у ее границ и могут быть молниеносно переброшены на территорию Восточной Германии.

Хрущев задумал убить разом даже не двух, а трех зайцев. Во-первых, приведением советских вооруженных сил в полную боевую готовность напугать другие страны. Если Запад займет в отношении Советского Союза жесткую линию и покажет Хрущеву, кто на самом деле сильнее, то он пойдет на попят-

ную. В противном случае может случиться большая беда. Хотя многие военные высокого ранга не одобряют действий Хрущева на международной арене, непреложным остается факт: армия находится у него под контролем. Если поступит приказ начать боевые действия, армия этот приказ исполнит.

Федоров рассказал также о многочисленных актах саботажа со стороны немцев, используемых для подсобной работы на территории частей, обслуживающих ракетные установки. Они портят военную технику, выводят из строя автомашины, выливают из них горючее. Однажды они даже просверлили дырку в корпусе ракеты, и все топливо из нее вытекло. В бригаде Федорова было совершено три акта саботажа. То же самое происходит и в других частях группы советских войск в Германии.

По мнению Купина, у нас недостаточно бомбоубежищ, а те, которые имеются, не способны защитить от радиоактивного заражения. Рабочих оборонных заводов уверяют, что обстановка там вполне благоприятная для здоровья, а уровень радиации на их рабочих местах чрезвычайно мал и не представляет опасности для здоровья. Однако на деле это совсем не так. Многие из них, проработав полгода или год на таком производстве, заболевают. Даже наш атомоход, ледокол «Ленин», и тот представляет собой ядерную ловушку для обслуживающего его персонала — конструкция вентилей на нем настолько плоха, что через них происходит утечка радиации.

При первой же возможности наши солдаты пытаются бежать в Западный Берлин или в Западную Германию. В связи с этим даже те участки границы, которые, казалось бы, и перебежать-то невозможно, охраняются с особым тщанием. Страх — еще один фактор, удерживающий солдат от побега. Они предупреждены, что при попытке к бегству по ним бу-

дет открыт огонь. Такие указания даны даже полицейским в Восточной Германии — открывать огонь по нашим беглецам. Немецким женщинам вход на территорию советских военных баз запрещен. Наши солдаты и офицеры тяготятся службой в ГДР, поскольку круглые сутки находятся в гарнизоне и не имеют права выйти за его пределы. Их с утра до вечера пичкают нашей пропагандой. По словам Хорошилова и Купина, надбавку к окладам в немецких марках офицеры уже не получают, а солдатам выдают ежемесячно по десять марок, которых не хватает даже на сигареты.

Федоров, Купин и Варенцов придерживаются единой точки зрения: боевая готовность наших частей в Германии находится на низком уровне. Каждый месяц из Центрального Комитета КПСС и Генерального штаба приезжают всевозможные комиссии, призванные на месте проверить боеспособность группы советских войск и оказать необходимую помощь. Федорову так надоело служить в Германии, что он уже ждет не дождется, когда вернется на родину.

Перед лицом растущей опасности Запад должен быть начеку. Их армиям необходимо быть готовыми к отражению танковых ударов советских войск. Конфликт из-за Берлина, искусственно раздутый Хрущевым, имеет целью одержать победу без применения силы, а в случае начала боевых действий быть к ним готовым. Для блокирования Восточной Германии наше военное командование планирует перекрыть все подступы к ней. Для этого будут использованы советские танки.

Первый эшелон обороны составят Вооруженные силы Восточной Германии, второй — группа совет-

ских войск. Предполагается совместное ведение военных операций силами ГДР и СССР. Если первый эшелон обороны будет разгромлен, то в действие вступит второй эшелон и т. д. Хрущев надеется, что до того, как будет задействован второй эшелон, Запад инициирует мирные переговоры, в которых примет участие и Восточная Германия. А это, в свою очередь, явится не чем иным, как международным признанием государства восточных немцев. Решение действовать совместно с армией ГДР объясняется тем, что советское руководство не доверяет восточным немцам и не может допустить, чтобы они действовали самостоятельно. Прежде всего потому, что армия Восточной Германии недостаточно хорошо вооружена и эффективно сражаться с противником не сможет. А недостаточно она вооружена в силу того, что мы боимся предоставить ей все необходимое для успешной борьбы. Немцы нас не любят, и всегда существует вероятность того, что в будущем они направят это оружие против нас. Такому развитию событий уже есть очень яркий пример — Венгрия.

Армия Восточной Германии готова к военным действиям всего процентов на восемьдесят. Но мы все равно опасаемся ее. Один мой приятель, служащий в Германии, говорит, что немцы, особенно гражданское население, относятся к нам враждебно. Он считает, что и на немецких военнослужащих ни в чем полагаться нельзя, так как почти половина их тоже настроена по отношению к нам враждебно.

ХРУЩЕВ И КИТАЙ

Из того, что мне известно по роду собственной деятельности в комитете и Главном разведывательном управлении, можно сделать вывод: отношения Совет-

ского Союза с Китаем день ото дня становятся все хуже и хуже.

И виной тому не только наши идеологические разногласия. Дело дошло до того, что мы начали вести в этой стране активную разведывательную работу и почти перестали называть ее Китайской Народной Республикой.

Любопытно проследить, как мы именовали соседнее государство на разных этапах развития наших отношений. Поначалу это был «Великий Китай», затем — «Китайская Народная Республика», а теперь — просто «Китай». Я нисколько не удивлюсь, если мы вдруг станем называть китайцев, как при царе, «соленоухие чинки» или «чинки с косичками». Сразу после революции 1917 года мальчишки на улице бежали за каким-нибудь китайцем, крича: «Эй, Ходя, соли надо?» А тот обычно отвечал на вопрос вопросом: «А тебе советской власти надо?»

Разведработу в Китае мы ведем в строжайшей тайне, и сотрудники наши действуют там предельно осторожно. Недавно из Центрального Комитета КПСС нам поступили указания активно собирать в Китае информацию о внутреннем положении страны и о ближайших планах ее руководства.

Почти вся разведработа в Китае осуществляется нашими «соседями», КГБ, который несет ответственность за все разведывательные мероприятия, проводимые в странах так называемого социалистического лагеря. Хрущев хочет знать точно, кому из «наших друзей» можно полностью доверять, а кому — нет. Хрущева особенно интересуют настроения и деятельность молодого поколения в руководстве Коммунистической партии Китая. Хрущев и наши лидеры понимают, что старый и больной председатель Мао неминуемо уйдет со своего поста, а на смену ему

придет новое партийное руководство страны, которое, как надеется Хрущев, откажется от троцкистской идеи всемирной революции, неизбежности новой мировой войны и снова проникнется уважением к Советскому Союзу, первому в мире государству рабочих и крестьян. Он уверен, что новое китайское руководство будет больше озабочено тем, как прокормить и одеть свой народ, нежели всемирной революцией.

Идейные разногласия с «китайскими братьями» настолько обострились, что наши отношения с ними резко ухудшились даже на дипломатическом уровне. Когда Хрущев выступил с разоблачением культа личности Сталина и его преступлений, китайское руководство с ним не согласилось и посчитало, что он допустил непоправимую ошибку. Китайцы заявили, что Хрущев своей политикой не только нанес сокрушительный удар по строительству коммунизма в СССР, но и предал интересы мирового коммунистического движения. В 1960 году на встрече представителей коммунистических и рабочих партий, съехавшихся в Москву по случаю празднования сорок третьей годовщины Великой Октябрьской революции, китайская делегация выдвинула этот вопрос на обсуждение. Тогда между Хрущевым и Лю Шаоци возникла острая полемика. В какой-то момент Хрущев в порыве гнева заявил, обращаясь к нему с трибуны: «Если вам так нужен Сталин, можете взять его себе. Забирайте его труп с гробом в придачу!» На обсуждение советско-китайских разногласий по вопросам мирного сосуществования, неизбежности войны и внешней политики Советского Союза ушло три четверти всего времени, предусмотренного для этой встречи программой проведения торжеств.

Усилия всех участников встречи были направлены на предотвращение разрыва между компартия-

ми СССР и Китая. В какой-то степени это удалось. В ряде спорных моментов китайцы остались при своем мнении, однако по некоторым вопросам путем взаимного компромисса стороны все же пришли к «взаимопониманию».

Несмотря на то что в принятой декларации упоминалось о расхождениях во взглядах только по вопросам тактики и стратегии, разногласия по всем остальным вопросам оказались настолько глубокими, что надежды на их преодоление уже не оставалось.

Позже по итогам этой встречи Центральный Комитет КПСС подготовил специальное закрытое письмо, которое было направлено во все первичные партийные организации, и только члены Коммунистической партии Советского Союза имели право с ним ознакомиться.

После юбилейной встречи отношения между КПСС и КПК еще более обострились. Китайские «товарищи» (мы все еще продолжаем их так называть) не только открыто заявили, что КПСС не может более считаться лидером международного коммунистического движения, но бросили нам откровенный вызов. Они начали активно пропагандировать свои взгляды, стараясь заручиться поддержкой коммунистических партий других стран в своей идеологической борьбе против КПСС и лично против Хрущева.

С подобной ситуацией наше партийное руководство столкнулось впервые. При Сталине все зарубежные компартии находились под жестким контролем партийных лидеров СССР и танцевали под их дудку. Поэтому, когда в 1956 году вспыхнула венгерская революция и произошли известные события в Польше, наше руководство попросту опешило — в течение нескольких дней никто не знал, что следует делать, какие принимать меры. Некоторые предлагали немедленно подавить революцию в

Венгрии (в СССР ее назвали «контрреволюцией») любыми доступными способами, другие выступали против принятия жестких мер из-за боязни осложнить ситуацию и спровоцировать расползание революции по другим странам социалистического лагеря. Вот тогда и наступило время для китайских товарищей учить нас, что и как следует делать. Позже Хрущеву конечно же пришлось поблагодарить их за советы, но нетрудно себе представить, какой он при этом испытывал стыд. Он просто был вне себя от ярости.

Интересно отметить, что Хрущев идет на все, вплоть до обмана и интриг, в надежде, что китайцы в конце концов пойдут на попятную, поскольку без советской экономической, технической и прочей помощи их политика «большого скачка» просто захлебнется. А Китай в настоящее время нуждается буквально во всем, «от деревянной сохи до доменной печи». Поэтому в Центральном Комитете идут споры по поводу правомерности позиции Хрущева. Насколько мне известно, мы уже свернули, а по некоторым статьям и вовсе прекратили поставки в Китай, поскольку наши лидеры считают, что китайцы нам за них заплатить не смогут, а расходовать на них свой золотой запас и поставлять им оборудование бесплатно не имеет смысла.

Другой очень важный вопрос: «Кто же лучший марксист-ленинец, Хрущев или Мао Цзэдун?» После смерти Сталина Мао решил, что он гораздо лучше разбирается в вопросах претворения в жизнь теории марксизма-ленинизма, чем Хрущев и остальные лидеры КПСС, и поскольку всю свою жизнь был профессиональным революционером, то и возглавить международное коммунистическое движение должен не кто иной, как он. Мао считает нынешнее советское руководство, и особенно Хрущева, политиками-времен-

щиками, которые стали коммунистическими лидерами по чистой случайности, так как не имеют на то никаких данных. Он считает, что, не обладая опытом революционной борьбы, они не имеют права возглавлять международное революционное движение.

Сам я к Китаю никакого отношения не имею, но у меня много друзей в ГРУ и в Комитете по координации научно-исследовательских работ, которые по работе напрямую с ним связаны. Один из моих друзей, живущий по соседству, работает в Министерстве легкой промышленности и восемнадцать месяцев провел в Китае. Он говорит, что тех дружеских отношений с китайцами, которые существовали когда-то, уже нет и в помине. Большинство наших представителей в КНР живут изолированно, и отношение к ним со стороны китайцев нельзя назвать дружелюбным. У советских инженеров и техников уже нет морального стимула участвовать в становлении их промышленности, поскольку китайцы недостаточно образованны, не обучены и, более того, не питают к советским специалистам никакого уважения. Кроме того, они, даже сами того не сознавая, относятся к нашим людям с подозрением и при любой возможности стараются унизить их или просто проигнорировать их указание.

В беседах с советскими людьми китайские коммунисты всегда ссылаются на труды Маркса и Энгельса, чем еще больше раздражают своих оппонентов. Я также слышал, что китайцы, в свою очередь, считают советских людей некультурными и недостаточно цивилизованными. Чем выше положение китайца в обществе, тем ярче проявляется его презрение к нам, тем сильнее он подчеркивает свое превосходство.

Варенцов бывал в Китае несколько раз и, похоже, нашел с китайцами общий язык. Как уже упоминалось мною, какие бы китайские делегации ни приез-

жали в СССР, они всегда привозили ему две-три пачки лучшего китайского чая.

От полного разрыва с Советским Союзом Китай удерживает только то, что у него нет ядерного оружия. Научные работы в области атомной энергетики там ведутся, и мы уже оказали китайцам существенную помощь. Однако я очень сомневаюсь, что мы когда-либо предоставим в их распоряжение свое ядерное оружие. Того же мнения придерживается и Варенцов. Безусловно, если Китаю понадобится помощь, а Хрущев решит, что ее следует оказать, то он просто пошлет туда ракетные установки с нашим военным персоналом. Полагаю, что года через два-три у Китая будет свое ядерное оружие.

С учетом такого развития отношений с Китаем нашему руководству необходимо помнить, что рано или поздно у китайцев появится собственное ядерное оружие. Как я уже сказал, наши отношения с КНР ухудшаются буквально с каждым днем. Однако мне, члену партии, постоянно твердят, что ничего в этом страшного нет, что наши отношения с Китаем скоро улучшатся.

Хотелось бы предупредить Запад, что серьезные разногласия, существующие сейчас между нами и китайцами, могут исчезнуть, если обстановка в мире резко ухудшится. Споры между Хрущевым и Мао Цзэдуном касаются главным образом одного вопроса — чей способ похоронить мировой капитализм эффективнее. Об этом забывать нельзя.

Хрущеву очень бы хотелось объединить две проблемы: берлинскую и иранскую. На этот счет у него уже выработан следующий план: если ситуация с Берлином и Кубой обострится, советские войска будут введены в Иран. Однако только вводом сво-

их войск в соседнее государство Советский Союз не ограничится — планом предусмотрено начало военных операций и на других направлениях. Сейчас многие сотрудники ГРУ командированы за границу, для того чтобы проинформировать всех наших западных агентов, что кубинская проблема будет решена в Иране.

Вводить войска в Иран прямо сейчас считается нецелесообразным, так как это еще больше осложнит международную обстановку, а может даже, приведет к войне. Тем не менее к вступлению в Иран советские войска уже готовы. Предполагается, что это может произойти уже в октябре.

В связи с этими планами советского руководства в Москву были вызваны резидент ГРУ в Иране Пантелеймонов, главы наших резидентур в странах Среднего и Ближнего Востока.

В Генеральном штабе имеются карты, на которых обозначены ракетные базы западных стран, включая три американские, расположенные в Иране. Об этом мне рассказали Бузинов и Засорин. Их информацию подтвердил и Варенцов.

Касаясь нейтральных стран, я прежде всего должен упомянуть Египет. Хрущев очень недоволен тем, что Насер преследует египетских коммунистов. В настоящее время Коммунистическая партия Египта запрещена. Хрущев как-то в порыве откровения прямо заявил, что Насер — это Тито номер два. Национализм египетского лидера, его независимая политика и весьма сдержанная солидарность с действиями Советского Союза очень беспокоят Хрущева. Советский Союз, в свою очередь, не намерен в ближайшем будущем обострять отношения с Египтом — в противном случае это может отрицательно сказаться и на отношениях СССР с другими арабскими странами. Кроме того, всем известно, что мы в Египте возво-

дим огромную плотину. Так что сейчас было бы весьма неразумно прекратить ее строительство и окончательно испортить советско-египетские отношения. Поэтому тут нам лучше оставить все как есть, нежели лишиться того малого, что мы имеем от политики Насера.

С момента начала суэцкого кризиса Хрущев пытался использовать национализм Насера в своих целях. В настоящее время он желает ослабления позиций египетского лидера или даже его замены. Дружественные отношения, которые сейчас существуют у нас с Египтом, совсем не по нраву Хрущеву.

Когда в июле 1958 года американские войска вторглись в Ливан, командующим Закавказским военным округом был назначен маршал Рокоссовский. Туда же был направлен Варенцов, хотя никакого официального статуса в данном случае не получил. Сделано это было вовсе не потому, что мы якобы собирались начать войну, а только для того, чтобы показать всему миру: «Смотрите, какого выдающегося военачальника мы назначили! Так что поосторожнее — мы готовы к войне!» И Хрущев действительно отдал приказ привести вооруженные силы страны в боевую готовность, но он вовсе не собирался направить войска в Ливан.

А теперь несколько слов по поводу международных инцидентов в воздухе.

Инцидент с самолетом «РБ-47». Самолет «РБ-47» был сбит по приказу Хрущева (1 июля 1960 года). Он летел не над территорией СССР, а над нейтральными водами. Обнаруженный радарами самолет был сбит по личному указанию Хрущева. Когда о действительном местонахождении сбитого самолета доложили Хрущеву, тот сказал: «Ничего, ничего. Наши

ребята отлично поработали. Пусть все знают, как приближаться к нашим границам».

Вот так мы соблюдаем международные соглашения. Однако Хрущев испугался открыто признать тот факт, что самолет «РБ-47» воздушного пространства СССР не нарушал. По поводу этого инцидента в его заявлениях, а также в средствах массовой информации содержалось много лжи. Я точно знаю, что наше военное руководство уже подготовило текст официального извинения за допущенную ошибку, но Хрущев сказал: «Нет. Пусть все знают, что мы сильны».

Когда стало известно о прорытом в Берлине туннеле и прослушивании западными спецслужбами телефонных разговоров, которые велись советским командованием в Восточной Германии, в Москве, и особенно в ГРУ и КГБ, возникла паника[1]. Расследование этого случая было проведено сотрудниками КГБ, и многие военные и гражданские лица из числа советского персонала понесли наказание. Об этом мы узнали из лекций, которые нам читали в Военно-дипломатической академии. Нам сообщили, что в результате прослушивания телефонных разговоров на Запад уплыло много очень важной и совершенно секретной информации. Этот случай расценивался как серьезный провал в работе нашей контрразведки.

На юбилее Варенцова в беседе со мной Чураев похвастался, что и ему кое-что известно о разведке. «Один американский промышленник, пропустив несколько рюмок спиртного, предложил Никите Сергеевичу свои услуги в качестве информатора. А у этого американца предположительно был друг, который

---

[1] В апреле 1956 года советское военное командование в Восточной Германии признало тот факт, что американская разведслужба прорыла в Восточный Берлин подземный туннель, в котором установила оборудование для прослушивания телефонных линий.

занимал в Штатах довольно важный пост», — сообщил он.

Инцидент с «У-2». Еще до полета Пауэрса американские самолеты «У-2» летали над СССР в киевско-харьковском направлении. Однако об этом Хрущев помалкивал, потому что тогда у нас еще не было на вооружении ракет, способных поразить цель на такой большой высоте.

Когда над Свердловском сбивали Пауэрса, то запущенная нами ракета в американский «У-2» не попала, а сбила его взрывной волной. Самолет развалился в воздухе. Спускаясь на парашюте, летчик несколько раз терял сознание. Так, в бессознательном состоянии, он и был подобран. Инцидент этот произошел 1 мая, в тот самый день, когда я был дежурным по ГРУ. Так что я был первым, кто узнал об этом и доложил о случившемся начальству. Тем временем американского летчика доставили самолетом в Москву. В тот момент в КГБ не нашлось переводчика, а поскольку я оказался единственным, кто владел английским языком, то мне, доложившему руководству об инциденте, предстояло участвовать в его допросе. Однако в последний момент кагэбэшники нашли своего переводчика, так что потребность во мне отпала.

Из КГБ мне позвонили и сказали, что помощь моя им не требуется и что их Председатель, тогда еще совсем молодой Шелепин, сам доложит Хрущеву о сбитом американском самолете. Итак, найдя собственного переводчика, Шелепин забрал Пауэрса себе. Однако летчика сбили военные, а он сам считался тоже военным. Поэтому в первую очередь Пауэрсом должен был заниматься Генеральный штаб. Тем не менее сотрудники КГБ увезли его к себе на Лубянку, там допросили и подготовили свой собственный доклад. Все это время Пауэрс находился под наблю-

дением врачей, поскольку все еще пребывал в шоковом состоянии.

Маршалу Бирюкову попеняли за то, что его подчиненные не смогли правильно определить направление полета американского самолета-разведчика и недооценили вред, который мог причинить нам Пауэрс. Его засекли, когда он, взлетев с аэродрома в Турции, пролетал над Киевом, и хотели его сбить, но в том районе у наших войск ПВО не нашлось ракеты, способной поразить цель на высоте полета «У-2». Если бы он даже и отклонился от курса на километр или полтора, его все равно не смогли бы сбить. Именно поэтому Пауэрс и смог долететь аж до самого Свердловска.

5 мая, после того, как американский «У-2» был сбит, Хрущев отдал распоряжение временно приостановить агентурную работу за границей, чтобы не спровоцировать Запад на ответные действия. У многих наших разведчиков за рубежом это распоряжение Хрущева вызвало раздражение, поскольку им пришлось отменять уже назначенные встречи. Наш резидент в Пакистане, для того чтобы не подвергать риску своего агента, решил забрать из тайника материалы, которые тот уже успел заложить. За этот самовольный акт он был сурово наказан московским начальством. И это притом, что действовал резидент исключительно правильно. Таким образом, в ущерб нашим агентурным связям Хрущев наложил на них запрет на весь период, пока он будет раскручивать дело Пауэрса с максимальной для себя выгодой.

За расследованием дела сбитого американского летчика и судом над ним Хрущев следил с неослабным интересом и лично инициировал пропаганду, развернутую против США. Он первым заявил на весь мир о необходимости нанесения по Штатам ракетно-

го удара, хотя для этого Советский Союз в то время не располагал никакими возможностями. Таким заявлением Хрущев надеялся убедить мир, что якобы располагает грозным оружием.

Хрущев солгал, когда сообщил, что самолет Пауэрса сбили с первой же попытки. На самом же деле по нему было выпущено четырнадцать советских ракет, и сбит он был не прямым попаданием, а всего лишь взрывной волной. Результаты обследования обломков американского «У-2» подтвердили, что прямого попадания в него не было. Более того, нигде поблизости не было обнаружено осколков советской ракеты. Оказалось, что одной из четырнадцати ракет, выпущенных по Пауэрсу, был сбит наш «МИГ-19», преследовавший американский самолет. Сидевший за его штурвалом младший лейтенант погиб.

Дела мои как на Арбате, так и в комитете идут хорошо. Там ко мне относятся с большим уважением. Серов, Смоликов, Гвишиани и мои друзья очень хотят, чтобы меня послали в очередную зарубежную командировку — в Австралию, Японию или Соединенные Штаты с передвижной книжной выставкой или же во Францию вместе с Рудневым и Гвишиани. Они намерены поговорить в КГБ и Центральном Комитете и убедить их дать мне разрешение на выезд. Если КГБ снимет с меня все подозрения, то я в заграничную командировку поеду.

Я уже в какой-то степени привык к тому, что за мной установлена слежка. «Соседи» все еще продолжают присматриваться ко мне. Причины для этого, надо полагать, у них есть. Я мучаюсь в догадках и предположениях, но никак не могу понять, чем же вызван их столь пристальный интерес

к моей персоне. Опасность положения, в котором очутился, я не преувеличиваю. Но я все же оптимист по натуре и пытаюсь правильно оценить создавшееся положение.

Ни в жизни своей, ни в работе я не разочаровался. Главное, что я полон сил и желания продолжать свою работу. Рассказать людям правду об этой системе — цель моей жизни. Если мне это удастся хоть в какой-то степени, я буду счастлив.

25 августа 1962 года

Эпилог

СУД

> 7 мая 1963 года в Москве, в зале заседаний Верховного суда СССР, начался открытый суд над агентом британской и американской разведок О.В. Пеньковским, гражданином СССР, и его связным Гревиллом Винном, подданным Великобритании.
>
> *Из пресс-релиза военной коллегии Верховного суда СССР*

Суд над полковником Пеньковским и господином Винном длился четыре дня, в один из дней заседание проходило при закрытых дверях. В том, что им будет вынесен обвинительный приговор, никто не сомневался. Старания обоих защитников обвиняемых были направлены только на то, чтобы хоть немного его смягчить. Все выступления в суде и отношение к обвиняемым всех присутствующих в зале вполне соответствовали и содержанию и тональности речи генерал-лейтенанта А.Г. Горного, главного военного прокурора. Оба подсудимых признали свою вину, хотя Винн и сделал некоторые оговорки. Но при этом он ни в коей мере не умалял степени своего участия в переправке материалов за рубеж. Когда прокурор приводил какой-нибудь убийственный факт или Пеньковский делал некое ошеломляющее признание, двести с лишним «представителей трудящихся Москвы», присутствовавших на судебном процессе, дружно, как их инструктировали, выражали свое одобрение или негодование.

Тем не менее судебный процесс, как это следует из его протоколов, получился совсем не таким, каким хотели его видеть в КГБ. Он не стал театрализованным представлением, где каждому из его участников отводилась заранее подобранная роль. Короче говоря, того показательного суда, которые устраивались в 30-х годах в Советском Союзе, не получилось. Проявив недюжинную выдержку и ни в чем не раскаявшись, Пеньковский и Винн в долгой борьбе умов с советской контрразведкой одержали полную победу. И как ни старались власти, ни тот, ни другой не выглядели сломленными. Желая соблюсти только что принятый новый закон о суде, обвинение всячески старалось избежать стереотипов ведения довоенных судов, на которых в роли прокурора выступал Андрей Вышинский. Временами оно проявляло нерешительность, опасаясь скатиться к практике карательных мер, которая была характерна для недавнего партийного руководства. Мы не будем вспоминать об оккупации Прибалтийских стран, совершенной еще при Сталине. Мы вспомним недавнюю агрессию советских войск против Венгерской Народной Республики в 1956 году.

Сам факт проведения этого суда уже сам по себе удивителен, так как других офицеров Советской Армии, уличенных в шпионаже, сразу же расстреливали. В декабре 1962 года, спустя всего месяц после ареста Пеньковского, в советской прессе промелькнуло сообщение о расстреле некого подполковника П., офицера-пехотинца, сотрудничавшего с американской разведкой. Хотя его характеризовали теми же словами, что и Пеньковского («эгоистичным», «скрытным», «отщепенцем» и «явным индивидуалистом»), тем не менее об открытом суде над ним даже и речи не шло. Суд же над Пеньковским должен был состояться. Причем открытый. И вовсе не потому,

что восемь британских и американских дипломатов впоследствии были объявлены персонами нон грата за связь с советским предателем, или потому, что напрямую с ним работал иностранец Винн. Все дело в том, что Пеньковский являл собой слишком крупную фигуру, о которой можно было бы только вкратце упомянуть в прессе. Волна перемещений и увольнений, прокатившаяся по Советской Армии, требовала объяснений. Кроме того, суд над офицером, имевшим в среде военного руководства страны массу друзей и знакомых, мог послужить для остальных военнослужащих серьезным предупреждением — тех, кто вынашивает коварные планы против партийного руководства, ждет плачевный конец.

Шесть месяцев прокуратура готовила судебный процесс, который длился всего четыре дня. В 1964 году, благодаря обмену, Гревилл Винн покинул тюрьму на Лубянке и, вернувшись домой, поведал миру о том, как готовился этот судебный процесс и как при этом вела себя советская контрразведка.

После того как 3 ноября англичанина выкрали в Будапеште сотрудники советской и венгерской служб безопасности, его менее чем через двадцать четыре часа самолетом доставили в Москву. В Будапешт Винн ехал с тревожным чувством, так как после встречи с Пеньковским, состоявшейся в июле, он уже точно знал, что оба они находятся под пристальным вниманием советской контрразведки. Однако Винн отдавал себе отчет в том, что, уклонившись от участия в заранее согласованных переговорах в Будапеште, он тем самым лишит Пеньковского последней надежды представить их встречи в Москве за обычные деловые контакты. После почти двухнедельного пребывания в Венгрии англичанина арестовали.

Винна доставили на Лубянку и стали допрашивать. Допросы проводили генерал и его помощники. Порой

обращались с арестованным отнюдь не вежливо. Англичанину предъявили вещественные доказательства, свидетельствующие против него и Пеньковского. Среди них были фотографии, снятые во время их встреч, и магнитофонная запись их последнего разговора в номере гостиницы «Украина». В конце концов ему и Пеньковскому устроили очную ставку и перекрестный допрос, который явился прелюдией к судебному процессу.

По словам Винна, он поначалу надеялся, что единственным обвинением, которое ему предъявят, будет передача свертков с подарками, которые он всегда привозил Пеньковскому. Однако проводивший допросы генерал вскоре дал понять Винну, что их с Пеньковским обвиняют в шпионаже. Винн должен был доказать, что ему не было известно, какого рода информацию он передавал от Пеньковского и какие инструкции доставлял с Запада советскому полковнику. Советский суд согласен был представить Винна жертвой британских спецслужб, человеком, которого «методом шантажа и угроз заставили выполнять грязную работу».

При встрече один на один, а такая состоялась на Лубянке, Пеньковский просил Винна сотрудничать с органами советского правосудия во время открытого суда. «Меня наверняка расстреляют», — сказал он. И добавил: «Они обещали сохранить мне жизнь» — при условии, что Винн будет сотрудничать.

Ясно, что КГБ также обещал Пеньковскому не трогать его семью, если он и Винн исправно исполнят отведенные для них на суде роли. Винн согласился сотрудничать с КГБ, но в определенных пределах — после шести месяцев, проведенных им в одиночной камере на Лубянке, у него просто не оставалось выбора. Для англичанина было очень важно последовательно отстаивать свою позицию.

Любому человеку на месте Винна требовалось проявить большое мужество. Он не был разведчиком, а занимался бизнесом и роль связного выполнял, поскольку так сложились обстоятельства и потому, что, как патриот своей страны, сознавал важность этой миссии.

Можно легко представить, как чувствовал себя Пеньковский во время допросов, но он даже не пытался скрыть истинных мотивов своей шпионской деятельности. Он рассказал, что его основной целью была помощь не Западу, а своему народу, но только вряд ли эту фразу могли позволить Пеньковскому повторить в суде. (Интересно, что последнее слово обоим подсудимым было предоставлено на закрытом заседании суда.)

Адвокатов Пеньковского и Винна допустили к своим подзащитным только после того, как сотрудники КГБ закончили допрашивать арестованных. (Защитник англичанина, который в зале суда почти во всем соглашался с обвинителем, позже предъявил своему клиенту счет на солидную сумму.)

Советская пресса изо всех сил старалась представить разоблачение Пеньковского как блестящую работу чекистов. В конце 1965 года вышла в свет небольшая брошюра в бумажной обложке, озаглавленная «Фронт тайной войны»[1]. В ней некий подполковник КГБ Александр Васильевич Гвоздилин, очевидно, главный следователь, допрашивавший Пеньковского, изображен в лучших традициях шпионской литературы. Начинается брошюра так: «В тот промозглый ноябрьский вечер в одном из окон здания на площади Дзержинского в Москве свет горел дольше обычного... Александр Васильевич откинулся на спинку стула,

---

[1] Цыбов С. И., Чистяков Х. Ф. Фронт тайной войны. Москва. Воениздат.

закрыл свои уставшие глаза, и тут перед ним, как в калейдоскопе, промелькнула большая часть того, что ему удалось обнаружить и услышать за последнее время...»

Авторы «Фронта тайной войны» продолжают свое полное драматизма повествование: «Только под давлением неопровержимых фактов, представленных следователем, Пеньковский наконец-то признался, что он шпион... Он еще долго пытался выгородить себя, путано говорил о конкретных фактах его шпионской деятельности... Однако острый ум и терпение Александра Васильевича, его логическое мышление и опыт ведения расследований дали свой результат...»

По версии советских властей, подполковник Гвоздилин установил, что Пеньковский «задолго до того, как его выгнали из армии, выведывал военные секреты лишь у безответственных болтунов из числа военнослужащих, с которыми этот враг устраивал совместные кутежи». О том, что же побудило полковника изменить Родине, авторы брошюры ни словом не обмолвились. На вопрос «Когда и почему Пеньковский встал на путь предательства?» ни Александр Васильевич, ни представитель обвинения в суде вразумительного ответа так и не дали.

После того как сценарий судебного разбирательства был разработан, с обоими обвиняемыми, чтобы те ничего не напутали, провели репетицию. Дело дошло до того, что их до начала процесса свозили в здание суда и ознакомили с залом заседаний. Судебное разбирательство прошло гладко, без сучка и задоринки, как большинство судебных процессов. Военный суд под председательством генерал-лейтенанта В.В. Борисоглебского вызвал четырех свидетелей, двое из которых были знакомыми Пеньковского, и

девятерых экспертов, которые подтвердили наличие на квартире обвиняемого шпионского оборудования, секретный характер передаваемых им на Запад материалов и т. д. В ходе вопросов и ответов на суде вновь была повторена и подытожена вся история шпионажа Пеньковского, направленного против Советского Союза, с момента его первой лондонской встречи с представителями британской и американской разведок. В начале слушания дела генерал Горный заявил: «...Обвиняемый Пеньковский — честолюбивый карьерист и морально разложившийся тип, который ступил на путь предательства своей Родины и начал сотрудничать с разведками империалистических стран. В конце 1960 года, пользуясь положением заместителя начальника иностранного отдела Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ, а также безграничным доверием сотрудников, имея к тому же возможность встречаться с иностранцами, посещающими Советский Союз в составе всевозможных научных и культурных делегаций, пытался вступить в контакт с американской разведслужбой...»

В ходе рутинной процедуры разбирательства дела из вопросов к обвиняемым и их ответов присутствующим в зале суда стало известно о передаче Пеньковским на Запад секретных материалов, о тайниках, которыми он пользовался, о его контактах со связными иностранных спецслужб, о частотах радиосвязи и условных кодах. На всеобщее обозрение было выставлено шифровальное устройство, найденное на квартире Пеньковского.

Время от времени обвиняемые пытались оспорить некоторые факты из их шпионской деятельности, но делали они это очень робко. К чести Пеньковского надо отметить, что он настойчиво повторял на суде: «Винн не имел ни малейшего представления о мате-

риалах, которые он перевозил на Запад». Нескольких часов разбирательства оказалось достаточно, чтобы стало ясно: Пеньковский передавал на Запад очень ценные сведения. Представители иностранных средств массовой информации также присутствовали на заседаниях суда. Как сообщали они в своих репортажах, свидетельств того, что обвиняемые находились под воздействием психотропных средств или против них применялись меры физического воздействия, не было обнаружено.

Решившись на открытый суд, КГБ тем не менее позаботился о том, чтобы сдержать поток информации из зала суда. Винн в своих мемуарах пишет, что во время процесса московская милиция перекрыла движение на нескольких улицах и направила транспорт прямо под окна здания Верховного суда СССР. Западные представители, присутствовавшие на заседаниях, подтвердили, что из-за шума, доносившегося с улицы, они не могли разобрать, что говорили обвиняемые.

Советские власти опасались, что Винн может отступить от заготовленного сценария, поэтому каждый раз, когда он начинал говорить, его микрофон немедленно отключали. Так что почти все его ответы остались залом не услышанными. Всего один только раз он нарушил обещание, данное сотрудникам КГБ, когда произнес такую фразу: «Ни в моей стране, ни в других странах ни для кого не секрет, что в московских квартирах иностранных дипломатов установлены подслушивающие устройства». (В советских средствах массовой информации эта фраза была представлена так: «Мне также известно, что в московских квартирах иностранных дипломатов очень часто устанавливают подслушивающие устройства».) После такого заявления Винна председатель суда сразу же задал другой вопрос. По окончании этого за-

седания следователи КГБ предупредили англичанина, что если нечто подобное повторится, то у него будут серьезные неприятности.

Что касалось улик против обвиняемых, то с ними у стороны обвинения никаких проблем не было, и генерал Горный мог быть удовлетворен ходом судебного процесса: вина подсудимых была полностью доказана, и он, потребовав для них сурового наказания, за рамки правового поля не вышел. Улик, свидетельствовавших о том, что Пеньковский и Винн занимались шпионской деятельностью, было собрано предостаточно. Особенно против советского полковника. У него на квартире в ящике письменного стола чекисты обнаружили отснятые фотопленки, инструкции, поступавшие от сотрудников иностранных разведок, пишущая машинка под номером 213956, на которой, как установили эксперты, и были напечатаны хранившиеся там же секретные сообщения.

Как было заявлено на суде, материалы, подготовленные для передачи иностранному связному, являлись достаточно веским доказательством вины Пеньковского.

«При обыске на квартире Пеньковского помимо уже упомянутых телефонов сотрудников иностранных разведок, шести почтовых открыток с уже написанным текстом, подготовленного донесения и катушек с отснятыми фотопленками в тайнике его стола было найдено следующее: фальшивый паспорт, шесть шифровальных трафаретов, три фотоаппарата «Минокс», два листа специально обработанной бумаги для тайнописи, памятка с указанием радиочастот, на которых передавались ему инструкции из-за границы, набросок его отчета иностранным разведкам, статья, полученная с Запада, которую он намеревался опубликовать в Советском Союзе, шестнадцать катушек пленки

к аппарату «Минокс» и инструкции по его использованию, а также по шифровке и дешифровке радиосообщений, приему радиопередач из штаб-квартиры иностранной разведки и по тайниковой связи».

«Кроме того, при обыске квартиры Пеньковского были изъяты и приобщены к делу в качестве неопровержимых улик радиоприемник фирмы «Сони», переданный ему сотрудниками иностранных разведок для приема зашифрованных сообщений, и пишущая машинка, на которой он печатал свои донесения».

Ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что сотрудники британской и американской спецслужб поддерживали постоянную связь с Пеньковским. При допросе в суде подсудимый рассказал об этом с мельчайшими подробностями. На последнем заседании генерал Горный, подводя итоги показаниям Пеньковского, сказал следующее:

«В Париже Пеньковскому сообщили о московском тайнике американской спецслужбы, который находился в подъезде дома 5/6 по Пушкинской улице, и о том, как им пользоваться: перед тем как заложить в него секретные донесения, он должен был оставить на фонарном столбе номер 35 Кутузовского проспекта отметку черного цвета, дважды набрать номера телефонов Г3-26-87 и Г3-26-94 и, услышав ответ, сразу же положить трубку. Это означало, что тайник загружен. По одному из телефонных номеров Пеньковский должен был услышать пароль «Джоунс», а по другому — «Девисон». Спустя некоторое время его предупредили, что пароль «Джоунс» будет заменен на «Монтгомери».

«По тем же телефонам Пеньковскому следовало звонить и в случае непредвиденных обстоятельств. Оставив пометку на фонарном столбе, он должен был позвонить по названным выше номерам и, услышав ответ абонента, трижды дунуть в трубку».

«Эти инструкции Пеньковский записал на листке бумаги, который при аресте был у него отобран и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства его вины» (том дела 8, пункт 110).

«Уважаемые члены суда, можно открыть телефонный справочник и легко убедиться, что телефонный аппарат с номером Г3-26-94 установлен на квартире помощника военно-воздушного атташе США Алексиса Девисона, а Г3-26-87 — в квартире второго секретаря американского посольства Вильяма Джоунса, работавшего в Москве до февраля 1962 года».

«Мне могут возразить: наличие у Пеньковского телефонов иностранных дипломатов не является доказательством того, что обвиняемый поддерживал с этими лицами преступные связи, поскольку в его прямые служебные обязанности входило общение с иностранцами и посещение дипломатических приемов. Так что знать домашние номера телефонов дипломатов труда для него не представляло».

«Следствие предусмотрело возможность таких возражений. К выводу о причастности указанных сотрудников американского посольства к шпионажу против СССР оно пришло не только на основании показаний обвиняемого, но и в результате установленного за ними наблюдения».

«Наблюдение за американскими дипломатами было установлено в ноябре 1962 года на основании статьи 183 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. В результате было зафиксировано посещение ими тайника, которым пользовался Пеньковский. Также установлено, что через тридцать минут после звонка Пеньковского помощник военно-воздушного атташе США Девисон проехал на машине мимо фонарного столба номер 35 на Кутузовском проспекте. Спустя некоторое время сотрудник аме-

риканского посольства Ричард Джекобс был замечен у тайника на Пушкинской улице».

«Признания Пеньковского, материалы, конфискованные у него при аресте, и наблюдения за американскими дипломатами дают неопровержимые доказательства их причастности к шпионажу против СССР. Шпионский характер их деятельности установлен, и его невозможно опровергнуть».

«Более того, в соответствии с советским законодательством о показаниях обвиняемого, у нас есть все основания доверять заявлению Пеньковского о том, что помимо указанных выше телефонных номеров ему сообщили еще и третий номер, К4-89-73, по которому следовало звонить в 21.10, и только по понедельникам. Дважды набрав этот номер, Пеньковский должен был трижды дунуть в микрофон, а затем повесить трубку. Это означало, что можно идти к тайнику. Телефон К4-89-73 установлен в квартире, где до июня 1962 года проживал помощник военно-морского атташе Великобритании, а с июня 1962 года по март 1963-го — сотрудник того же посольства Айвор Расселл».

«Как стало известно, по возвращении из Парижа Пеньковский 17 октября 1961 года позвонил по телефону Г3-13-58 и, трижды дунув в микрофон, повесил трубку. Это означало, что он благополучно вернулся в Москву. Номер Г3-13-58 принадлежал сотруднице британского посольства Фелисите Стюарт, которая в октябре 1961 года еще работала в Москве».

«Следуя инструкциям своих зарубежных боссов, Пеньковский в различных частях Москвы подбирал места для резервных тайников. Для этих целей он намеревался использовать даже могилу Сергея Есенина на Ваганьковском кладбище».

«В июле 1961 года в Москву с заданием от британской разведки прилетел Винн. Он был принят в

британском посольстве и передал им адресованные Пеньковскому инструкции, открытки с заранее заготовленной надписью, 3000 рублей наличными и статью одного американского разведчика, которую Пеньковский хотел опубликовать в советской прессе, с целью афиширования его имени».

«Винн также привез Пеньковскому фотографии людей, с которыми тому предстояло выходить на связь. Среди них оказались Родни Карлсон, атташе американского посольства в Москве, и супруга второго секретаря британского посольства Гервеза Коуэлла — Памела Коуэлл. Карлсона Пеньковский должен был узнать по булавке с камнями красного цвета на галстуке».

«Шпионские материалы Памеле Коуэлл Пеньковский должен был оставлять в банке от порошка «Харпик» с двойным дном».

«Напомню, какие манипуляции следовало проделывать с этой банкой. Сначала Чизолм продемонстрировала это Винну. Она повертела ее в руках — банка как банка; Винн молча наблюдал за манипуляциями Чизолм. Затем она сняла донышко банки и вынула из него содержимое, а Винн внимательно следил, чтобы все это потом продемонстрировать в гостинице «Украина» Пеньковскому».

«На встречах с Винном в Москве Пеньковский сумел передать ему различные шпионские материалы».

«На почтовых открытках с видами Москвы, которые привез Пеньковскому Винн, был написан зашифрованный английский текст и адреса. Отправляя их, Пеньковский извещал иностранные спецслужбы о тех или иных изменениях в его деятельности».

«Если он менял место работы, то должен был отправить открытку с видом на Котельническую набережную миссис Н. Никсон, Беркс, Англия, с таким

текстом: «Приятно провожу время и даже обнаружил, что мне стала нравиться водка. Москва выглядит именно так, как изображена на этой открытке. Видели бы вы, какие широкие здесь улицы! По возвращении расскажу о Москве в мельчайших подробностях. С любовью — *Дик*».

«Пеньковский успел послать всего одну такую открытку, остальные, найденные у него в рабочем столе, лежат перед вами. Все это время его мучил страх. Он трусливо оглядывался по сторонам и постоянно холодел от страха, потому что прекрасно сознавал, что петля на его шее постепенно стягивается и что конец его шпионской деятельности уже близок».

«4 июля 1962 года на приеме в американском посольстве по случаю Дня независимости США Пеньковский познакомился с Карлсоном, а в августе на приеме у Хорбелли передал ему семь отснятых фотопленок с секретными материалами и сведения об одной из советских ракет. На той же встрече он получил от Карлсона фальшивый советский паспорт, которым ему предстояло воспользоваться при переходе на нелегальное положение, а также письмо от иностранных спецслужб с требованием собрать информацию о состоянии обороны столицы нашей Родины и о войсках Московского военного округа».

Такой характер задания мог бы составить честь даже Джеймсу Бонду. Надо заметить, что агент 007, в отличие от Пеньковского, не испытывал трудностей в установлении контактов со своими связными. Гневно клеймя иностранных дипломатов за «бесцеремонное попрание норм международного права», генерал Горный явно забывал о тех нарушениях норм международного права, которые допускают советские дипломаты, считающие, что их собственная шпионская деятельность за границей является неотъемле-

мой частью их работы. Тем не менее можно было предположить, что после ареста Пеньковского связанные с ним иностранные дипломаты непременно будут выдворены из страны. Обвиняя западные спецслужбы в шпионаже против Советского Союза, прокурор заявил следующее:

«Главенствующая роль в этом принадлежит Центральному разведывательному управлению Соединенных Штатов Америки, которое активно поддерживает действия самых реакционных кругов американского общества. Оно подобно гигантскому спруту, простершему свои щупальца до самых отдаленных уголков земного шара. ЦРУ постоянно инспирирует заговоры и убийства, провокации и диверсии. Для этого оно использует новейшие технические достижения, от миниатюрных фотоаппаратов «Минокс», которые здесь представлены, до космических спутников, этих «шпионов в небе».

«Британская разведка, существующая почти триста лет, в своих методах работы не менее изощренна и коварна, нежели ЦРУ, но она предпочитает по возможности оставаться в тени. В подрывной деятельности против СССР эти иностранные спецслужбы преследуют общие интересы и, как видно из материалов настоящего судебного процесса, тщательно координируют свои действия. Однако это отнюдь не исключает существующие между ними противоречия и не мешает им бороться друг с другом».

Но вынесения только обвинительного приговора стороне обвинения было недостаточно. Советская система правосудия, в отличие от западной, еще настолько несовершенна, что не допускает, чтобы подсудимый, защищаясь, мог с помощью адвоката объяснить мотивы своего поступка. Изменники родины на Западе, такие, как Клаус Фукс или Юлиус Розенберг, могли открыто выражать на суде свое недоволь-

ство порядками, существующими в их стране. Даже профессиональный советский разведчик Рудольф Абель мог рассчитывать на помощь опытнейшего американского адвоката, который поклялся сделать все от него зависящее, чтобы защитить его. Однако в советском суде Олег Пеньковский был обязан просто признать себя виновным и покаяться. Поскольку советская система не допускает открытого противостояния правящей в стране партии, суд над Пеньковским считался бы успешным, если бы он признал свою вину с позиций коммуниста и высокопоставленного чиновника. Нельзя, чтобы он выглядел просто нарушителем закона. Ибо с точки зрения марксистско-ленинской идеологии только серьезные изъяны в морали могли привести советского гражданина к измене Родине. Пеньковскому предстояло пополнить зловещую армию «грабителей, диверсантов, убийц и шпионов». Именно так на процессах тридцать восьмого года квалифицировал обвиняемых Андрей Вышинский.

Короче говоря, суд над Пеньковским проводился не для того, чтобы установить его виновность, а главным образом в пропагандистских целях. Мы должны отчетливо понимать, что советские судебные власти в процессе над Пеньковским акцентировали внимание на «аморальности» его поступка, тогда как сами не демонстрировали соблюдения элементарных норм юриспруденции и морали[1]. Для системы, чьи идеологические основы становились все более шаткими, суд над Пеньковским должен был послужить неким цементирующим средством.

---

[1] В известном учебнике «Коммунистическая мораль» (Москва: Молодая гвардия, 1963) говорится: «Преданность коммунизму — это дела, направленные на строительство коммунистического общества. Это моральный принцип наших людей. О морали человека мы судим по тому, способствуют ли его поступки делу построения коммунизма».

Все силы на судебном процессе были брошены на то, чтобы выставить Пеньковского человеком глубоко аморальным. Именно здесь у властей и возникли наибольшие трудности.

Дело в том, что обвинители на процессе не смогли толком представить Пеньковского. Ни одно из его служебных удостоверений на суде не фигурировало. Обнародование данных о его официальном месте работы, занимаемой должности и обязанностях бросило бы тень на такое солидное государственное учреждение, каким являлся Комитет по координации научно-исследовательских работ. Таким образом, Пеньковский предстал на суде как «полковник запаса». О том, что он являлся сотрудником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР и что с 1949 года его деятельность была связана с разведкой, естественно, тоже умолчали. Представителей же ГРУ, выступавших на процессе в качестве «экспертов», представили офицерами из Министерства обороны.

Касаясь знакомств Пеньковского, суд проявлял предельную осторожность. Как следует из его «Записок», Пеньковский постоянно вращался в военных сферах, среди генералов и полковников, занимавших высокое положение и близких ему по духу. Однако на суде было сказано, что подсудимый буквально не вылезал из московских кабаре (как будто бы такие реально существовали) и дорогих ресторанов. О Пеньковском газета «Известия» в номере от 10 мая 1963 года писала так: «Это был канцелярский служака, чьи контакты и знакомства не выходили за рамки узкого круга ресторанных завсегдатаев, пьяниц и бабников». В качестве свидетелей были вызваны только двое, якобы хорошо знавшие Пеньковского. Ими оказались И.П. Рудовский и В.Я. Финкельштейн. Финкельштейна представили как «директора магазина прикладного искусства», а

Рудовского — просто переводчиком и владельцем автомашины[1].

Обвинитель старался представить Пеньковского банальным прожигателем жизни, который все свое время проводил в развлечениях. В своем тщательно отрепетированном выступлении он, надеясь на снисходительность суда, покаялся в дурных наклонностях и моральном разложении, явившихся следствием ежедневного употребления алкогольных напитков и неудовлетворенности своим служебным положением, что и привело его в конечном итоге к измене Родине: он оказался на краю пропасти и не удержался. «Тщеславие, уязвленное самолюбие, неудовлетворенность работой и жажда легкой жизни сделали меня преступником... Моральные качества и полное разложение... Я признаю это».

Финкельштейну и Рудовскому в основном задавали вопросы, касавшиеся «беспутной жизни» Пеньковского. Вот один из ярких примеров допроса свидетелей.

«О б в и н и т е л ь: Свидетель Рудовский, скажите, пожалуйста, были ли у вас вечеринки, на которых Пеньковский пил вино из туфли своей любовницы?

С в и д е т е л ь Р у д о в с к и й: Однажды мы с Пеньковским отправились в ресторан «Поплавок» в Парке культуры, отметить день рождения его подруги. Я был один и из женской туфли не пил. Не знаю, хотел ли таким образом Пеньковский доказать подруге свою любовь или это так принято на Западе, но он снял с ее ноги туфель, налил в него вина и выпил».

---

[1] Примечательно, что оба «друга» подсудимого носили еврейские фамилии. Выбор их в качестве свидетелей не был случайным — делу Пеньковского хотели придать легкий антисемитский оттенок. Появление в прессе таких фамилий, как Рудовский и Финкельштейн, смогло создать впечатление, что и Пеньковский тоже еврей.

Все это, конечно, выглядело весьма эксцентрично и очень подозрительно. Обвинение Пеньковского в том, что он пил шампанское из женской туфли, прежде всего свидетельствовало о богатом воображении следователей из КГБ. Однако этот поступок Пеньковского едва ли можно назвать антигосударственной акцией.

Несмотря на попытки суда представить обвиняемого в сугубо черном свете, свидетели порой невольно подтверждали то, что сам Пеньковский писал о себе в «Записках». Они говорили о его характере то, что нам уже известно. По словам Финкельштейна, «Пеньковский всегда был напряжен, возбужден, полон самомнения и всегда спешил. Он всегда высказывал собственное мнение по тому или иному вопросу и резко реагировал, если с ним не соглашались. Он был пунктуален даже в мелочах и очень настойчив в достижении цели. Любил порисоваться, и в этом просматривалась некая наигранность».

А вот еще одна выдержка из показаний того же свидетеля: «Как правило, инициатором наших встреч был сам Пеньковский. Встречались мы с ним где-нибудь в городе. Обычно он звонил мне и называл место встречи — либо в ресторане, либо где-нибудь еще. Как правило, сидя в кафе или ужиная в ресторане, Пеньковский предлагал выпить по бокалу шампанского. Если мы обедали, то он всегда старался сам оплатить счет. Даже если мы заранее договаривались с ним о гамбургском счете, то есть каждый платит за себя, он швырял деньги на стол и полностью оплачивал наш ужин, объясняя это тем, что зарабатывает больше нас и что для него потратить лишнюю десятку или двадцатку ничего не стоит».

Обвинение также лезло из кожи, чтобы представить Пеньковского человеком малокультурным. Тот

же Финкельштейн заявил в суде следующее: «Театралом Пеньковский не был. Казалось бы, человек с высшим образованием должен интересоваться театральными постановками, кино, художественными выставками и т. д. Насколько мне известно, Пеньковский даже литературой не увлекался, хотя книги покупал. Мне кажется, что книг он не читал, а если и читал, то только бестселлеры. Сам же я книги люблю и часто их покупаю. Все интересы Пеньковского замыкаются на его работе, о которой мне, честно говоря, мало что известно. Безразличие Пеньковского ко всему, что должно интересовать интеллигентного человека, я объясняю его чрезмерной загруженностью на работе».

Умолчание о характере своей работы характеризовало Пеньковского отнюдь не как болтуна, а скорее наоборот — как осторожного в разговорах сотрудника разведки. Отсутствие же интереса к театру вовсе не могло служить позорным клеймом для профессионального военного, чьим хобби было изобретательство. Следователи КГБ даже не понимали, что показания тщательно подобранных ими свидетелей производили обратный эффект, делали личность Пеньковского весьма привлекательной.

Вторая основная проблема, с которой столкнулись власти на процессе, заключалась в том, чтобы не раскрыть суть информации, переданной Пеньковским на Запад. Обвинитель Горный заявил, что она «на девяносто процентов касалась вопросов экономики», поскольку подсудимый — якобы офицер, уволенный в запас, — долгое время работал в гражданском секторе народного хозяйства. И здесь вновь возникала неувязка. Из обвинения следовало, что материалы, которые советский полковник передавал иностранным спецслужбам, касались одной из последних моделей советских ракет, Московско-

го военного округа, государственных и военных тайн, двух специальных выпусков военного журнала... Эти и другие факты постоянно упоминались в речи прокурора.

И вновь обвинение оказалось в очень сложной ситуации. Генералу Горному хотелось особо подчеркнуть тяжесть совершенного Пеньковским преступления, но он не мог сообщить на суде, какие действительно важные сведения передал он на Запад. Не мог он объяснить и того, как простой офицер запаса смог получить доступ к материалам, составлявшим государственную тайну. Как и следовало ожидать, соображения безопасности одержали верх — сообщение о характере сведений, которые Пеньковский пересылал иностранным спецслужбам, а также вынесение ему приговора происходили при закрытых дверях.

Даже после суда главный обвинитель Горный счел необходимым сделать газете «Известия» следующее заявление:

«По окончании суда у некоторых наших граждан сложилось впечатление, будто Пеньковский передал врагу почти все секреты, касающиеся нашей военной техники и обороноспособности Советского Союза. Однако оснований для подобных опасений нет. Пеньковский по своему служебному положению был слишком далек от информации, касающейся вооружения наших войск, мест их дислокации и новых видов вооружения. Иностранным спецслужбам он сумел передать лишь некоторые отчеты наших технических специалистов, выезжавших за рубеж, разрозненные данные военного характера, которые ему удалось выведать у своих болтливых друзей и почерпнуть из засекреченных изданий. И еще он посылал на Запад информацию о внутриполитическом положении страны».

В еще более трудной ситуации оказалось обвинение, когда попыталось на суде сформулировать мотивы преступления советского полковника. С Винном все было предельно ясно: он — англичанин и действовал в интересах своей страны. Как ни старались советские власти, Винн оказался мужественным человеком и от своей родины не отрекся. Единственно, что им удалось, так это выставить его на суде этаким слабовольным человеком, который под давлением разведслужбы своей страны согласился выполнять для нее «грязные задания».

Проблему же с Пеньковским советский суд решить не смог. С одной стороны, невозможно признать тот факт, что подсудимый был исключительно компетентным специалистом, членом партии, не имевшим ни одного нарекания, и отличным работником. Самым худшим свойством его натуры можно было бы назвать карьеризм. Суд не мог найти логического объяснения одному: как Пеньковский, столь преуспевший в этой системе, смог предать ее.

Вот что говорит обвинитель А.Г. Горный: «Со стороны Пеньковский выглядит прекрасным работником. Он быстро поднимался по служебной лестнице, но по мере того, как все более отчетливо проявлялись его скрытые наклонности, он все меньше и меньше интересовался делами государства и общества, считая приоритетными для себя вопросы собственной карьеры и желание красиво жить...»

А вот как А.В. Апраксин, адвокат, назначенный «защитником» Пеньковского, характеризует своего подзащитного: «За короткий период времени он прошел путь от курсанта артиллерийского училища до полковника и стал командиром противотанкового полка. За боевые заслуги он награжден многими орденами и медалями. Меня особенно поражают легкость и блеск военной карьеры Пеньковского...

Война закончилась, и Пеньковский вновь берется за учебу. За послевоенный период благодаря своим способностям, любви к работе и настойчивости — а всего этого у него отнять нельзя — он смог окончить два высших учебных заведения. Затем, расставшись с армией, он нашел свое место и на гражданке. В Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ, где последнее время работал Пеньковский, он занимал руководящую должность и имел достаточно широкие полномочия...»

Таким образом были подтверждены прошлые заслуги Пеньковского: герой войны, блестящий офицер и ответственный работник солидного госучреждения. А если бы кто-нибудь решился рассказать, что он еще и сотрудник ГРУ, и зачитать благодарности, значащиеся в его личном деле, то восторгу присутствующих не было бы конца. Но тут в 1960 году с ним произошло то, чего от него никак не ожидали. Вопреки всем попыткам обвинителя проследить жизненный путь советского офицера и объяснить его падение карьеристскими устремлениями, поступок Пеньковского оставался все таким же неожиданным, как первородный грех, и совсем уж непонятным. Непонятным оставалось, почему этот трудолюбивый, способный и занимавший высокую должность советский служащий вдруг, как, суммируя сказанное о Пеньковском, заявил на суде генерал Горный, «морально разложился и встал на путь предательства».

Каким будет приговор в отношении Пеньковского, легко можно было догадаться. Спустя несколько дней после окончания суда генерал Горный сообщил корреспонденту газеты «Известия»: «Пеньковский мертв. Приговор приведен в исполнение 16 мая во второй половине дня... Когда ему сообщили, что Верховный Совет СССР отклонил его просьбу о помиловании, и он будет расстрелян, от прежнего позера

Пеньковского не осталось и следа. Смерть он принял как презренный трус...»

Затем генерал Горный сообщил, что уже вышли из печати материалы судебного процесса над Пеньковским общим тиражом сто тысяч экземпляров, которые будут разосланы по всему Советскому Союзу.

Если бы нечто подобное произошло на Западе, то вряд ли судебные органы стали бы фабриковать ложные мотивы преступления, совершенного подсудимым. В случае с Пеньковским на суде из него непременно вытянули бы причины его отступничества, о которых он писал в своих «Записках»: недовольство советской системой, Хрущевым и его внешней и внутренней политикой СССР, угроза ядерной войны, восторженное отношение к западным свободам, растущая неприязнь к коммунизму. Все это усугублялось высокомерием и амбициозностью самого Пеньковского, человека исключительно сложного и противоречивого. Но мог ли режим, считавший себя непогрешимым, допустить, чтобы эти истинные мотивы поведения Пеньковского были озвучены в суде? Конечно же нет. Безусловно, перед тем как решиться на открытый судебный процесс, с обвиняемого взяли клятву, что он не станет выступать с обвинениями в адрес существующего строя.

Так или иначе, все, о чем должен был говорить на суде Пеньковский, следователями из КГБ было тщательно продумано, и товарищи Горный (обвинитель) и Апраксин (защитник) действовали строго по их сценарию.

Горный:

«Рассматривая это дело, неизбежно возникает вопрос: как могло случиться, что такой человек, как Пеньковский, который родился, воспитывался и

учился в годы советской власти, смог полностью лишиться моральных принципов советского человека, потерять стыд, совесть, элементарное чувство ответственности и в итоге совершить столь тяжкое преступление?

На этот вопрос частично ответил на суде сам Пеньковский, когда сказал, что на скамью подсудимых его привели зависть, тщеславие, жажда легкой жизни, распутство и пристрастие к алкоголю. Все это, по признанию самого подсудимого, способствовало его моральному падению и в конечном итоге толкнуло на путь предательства...

Карьеризм, эгоизм и честолюбие у Пеньковского стали проявляться уже давно. Преследуя свои корыстные интересы, он заводил знакомства среди высокопоставленных лиц, имевших влияние в обществе, всячески угождал им, лебезил перед ними и очень гордился их покровительством.

Пеньковский прожигал жизнь в ресторанах, где пил вино из туфель своих любовниц, чему научился в ночных клубах Лондона и Парижа, куда водил его Винн, знакомя с «прелестями» западной культуры.

Несмотря на то что он получал от государства высокую зарплату и имел сбережения в банке, жажда обогащения в нем не угасала. Он постоянно рвался в зарубежные командировки. Строго говоря, его неудовлетворенность работой объяснялось тем, что ему не предлагали поработать за границей.

Конечно же таких аморальных типов, как Пеньковский, которые ничего, кроме презрения, к советским людям не испытывают, в нашем обществе становится все меньше и меньше. Однако случай с Пеньковским выявил ту опасность, которая таится в пережитках прошлого, воскрешаемых чуждой нам идеологией, и отчетливо продемонстрировал, к чему это может привести, если не принять решительных мер».

Апраксин:

«Что же на самом деле привело Пеньковского в лагерь агентов британских и американских спецслужб?

Разница во взглядах относительно пути дальнейшего развития нашего общества? Иные политические убеждения? Несогласие с курсом на построение коммунистического общества, проводимым нашей партией и правительством? А может, ненависть к своему народу?

Нет, я думаю, что это все здесь ни при чем. Преступления по политическим мотивам в нашей стране уже давно никто не совершает. Когда на предварительных допросах и в здании суда его, Пеньковского, спросили об этом, он ответил: «У меня к советской власти никаких политических претензий нет» (том 3, папка 25).

...Такие мотивы преступления, совершенного Пеньковским, не существовали и существовать не могли, поскольку никаких оснований для их появления у подсудимого не было.

Таким образом, мы можем смело утверждать, что Пеньковский пошел на преступление не из-за своих политических убеждений, а из чисто карьеристских побуждений и жажды накопительства. Ему хотелось больше того, что он уже имел. Для этих целей он научился льстить и угождать тем, от кого зависело его продвижение по служебной лестнице. В конце концов у него от успехов вскружилась голова.

Как ни печально, но Пеньковский, желая продвинуться по службе, больше надежд возлагал на подношения нужным ему людям разного рода сувениров, брелоков, браслетов, французского коньяка, а также на телефонные звонки из-за рубежа, а не на безупречную и бескорыстную работу на благо своей Родины.

Со временем его взгляды на жизнь и социальные интересы изменились. В итоге он поменял и друзей.

Однако в окружении Пеньковского оказался человек, который заметил произошедшие с ним изменения. Это была его жена. В ходе предварительного расследования дела мужа она дала такие показания:

«За последние годы он стал очень нервным и настороженным. По своей природе Пеньковский был тщеславным, обидчивым и склонным к разного рода авантюрам. С годами негативные черты его характера стали проявляться все больше и больше, благодаря непрестанному возвеличиванию его достижений родственниками, друзьями и сослуживцами. Проблем ни в жизни, ни на работе у него не было, с какими-либо серьезными трудностями он никогда не сталкивался» (том 4, папки 152—158).

Западный читатель этой книги может решить, что главное объяснение поступку Пеньковского-«мещанина» кроется в том, что его отец был офицером Белой армии. Пеньковский наверняка помнил, что он сын белогвардейца, и то, что советская власть преследовала таких людей, как его отец, и их родственников, могло явиться основной причиной его поступка. «Вот перед вами сын белогвардейца, закоренелого врага народа. Памятуя об отце, который сражался против революции, он с самого начала решил тайно вредить нашему социалистическому обществу...» — так и слышим мы в пафосной речи обвинителей Пеньковского. Однако здесь невольно возникают вопросы: «Как могло случиться, что сотрудники из КГБ и ГРУ допустили, чтобы человек с таким «черным пятном» в биографии достиг в советском обществе столь высокого положения? Почему они раньше не занялись выяснением происхождения полковника? Что же произошло с их системой тотальной проверки?»

Ответа на эти вопросы от них самих, естественно, не дождаться. Им проще было выставить Пеньковского человеком алчным и погрязшим в распутстве.

На судебном процессе в качестве доказательства жадности подсудимого были упомянуты 3000 рублей, которые он получил от Винна (более трети суммы Пеньковский вернул англичанину), и устойчивый доход в случае, если тому удастся сбежать на Запад. Если это могло служить показателем алчности Пеньковского, то с очень большими оговорками.

Что же касается его распущенности, то единственным доказательством тому служили несколько встреч Пеньковского с некоей женщиной по имени Галина в компании господ Финкельштейна и Рудовского, которые и засвидетельствовали, что подсудимый пил шампанское из ее туфли. Однако сам факт существования некой Галины до сих пор остается под большим вопросом.

Безусловно, власти не могли допустить, чтобы на суде прозвучала истинная причина измены Пеньковского — недовольство существующим в стране режимом. В его поступке отразилась боль советского народа, утратившего веру в руководство страны. Он действовал один и помощников себе не искал. Многие до него в одиночку уже бросали вызов властям, а Пеньковский, восстав, стал бороться с ними доступными ему средствами. Так что ничего необычного в том, что он решился работать на иностранные спецслужбы, не было.

Нельзя сказать, что он поступил разумно. Он был фанатиком, злым, доведенным до отчаяния человеком. Конечно, Пеньковский был тщеславным и слишком самоуверенным, полагая, что его шпионская деятельность останется незамеченной. Вряд ли он думал о том, какой огромной опасности подвергает свою семью, которую очень любил и уже думал о том, как вывезти ее за границу.

Жив ли Пеньковский? Это неизвестно. Может быть, и жив. Во всяком случае, Гревилл Винн в сво-

их воспоминаниях на основании последовавших после суда допросов утверждает, что такое очень даже возможно. Во всяком случае, обвинитель Горный, заявивший на пресс-конференции 16 мая, что приговор суда в отношении Пеньковского был приведен в исполнение, впоследствии имел неприятности.

Если сотрудники КГБ хотели досконально проверить, какие конкретные материалы сумел передать Пеньковский британской и американской разведкам, то в их интересах было сохранить ему жизнь. Желая получить такую информацию, советские власти вряд ли решились бы сразу казнить Пеньковского. Если он все же жив, то можно легко себе представить его нынешнее состояние. Ясно, что в его немедленной казни заинтересованы только те, чьи непосредственные секреты он выдал.

Был ли Пеньковский всецело предан Западу? Судя по тому, что и как он писал в своих донесениях, можно ответить утвердительно. Здесь вновь следует подчеркнуть, что еще ни один суд над изменником Родины, ни до, ни после Пеньковского, не вызывал столько шума и не имел для властей таких тяжелых последствий.

Возможно, что Пеньковский явился одним из многих высокопоставленных офицеров Советской Армии, которые, пусть и не в такой степени, как он, выражали свое несогласие с режимом. Как сказал Гревилл Винн: «Он был только верхушкой айсберга», и информация, содержавшаяся в донесениях Пеньковского, это наглядно подтверждает. Нет сомнений в том, что Хрущев своим культом личности восстановил против себя многих в Советском Союзе. Культ личности и явился главной причиной, по которой два года спустя Хрущева сместили со всех постов в государстве. В этом закрытом обществе подавлялись личные свободы, любая творчес-

кая инициатива. Как следует из донесений Пеньковского, мотивы перехода к более свободному обществу у советских людей самые разные, но главное, что они реально существуют. И все, о чем писал Пеньковский в 1961 году, актуально и в году 1965-м.

Решение Олега Пеньковского перейти на службу к иностранным разведкам было вызвано недовольством советской системой, а его поездки на Запад только ускорили принятие такого решения. Открытое общество буквально поразило Пеньковского, и ему хотелось, чтобы и его народ имел те же свободы, что и на Западе.

В любом случае, со всех точек зрения человеком он был неординарным.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

Совет Министров СССР

Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ

Центральный Комитет КПСС

Председатель: Константин Николаевич Руднев
Заместители: Александр Михайлович Самарин
Г.Г. Гоциридзе
Г.В. Алексенко

Партийный комитет
Секретарь: Сергей Андреевич Чупров

Профсоюзный комитет

Комитет комсомола

Управление внешних сношений

Административное управление

Управление по сотрудничеству с социалистическими странами

Управление научно-технической информации и пропаганды

Комитет по работе с международными поставщиками энергоресурсов

Управление по координации работ Академии наук СССР, академий наук союзных республик и высших учебных заведений

Управление учета и учебы кадров

Управление материально-технического обеспечения

Финансовое управление

Управление топливной индустрии

Управление легкой и пищевой промышленности

Управление снабжения

Управление энергетики, электротехники, приборостроения и средств связи

Управление деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности

Научные советы по проблемным вопросам

Общее управление по науке и экономике

Комиссия по редкоземельным металлам

Управление химии

Управление металлургии

Управление машиностроения

Управление транспорта

УПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ (В КОТОРОМ РАБОТАЛ ПЕНЬКОВСКИЙ) ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

(Пеньковский, приводя фамилии начальников, указывает на их принадлежность к советской разведке)

Начальник: Джермен Михайлович Гвишиани
Заместители: Евгений Ильич Левин, КГБ
Виктор Николаевич Андрианов, ГРУ

Отдел по связям с зарубежными странами

Начальник: Борис Георгиевич Лопатенко, КГБ
Заместитель: Денис Николаевич Поляков, ГРУ

Иностранный отдел

Начальник: Михаил Федорович Качалов, КГБ
Заместитель: Олег Владимирович Пеньковский, ГРУ

Отдел по науке и технике зарубежных стран
Начальник: Иннокентий Григорьевич Фофанов
Заместитель: Николай Андреевич Васильев

Олег Владимирович Пеньковский

ЗАПИСКИ ИЗ ТАЙНИКА

Ответственный редактор *О.И. Лемехов*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Корректоры *О.А. Левина, Е.Ю. Биткова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.04.2000
Формат 84x108[1]/32. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 20,56 + 1 альбом = 21,46
Тираж 10 000 экз. Заказ № 760

ЗАО "Издательство "Центрполиграф"
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ГУП Издательско-полиграфический
комплекс "Ульяновский Дом печати"
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Для Вас, поклонники издательства «Центрполиграф»!

РАБОТАЕТ
ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА

*К Вашим услугам более **700** наименований книг. Широко представлены: классика зарубежного и российского детектива, исторические и современные любовные романы, научная фантастика, фантастические боевики, фэнтези, приключения, вестерны, книги по кинологии, филателистические каталоги, детская и юношеская литература, книги по кулинарии, любовная астрология, документально-криминальная хроника, история секретных служб, биографии полководцев, книги о мастерах театра, кино и эстрады, энциклопедии и словари, песни и тосты.*

ТОЛЬКО В МАГАЗИНЕ

Действительно низкие цены.
Регулярно проводятся распродажи.
Оформление предварительных заказов и оповещение по телефону о поступлении новинок.

Открыт мелкооптовый отдел
тел. 284-49-68

Звоните и приезжайте!

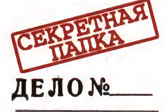
Магазин рабатает 7 дней в неделю
с панедельника па пятницу с 10^{00} до 19^{00}
в субботу с 10^{00} до 17^{00}
в воскресенье с 10^{00} до 14^{00}
без перерывов на обед

Вас ждут па адресу:

Москва, ул. Октябрьская, дом 18;
телефон для справок: 284-49-89

Проезд: м. «Рижская», трол. 18, 42, овт. 84 до ост. «Северная гостиница»
м. «Новослободская», долее 15 мин. пешком
м. «Белорусская», трамв. 19 до ост. «МИИТ»

ДЕЛО №____

ЗАПИСКИ ИЗ ТАЙНИКА

ОЛЕГ ПЕНЬКОВСКИЙ

Когда весной 1963 г. в Москве Олегу Пеньковскому был вынесен смертный приговор, мало кто в Советском Союзе, да и за его пределами, осознавал масштаб деятельности этого человека, который по собственной воле стал сотрудничать с западными разведслужбами. Он не считал себя предателем, поскольку был глубоко убежден, что служит прогрессу человечества.

С апреля 1961 г. до конца 1962 г. Пеньковский снабжал Запад самой оперативной информацией о сокровеннейших политических и военных секретах Советского Союза.

Он сообщал о конструкции новых тактических ракет, местах их базирования, протяженности Берлинской стены, о разведчиках, работающих в посольствах, дефектах последней модели военного вертолета, о размахе волнений в советских промышленных городах и многом другом.

В это время был самый пик напряженности между Хрущевым и Кеннеди, и деятельность Пеньковского стала одной из самых глубоких трещин во взаимоотношениях двух государств.

«Записки» Пеньковского представляют собой очень разноплановое и объемное произведение. Биографические заметки, материалы по структуре советской разведки, комментарии к системе организации связей с агентами, описание деятельности Госкомитета по науке и технике, где он проработал долгое время, критика существующей политической системы страны, обличение деятельности Хрущева и, наконец, просто заметки о реальной жизни советского народа.

Истории полковника Пеньковского так и суждено было бы остаться секретным досье разведывательных и контрразведывательных ведомств трех стран, если бы не его исповедь — поразительный документ, который и составляет основную часть книги.

ISBN 5-227-00732-2

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®